

КСЮША АНГЕЛ

А - ЛИЦУЛКА

ПРОРОЧИЦА

Некоторые люди решительно не желают оставаться в прошлом. Они возвращаются, чтобы разрушить твое настоящее, а может, и будущее.

И вот все, о чем ты мечтала, летит в преисподнюю: беременность прервана, отец ребенка подозревает в измене, а на улицах поджидает убийца.

Хотя на самом деле опасаться нужно не этого, а человека, которого любишь всем сердцем.

Но что если он единственный, кто знает правду о тебе, и единственный, от кого зависит твоя жизнь?

**«А море вспыхнуло в полмира,
Напившись солнца допьяна.
«Не сотвори себе кумира!», —
Твердит устойчиво волна»
В. Райберг**

Пролог

Я готовился убивать.

Место для передышки выбрал спокойное — пригород, степь, невысокая ограда и ни души в радиусе нескольких километров. Духота в машине стояла невыносимая, от нее кружилась голова и путались мысли. От нее и от осознания — я должен это сделать. Здесь и сейчас.

Было по-настоящему страшно, и это сбивало с толку. От страха я отвык. Как и от растерянности.

Пришлось выйти из машины, вдохнуть холодный, пропитанный дождем воздух. Пальцы дернули молнию на куртке. Ладони легли на капот. Холод металла отрезвил, вернул в промозглую реальность. И я еще раз мысленно сказал себе слова, которые заучил, как молитву. В которые поверил.

Так нужно. Чертовски сложно. Опасно. Жестоко. Но другого выхода нет.

Иначе я никогда не избавлюсь от нее...

Она приходила по ночам, во снах. Иногда улыбалась и просила, но чаще требовала, ведь adeпты не смеют противиться приказам госпожи. У меня есть то, что ей нужно — в этом проблема. Такие, как Герда, всегда получают желаемое. А я... я не очень люблю, когда трогают тех, кто мне дорог.

И вот куда меня это привело. Заклинание выучено давно, у меня есть нож, бинты и план. Ставки сделаны, на кону жизнь семьи, моя собственная.

А Полина...

Она выкарабкается — сильная. Иногда кажется, сильнее меня самого. И драться за жизнь умеет, как дикая кошка. Сегодняшний день сотрет с ее лица улыбку. А ведь я еще помню, как она умеет улыбаться. И смеяться — звонко, непосредственно, будто никто не видит. В такие моменты она становится особенно красивой.

Если у меня и есть слабости, то это она. А от слабостей я привык избавляться.

Я медленно сел в машину, скрупулезно проверил, все ли положил в сумку. Откинул голову на сиденье. Закрыв глаза.

Она дышит рядом: уязвимая, слабая, и от этого еще хуже.

Спи, спи, маленькая. Скоро все закончится.

Набрал номер на быстром наборе.

Короткая фраза — еще один ход конем. Шах. И кажется немного странным, что я поставил его своему королю.

На лобовом стекле оставлял полупрозрачные точки мелкий, противный дождь. Ее покровитель. Будто осуждает... Словно уколы совести — эти липкие капли. Хорошо, что

совесть — не одно из моих достоинств.

Сегодняшний день изменит многое. Но главное, он изменит меня.

Я всегда умел адаптироваться — привыкну. До желаемой цели каких-то двести метров. Двести метров, и я получу желаемое. Двести метров — и потеряю единственное, что имеет значение в жизни.

Включил зажигание, надавил на педаль. Мотор тихо зарычал, и машина тронулась. А где-то далеко, я был уверен, завелся другой мотор — того, кто всегда спешит на помощь. Он, как и я, никогда не пасует и не сдаётся.

Он придет, я знал это точно. Только вот...

Успеет ли?

Глава 1. Радостные вести

Глава 1. Радостные вести

В коридоре пахло спиртом и нашатырем. Несмотря на старательно создаваемый владельцами уют, ощущения комфорта не возникало — больница есть больница, и ассоциации с ней весьма определенные.

Я прислонилась к прохладной стене, постаралась успокоиться и унять дрожь в руках. Неужели, все правда, и это не сон?

Мимо ходили пациенты, доктора со стетоскопами, медсестры в белых халатах, а я замерла, пытаюсь осознать. Принять новость.

Беременна.

Это меняло все: быт, дальнейшую жизнь, привычки. Придется научиться ответственности не только за себя. Открыть привычный мирок, впустить незнакомого, но близкого человечка. Расширить границы, так как места окажется мало для нас двоих... троих. Много работать над собой.

В родительстве я мало понимала — помнила смутно в свете вечерней лампы улыбающееся мамино лицо с паутинкой неглубоких морщинок вокруг глаз. Она читала мне редко, больше отец, но когда садилась рядом, я замирала, стараясь впитать ее запах — немного сладковатый, ландышевый, навевающий добрые и сказочные мысли. Потом она закрывала книгу и, поцеловав меня в лоб, удалялась. Такой я и запомнила ее. Неизменно уходящей. В полупрозрачном шлейфе дремы.

Теперь мне самой предстояло стать мамой. Было страшно, но я верила, что все получится, ведь рядом Матвей — любящий и милый.

Милый...

Чего же мне не хватает? Почему мысли все чаще возвращаются в прошлое, давно забытое и похороненное? Я закрыла глаза и покачала головой. Гнать их прочь — эти мысли. Не для того я так долго боролась, чтобы сдать у финиша. Вовсе не хотелось возвращаться назад — прошлое нужно хоронить, а не лелеять.

Эту частную клинику посоветовала Вика. «В таких вопросах важно доверять врачу, — сказала она. — Я хожу к Гуровой уже два года. Все ее хвалят. А деньги... За качество и оплата соответствующая».

Гурова, оказалась обходительной темноволосой женщиной лет тридцати пяти. Улыбнулась, подтверждая мои догадки, и почудилось, пыталась уловить на моем лице отголоски страха или отчаяния.

Наверняка, девятнадцатилетние девушки не всегда радостно воспринимают такие вести. Ребенок перечеркивает многие планы — студенческую жизнь, гулянки до утра с друзьями, мысли о возможной карьере.

Меня ничто из этого не волновало. Весь мой мир заключался в небольшом уютном кафе, где я работала официанткой, и Матвее.

Вернее, заключался с недавнего времени.

Раньше все было не так — я придумала себе бога, поверила в него и исправно молилась. Этот бог не имел ничего общего с мировыми религиями и состоял из плоти и крови. У идола было имя, квартира, работа и статус. А еще была я.

Назначив анализы и сделав пометки в медицинской карте, Гурова попрощалась.

Домой не хотелось. Матвей вернется только в восемь, а сидеть одной с такой вестью казалось кошунством. Подумала позвонить Вике, но не стала — что-то удержало. Возможно, суеверия...

Пока шла по коридору к лестнице, уже обдумывала, как скажу Матвею. Представила карие глаза, полные удивления и радости.

Матвей любил детей. Такие мужчины обычно превращались в примерных мужей и замечательных отцов. Да, он непременно обрадуется. Не раз ведь намекал, что было бы хорошо завести ребенка... когда-нибудь.

Улыбаясь, я толкнула дверь — тяжелую с массивным доводчиком — и вышла на улицу.

В лицо дохнул промозглым ветром февраль. Он в этом году выдался слякотным, полувесенним, и ложно намекал на раннее потепление.

Выходя утром из дома, я опрометчиво надела желтый фетровый пиджак вместо дутой черной куртки с резинкой на талии. Опомнилась уже на улице, но возвращаться не стала — плохая примета. Впрочем, от дома до клиники недалеко, всего несколько остановок.

Нет, все же домой. Приберусь, вещи постираю, заодно подумаю, как сказать Матвею. Я решительно направилась в сторону остановки, а потом увидела его. Близко. Слишком близко — на расстоянии метра. У самой двери. Пятиться было некуда.

Красочная будущность, нарисованная воображением, тут же померкла и сузилась до размеров мячика для гольфа. Как я могла помыслить о счастье, когда бог отверг меня?

Взгляд — всегда прямой и дерзкий — скользнул безразлично, словно его обладатель и не знал меня вовсе, а потом возвратился и остановился на моем лице. Я поежилась от ощущения незащитности, но удивилась, насколько приятным оно было. Словно я вновь оказалась в коконе, который он сплел. Зависимая маленькая девочка.

— Полина? — удивился Влад, пропуская грузную женщину в каракулевой шубе. — Что ты здесь делаешь?

— Была у врача.

Я сказала это и выдохнула. Пульс отдавался в ушах противным стуком, легкие наполнились свинцом, звуки города стихли, уступая место давящей тишине. С Владом всегда так. Шест, пропасть, канат. И я в роли акробата.

— Заболела?

— С чего ты взял? — промямлила я, а потом поняла, насколько глупым был вопрос. — А, больница... Нет, не заболела. Приходила на консультацию. А ты тут по делам?

— Один хороший друг работает в клинике.

Влад оглядел меня с ног до головы и замер. Слегка нахмурился — показалось, удивленно — а через миг вновь стал обычным Владом. Приветливым и отстраненным. В голове возникла шальная мысль: он догадался. Понял. Глупо, конечно. Срок маленький, да и под верхней одеждой ничего не видно.

Но все же стало не по себе, захотелось убежать, укрыться. Спрятаться в двушке, что снимали с Матвеем. Сесть у подоконника возле лелеянных мной фиалок, обнять большого сизого совенка, выпить чаю. Унять дрожь. Сказать себе: «Видишь, и ничего. Ты жива. Все прошло».

Я поежилась: то ли от пронизывающего февральского ветра, то ли от волнения.

Влад посмотрел в глаза, слегка улыбнулся. Поправил рукой взъерошенные ветром светлые волосы. Привычный жест. Слишком привычный...

— Хорошо выглядишь. Работаешь?

— Официанткой в кафе. В следующем году собираюсь поступать в универ. Учиться никогда не поздно.

— Верно.

— А ты как? Как... личная жизнь?

Я тут же пожалела, что спросила. Иногда хотелось придушить себя за неумение думать перед тем, как сказать. Видно было, что Владу неприятен вопрос, но забрать слова обратно я уже не могла.

Неловкость усилилась, хотелось быстрее уйти, но все же часть меня жаждала остаться. Стоять и говорить ни о чем, смотреть на него, вспоминать. Прикосновения, ласки. Счастье...

— Думаю, нам не стоит обсуждать этот вопрос, — пробормотала я смущенно.

На самом деле наша история с Владом проста, как мир. Даже, можно сказать, банальна.

Он старше меня на восемь лет. Такие обычно нравятся женщинам. Уверенные в себе, обеспеченные, насмешливые и бесконечно загадочные. Бессовестно красивые...

В общем, я влюбилась.

Влад никогда не просил. Просто делал то, что ему хотелось, а я подстраивалась. Хотя я не жаловалась — именно эта способность принимать решения нравилась мне до безумия. Другие мужчины, в сравнении с ним казались блеклыми, лишенными индивидуальности и беспросветно скучными.

Когда Влад решил, что мы перешли черту платонических отношений, правила изменились. Он стал настойчивее. Яростнее. Впрочем, на тот момент я уже сама хотела этого.

И сдалась.

Женщина должна сдаваться мужчине — так я считала. Найти того, кто сможет ее покорить, и тут же капитулировать.

Отношения развивались с головокружительной скоростью. Через несколько месяцев я уже переехала в его просторную аристократически обставленную квартиру, не имеющую ничего общего с моим представлением об уюте. Высокие потолки, минимум мебели, максимум пространства. Квартира-пустыня с расставленными повсюду дорогими и бессмысленными безделушками доверия совершенно не внушала.

Но на собственные предпочтения я благополучно наплевала, так как рядом был Влад. К тому же, съехаться — совсем не то, что встречаться трижды в неделю. Съехаться — почти семья.

Я жила у Вики с шестнадцати лет — с тех самых пор, как покинула отчий дом.

Родители погибли, когда мне исполнилось пять, а с бабушкой по папиной линии отношения не заладились. Она получала на меня пособие — небольшое, но доход есть доход. Мной почти не занималась, а по вечерам частенько пропадала у соседки, откуда возвращалась навеселе.

С Викой мы сидели за одной партой с пятого класса, а к одиннадцатому настолько сдружились, что я считала ее сестрой. Подруга предложила пожить у нее. Викина мама укатила в Москву с ухажером и ежемесячно высылала небольшую сумму на проживание. Крохи, но подруга держалась. Отца Вика никогда не видела.

Недолго думая, я переехала. Мы благополучно дожили до окончания школы, получили аттестаты и даже мечтали о поступлении, но летом я встретила Влада, и он поглотил меня.

С ним ни о чем не приходилось думать. Я доверилась полностью, позволила опекать

себя, подавить амбиции.

Влад привык жить на широкую ногу, и это стесняло меня неимоверно. Непривычная, пропитанная роскошью жизнь удручала и никак не хотела впускать обычную девчонку. Все же разница социальных положений — огромное препятствие для любви.

Определялось все стоимостью вещей, которые он покупал. Мне, например, казалось дикостью потратить триста долларов на пепельницу, но Влад лишь улыбался и смотрел снисходительно.

— Это мелочи, — говорил. — Не думай.

Я не могла не думать. Примерно такую сумму мы с Викой тратили в месяц, и эти расходы включали оплату коммунальных услуг, питание и даже шмотки.

Влад о подобных мелочах размышлять не привык — он каждый день имел дело с банковскими переводами, чековыми книжками и пластиковыми картами. В общем, чем-то далеким и совершенно непонятным.

Но я настолько влюбилась, что попросту не обращала внимания на несовместимость — взглядов, привычек, принципов. А спустя год невообразимого счастья, все же упала с небес на землю, когда он бросил меня. Сухо, брутально, совершенно чужим голосом. На вопрос почему, ответил: так бывает.

Бывает...

Что ж, согласна. У кого-то это просто один день в жизни, а кому-то приходится собирать себя по кусочкам. Прости, так вышло — банальная фраза.

Впрочем, Влад не извинялся. Молча смотрел, как я собираю вещи, вся в слезах, из-за которых чувствовала себя еще хуже. Внезапно превратился в безразличного и чужого человека. Стоял в проеме двери, скрестив руки, а его тень длинным бесформенным пятном стелилась по паркету.

Словно раковая опухоль, во мне нарастало чувство вины и собственной ничтожности. Я не дала богу то, чего он хотел. Оказалась недостойной.

С каждым днем глядя в зеркало, множила отвращение к себе и менялась под его гнетом. Сломалась. Под завязку заполненная комплексами отметала даже мысль о новых отношениях.

Во-первых, после Влада все мужчины казались недостаточно сильными, волевыми. Сливались в безликую толпу и раздражали.

Во-вторых, я верила в собственную несостоятельность как женщины.

Пока не появился Матвей.

Нет, он не возник случайно. Несколько раз в неделю заходил пообедать в кафе «Восточная сладость», где я работала официанткой. Всегда оставлял хорошие чаевые, а однажды просто написал номер телефона на салфетке и приписал: «Позвони». Три дня я не решалась, но Вика все же убедила набрать номер.

Мы встретились, погуляли в парке, затем пришли в «Сладость», и я смущалась, когда нас обслуживали коллеги. Тамара — сменщица — подмигнула, как бы одобряя выбор.

После кафе Матвей проводил меня домой и целомудренно поцеловал в щеку.

Мы встретились еще пару раз, и ни разу он не позволил себе лишнего. Словно увидел у меня на лбу предупреждение «Не подходить ближе, чем на три метра» и решил не рисковать.

Незаметно он начал нравиться мне. Матвей никогда ни о чем не спрашивал — просто оставался рядом. Не давил, подкупая медленно заботой и вниманием, и, в конце концов, я сдалась.

Мы начали встречаться, спустя полгода сняли квартиру, и я ощутила некое подобие счастливого быта. Защищенности.

Матвей знал о Владе из кратких язвительных реплик Вики, которая, как истинная подруга, вспылала к обидчику лютой ненавистью. Но все реже и не так яростно отстаивая мою честь, Вика вскоре выкинула Влада из головы.

Прошлое потускнело, затерлось настоящим, отступая в сторону.

И вот теперь, спустя полгода мнимого покоя, я снова встретила с ним.

Тут же вернулось противное чувство потерянности, неуверенности в себе. До жутких мурашек. Я стояла, переминаясь с ноги на ногу, и не знала, что сказать.

— Выпьем кофе? — внезапно предложил он, и в голосе звучала все та же властность. Но потом, словно стараясь подчеркнуть, что у него больше нет на меня прав спросил: — У тебя есть время?

— Нет, извини... Мне пора! — выпалила я, подавляя дикое желание согласиться.

— Ничего. — Влад слегка улыбнулся и погладил меня по плечу. — Был рад тебя видеть.

Я не могла прийти в себя до вечера. Повторяла, что все кончено, ничего не вернуть, и нечего строить напрасные иллюзии, но сердце колотилось в груди, как сумасшедшее. Ну, почему именно сегодня? Когда я начала строить планы на будущее, окончательно забывая детали прошлогоднего позора.

— Ты в порядке? — Матвей выдернул из суетливых мыслей, и я вздрогнула. Удивительно, ведь даже не заметила, как он вернулся.

— Все нормально.

— Выглядишь взволнованной.

— Да, просто... забудь.

— Расскажи.

Впервые Матвей настаивал на разговоре. Будто знал. Будто чувствовал.

— Ерунда. Иногда прошлое ставит нас в тупик. — Я сжала его руку. Он не улыбнулся — напротив, стал серьезным, напрягся и спросил:

— Ты видела его?

Черт, у меня что, на лице написано? Врать я не хотела, потому кивнула. А затем вспомнила о главном событии сегодняшнего дня.

— Я должна тебе кое-что сказать.

— Пойжди. — Он высвободил ладонь и отвернулся. — Мне кажется, я знаю, о чем пойдет речь.

— Вот как?

— Только говори по существу. Если рвешь все, то делай это быстро.

— Рву... что? — опешила я.

— Ты ведь бросаешь меня.

Я посмотрела на Матвея, а увидела... себя. Ту себя, которая уходила из привычного и любимого мирка, рвала связи, прощалась с прошлым. Он словно готовился к тому же.

— Что ты говоришь такое? — Провела ладонью по гладко выбритой щеке, и испуг в карих глазах сменился надеждой. — Конечно, нет!

— Нет?

Я глубоко вздохнула.

— Я беременна.

Он нахмурился, словно не мог осознать смысла услышанного, а затем тихо спросил:

— Ты... что?!

Показалось, его голос дрогнул. Я застыла, ожидая других слов — сидела, не зная, что будет дальше. Вдруг Матвей еще не готов? Не превратится ли ребенок в обузу для него?

Он громко выдохнул, а затем улыбнулся. Как-то растерянно, по-мальчишески посмотрел на меня.

— Не врешь?

Я покачала головой.

— Полина! — Сгреб меня в охапку, и я задохнулась в сильных объятиях. — Я так счастлив!

Я прижалась к широкой мужской груди. Вот она — надежность. Не зыбкое счастье, сжигающая страсть и дневные терзания, а тихая уверенность.

Матвей только мой. А навязчивый образ Влада я прогоню. Не буду больше сомневаться. Мое будущее рядом с Матвеем. Навсегда.

Но сердце продолжало колотиться в груди, словно предчувствуя беду. Словно зная, как все будет.

Глава 2. Предательство

Глава 2. Предательство

А потом начались эти сны. Однообразные, туманные и пропитанные эротизмом. Яркие, насыщенные, безумные.

Со снами приходил Влад. Улыбаясь недобро, приближался, околдовывал.

В этих снах не было расставания. Только желание — безудержное, резкое. Растворится в нем, любить, любить... Чувствовать. Прикасаться.

Мы целовались до иступления, избавляясь от одежды, руки сжимали, царапали кожу, дыхание обжигало, шепот вгонял в транс.

Казалось, ко мне вернулось что-то, что было важным, существенным.

Я хватала губами воздух, повторяя:

— Люблю тебя, люблю...

Он молчал, все больше улыбался, но как-то хитро, словно знал что-то, чего не знала я. А затем все менялось.

Влад исчезал, оставляя меня одну, и я снова наполнялась тоской.

Хотелось кусать локти. Ненужная, брошенная... Так мне и надо! Я ведь предала — предала Матвея...

Воспоминания о нем врывались в сознание чувством вины. Сожаление охватывало быстро, душа, царапая сердце изнутри.

Я просыпалась растерянная, совершенно разбитая. Обнимала Матвея и старалась отдышаться. Пыталась прогнать мысли о Владе, но они настойчиво возвращались пряными сценами, о которых мне было стыдно признаться самой себе.

Постоянно казалось, что он зовет меня. Было ли это правдой, или я просто нашла повод думать о нем снова? Заболеть им.

Сны сводили с ума. Повторялись, и с каждым днем становились все безумнее. Выматывали. Я просыпалась совершенно не отдохнувшей, разбитой, и иногда не могла заставить себя встать с постели.

Матвей не понимал, что со мной творится, и, наверное, у него не хватало духа настоять, чтобы я рассказала. Я же закрылась ото всех, испугавшись собственного разума.

Так продолжалось три недели, и к концу третьей я превратилась в дерганую истеричку. Взяла больничный — на работу не хотелось, да и сил не было.

Матвей списывал все на гормоны беременных, но я видела проблему глубже. Пугающее, но логичное объяснение.

Болезнь?

Я боялась этого слова. Ведь не могла же сойти с ума от безумного влечения к человеку, давно покинувшему меня? Рациональное зерно во мне было всегда, но эти сны... Они пугали до чертиков.

Говорят, чтобы избавиться от страха, нужно посмотреть ему в лицо.

Существует ли магия? Можно ли оправдать ею те или иные действия, лишённые воли? Можно ли сказать, что нас заставляют поступать определенным образом, или все же нужно отдавать себе отчет: мы сами виновны во всем, что происходит с нами?

Впервые с того дня, как покинула квартиру Влада, я сознательно направилась туда.

Бездумно. Импульсивно.

Погода испортилась, начался снег с дождем, но это удивительным образом успокаивало. Мне всегда нравился дождь, еще с детства. Я могла часами сидеть и смотреть на разбивающиеся о подоконник капли, а если промокала, попадая под ливень, чувствовала себя по-детски счастливой.

На автобусе я добралась до центра и пошла в сторону улицы, где находился дом Влада. Юркнула в подъезд вместе с каким-то жильцом, поднялась на лифте на седьмой этаж.

Даже воздух здесь имел знакомый запах. Черно-белая плитка на полу отзывалась на мои шаги глухим звуком. Лестничная площадка встретила уныло, словно ворча: «Тебя выгнали давно. Чего пришла?»

Я закрыла глаза, пытаюсь привести в порядок мысли, повторяя заученную до дыр речь, которую готовила целых два дня.

Выдохнула. Нажала на кнопку звонка.

Может, его и дома-то нет. Все же человек занятой...

Замок звонко щелкнул, и дверь открылась.

Влад выглядел немного взъерошенным, словно только что проснулся, но это странным образом придавало ему шарма. Невольно всплыли образы из сновидений, и я поморщилась, стараясь прогнать их, очиститься.

— Нужно поговорить, — сказала я тихо, без приветствий. В глаза старалась не смотреть.

— Конечно. Что-нибудь случилось?

— В двух словах не объяснишь. Пригласи меня пообедать.

Он помолчал несколько секунд, затем кивнул.

— Подожди внизу, хорошо?

Я спустилась, вышла на улицу. Облокотилась о кованые перила на крыльце.

Что я делаю? Безумие какое-то...

Но в то же время почему-то знала, что должна быть здесь. Нет, была уверена в этом.

Дождь прекратился, и я отстраненно наблюдала, как два воробья резвились около массивной лавочки с витиеватыми узорами на подлокотниках. Ощущение безысходности не покидало — душило, давило на сердце, отдавалось гулким стуком в висках.

Влад появился через пять минут. Жестом велел следовать за ним, открыл дверь автомобиля, и я села на переднее сиденье.

Отвернулась и смотрела в окно на мелькающие улицы, изредка украдкой поглядывая на Влада. Он казался расслабленным, непринужденным, но со мной не заговаривал, словно отложил все слова на то время, когда мы окажемся в более подходящей обстановке. А может, у него и не было для меня слов...

Мы остановились у небольшого ресторанчика на окраине. Обстановка была знакомой, раньше мы часто тут обедали.

Улыбающаяся официантка в зеленом переднике встретила у двери и проводила к столику у окна.

— Это странно, не находишь? — озвучила я свои мысли, смущенно взглянув на Влада. Казалось, данная ситуация несколько не удивляла его. Наоборот, он словно ждал, когда я, наконец, заговорю.

— Что именно?

— Мы... то есть, я хочу сказать...

— Я знаю, зачем ты здесь, Полина.

Я опешила. Так и осталась сидеть, распахнув глаза и открыв рот от удивления. Придумываемая часами речь тут же забылась. Как это — он знает? Откуда?

— Вопрос в том, готова ли ты узнать. — Влад откинулся на спинку стула, не сводя с меня пристального взгляда.

Мне стало не по себе, и я машинально глотнула воды из стакана.

Когда нам принесли воду?

— Я совсем запуталась, — пробормотала, отгоняя мысли о собственной рассеянности. — Что именно ты имеешь в виду?

— Давай начнем с того, что ты скажешь мне, зачем пришла. Это ведь ты пришла ко мне.

Я почувствовала себя глупо. Что я могла сказать? «Влад, меня мучают кошмары, и, кажется, ты в этом виноват»? Нелепая ситуация, и я в ней еще нелепее. И как дома моя речь казался логичной, правильной? Сейчас она представлялась смешной.

— Я... просто... — Опустила глаза и, к своему стыду, ощутила, как краска заливает лицо. — Мне снятся сны. Сны о тебе.

Влад ничего не сказал — продолжал молча разглядывать меня, и это напрягало.

— Не знаю, зачем пришла! — раздраженно пробормотала я, глубоко вздохнула и отпила еще глоток. Посмотрела на него исподлобья. Как ни странно, но Влад улыбнулся.

— Давай сначала поедим, — предложил он, — а затем продолжим разговор.

Мы заказали обед, и, несмотря на отсутствие аппетита, я прилежно доела салат из овощей — самое большее, что позволял проявившийся недавно токсикоз.

Тут же возникла тошнота, а еще голова закружилась. Позывов к рвоте не было, и то хорошо. Не хватало еще, чтобы стошнило перед Владом. Тогда точно сгорю со стыда.

Я потеряла виски.

— Что-то мне нехорошо, — пробормотала, вставая. — И разговор этот глупый. Извини, что отвлекла.

Он тут же оказался рядом, поддерживая под локоть. Близкий, знакомый. Даже одеколон не сменил — мускат с примесью кедра и жасмина. Мой любимый.

— Спасибо. — Я смутилась. Облокотилась на него, и сразу стало легче. Спокойнее как-то.

— Отвезти тебя домой? — спросил он, и я кивнула.

Влад свободной рукой достал кошелек и расплатился по счету. Мы вышли на улицу. Морозный воздух немного отрезвил, и тошнота уменьшилась, но голова все еще кружилась, и я уже почти висела на руке у Влада.

— Может, в больницу? — спросил он.

Я замотала головой.

— Домой.

Мы сели в машину, я назвала адрес, и Влад тронулся с места.

В тонированном стекле мелькали улицы, деревья, люди, огни магазинов, яркие, привлекающие внимание. Внезапно навалилась усталость и сонливость. Веки непослушно опускались, и в итоге я перестала бороться с организмом. Я ж не где-то на лавочке усну, Влад разбудит... потом...

...Когда открыла глаза, вокруг было темно. Подо мной явно угадывалась мягкая кровать, но вспомнить, как тут очутилась, не получилось. Голова все еще кружилась, но себя я ощущала ясно.

Подумала, что Матвей, должно быть, волнуется, а я тут лежу. Попыталась встать, но живот скрутило болью, и я застонала, вновь упав на кровать. Ледяной ужас прокатился по позвоночнику, отрезвляя окончательно. Я поняла, что это может значить.

Пересилив боль, села, а затем попыталась встать. Не вышло. Штормило жутко, а ноги не хотели повиноваться импульсам мозга. Когда глаза привыкли к темноте, я увидела очертания прикроватной тумбочки и пошарила там в надежде нащупать телефон. Ничего.

От бессилия и страха заплакала, но заставила себя успокоиться. Надо взять себя в руки. Где я вообще? Как тут оказалась?

К огромной радости через несколько секунд дверь открылась, и на пороге возник мужчина.

Я не испугалась. Было больно настолько, что это затмило страх.

— Вызовите скорую. Живот болит. Очень...

Мужчина закрыл дверь, подошел. Протянул руку, включил небольшое бра на стене. Я поморщилась от яркого света, а когда открыла глаза, замерла:

— Влад, — прошептала, пытаюсь придумать хоть какое-то объяснение нашему местонахождению здесь вдвоем.

Точно, я уснула у него в машине! Он что же, меня уложил?

— Что происходит?

— Тише.

Он не смотрел в глаза. Не знаю, почему, но именно это насторожило меня. Даже напугало.

Влад обхватил мое предплечье и ловким движением обвязал руку жгутом.

— Что ты делаешь? — возмутилась я, пытаюсь выдернуть руку. — Ты не слышал? Я беременна. Мне нужен врач!

Он глубоко вздохнул, а затем посмотрел прямо в глаза. Его взгляд был пустым и резким, совершенно незнакомым мне взглядом чужого человека.

Повеяло неотвратимостью. Бедой.

— Все, что тебе нужно — отдых и покой.

— Но ребенок...

— Нет никакого ребенка, Полина! — прервал он меня. — Забудь.

— То есть как... нет?! — Я оцепенела. Было ощущение, будто меня ударили чем-то тяжелым по голове: затылок налился свинцом, в ушах зашумело.

Воспользовавшись моим замешательством, Влад ввел иглу мне в вену, и через несколько секунд я почувствовала, что боль начала утихать.

Он сложил инструменты и встал, чтобы уйти, но я решительно схватила его за руку.

— Отвечай! — выкрикнула, пытаюсь затолкать глубже понимание того, что мне уже не нужно слышать ответ: я все поняла сама.

— Этот ребенок не должен был родиться, — сказал он тихо.

— Что ты сделал?!

Хотелось кричать, драться, плакать и метаться по комнате, но меня охватила невероятная слабость и безразличие — наверное, подействовал препарат.

Влад помог мне лечь, предварительно взбив подушку. Я почувствовала, как слеза скатилась по щеке, и он заботливо вытер ее.

Заботливо? Разве можно было сказать так после того, что он сделал?

— Отдохни. — Он провел рукой по моим волосам, а через миг я провалилась в сон.

Проснулась оттого, что солнце светило в лицо. От вчерашних туч на небе не осталось и следа, словно погода хотела затереть последствия моей трагедии.

Я осмотрелась. В свете дня стало ясно, что нахожусь я в гостевой комнате квартиры Влада. Немного поменялась обстановка, но в целом тут все осталось так же, как и когда я тут жила.

Слабость была непреодолимой — скорее всего, вызванная лекарством, но я приказала себе не поддаваться ей. Медленно, преодолевая дрожь и головокружение, села.

Живот все еще болел, но уже меньше, и я смогла встать. Ноги никак не хотели слушаться, поэтому я облокотилась сначала на тумбочку, затем на комод, стоящий неподалеку, а после опиралась о стену, пробираясь к двери.

Несколько раз останавливалась, чтобы передохнуть. Никогда еще два метра не казались мне длиной такого масштаба. Единственное, чего хотелось — выбраться из этой квартиры и бежать без оглядки домой. Туда, где меня ждал Матвей. Спрятаться в его объятиях от боли и отчаяния, от нереальности событий. Позволить ему решить, что делать дальше.

Я нажала на ручку двери и потянула на себя. Старалась действовать как можно тише, так как понимала: если Влад дома, я не выйду из квартиры.

Влад...

Еще совсем недавно я думала о нем как о несбывшемся сладостном прошлом, а теперь... Что у меня было теперь? Он сделал ужасную вещь, и нужно было это признать, но мое больное сознание все время твердило: ты спишь, это очередной кошмар.

Я была одета в некое подобие ночной рубашки, ситцевой, доходящей до колен. Нижнее белье нащупала, но боялась даже предположить, что со мной творилось, и кто меня переодевал.

Выбралась из комнаты и оказалась в коридоре, который вел в огромную кухню-студию, смежную с гостиной, а с другой стороны — к выходу. Мне не нужно было искать его — я очень хорошо знала квартиру.

От усилий я вся покрылась потом, но старалась не обращать внимания на слабость. Нужно уйти, иначе сойду с ума.

Как это все? Зачем? Почему?

Наконец, добрела до входной двери и остановилась, тяжело дыша. Перед глазами плыло то ли от действия лекарств, то ли от потери крови, то ли от голода — ведь со вчерашнего дня я ничего не ела. Из последних сил держась на ногах, вытерла предательские слезы.

Не раскисать! Только не здесь, не в его доме.

Повернула защелку замка и открыла дверь.

Наверное, во мне было слишком мало сил, так как, оказавшись в объятиях призрачного бегства, я покачнулась и упала прямоком на лестничную площадку. Не потеряла сознание, но была близка к этому.

— Черт, Полина! — услышала позади знакомый голос и закрыла глаза, а через миг Влад поднял меня на руки и внес обратно в квартиру.

Я больше не могла сдерживаться и заплакала. Он уложил меня на кровать.

— Посмотри, что ты наделала.

Я перевела взгляд на нижнюю часть своего тела — ночная рубашка была вся в крови, кровью была испачкана постель и ноги. Я вновь заплакала.

— Не плачь, — произнес он тихо, слегка сжимая мою безвольную руку. — Все будет хорошо.

Я отвернулась. Закрыла глаза. Все казалось каким-то сюрреалистичным, ненастоящим. Просто плохим сном — на этот раз действительно кошмарным, пугающим.

Влад вышел, а через время вернулся с лекарствами, вещами и мокрым полотенцем. Сделав очередной укол, попросил меня подняться. Я подчинилась. Совершенно растерявшись, не знала, что делать.

Поддерживая меня одной рукой, второй он стянул грязную одежду, вытер кровь и переодел. Затем зачем-то водил руками у меня по животу — долго, едва касаясь.

— Ну, вот. — Усадил меня в кресло. — Все хорошо...

Я посмотрела в окно. Небо снова затянуло тучами, пошел дождь. Капли оседали на стекле и скатывались вниз, уступая место новым, прокладывая замысловатые дорожки на гладкой поверхности.

Почему-то стало спокойно и легко, мысли испарились. Только облака, темные и вязкие. Вязкие, как мои мысли...

— Поля. — Влад дотронулся до моей руки. Его голос был будничным, словно я заболела, и он просто ухаживал за мной. Слово не он сделал это... — Матрас испорчен. Идем, уложу тебя в своей спальне.

— Мне нужно позвонить, — тихо сказала я. Подумала, что Матвей там, скорее всего, сошел с ума, не зная, где я нахожусь. Вновь захотелось плакать. Я больше не сдерживалась — зачем?

— Позже. — Влад поднял меня на руки, как ребенка. — Отдохни.

Несколько дней я провела в постели, иногда выныривая из небытия. Влад кормил меня, и, хотя аппетита не было вовсе, я понимала, что нужно есть, если хочешь выбраться отсюда.

Ночью просыпалась и слышала, как он мирно дышит рядом. Иногда приходилось выбираться из его удушающих, крепких объятий. Осторожно, чтобы не разбудить. Чтобы не смотреть в глаза.

Когда-то я спала в этой постели и была абсолютно счастлива. Давно, в прошлой жизни... А теперь мне безумно хотелось выбраться, сбежать. И в то же время не менее безумно я боялась даже пошевелиться.

А через несколько дней Влад ушел. Заглянул перед этим ко мне, но я прикинулась спящей. Затем щелкнул дверной замок. Я притихла, прислушиваясь к каждому шороху. Полежала еще несколько минут, встала. Проверила квартиру.

Долгожданная свобода вскружила голову, придала сил.

Порывшись в комод, я нашла женские вещи. На тот момент было плевать, кому они принадлежат. Радовало то, что моя сумочка лежала тут же, в одном из ящиков. Я схватила ее и проверила содержимое: ключи, косметичка, кошелек. Разряженный мобильный.

Оделась я быстро и буквально выбежала из квартиры. Все время казалось, что столкнусь с Владом на улице, поэтому постоянно оглядывалась. На автобусе доехала до нашего района.

Матвей — вот кто поможет! С ним же ничего не страшно, вот ни капельки.

Квартира встретила уныло. Давящая тишина угнетала, но я уверила себя, что он на работе. Занят. А может, ищет меня, пропащую. Сердце ёкнуло сожалением.

Бросив вещи на трюмо в прихожей, вошла на кухню. Жутко хотелось пить. Наспех утолила жажду, поставила стакан на застеленный клеенкой стол.

— Где ты была?

Колкая фраза окатила, словно ледяной душ. Ни волнения, ни облегчения — ничего этого в голосе не прозвучало.

Я медленно повернулась, натолкнулась на чужой взгляд.

— Матвей...

Он молчал. Скрестил руки на груди, и смотрел — пристально, недобро. На секунду показалось, он не ждет ответа вовсе. Словно знает.

— Я приехала домой, — зачем-то сказала я и замолчала.

Слов не было, объяснения вдруг представились туманными, неправдоподобными и дикими.

— Вижу, — не смягчившись ни на грамм, произнес он. — За вещами?

— Не понимаю тебя...

Глаза тут же наполнились слезами. Я ненавидела себя за них, но сдержать не могла — они покатались крупными каплями по щекам, срываясь вниз, на голубой линолеум.

Матвей отвернулся, прошел мимо, отодвинул занавески. Совята на подоконнике тарачились круглыми глазами, словно увидели во мне изменения, которые нельзя повернуть вспять. Впрочем, один совенок не смотрел. Сидел в пол-оборота и наблюдал за тем, что происходит на улице.

Небо нахмурилось, и пошел снег. Странно, вчера была весенняя погода, а сегодня по мановению волшебной палочки полетели с неба липкие хлопья. Как простыня. Как та, которая...

Я зажмурилась и приказала себе не думать. Не сейчас — нужно говорить с Матвеем, объяснить, где была.

Матвей молчал и смотрел в окно. Ненавижу снег! Особенно сейчас, когда Матвей смотрит на него. А должен смотреть на меня. Иначе как он поймет, догадается?

— Матвей... — В голосе прорезались жалостливые нотки. Черт, ну, почему так? Я же думала, приду, а он пожалеет, скажет, как быть дальше. Куда идти... А он чужой, отстраненный и не смотрит на меня. — Что происходит?

— Что происходит?! — Матвей резко обернулся, окатил ледяным взглядом. — Тебя не было неделю.

— Но я...

— Ничего не говори! Я видел тебя. Видел... с ним.

Воздух со свистом вырвался из легких, а на его место хлынула обжигающая жижа. Я пошатнулась, прислонилась к стене и села на корточки. Прикрыв голову руками, расплакалась, как ребенок. Слова, которые тщательно готовила по дороге домой, выходили пошлыми и ненужными. Неправильными.

— Я поживу у родителей несколько дней, — так же безэмоционально сказал он. — Нужно решить, что делать дальше.

Затем покинул комнату, прошуршал в прихожей одеждой и обувью, впустил звуки из подъезда. Гулко хлопнула входная дверь, и я вздрогнула.

Только теперь поняла: я осталась одна в незащищенной квартире. А если Влад придет?.. Хотя какая разница? Хуже не будет...

Я встала, решительно направилась в ванную. Сняла давящую, чужую одежду, запаковала в большой мусорный пакет. Затем долго мокла под душем, отчаянно терла тело мочалкой, стараясь смыть память из запахов и прикосновений. Тщетно — они въелись в кожу и ползали там, как мелкие насекомые.

Спать... Нужно поспать, иначе сойду с ума.

Механическими движениями нашла в аптечке таблетки валерьянки, высыпала на

ладонь. Отсчитала десяток, проглотила. Прошаркала в гостиную, включила телевизор — по дискавери показывали фильм о львах. Улеглась на диван, укрылась мягким полосатым пледом и провалилась в сон.

Глава 3. Странные люди

Глава 3. Странные люди

В кошмарном сне всегда так — неотвратимо. А еще бесит, что не можешь бежать. Ноги попросту не двигаются, как бы ни старался, и ты понимаешь: чудовище сейчас настигнет, разорвет на части. Ты задыхаешься ужасом, когда оно царапает спину, и выпадаешь в реальность, тяжело дыша.

Электронные часы на комодке показывали два часа ночи. Отголоски кошмара постепенно таяли, но еще чувствовались на языке металлическим послевкусием. Крупная дрожь — тоже дело поправимое. Я встала, прошаркала растоптанными тапочками на кухню, включила чайник. Ромашково-липовый чай — вот что сейчас нужно.

На кухне встретили воспоминания вчерашнего дня. Мое недоумение и колючая холодность Матвея. Ну, и дура же я! Плакала, молчала. Не сказала ни слова.

Он застиг врасплох. Я не ждала нападения, но Матвея можно понять: если видел нас с Владом... Где? Скорее всего, в кафе. Или у его дома. Черт, я ведь сама поехала туда! Да, что со мной творится? Почему поступаю так глупо? Ну, сны снились, подумаешь! Естественно, Матвей теперь думает, что у нас роман — меня же не было неделю.

Я застонала, вспоминая эту неделю — отчаяние, страх и безысходность. Ладонь невольно легла на живот, нежно погладила. Там был ребенок. Маленький — сантиметра четыре, но уже сформировавшийся. А теперь нет...

Забудь. Подумаешь потом. Сейчас важнее — вернуть Матвея, все объяснить. Он скажет, что делать, куда идти. Посоветует. Я не могу мыслить объективно — боюсь, а он... Матвей тоже вряд ли сможет объективно думать. Когда узнает, ему сорвет крышу, но лучше переживать это вдвоем, чем в одиночку. Я не справлюсь одна.

Метнулась в прихожую, нашарила в сумке телефон. Он смотрел на меня спящим дисплеем — батарея села давно, а зарядить вчера я так и не удосужилась. Уверено нашарила в ящике трюмо зарядку, вернулась на кухню. Телефон засветился синим, а затем появилась веселенькая заставка. Я уже собралась набирать номер, но вовремя остановилась.

— Что ты творишь?! — сердито сказала вслух. — Ночь на дворе. Матвей спит. Да и что ты объяснишь по телефону?..

Нет-нет, нужно хорошенько подумать, а то получится, как вчера. И говорить лучше тет-а-тет, глядя в глаза.

Поеду к нему. Сегодня же. Лучше подождать у дома вечером, когда он будет возвращаться с работы, или в вестибюле фирмы.

Или лучше с утра в полицию? Ага, и что я скажу? Что поехала домой к бывшему, затем с ним в кафе, а после он напоил меня какой-то дрянью и сделал аборт? Да, наверняка, в квартире Влада уже нет никаких улик, никто не станет меня слушать. У него же связи, я жила с ним — знаю.

Злость из-за собственного бессилия поднялась горечью, отозвалась шумом в ушах и гулким пульсом. Теперь, будучи дома, в мнимой безопасности родных стен, я поняла, насколько все относительно. Законы, справедливость, возмездие... Только слова.

Я накинула куртку, взяла чашку с чаем и вышла на балкон. Вокруг белым великолепием

лежал город: засахаренные деревья, сверкающие тротуары, покрытые снежной шапкой крыши. Снег продолжал падать — медленно, кружась крупными пушистыми хлопьями. Обволакивал, укрывал пуховым одеялом, погружая город в сон. Отблескивал отражением фонарей и витрин, делал обычное волшебным, сказочным.

Я стояла долго, глядя в одну точку, а затем поняла, что у меня окоченели ноги. Остаток ночи провела в кресле перед телевизором. Там и уснула — буквально вырубилась — без снов и тревожных видений.

Из дома вышла, когда стемнело. Пару раз оглянулась по сторонам, высматривая блестяще-черный «Ауди», выругала себя за слабость и решительно направилась к остановке.

Фирма, в которой работал Матвей, находилась в новом районе, но от остановки идти минут пятнадцать. Впрочем, страшно не было — все же час пик и народу полно, а волнение я списала на шок после случившегося. Постоянно оглядывалась, в каждом прохожем видела шпиона, а в притормаживающем авто — угрозу.

Проходить мимо темного переулочка всегда страшно, но тот был особенным. Темным, пугающим, тревожным. В общем, я буквально пробежала мимо и... остановилась. Сердце колотилось так сильно, что казалось, на нем синяки останутся. В то же время что-то держало меня там, побуждало заглянуть в темноту. Снова странные желания, не подчиняющиеся логике. Желания, сопротивляться которым не можешь.

Я покосилась на дерганого парня в огромных наушниках. Он прошел мимо, даже не взглянув на меня. Это уже паранойя.

Глубоко вздохнула. Когда я в последний раз слушала интуицию, оказалась запертой в квартире Влада больше чем на неделю. Но в этот раз, к моему словно примешивался чей-то еще страх — почти не контролируемый, приближенный к панике. И исходил страх именно из переулочка, будто кто-то звал меня, просил о помощи.

Я определенно схожу с ума. Знала о слуховых галлюцинациях, визуальных, но чтоб интуитивные... Впрочем, я не особо сильна в психологии, но если посудить, происходящее — вполне объяснимо. Это шок. И стресс. Психологическая травма.

Нужно посмотреть страху в глаза, сказала я себе. Сделать несколько шагов навстречу, иначе буду бегать от него до конца жизни, оглядываться, вздрагивать при каждом шорохе. Если сейчас струшу...

Я сжала окоченевшие пальцы в кулаки, зачерпнула пригоршню снега. Он был мягким, липким, тут же начал таять, стекая вниз и впитываясь в такую же мягкую и рыхлую массу.

Досчитала до десяти, а затем решительно шагнула вперед. Пройдя несколько метров, остановилась, подождала, пока глаза привыкнут к темноте. Сквозной переулочек выходил во двор высокой новостройки. Я выглянула в необжитое еще пространство, с облегчением выдохнула. Свалка кирпичей, трансформаторная будка.

Ну вот, а ты боялась. Ничего страшного. Ничего...

— Я бы поболтал с тобой, зверек, но у меня дела. Давай закончим поскорее, и я подарю тебе милость — быструю смерть.

Я услышала это явно — откуда-то справа, из-за будки. Голос — насмешливый и полный превосходства.

Нужно убираться отсюда. Одно дело проверить себя на прочность, а совсем другое — становиться безрассудной, как герои дешевого фильма ужасов. К тому же, мне нужно успеть к Матвею.

Уже развернулась, чтобы уйти, когда услышала другой голос.

— Я не сдам атли, можешь не стараться, охотник!

А вот это было действительно страшно — ужас усилился, пропитался любопытством и заставил замереть на месте. Мужчина, который говорил это, блефовал — я услышала фальшивые нотки в голосе и напускную браваду.

— Хм, возможно, они придут тебе на выручку, как считаешь? Может, стоит взять тебя с собой и немного помучить? — спросил тот, первый.

— Делай что хочешь, — безразличным тоном ответил второй. — Ты молод, и мой вождь легко убьет тебя, когда найдет. А я с удовольствием посмотрю, как ты будешь биться в агонии.

Следом прозвучал стон, и у меня волосы на затылке зашевелились — неприятное ощущение. Бежать? Позвать на помощь?

— Стой, где стоишь, зверушка!

Призыв явно предназначался мне, и я вновь застыла. Сюрреализм какой-то.

— А ты говорил, никто не придет.

Эта фраза прозвучала так близко, что я подскочила на месте. Справа от меня возникли двое — полумрак не давал разглядеть лица, лишь очертания фигур. Один — высокий, щупленький, стоял поодаль, слегка согнувшись. И второй — среднего роста, коренастый в дутой темной куртке. Он сделал шаг ко мне и произнес, обращаясь к худому:

— Может, нам стоит подождать здесь, чтобы собрать атли полным составом?

— Тебе и нас двоих не пережить! — измученно выдохнул худой и тут же упал на колени схватившись обеими руками за живот. — Ты молод, и не убьешь двоих сразу.

Он поднял голову. Трудно было различить его глаза в темноте, но могла поклясться, что смотрел он прямо на меня. Смотрел умоляюще, с диким страхом в зрачках.

— Уходи! Быстро! Найди Филиппа, скажи ему, что я...

Удар по голове — вернее, глухой звук от удара — вызвал тошноту и бессилие. Худой грузно упал на снег прямо под ноги обидчику.

Моя реакция была молниеносной. Я не стала говорить, пятиться, пытаться понять, что происходит. Побежала. Рванула с места так быстро, как только смогла. Несколько метров, может, десяток — и я вновь на освещенной фонарями улице, на тротуаре, где много людей, ездят машины, где безопасность — пусть и мнимая — среди толпы.

Я не остановилась. С нечеловеческой скоростью преодолела расстояние до фирмы Матвея, открыла дверь и буквально ввалилась в вестибюль. Охранник подозрительно покосился, но потом, видимо, узнал меня. Кивнул и снова погрузился в разгадывание кроссворда.

Рука инстинктивно потянулась к сумочке, чтобы достать телефон... Сумочки не было. Черт, я, вероятно, обронила ее там, в темноте, когда убегала. Что же делать? Надо непременно что-то делать, иначе коренастый убьет худого.

Я решительно направилась к охраннику.

— Нужно вызвать полицию. В переулке на Меркулова человека ударили камнем по голове, — затараторила я. — Я убежала, но они остались там... Человек без сознания, возможно, мертв.

— Девушка, успокойтесь и скажите внятно! — Похоже, охранник был не особо рад, что я его отвлекла.

— На Меркулова, — стараясь успокоиться, повторила я. — Я услышала шум, а затем увидела, как человека ударили чем-то тяжелым по голове. Думаю, это был кирпич —

похоже, там стройка.

— Вы уверены? В котором часу?

— Черт, естественно, уверена! Я бы не стала говорить, если бы...

— Моя подруга шутит, — четко произнес голос рядом.

Охранник снисходительно покачал головой и посмотрел на меня с укором.

— Мы поспорили, — добавил незнакомец и замолчал.

Начиная с того самого дня, когда пришла к Владу, все казалось нереальным, словно я попала в Зазеркалье и не могу выбраться. Вот и сейчас эта ситуация выглядела до жути нелепо. И человек этот незнакомый, и охранник, и случившееся в переулке. Отголосок той безумной недели.

Незнакомец — высокий, темноволосый с глубокими карими глазами — смотрел на меня и улыбался, как давней знакомой.

— Я не... — пробормотала я и замолчала. Затем уверенно сказала: — Я не шучу. А вас вижу впервые в жизни!

— Ну, хватит, Полина, ты выиграла. А теперь идем, Кирилл ждет. — И указал рукой на дверь. Машинально я проследила взглядом за его жестом и совершенно растерялась — у входа в вестибюль стоял худой, которого шандарахнули по голове в переулке. Я не смогла рассмотреть его лицо в темноте, но осанка, худоба, а еще нечто необъяснимое — жесты, манера держаться — не оставляли сомнений.

Перевела взгляд на кареглазого.

— Кирилл?

— Ну, да, Кирилл. Это же был его фант, забыла?

— Вы что-то принимали, девушка? — настороженно и серьезно спросил охранник. И мне вдруг стало жаль, что сегодня именно его смена. Другой охранник — Артем, приятель Матвея — знал меня прекрасно и не задавал бы дурацких вопросов, а поинтересовался бы у подозрительного типа, почему тот пристаёт к девушке. Этот же был совершенно безразличным, словно ждал, когда же мы разберемся сами и оставим его в покое.

— Ничего я не принимала, — пробормотала я и отошла от стойки.

Присела на диванчик у фикуса, покосилась на того, кого кареглазый назвал Кириллом. Он смотрел на меня и приветливо улыбался.

Ощущение, что я вновь влипла в историю, не оставляло ни на секунду. Нужно просто подождать Матвея. Я все ему расскажу — и о Владе, и о сегодняшнем приключении. Похоже, нормально соображать я уже не могу.

Брюнет у стойки говорил с охранником и многозначительно смотрел на меня. Чего он вообще прицепился? Возможно, Кирилл этот меня рассмотрел, и дабы не раздувать скандал, решил помешать вызвать полицию? Хорошо, но откуда он знал, куда я побегу? Откуда знал, где меня искать?

Вместе с пониманием пришел страх, когда всего одна мысль осталась в голове: кареглазый назвал меня по имени. А значит, он знает, кто я. Возможно, в курсе, где живу...

Словно прочитав мои мысли, он подошел, присел рядом. Я не смогла даже отодвинуться — застыла на месте, не понимая, что дальше делать. Бежать? На улице уж точно небезопасно, а здесь есть знакомые. Матвей. Сейчас он выйдет, и я смогу выдохнуть спокойно. Но страх перекрывал здравый смысл — рождал панику, оцепенение и ужасные предположения.

Сердце колотилось, как сумасшедшее. У меня даже телефона нет. Что если Матвей не

захочет слушать?

— Не бойся, — спокойно сказал кареглазый и кивнул тому, кого назвал Кириллом. Он тоже подошел, но остался в стороне, как бы подчеркивая: «Я не причиню вреда». Ага, как же! Теперь у меня не осталось сомнений, что нужно бежать. — Я не причиню вреда.

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

Трясусь уже визуально, прячу вспотевшие ладони под сжатые коленки.

— Я многое о тебе знаю. — Он взглянул очень серьезно. — Я искал тебя.

— Так... — нервно улыбнулась я. — Не знаю, кто вы и ваш... друг, но совершенно не хочу общаться сейчас. Я пришла к своему парню, и не хотелось бы, чтобы он увидел нас вместе.

— Тебе не о парнях нужно думать, дурочка, — подал голос Кирилл. — Разве не поняла: ты на крючке!

— Преследования караются законом! — зло сказала я. — Я не знаю вас и знать не хочу. Если будете ходить за мной и пугать...

— Что за бред?! Кирилл прошелся по вестибюлю, вернулся. — До тебя не доходит? Мы — атли. Не пойдешь с нами — умрешь!

Он произнес это слишком громко. Я заметила, что охранник поднял голову от кроссворда и покосился в нашу сторону. Что ж, это сыграет мне на руку. Чем больше свидетелей, тем лучше.

— Хватит запугивать! — нарочито громко сказала я. — Я не хочу с вами разговаривать, и если не отстанете, пойду в полицию.

— Кирилл, полегче, — мягко произнес второй. За это время я успела их хорошо рассмотреть. Тот, что сидел со мной на диване, держался спокойно, уверенно. Одет был прилично: драповое пальто и начищенные до блеска ботинки. В отличие от Кирилла, который после встречи с коренастым «маньяком» выглядел потрепанным. Но, несмотря на это, они были на удивление похожи: оба худощавые, темноволосые с карими глазами. Однотипные черты лица — слегка заостренный нос и впалые щеки.

— Меня зовут Филипп, — представился тот, что сидел рядом. — Кирилл — мой брат. Разве родители не рассказывали тебе, кто ты?

— В каком смысле? — Меня это начинало порядком раздражать, но я все же решила пока не опускаться до грубостей.

— Она, что, не знает об атли? — настороженно спросил Кирилл.

— Похоже, Полина вообще не знает о хищных. Ничего.

— Послушайте, я не понимаю, кто вы и чего от меня хотите. Я честно пыталась помочь, после того, как видела вас... — Я покосилась на Кирилла. — С тем парнем. Думала, он собирается убить вас, и очень рада, что вы живы. Все обошлось, но я тут совершенно ни при чем. У меня своих проблем полно.

— Не хотелось бы тебя пугать, Полина, но Кирилл прав. — Филипп наморщил брови, отчего они выровнялись, делая его лицо слегка комичным. — Охотник видел тебя и запомнил. Он найдет тебя, если не пойдешь с нами.

— Что за бред? Какой охотник? Никуда я с вами не пойду!

Я вскочила и тут же заметила Карину — бухгалтера из фирмы Матвея. Как всегда эффектная, на шпильках, с огненно-рыжей шевелюрой. Она ярким пятном выделялась на фоне обычных сослуживцев, которые, словно горох из банки, посыпались к выходу, радуясь концу рабочего дня.

— Оставьте меня в покое! — сказала резко и рванула в сторону бухгалтерши.

— Привет, Кариш. — Я старалась улыбаться как можно беззаботнее. — Матвей снова задержался допоздна?

— А ты разве не в курсе? — Ее лицо поменяло выражение на удивленное. — Матвей взял неделю за свой счет, сказал, проблемы какие-то.

Черт! И что теперь делать?

— Спасибо...

— Эй, ты в порядке? Вы что, поссорились? — Карина оживилась и явно заинтересовалась. Если дам ей повод так думать, завтра это будет главная тема для обсуждений на фирме. Матвей когда-то шутил, что все сплетни в компании начинаются с бухгалтерии.

Я сделала над собой усилие и лучезарно улыбнулась.

— Нет, что ты! Совсем вылетело из головы, была занята другим. Вот решила сделать ему сюрприз, а телефон забыла дома. Слушай, ты не подкинешь меня до остановки? Такая погода, жуть! И сапоги текут.

Отмазка прозвучала фальшиво и неправдоподобно, но я понадеялась, что Карина хотя бы не будет больше лезть с расспросами.

— Ноу проблем! — улыбнулась она и тряхнула рыжими волосами. — Я как раз в твою сторону еду, так что довезу до дома.

— Ты меня очень выручишь. Спасибо! — искренне сказала я и покосилась на своих преследователей.

— Тогда подожди, я сейчас подгоню машину.

Карина продефилировала к выходу, и я быстро последовала за ней.

Филипп перехватил меня, преграждая путь.

— Я не могу отпустить тебя одну.

— Вот как? — Я вздернула подбородок и постаралась унять предательскую дрожь в ладонях. — И что ты сделаешь? Схватишь меня на глазах у всех этих людей?

Он глубоко вздохнул, обдумывая мои слова. Затем кивнул и отступил на шаг. Полез во внутренний карман куртки, протянул визитку.

— Вот, держи. Звони в любое время. — Затем покачал головой, словно я совершала самую большую глупость в жизни. — Надеюсь, ты позвонишь раньше, чем охотник тебя найдет.

— Да-да, конечно. — Я машинально взяла визитку, дав себе слово выкинуть ее в ближайшую урну.

— Вот еще. — На сей раз в ладони Филиппа лежал небольшой прозрачный пузырек с розовым содержимым, похожим на раствор марганцовки. — Если он найдет тебя, плесни ему в лицо и беги, что есть мочи. Так быстро, как бежала сегодня. А потом позвони мне — это единственный шанс выжить.

Он не стал ждать ответа — развернулся и пошел к выходу, делая знак Кириллу следовать за ним. Кирилл несколько секунд зло смотрел на меня, а затем бросил:

— Дура! — И вышел за братом.

Я ошеломленно уставилась на странной формы бутылочку, потом машинально сунула ее и визитку в карман и направилась на улицу.

Кэрроловская атмосфера не покидала до самого дома. Я вошла в пугающе пустую квартиру, сняла сапоги и куртку, включила свет во всех комнатах.

Одна... Я совершенно одна здесь. После всего, что произошло, пугала даже сама мысль об одиночестве. Еще и телефон посеяла, благо, есть домашний.

Набрала номер Вики, мысленно считая длинные гудки. Подруга сняла трубку спустя полминуты.

— Вик, привет. Слушай, можно я сейчас приеду? Со мной что-то жуткое творится. Матвей ушел, а ко мне на улице пристают типы всякие...

— Черт, Полька, вечно ты влипаешь в истории! Матвей мне трубку оборвал, тебя неделю не было!

— Я все объясню, обещаю.

— Конечно, приезжай. Добраться-то сможешь без приключений?

— Вызову такси, — ответила я и повесила трубку.

Глава 4. Охотник

Уснуть получилось не сразу. Сначала была Вика. Терпеливая, ласковая Вика. Я уже и забыла, каково это — просто дружеские посиделки. Молчание. Коньяк.

А потом она уложила меня в моей бывшей спальне, но я долго ворочалась. Я не думала о произошедшем накануне — о странных типах, о том, что так и не увидела Матвея. О том, что случилось в темной подворотне.

Нет. Я думала о нем — человеке, который был для меня всем и который причинил такую боль. О своем светловолосом идоле. Ненавистном, навязчивом. Безумном. Так и уснула с его образом перед глазами. А потом мне приснился сон.

Я одна, среди ночного леса. Где-то вдалеке ухает филин. Ветер раскачивает высокие деревья, треплет мои волосы, свистит в ушах. Над деревьями распростерлось темное, в грозных тучах, небо.

Мне страшно, но в то же время волнительно, и я знаю: сейчас что-то случится. Оттого сердце так стучит в груди. Гулко. Обреченно. Оттого дрожат озябшие колени. Дрожь поднимается от пяток, постепенно завладевая телом, добирается до затылка и проникает в мозг.

Я стою, не в силах пошевелиться, в полумраке, и жду.

И вдруг голос резкий, глубокий.

— Вот ты где!

Оборачиваюсь. Почти не владею собой, словно нахожусь под влиянием ветра и этого голоса. С ужасом смотрю на его обладателя. Понимаю, что не могу бежать...

Влад стоит неподалеку, не приближаясь. Улыбается. Держится небрежно, засунув руки в карманы черной кожаной куртки. Как всегда — моя любимая поза, узнаваемая, но такая пугающая теперь.

Медленно, с усилием, бегу. Колючие ветви больно хлещут по щекам. Прикрываю глаза руками, пробираюсь сквозь густую чащу, иногда оглядываясь.

Он не преследует. Я одна. Заблудилась совсем и замерзла. Но все еще иду — по инерции. Спотыкаюсь, падаю, и больно бьюсь о корягу животом. Боль растекается по телу медленно, охватывает изнутри. А потом кто-то протягивает мне руку.

Поднимаю глаза. Передо мной мужчина. Другой. Темный, худой, в черной длинной рясе. Я хочу закричать, но голоса нет. Хватая ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег, стараюсь отползти. Он наклоняется, и в этот момент молния освещает лицо. Впалые щеки, странные глаза. Я узнаю его.

— Меня зовут Филипп, — говорит он.

Я проснулась. Часы показывали два ночи. От страха я сжалась и судорожно вцепилась в подушку. Не могла унять дрожь, поэтому встала, заварила чаю, вышла на балкон. Свежий мартовский воздух приятно охлаждал лицо. В кармане куртки нашарила визитку.

«Филипп Макаров. Частная юридическая практика», ниже номера телефонов. Выкинуть? Почему-то опустить в мусорное ведро рука не поднималась. Немного поразмыслив, я сунула ее обратно в карман.

Итак, подведем итоги. Несомненно, все началось со встречи с Владом у клиники. Скорее всего, он узнал, зачем я приходила — ведь проговорился, что его друг там работает. Потом у него возникла эта дикая идея... Почему? То есть зачем? Чем ему мешала моя беременность? В ревность я решительно не верила. Глупо и совсем на него не похоже. Напрашивается один вывод: он просто псих. Свихнулся уже после того, как мы расстались, или хорошо маскировался раньше.

На заваленной хламом полке Викиного балкона нашла пачку сигарет и зажигалку. Теперь-то можно курить — никто не осудит. Хорошо, что не сказала Вике о беременности, а то пришлось бы объяснять. Объяснять ничего не хотелось — было непреодолимое желание забыть. К сожалению, таблеток от нежелательных воспоминаний еще не изобрели.

Вика тактично не лезла, больше слушала и иногда качала головой. Это мне всегда в ней нравилось. Я рассказала только то, что посчитала нужным, умолчала об истории с Владом, а ссору с Матвеем списала на собственную глупость. Сказала, что жила в доме бабушки, испугалась серьезных отношений, хотела подумать.

— Ты должна с ним поговорить, — сказала вечером подруга, закусывая коньяк лимоном. — Мужики — они вообще психологию баб просечь не могут. Им нужно разжевывать, объяснять. Завтра же поедешь и все ему объяснишь. Он адекватный, не то, что твой бывший.

Упоминание о Владе покорило, и я поспешила уйти от опасной темы.

В словах Вики прослеживался смысл. Я смогу объяснить Матвеем так, чтобы он поверил. Все же, он говорил, что любит.

Любит... Странное, непонятное слово. Теперь оно не казалось таким романтичным и надежным. Теперь ничего не казалось надежным...

Я чиркнула зажигалкой и подкурила. Сигаретный дым волнообразной струйкой направился на улицу.

Хорошо, ладно, Влад псих. Но кто эти двое? Как оказалось, Филипп вполне себе добропорядочный гражданин, у него своя адвокатская контора. Кирилл, скорее всего, тоже не преступник — во всяком случае, выглядел он прилично. Впрочем, я уже убедилась, что благосостояние вовсе не признак нормальности.

А тот, третий? Коренастый вызывал неконтролируемый ужас, даже воспоминание о нем породило дрожь в руках и неприятный холодок на затылке.

Атли. Он тоже произносил это странное слово и, похоже, ассоциировал его со мной. Говорил, что если подождать, они соберутся вместе. Филипп с Кириллом утверждали, что я тоже атли. Кирилл в переулке называл коренастого охотником. Видимо, именно его они имели в виду. Он придет за мной. Придет... зачем? Воспоминания подкинули еще одно не очень приятное слово: смерть. По словам Кирилла, если не свяжусь с ними, умру.

Бред! Ты серьезно веришь в это, Полина? Они же психи. В последнее время тебе на низ везет.

Не о том я думаю, совсем не о том. Нужно решить, что делать дальше. Даже если помирюсь с Матвеем, в безопасности не буду. Влад в любое время сможет найти меня — я же сама дала адрес в кафе. Поговорить с Матвеем, сменить квартиру. И что это даст? Липецк — не такой уж большой город, затеряться сложно, а у Влада всюду связи.

Почему он не ищет меня, я ведь сбежала? Позволил уйти? Странно. Нет-нет, совсем другой вопрос должен сейчас волновать: зачем он убил нерожденного ребенка?

Не могу сказать, что для меня жизнь кончилась. Я почти свыклась с неизбежными

изменениями, улыбалась, глядя, как радуется Матвей. Но осознания этих изменений — того, что во мне зародилась жизнь — почему-то не было. А ведь должно было быть!

— Может, я просто не отошла от шока? Может, обжигающая боль придет позже, когда я пойму...

Там билось сердце. Маленькое, размером с горошину. Живое. Горячее.

А теперь нет. Ничего нет...

— Боже мой...

Я присела на корточки и заплакала. Страх постепенно вытекал, освобождая место усталости. Слезы закончились быстро, но мне стало значительно легче.

Я невероятно устала за эти сумасшедшие дни, полные странных событий и людей. Просто нужно отдохнуть. Найти надежное место, спрятаться, подумать. У Вики небезопасно, равно как и в нашей с Матвеем двушке. Мелькнула мысль о бабушкином доме — после ее смерти я была там всего однажды. Отопление отрезали, но можно растопить печь — бабушка не стала убирать ее даже после газификации района в далеком восемьдесят пятом.

Нет, туда тоже нельзя — Влад знает адрес. Попросить Матвея пожить у родителей? Его мама хорошо относится ко мне и, скорее всего, не будет возражать. А затем снять другую квартиру, поставить сигнализацию, несколько замков. Нет, пожалуй, я не смогу чувствовать себя в безопасности. Теперь уже никогда.

Нужно собраться. Паника — плохой помощник. Смотреть страху в глаза — вот чего никогда не умела.

— Ты совсем одна тут.

Я резко вскочила, выронив полупустую пачку сигарет. На пороге, слегка облокотившись о фрамугу, расслабленно стоял Викин парень.

— Черт, Славик, ты напугал меня! — с укором сказала я. — Разве можно так подкрадываться?!

Вика встречалась со Славиком уже несколько месяцев. Он не нравился мне — грубиян, неопрятный и уважения к женщинам — ноль. Впрочем, меня не трогал, скорее всего, Вика предупредила, что цепляться чревато. Иногда он ночевал у нее, так что внезапному появлению ночного гостя я ничуть не удивилась. А зря.

— Разве можно быть такой глупой? — не моргнув и глазом, спросил Славик.

— Извини?

— Я даже немного удивлен, что ты тут одна. Разве соплеменники не предупредили, что нельзя уходить далеко от своих?

— Не понимаю тебя...

— Все ты понимаешь. Твой страх я чувствую кожей. Ты дрожишь, и правильно делаешь. Такие, как ты, должны бояться нас, потому что мы — смерть.

К горлу поднялся комок, затрудняя дыхание. Я машинально нащупала в кармане пузырек, что дал Филипп, крепко сжала.

Пятиться некуда — разве что спрыгнуть с третьего этажа. Славик преградил путь в комнату, я могла закричать, но тогда совсем не было бы времени думать.

— Ты выпил? Несешь ахинею какую-то, — стараясь сохранить лицо, выдохнула я.

— Славик спит. А охотник может войти в любое тело — так проще преследовать. В последнее время вы очень хорошо маскируетесь под людей.

— Маскируемся? — Я решительно шагнула вперед в надежде проскользнуть мимо него

в комнату. Понимала мало, но опасность ощущала пятой точкой.

Нужно уходить. Быстро. Живот неприятно занял, а потом отозвался резкой болью, словно кишки намотали на центрифугу. Я согнулась пополам и застонала.

— Стой, где стоишь, зверек!

Славик выглядел необычно. Нет, дело не во внешности — внешне он остался все тем же Славиком — невысоким, полноватым с жиденькими русыми волосами, которые иногда хотелось познакомиться с шампунем. Но манеры... Прямая осанка, решительный взгляд, ироничная улыбка — все это было не похоже на Викиного парня. У меня в голове образовалась весьма странная мысль. Странная и нереальная настолько, что я сама боялась поверить в нее.

Это не Славик. Другой мужчина, и я уже встречала его. Прошлым вечером в темном переулке. Именно он ударил Кирилла по голове.

Я тяжело дышала, слова испарились, паника полностью завладела мной. Живот болел невероятно, и я понимала, что причина в нем — в этом незнакомце. И если сейчас не сделаю что-то, он убьет меня.

И я умру.

Меня не будет...

Свет в гостиной ослепил, и я зажмурилась.

— Приперся, наконец!

Вика стояла среди комнаты, уперев руки в бока, и гневно смотрела на «Славику». Мгновение — и он отвлекся. Мгновение — и мне хватило, чтобы открутить пробку на странном пузырьке. Мужчина уже повернул ко мне голову, хищно улыбнулся.

Так громко я не кричала еще никогда. Плеснув жидкость «Славику» в лицо, изо всех сил толкнула его ладонями в грудь. Он пошатнулся, отступил в гостиную. Воспользовавшись замешательством врага, я рванула из комнаты, в секунду натянула сапоги и выбежала в ночь.

Домой добралась за двадцать минут. Такси поймала быстро — прямо на дороге, всю поездку гипнотизировала затылок водителя, опасаясь, что охотник может «вселиться» и в его тело, и тогда точно конец.

Поля, ты совсем свихнулась! Неужели реально веришь в это? Странно, но в словах Филиппа я больше не сомневалась. Мне было больно — и это сделал охотник. Он причинил вред, даже не дотрагиваясь, и я знала — интуитивно, проснувшимся шестым чувством — что так же он может и убить.

Лестницу преодолела за минуту — бежала, перескакивая сразу через несколько ступеней, а ощущение погони обдавало жаром спину. Захлопнув за собой входную дверь, прислонилась к ней и закрыла глаза. Только теперь поняла, что все еще сжимаю в кулаке пузырек, спасший мне жизнь.

Что происходит? Кто-то подменил мою безопасную, уютную жизнь на это безобразие? В нормальном мире бывшие парни не убивают нерожденных младенцев, незнакомцы не цепляются на улице, не называют по имени и не дают странных артефактов. В парней подруг не вселяются убийцы и не выкручивают кишки взглядом. Не приходится бежать по ночному городу в наполовину расстегнутых сапогах, заглядывая в лица прохожих в страхе увидеть знакомое выражение и прищур убийцы.

— Что с тобой происходит, Полина? — прошептала я, отталкиваясь от двери.

— Вот и мне хотелось бы знать!

От неожиданности я вздрогнула. Слишком много сюрпризов на сегодня. Слишком

много будоражащих событий, сбивающих с толку, пугающих до одури. Слишком много выплеснутого адреналина, страха, слез и разочарований. Впору стать истеричкой.

— Матвей...

Он стоял в проеме двери, ведущей в гостиную, смотрел на меня со смесью злости и сожаления на лице.

— Все никак не нагуляешься?

Ну вот, снова. Я пришла почти под утро, что никак не играет в мою пользу.

— Я была у Вики.

Прозвучало неубедительно, даже фальшиво. Ну, почему так? Когда говоришь правду, она звучит жалко и неправдоподобно!

— Ага, и она выставила тебя из дома среди ночи.

Он не верил мне. Хотел верить — я видела, как он старается — но не мог. Я бы и сама не поверила. Матвей видел меня с Владом. Это, должно быть, выглядело неоднозначно и провокационно.

— Ничего не было, — сказала я устало. — У меня с Владом ничего...

Новая идея по-шпионски пролезла в сознание. Охотник пришел меня убить, и я на крючке. А еще он может оказаться в любом человеке, которого я знаю. Он может быть в Матвее...

Я попятилась к двери.

— Тогда где ты была неделю? Что мне думать, Полина? — Он сделал несколько шагов навстречу, остановился, словно тоже боялся приблизиться. Это именно он — мой Матвей, не другой мужчина в его теле. Или маскируется? Страх снова вполз в меня, заполонил внутренности вязкой черной жижой подозрений.

— Я чуть с ума не сошел!

— Знаю, — осторожно кивнула я. — Слушай, я не могу пока все объяснить. Думаю, ты был прав, и нам нужно подумать... Решить, что делать дальше...

Даже сейчас это мой Матвей, где гарантия, что завтра охотник не заберется в него? Ведь лучший способ подобраться ко мне — использовать близких.

— Но мы ведь... — Он запнулся, потупил взгляд.

Смотреть на растерянное, помятое лицо близкого человека было невыносимо трудно. Но я больше не имела права рисковать. Даже если охотник не станет вселяться в него — черт, я и правда в это верю — он может причинить вред Матвею. А этого я точно не могу допустить!

— Мне нужно позвонить, а затем я уеду, — сказала я и отвернулась. Не смогу смотреть ему в глаза. Не смогу казаться безразличной.

— Куда уедешь?

— Нужно встретиться с другом.

— Сейчас? Какие встречи могут быть в три часа ночи?!

— Прошу, не начинай...

Говорить было трудно, врать — еще труднее.

— Я просто хочу понять, что происходит. Ты же не объясняешь ничего толком! Какие-то недельные отсутствия, ночные прогулки с друзьями, тайны... Ты не забыла, что носишь моего ребенка?

Эти слова причинили реальную боль. В груди стало горячо — невыносимо, будто в легкие залили кипяток. Я подняла глаза. Как странно, еще вчера Матвей и слушать меня не

хотел, а теперь готов придумать оправдание сам. Его лицо красноречиво говорило: останься.

— Ребенка больше нет, — сказала я. Тишина, последовавшая за этими словами, была гробовой. Я слышала его прерывистое дыхание и собственный пульс.

Нужно держаться — что уж сожалеть? Все кончено. Теперь я поняла это явно. Нормальная жизнь, отношения с парнем, мечты о семье. С работы меня, скорее всего, уволят — я же не предупредила об отпуске. Жить негде — после того, как уйду отсюда, ночевать придется на вокзале. Впрочем, там тоже нельзя. Охотник будет искать — я была в этом уверена. Жизнь полетела под откос, и глупо пытаться делать вид, что все в порядке.

— Как... нет? — Матвей неестественно побледнел, отпрянул.

Меня охватило странное оцепенение, даже безразличие. Мир вокруг померк и казался серым, выцветшим.

Я подошла к телефону, достала из кармана визитку Филиппа.

— Очень просто — нет и все. Неделю назад я сделала аборт.

Не стала смотреть ему в глаза. Поняла, что не выдержу. Не стала думать о последствиях — просто сняла трубку и набрала номер.

Через несколько секунд мне ответил сонный голос:

— Слушаю.

— Это Полина, — сказала я. — Можешь меня забрать?

Желтый «Опель» приехал минут через сорок.

Матвей сидел на кровати, обхватив голову руками, и не двигался. Я собрала вещи — их оказалось на удивление мало, и они поместились в большую спортивную сумку. Коллекцию совят я аккуратно сложила в пакет. Черный смотрел на меня укоризненно круглым желтым глазом. Я поставила пакет рядом с сумкой, выдохнула напряжение.

— Я верну ее тебе. Потом, — сказала тихо.

— Не стоит.

Он выпрямился. Напряженное лицо, сжатые в тонкую линию губы, пустые глаза.

«Прости меня, — подумала я. — Прости и будь счастлив».

В прихожей зазвонил телефон, я бросилась отвечать.

— Выходи.

Коротко и ясно. Филипп приехал, нужно спускаться. Я не знала, что будет завтра, но почему-то чувствовала: я поступаю правильно. Возможно, потом, когда опасность уйдет, смогу вновь увидеть Матвея, все объяснить.

Нет, объяснить точно не смогу. Тем более, когда самолично сожгла все мосты...

Матвей молчал. Я думала, он будет задавать вопросы, злиться, кричать. Молчание убивало, делало только хуже. Но, наверное, так и должно быть — гнетущая тишина в ответ на ложь о предательстве. Впрочем, такая ли это ложь? Мысленно я предавала его в своих снах, отдаваясь другому, теряя рассудок от его прикосновений. Мысленно, не физически. Но все же.

Я подняла тяжелую сумку, забросила на плечо, в руку взяла пакет.

— Прощай, — прошептала и решительно покинула комнату.

Уже у самой двери услышала брошенную вдогонку фразу:

— Ненавижу тебя.

— Знаю, — ответила я и вышла в ночь.

Глава 5. Новая жизнь

Квартира Филиппа располагалась в центре — двухкомнатная хрущевка, не особо просторная, но уютная. Светлые обои в цветочек, обклеенные пленкой-самоклейкой межкомнатные двери, немецкое трюмо с витиеватыми выпуклыми рисунками на дверцах и мутным зеркалом.

Филипп внес мои вещи в спальню, поставил у кровати. Атмосфера уютная. Мебели немного: тумбочка из того же гарнитура, что и трюмо в прихожей, высокий шкаф. На полу — светлый, слегка затертый ковер.

— Пока поживешь тут, — сказал Филипп. — Ты использовала жидкость?

Я кивнула.

— Охотник вселился в парня моей подруги. Я выплеснула содержимое пузырька ему в лицо, а потом сбежала.

— Молодец. По идее теперь он должен потерять след. Но я не стал бы рисковать и выходить на улицу некоторое время — охотник видел тебя и наверняка запомнил внешность.

— А Вика? Она не... То есть он...

— Охотник не может навредить человеку. Да и ни к чему ему это.

Я покачала головой, присела на кровать и закрыла лицо ладонями.

— Знаю, это слишком для тебя. Твои родители поступили опрометчиво, не рассказав об атли.

— Родители погибли, когда мне было пять.

— Это многое объясняет.

— Почему он хочет нашей смерти? Что атли сделали ему? Кто они вообще такие.

— Не они, а мы. Дело не в атли — проблема намного глобальнее. — Филипп вздохнул. — У тебя глаза слипаются. Я расскажу завтра, а сегодня прими душ и поспи.

— А если он войдет ночью? Вдруг вселится во взломщика, откроет дверь и проникнет внутрь? — испуганно спросила я. — Или вообще — в тебя?

Филипп покачал головой.

— Сюда не войдет — защиты хватит на неделю. А в хищного охотник не вселится. Не бойся ничего, спи.

То ли я слишком устала, то ли действительно поверила Филиппу, но как только голова коснулась подушки, тут же вырубилась. Снов не было, проснулась я далеко за полдень и почувствовала себя значительно лучше. Силы вернулись, а с ними и способность размышлять.

Выбор у меня небогатый. К Вике точно нельзя — даже если охотник покинул тело Славика, нет гарантий, что он не вернется. Если верить Филиппу, выследить меня он не может, но может узнать — а это плохо.

Значит, придется затаиться. Проблема глобальная — нужно на что-то жить, даже если съеду в бабушкин дом. На работу возвращаться стремно, да и не факт, что возьмут обратно. Влада не стоит сбрасывать со счетов, к тому же охотник мог уже выяснить все про меня. Искать новую работу — сродни рулетке. Если повезет, найду быстро, но поиски могут и

затянуться, а с деньгами у меня туго. Совсем туго — откладывать я никогда не умела. В последнее время полагалась на Матвея, ведь он уверял, что позаботится обо мне. В жизни ничто не вечно — теперь я это поняла.

Братья Макаровы особого доверия не внушали. Слишком заботливые. С чего бы? Тем более, не понимала, зачем им рисковать и спасать меня от охотника.

Кто такие атли? Почему на них охотятся?

В общем, куча вопросов, и ни одного ответа. Что ж, возможно, я получу часть из них сегодня.

Филипп суетился на кухне, и по квартире распространялись чарующие ароматы. Желудок заурчал, требуя свое, и я вспомнила, что не ела почти сутки. С этими погонями совершенно вылетело из головы. Странно, ведь поесть я любила в любых ситуациях. Жадно втягивая вкусные запахи, смущенно остановилась в проеме кухонной двери. Все же чудно ночевать в квартире незнакомца, к такому я не привыкла.

Словно почувствовав мое приближение, Филипп обернулся и расплылся в улыбке.

— Проснулась, соня? Умывайся и к столу — обед почти готов.

Обед? Ах да, уже час дня. Хотя для меня это все же завтрак.

Как оказалось, Филипп отлично готовил. Я уплетала отбивные с сыром под сливочным соусом так, что за ушами трещало. Кофе также оказался невероятно ароматным и вкусным. Или это все последствия адреналиновой недели, как я ее прозвала?

— У тебя хороший аппетит, — улыбаясь, сказал Филипп.

— Так было всегда, — ответила я, с довольным видом отодвигая тарелку.

Все не так уж плохо. Особенно после обеда. Во всяком случае, я отдохнула и набралась сил, и есть еще полдня — можно подумать о том, что делать дальше. Но сейчас мне нужны ответы, и я надеялась получить их.

— Расскажи об атли? — попросила Филиппа, и он кивнул.

— Расскажу. Но вначале расскажу о хищных.

Он сварил еще кофе, мы устроились на большом мягком диване в гостиной.

Комната, наполненная старыми вещами, перенесла в прошлое — почему-то спокойное и безопасное. Я расслабилась. Старинные деревянные часы с бронзовыми стрелками громко тикали в серванте. Хрусталь сверкал, отражая свет классической люстры с текстильными абажурами. Рядом на полках пылились фарфоровые статуэтки.

Современным в комнате был диван. А еще плоский телевизор с огромной диагональю на стене. И смотрелся он, кстати сказать, немного нелепо в антураже раритетов.

Диван был удобным, и я быстро погрузилась в рассказ Филиппа.

— Несколько тысяч лет назад на территории южной Скандинавии проживало племя древних германцев. Среди них было два юноши — Херсир и Гарди. Они соперничали еще с детства, постоянно ссорились: из-за еды, самодельных игрушек. Когда повзрослели, каждый из них старался доказать свою силу и превосходство, чтобы заслужить расположение вождя.

Филипп казался расслабленным и довольным. Карие глаза блестели, будто он сам оказался там, за много тысяч лет до нашей эры, в гуще событий, о которых говорил. Во мне нарастало странное ощущение единения, словно я знала его давно. Возможно, потому что в его квартире я спаслась от страшного монстра, внезапно ставшего Славиком. Не знаю. Мне просто было спокойно.

— В племени жила девушка, — продолжал тем временем Филипп. — Лив — так ее звали. Высокая, темноволосая. В летописях сказано, что она была невероятно красива, но мы

не можем судить... Ей было тринадцать, когда Херсир влюбился. Опять же, так говорят легенды, но, скорее всего, он просто хотел ее. — Он усмехнулся. — Воин отличался крутым нравом. Он взял Лив в лесу, ночью, когда все спали. Не спал лишь Гарди, который следил за ними.

— И что сделал Гарди? — замороженно спросила я, с удивлением замечая, насколько меня увлекла легенда. — Донес вождю?

— Если бы донес, девушка была бы опозорена навек. Гарди нравилась Лив. Впрочем, ее не спасло бы его молчание. Ритуал дефлорации в первую брачную ночь проводил жрец. Именно он подтверждал, что девушка чиста. Но об этом история умалчивает.

— Дикость какая! — возмутилась я.

— Это было давно, Полина, — снисходительно улыбнулся Филипп. — Традиции... К тому же, тогда не существовало понятия «любовь».

— И что было дальше?

— Последней каплей стала охота. Херсир убил лося, которого выслеживал Гарди, а потом хвалился добычей перед всем племенем. Вождь возвеличил его, ставя в пример другим воинам, закатил пир в его честь. Это задело Гарди.

— Но у Гарди был козырь, верно? Лив.

Филипп таинственно усмехнулся и покачал головой.

— Гарди пошел на охоту. Снова. Расставил силки, поймал зайца и отправился на гору молитв. Они поклонялись древним богам, и на той горе жрец племени проводил обряды. Место буквально пропиталось кровью животных, и на этот раз Гарди собирался окропить его еще раз. Херсир был сильнее, быстрее и находчивее, но Гарди хитростью надеялся одолеть его. Он вознес молитву к небу и попросил для себя благословения.

— Какое? — шепотом спросила я, боясь нарушить магию рассказа.

— Силу, — таинственно ответил Филипп. — Иную. Глубокую. Дар предвидеть.

Кофе уже не дымился — сиротливо стоял на маленьком журнальном столике с резными ножками. Рассказ Филиппа взволновал, вызвал неконтролируемую дрожь предвкушения чего-то таинственного и прекрасного.

Чуда? Я не верила в чудеса. С детства. В ужасы было гораздо легче поверить. Особенно когда они с тобой случаются.

Но легендой я прониклась. Слушала, не дыша, зажав ладони между коленями.

— А потом? — робко поинтересовалась, и Филипп вынырнул из задумчивости.

Повернул ко мне голову и сказал:

— Гарди стал популярен. Выслеживал дичь, безошибочно предупреждал о смене погоды, о набегах других племен. Вскоре шаман во всем с ним советовался, Гарди начали почитать как приближенного к власти.

— Неплохо. Если учесть, что он отдал за свой дар какого-то кролика, — с сарказмом сказала я.

— К сожалению, не все так просто. За свой дар Гарди отдал физические силы: скорость, ловкость, мускулы. Он стал болеть — шалило сердце, а еще проявилась астма. Охотиться уже не мог.

— Но ему и не надо было. С такими-то почестями он вероятно и так получал свой заслуженный кусок мяса.

— Лив не смотрела на него раньше, а теперь и вовсе перестала замечать. Жалела только иногда и качала головой, шепча с подругами. Другим взглядом она провожала Херсира,

опускала глаза, краснела.

— Гарди не добился своего. Прославился, но девушку не получил.

— Он рассказал ей. Однажды у ручья, Гарди открыл тайну своего дара. То ли она сама спросила, то ли он решил похвастать.

Филипп замолчал, и я молчала. Пыталась переварить историю. Еще не понимала, как это относится ко мне и тому, что произошло вчера.

— И что было дальше? — спросила тихо.

— Лив проболталась. Той же ночью выдала тайну Херсиру.

— Да ладно! Херсир рассказал вождю?

— И что бы это дало? У Гарди был дар — какая разница, откуда он взялся? Сила иногда дается не тем... — Он вздохнул. Показалось, эта история задевает Филиппа лично. Задевает сильно. Но он снова поднял голову, слегка мне улыбнулся, словно ничего не произошло, и продолжил рассказ: — Херсир охотился три дня и поймал в силки оленя. Большого старого оленя с ветвистыми рогами. Привел его на гору молитв и принес в жертву. Измазавшись кровью животного, воин спилил рога и поднял их над головой, взывая к богам.

— Он тоже пришел просить о ясновидении?

— Херсир не смог бы примириться со слабостью. Привык к мощи и не променял бы ее ни на что. Но величие Гарди раздражало его.

— Ты меня запутал, — пробормотала я. — Что пришел просить Херсир?

— Отомстить Гарди и не утратить силы? Хм... Дай подумать! — Филипп хитро улыбнулся. — Если что-то дать, а потом забрать, человек иногда сходит с ума.

— Постой, он что же, захотел лишить его дара?!

— Не просто лишить, а забрать себе, трансформировать в активные способности. Усилить свою скорость, меткость. И постоянно напоминать Гарди о поражении.

— Но боги ничего не дают просто так...

— Они велели ему взять себе жену. Девственницу из соседнего варварского племени. Смешать кровь, обратить то племя в их веру. Новую веру.

— И бросить Лив... — пробормотала я.

Почему-то стало грустно, хотя я совершенно не знала этих живших много тысячелетий назад людей.

— Повторюсь, тогда не существовало понятия «любовь», — зачем-то сказал Филипп и замолчал.

— Он забрал силу Гарди, да?

— Той же ночью. Дотронулся до него, и ясновидец потерял свой дар. Рассудок его тут же помутился. Он сошел с ума. Ведь он отдал все за эту силу, а теперь остался ни с чем. Лие предала его. Все его оставили.

— Бедный... — я вздохнула. — Грустная легенда.

— Не жалея Гарди. Херсиру досталось куда больше.

— Что, — саркастично поинтересовалась я, — не выдержал, и его разорвало от силы?

Филипп отпил из кружки давно остывший кофе. Часы умиротворяющее тикали, со стены улыбалась дама на репродукции неизвестного мне художника.

— Херсир взял в жены дочь вождя соседнего племени и исполнил то, что от него требовалось. Вместе с их жрецом — Арендрейтом — он заставил это племя поклониться своим богам. Мало того, мудрый жрец помог ему разделить данную богами способность между новыми соплеменниками, делая их похожими на себя. Хищными. Способными

забирать силу у ясновидцев.

— Как атли?

Наконец, я начинала что-то понимать. Филипп рассказывал легенду о возникновении хищных. Охотник в подворотне назвал Кирилла зверушкой. А потом, на балконе, и меня... Это что же получается, я тоже? И родители?

Как же это... И как поверить?

А разве есть выбор после вчерашнего? Разве получится забыть насмешку на лице Славика, дикую боль, что он причинял, не прикасаясь?

— Верно. Как атли, — спокойно ответил Филипп и взял меня за руку. — Как мы.

Я поежилась. А он продолжил, как ни в чем не бывало:

— Лив оказалась жалостливой. Пошла на гору молитв и попросила для себя наказания.

— Но почему для себя? — удивилась я. — Почему не для Херсира? Это же он все затеял. И бросил ее потом.

Он усмехнулся.

— Именно она проболталась. Раскрыла секрет Гарди. Ты удивишься, узнав, на что готова женщина ради того, кого любит.

Ну, да, вновь пафос и туманные фразы. Хотя так ли он не прав? Если даже я поехала... Зачем?..

В груди стало горячо, и я почему-то выдернула руку. Посмотрела в сторону — на сервант. Попыталась сосредоточиться на статуэтках. Они расплывались от слез, которые я отчаянно пыталась сдерживать.

— И что дальше? — спросила хрипло. Просто нужно было говорить. Чтобы не вспоминать, не беречь еще не затянувшиеся раны. — Что просила Лив? Смерти?

— Это было бы слишком просто, — хмыкнул Филипп. — Боги никогда ничего не дают просто так. У Гарди они забрали силы, Херсира заставили бросить дом. А что можно отнять у девушки? — Он вздернул подбородок. — Правильно, любимого.

— Ты говорил, в то время не существовало понятия «любовь», — бесцветно произнесла я.

— Но я не сказал, что самой любви не было.

Филипп больше не выглядел современно. Поддаваясь атмосфере комнаты, он нырнул в прошлое — в то время, о котором говорил, примеряя на себя личину древнего воина.

— Тогда боги создали охотника. Существо, внешне похожее на человека, но вместе с тем несущее смерть нам — хищным, — он серьезно посмотрел на меня. — Потомкам Херсира. Хаук — так его звали.

— Зачем?

— Чтобы убить Херсира. Тем самым наказав Лив.

— Хм... А по мне, так поделом ему! — Я обняла себя за плечи. — Он ведь бросил ее ради амбиций.

— А ты жестокая. — Казалось, Филипп удивился, но я пожала плечами и ничего не ответила. Впору возненавидеть весь мир после всего, что со мной произошло. Капля кровожадности — велика беда!

— Лив оказалась мягче. Узнав о страшной будущности любимого, она предупредила Херсира. Прокралась той же ночью в их дереvушку, разбудила его, переполошив тем самым все племя.

— Херсир бежал?

— Он и все его соплеменники собрались и быстро покинули насиженное место. Научились защищать себя ментально, обосновались на другой стороне земли. Арендрейт был великим жрецом. Поговаривали, после смерти он создал свой собственный мир, где обучает способных, но все это вымысел, на мой взгляд.

— А охотник? Хаук? Что стало с ним?

— Охотник ищет. Охотники вообще бессмертны. Впрочем, есть мнение, что Первые вечны и будут всегда. Те, кто в них верит.

— То есть получается, мы бессмертны? Ну, разве что охотник убьет...

Филипп усмехнулся.

— Мы не бессмертны, Полина. Хотя живем и не стареем дольше, и значительно сильнее других людей, но оружие, к примеру, может причинить нам вред или даже убить. Все отличие в том, что охотнику для этого не нужно прикасаться.

— Но как? Это что-то типа телекинеза? — Я испуганно оглянулась, будто Хаук мог подслушать нас из-за шкафа. — Я не очень сильна в разных фокусах.

— Нет. У охотника из жилы произрастают щупальца. Ими он и убивает. Мне нужно идти, но ты можешь почитать летописи. Я их постепенно перевожу в электронный вид. Вот. — Филипп поднялся, извлек из ящика серванта черный гляцевый ноутбук, запустил. — Здесь много файлов, вроде все доступно, но если что-то не поймешь, я все поясню вечером.

— Эм... Филипп... — Я запнулась. В общем-то, мне нужно думать о том, как жить дальше, а не читать летописи. Сейчас на это просто нет времени. — Может, ты расскажешь мне потом, вкратце?

Ответом мне был недоуменный взгляд, и пришлось пояснить:

— Ну, знаешь, проблемы. С жильем, работой, все дела...

— Тебе не нужно об этом беспокоиться. Больше нет. — Он покачал головой, будто разговаривал с маленьким ребенком, которому приходится объяснять простейшие аксиомы. — Атли должны заботиться друг о друге. Ты можешь жить здесь или, если хочешь, у Кирилла. Скоро мы соберем племя, и не надо будет бояться таких молодых выскочек, как тот охотник.

Филипп присел рядом, взял за руку. Показалось, на его лице мелькнула жалость, но потом оно вновь стало непроницаемым.

— Извини, но я не могу жить с тобой. Я так не привыкла, к тому же не знаю тебя вовсе.

— Ты видела, что может случиться, если будешь одна. Я насильно не держу, но подумай. Меня можешь не бояться, а если прочтешь первый файл, убедишься, что хищные не имеют права без суда причинять вред соплеменникам. Это жестоко карается.

— Не знаю...

Филипп говорил логичные вещи — мне нельзя уходить. Здесь, рядом с тем, кто понимает во всем безобразии, которое творится вокруг, я в относительной безопасности. За дверями квартиры Филиппа, кроме охотника, есть еще и Влад. Здесь он точно не найдет меня, ведь между нами с Филиппом нет никакой связи, мы даже не знакомы по сути.

Я решительно кивнула.

— Хорошо. Почитаю, переночую у тебя сегодня, а там решу.

— Умница! — Филипп погладил меня по голове — совсем как ребенка. Жуткая привычка начинала напрягать, даже слегка бесить. Да, он знает больше, но это совсем не значит, что нужно снисходительно ко мне относиться!

Впрочем, негодование улетучилось в тот самый момент, когда я погрузилась в чтение. Признаться, рассказчиком Филипп был хорошим и на бумаге.

Из того, что я прочла за день, поняла: хищные — то есть, собственно, мы — живут племенами. Это такие общины, где есть вождь, жрец, лекари, защитники, воины, ищейки и множество других талантливых... людей. Да, людьми называть тех, о ком написано в летописях, совершенно не поворачивался язык. Но себя-то я все еще причисляла к людям.

После того, как Херсир обратил в веру свое племя — ар — произошло много изменений. Он правил долго — несколько столетий, а затем исчез. Никто не знал, куда именно, хотя, поговаривали, что Первый бежал от Хаука сквозь проложенный Арендрейтом портал. В порталы я не верила, в Херсира, впрочем, тоже. В летописях было сказано, что никаких доказательств существования Первых не осталось. Возможно, их и не было вовсе...

Племя ар росло, множилось. Постепенно начались споры, претензии и междуусобицы. Тогда-то и возникли первые отщепенцы — сильные воины, собравшие вокруг себя много последователей. Они отрекались от племени, уходили и создавали свои собственные племена. Постепенно мир наводнялся хищными, они внедрялись в общество, теряясь среди людей, но все равно держались обособленно.

Хищные часто живут вместе в больших домах, дабы обезопасить себя от внезапных нападений охотников и прочих существ, желающих их убить или падких на халявный кен.

Интересно, что за другие существа? Неужели есть кто-то похуже охотников?

Кен — что-то типа жизненной энергии. Она у каждого хищного уникальна и сосредоточена в жиле — месте в районе пупка. Это как второе сердце. Если жила рвется, кен вытекает и хищный гибнет. Именно так убивают охотники. Из их жилы вырастают длинные смертоносные щупальца, которые рвут жилу хищного.

Я вздрогнула, вспоминая вчерашнюю боль.

Все же охотнику, чтобы убить, нужно приблизиться. Чем он моложе, тем ближе должен находиться к жертве. Впрочем, древний может убить на расстоянии десяти метров и нескольких хищных сразу. И закрытые двери не помеха энергетическим щупальцам...

Слово «древний» немного сбило с толку. Насколько старым должен быть охотник, чтобы считаться древним? Для меня шестьдесят лет — уже старый, но охотники-то живут вечно. Нужно уточнить у Филиппа этот момент.

У каждого атли есть защитник — стихия, которая его оберегает. У хищных из других племен подобного защитника нет. Вообще повелевать стихиями — способности колдунов, не хищных. Этот дар достался какому-то вождю в одном из ритуальных убийств, и он разделил его с соплеменниками.

В файле говорилось, что хищный в определенных погодных условиях чувствует себя хорошо... Я люблю дождь, возможно, это оно? Я выделила этот фрагмент текста, чтобы не забыть спросить Филиппа.

В одном из документов нашла, что каждый хищный должен посвятиться в племя, принести клятвы, дать обет.

Дальше шло много историй о легендарных воинах атли, совершивших нечто героическое, любовных перипетиях неизвестных мне личностей, войнах и соединениях племен, и множестве прочих событий.

Я читала до тех пор, пока не заболели глаза, а затылок не налился свинцом. Не в силах больше воспринимать информацию, закрыла ноут, встала и потянулась.

Часы на серванте показывали десять вечера. Ничего себе засиделась!

Интересно, где бродит Филипп? Наверное, клиенты. А вечерами бумажная волокита.

От нечего делать я взяла пульт от телевизора.

Сериалы и рекламные ролики — спутники будних вечеров. Как-то я пристрастилась к одной мыльной опере, пока сюжет не затянул настолько, что уже было непонятно, с чего все начиналось и куда идет. После этого я опасалась их смотреть.

Балконная дверь легко поддалась, и в лицо дохнула прохлада весеннего вечера. Снег растаял, превратился в грязную противную жижу. Люди комично перепрыгивали через лужи и ругались на проезжающие мимо авто.

Зато на весну больше похоже.

Я боялась думать о том, что произошло. Не об охотнике — там все было проще. Запутанно, нереально, даже сказочно, но проще.

В отличие от Влада...

Именно он казался опаснее самого древнего охотника, самого страшного из всех чудовищ, которые упоминались в летописях атли. Не потому ли, что он был человеком, которому плевать на кен? Не потому ли, что его мотивы настолько непонятны, что жуть пробирала до костей? Что за несколько часов до того, как все случилось, я думала о нас, представляла...

Руки сжались в кулаки. Злость, обида, страх — смешались, слились в одну сильную эмоцию, с которой я никак не могла справиться. А когда не можешь совладать с эмоциями, это плохо.

— Ты чего тут стоишь? — Голос Филиппа оказался сродни холодному душу и вернул меня в реальность.

Нужно отбросить прошлое, пока получается его отбросить. Насущных проблем хватает.

— Читала много. Голова болит, — улыбнулась я.

— А пойдем-ка пить чай, заодно и расскажешь, что узнала за день.

Он обнял за плечи, и впервые за несколько дней я ощутила себя дома. Нужной.

Быть может, так и должно быть? Быть может, у меня впереди интересная, полная приключений жизнь?

Я думала о горячем чае и охотниках, о кене атли, о своих возможных способностях к защите. Девушки-хищные частенько оказываются защитницами. Есть шанс, что я всегда смогу уберечь себя и близких от опасности.

А это уже что-то.

Глава 6. Посвящение

Мы были в лесу вдвоем — я и Филипп. Вернее, не в лесу — в местной посадке, но для меня она тогда казалась лесом.

Деревья таинственно раскачивались, шелестели, и этот звук особо выделялся среди ночной тишины. А еще звук наших шагов — ломающиеся ветки и прошлогодние листья отзывались шорохом на осторожную поступь.

Для посвящения нужны определенные условия: время года, фаза луны, дата. У каждого хищного бывают всплески силы, и посвящение проводится именно в такой момент. Мне вот пришлось ждать до июня.

Филипп нашел полянку, где можно удобно расположиться. Поставил на траву пакет, достал из него банку с краской и кисти.

— Помоги, — сказал, протягивая мне кисточку.

— Мы будем рисовать?

— Для ритуала нужен магический круг четырех стихий.

Мы трудились около получаса. Сначала нарисовали окружность. Краски ушло много — она никак не хотела ложиться на неровный «холст».

По четырем сторонам Филипп скрупулезно вывел знаки стихий. Три плавных волны и перевернутый треугольник — вода. Три спирали и треугольник с перечеркнутой верхушкой — воздух. Костер и прямой треугольник — огонь. И последний: прямые линии, символизирующие плодородие, перевернутый треугольник с перечеркнутым углом снизу — знак земли.

Иногда Филипп пользовался фонариком, так как полную, налитую луну, скрывали редкие тучи, и становилось совсем темно. Наконец, он закончил художества и повернулся ко мне.

— Садись, — велел, указывая на центр окружности. Я боязливо опустилась на траву, поправляя одежду, чтобы случайно не измазаться. Было страшно и волнительно.

— Благословенные духи Севера, воздушные пространства, я призываю вас! Благословенные духи Юга, недра земли, я призываю вас!

Филипп говорил с закрытыми глазами, подняв лицо к небу. Небо было удивительно звездным — звезды проглядывались сквозь покачивающиеся ветви деревьев блестящей россыпью. Белый диск луны закрывало полупрозрачное облако, словно газовая вуаль.

— Благословенные духи Запада, водные глубины, я призываю вас! Благословенные духи Востока, всепоглощающее пламя, я призываю вас!

Филипп покачивался в такт словам и проводил руками у меня над головой.

Волнение отозвалось холодком в позвоночнике и выплеснулось тяжелым выдохом.

Я действительно сделаю это — стану частью целого, большой семьи, как те, о которых столько читала. Не буду бояться, забуду прошлое, заменив его настоящим — неизведанным и до жути интересным.

Филипп все говорил и говорил, а мир вокруг менялся. Усилились запахи, звуки, в голове воронкой ширился монотонный гул, делая слова Филиппа неразличимыми, непонятными,

ненужными. Мною овладела эйфория. Ощущение невесомости.

Волна тепла поднялась от пупка выше — к сердцу, заполняя грудную клетку, расширяя легкие. Она раскрепощала, дарила ощущение свободы и вседозволенности. Пьянила. От пяток вверх побежали приятные мурашки. Сердце гулко ухало, отсчитывая удары.

— Принимаешь ли ты сущность атли, данную тебе богами? — спросил Филипп неожиданно четко, и я глухо выдохнула:

— Да.

Голос был другим — низким, гортанным и хриплым. Мысли испарились, тело заполонила легкость, граничащая с беспечностью. Хотелось петь, танцевать, смеяться. Впервые в жизни ничего не волновало. Вообще. Только я и лес. Я и ветер. Я и небо, куполом накрывшее землю. И кен, бурлящий в жиле. Проснувшийся, неугомонный.

— Клянешься ли жить в атли, молиться с атли, защищать племя в случае опасности и отдать жизнь при необходимости, если таковая возникнет?

— Клянусь.

Губы пересохли, дыхание сбилось, стало надрывистым.

— Клянешься ли слушать вождя и повиноваться ему? Родить детей и оставить их атли, если вздумаешь уйти из племени?

Клянусь, клянусь, клянусь...

Пупок пульсировал, рождая подобие электрических разрядов. Они устремлялись в разные стороны: к рукам, ногам, голове, наполняя меня, распирая. Будто что-то рвалось наружу, но не могло освободиться.

А потом словно мыльный пузырь во мне лопнул — вновь стало легко. Охватило благоговение.

Безумие.

Принадлежность.

— Итогом сего принимаю тебя, сестра! — Филипп улыбнулся. — А теперь встань.

Голова все еще кружилась, но жар ушел, опьянение тоже. Охватили свобода и легкость. Филипп взял меня за руку и помог подняться, а затем, пока я не успела возразить, полоснул по ладони лезвием. Рукоятка ножа была черной, украшенной рунами. Ритуальный нож атли теперь тоже станет частью моей жизни.

Я ждала этого, но все равно испугалась. Наверное, нужно выплеснуть и страх тоже. Мой так вообще врос в меня, стал частью личности. Страх прошлого — темного и таинственного. Настоящего — зыбкого и неустойчивого. И будущего. Неизвестности. Испытаний. Новых свершений.

Но теперь уже не нужно бояться. Я — часть целого. Атли. Каждая частица моего тела кричала об этом. И к Филиппу тянуло невероятно — просто обнять. Проверить, что он настоящий, а не приснился мне. Такой родной. И Кирилл тоже. И как я могла их бояться?

— Ничего, уже все... — прошептал Филипп и проделал то же самое со своей ладонью, потом соединил наши руки. Кровь, смешиваясь, капала на траву в границах круга.

— Клятву глубинным кеном обычно скрепляют кровью.

Все было так странно и так... правильно. Словно я всю жизнь этого ждала.

Верила ли я в магию?

Теперь однозначно. То, что произошло, не могло быть плодом воображения. За эти несколько месяцев я многое узнала и примерно представляла, какой станет жизнь после посвящения. Вернее, после энергетического воссоединения атли.

Порезанная ладонь немного саднила, но это казалось мелочью в сравнении с тем, что я получила взамен. Семью. Теперь никто не обидит меня, а если обидит... Впрочем, проверять не хотелось.

Я рассмеялась. Впервые в жизни свободно выражала эмоции, не боясь реакции и осуждения окружающих. Раскинула руки, посмотрела на усыпанное звездами небо и закружилась.

Филипп улыбался, пристально наблюдая за мной и, наверняка, думая о чем-то своем.

Я взглянула на него исподлобья и тоже улыбнулась.

— Ты необычна, — сказал он и посмотрел как-то по-новому. Оценивающе.

— Я необычна? И это после того, что ты сделал?!

— Скоро ты привыкнешь. Все это станет твоим миром. Буднями. Теперь ты атли. А когда мы объединимся у очага, ощущения будут еще ярче.

— Так когда?

— Всему свое время, Полина...

Он постоянно так говорит. С тех самых пор, как я поселилась у него, Филипп пытался казаться таинственнее, чем есть на самом деле. Неважно, кстати, выходит. Во всяком случае, меня не проняло.

Вся проблема в том, что Филипп родился жрецом. Вообще быть жрецом весьма почетно — сила, возможности, различные плюшки. Знания, передающиеся из поколения в поколение, склонность к явной магии, доступ к разным ритуалам, поиск атли.

Жрец, как и вождь, видят сущность члена племени сразу. Как пояснил Филипп, это нечто вроде магического свечения в жиле — у всех атли оно схожее. Так он и нашел меня — когда я выбежала из той подворотни, полыхала так, что из Москвы было бы заметно. Да уж, скрыться от охотника я точно не смогла бы.

В общем, быть жрецом почетно и здорово. Но Филиппу было мало — он хотел возглавить атли. Править.

С этим все обстояло сложнее, потому что, как оказалось, вождь атли живет и здравствует, только почему-то до сих пор меня ему не представили. И это напрягало. Племя-то не соединено и, понятно, что пока нам необязательно вообще знакомиться. Некоторые племена встречались в полном составе лишь у очага, специального места силы, в день воссоединения. Но для меня, как человека далекого от традиций хищных, это было дикостью.

А Филипп сводить нас не спешил, значит, на то были причины, но озвучивать их он не торопился.

Зато я познакомилась с Олей. Мы нашли ее недавно — в апреле. Это время на удивление удачно совпало с ее всплеском, и она тут же посвятилась. Ритуал провели в квартире, хотя Филипп сказал, что мне повезло больше — на природе боги всегда благосклоннее, чем «в этих коробках».

Он говорил, Оля может стать прекрасным целителем, если будет тренироваться. Мы общались, так как приходилось ночевать в одной комнате. Она оказалась милой, до неприличия скромной и молчаливой.

Она приехала из Тулы. Ее отец был деторожденным, а это очень необычно.

Хищные иногда связывались с людьми. Как мама, например. Вышла же замуж за человека, и я родилась.

Бывало, что кен хищного имел особую ценность. Был сильный воин или, например,

целитель, а вождь не хотел терять его дар. В битве случается всякое, да и охотники — завсегдатаи нашей жизни. А люди... некоторые люди всегда рядом, потому что любят.

Один жрец создал заклинание, которое закрепляло часть кена человеком. За лучшим другом или любовником — одним из тех, кто посвящен в дела племени. И после смерти хищного можно было активировать это заклинание, человек принимал сущность хищного, как бы заменяя его собой. По силе такой человек оказывался слабее, но дар сохранял. К тому же, его дети были уже полноценными членами племени. Как Оля.

Деторожденные были редкостью, так как людям хищные почти никогда о себе рассказывали, не говоря уже о такой ответственности, как посмертная передача кена. Все же непросто понять и принять нашу жизнь, не прочувствовав ее на себе.

Хотя я себя не человеком не чувствовала. Вот совсем. Да, во мне что-то изменилось, но не кардинально, и после ритуала все словно встало на свои места. Я готова была принять новую жизнь — внутри все буквально дрожало от предвкушения. И медлительность Филиппа раздражала.

— А вождь атли вообще знает о нашем существовании? — не унималась я.

Филипп собрал краску и кисточки в пакет, скрупулезно вытер ритуальный нож о кусок ткани, потом в него же и завернул.

— Он знает, что я ищу атли. Это сложно. Его дядя...

— Был ужасным правителем, — перебила я. — Помню, ты говорил. Разогнал племя и не удосужился проследить, кто куда уехал. Испугался кого-то или чего-то. Бывает. Но при чем тут...

— Хорошо! — Филипп выпрямился, резко стал серьезным и посмотрел в глаза. — Я скажу. Думаю, ты имеешь право знать.

Ночной лес, полный таинственных шорохов, и приоткрытая завеса тайны — что может быть интереснее? Сухие ветки ломались под ногами. Мы выбирались из лесополосы, и внутри назревало ощущение чего-то нового, волнительного. Не покидало чувство, что кровь вот-вот закипит — настолько я горела. Жила буквально плавилась, наполнялась кеном — только теперь я поняла, что значит сила. То, о чем читала, воплотилось в реальность. Невероятно!

— Вождь атли... настоящий вождь... У нас с ним много недопониманий, Полина. Не только у меня — у Кирилла тоже. И у Глеба.

Знакомство с Глебом вышло смазанным. В тот единственный раз, когда он был в Липецке проездом, они заперлись с Филиппом на балконе и долго о чем-то разговаривали. Меня он одарил лишь мимолетным взглядом. Темноволосый, симпатичный, одет а-ля байкер. Много улыбался и курил.

— Разве честно, что вы говорите о разногласиях за спиной у вождя? — нахмурилась я, переступая через корягу. — Разве не лучше сказать ему прямо. Возможно, он пойдет на уступки.

— Это вряд ли. Да сейчас это и неважно уже... Поздно.

— Постой, ты хочешь сказать, вы... Бог мой, Филипп, вы готовите переворот?!

Я остановилась, как вкопанная, заставив притормозить своего спутника. Магия сразу улетучилась, а в груди комом встало плохое предчувствие.

— Я знал, что ты так отреагируешь, — спокойно произнес Филипп.

— А как мне реагировать? А если он узнает? Если...

Он взял меня за руку, несильно сжал. В глазах горела решимость, непонятный азарт.

Словно не только разногласия толкали его на опрометчивый, опасный шаг.

— Я не боюсь.

— Зато я боюсь!

Я высвободилась и пошла дальше, не дожидаясь этого странного мужчину, к которому на удивление сильно прониклась. Филипп догнал меня и держался рядом молча.

Вскоре мы вышли к дороге, извилистой лентой пробегающей недалеко от нашего квартала. Я думала о смуте, в которую, как оказалась, была втянута. Междоусобицы никогда не заканчиваются хорошо, а большинство попыток свергнуть вождя на совете, так вообще плачевно. Казнью зачинщика.

— Так что за разногласия? — хмуро спросила я.

— Он помешан на контроле. Хочет, чтобы мы жили вместе, как в средневековье. Хочет указывать нам, что делать. Там много всего...

— И ничего личного?

Филипп промолчал. Отвернулся, посмотрел в сторону, словно так мог скрыть очевидное.

— Понятно.

— Уверен, когда ты познакомишься с ним, наши мнения совпадут.

— Посмотрим.

Я пыталась переварить полученную информацию. Навстречу неслись машины, и свет фар коверкал наши тени, то сужая и вытягивая, то, наоборот, сплющивая.

Не похоже было, чтобы Кирилл соглашался с братом. Он появлялся редко. Когда приходил, они с Филиппом долго говорили о чем-то за закрытыми дверями, иногда спорили, а заканчивалось все тем, что младший Макаров хлопал дверь и не появлялся неделями. Вообще он казался мне пренеприятнейшим типом. А еще врач! Дикий какой-то, дерганый. Не то, что Филипп.

Но и этот оказался не так прост. Каждый чемодан имеет двойное дно...

Так же молча мы вошли в жилой район. Филипп взял меня за руку, побуждая притормозить на секунду, заглянул в глаза. Старая липа негостеприимно зашелестела листвой, будто хотела прогнать нас и, наконец, уснуть. Поднялся ветер, небо заволочло тучами, которые скрыли звезды и луну.

— Ты не должна голосовать за меня, Поля, — тихо сказал Филипп. — Но я буду рад, если проголосуешь.

Значит, все правда. Он не просто хочет свергнуть вождя, Филипп Макаров планирует взойти на «трон». Что ж, амбициозно. Возможно, он и прав, но как я могу судить?

В ту ночь я не могла уснуть, все думала о заговорах и тайнах. Сколько всего я еще не знаю? Какова моя роль в противостоянии Филиппа и таинственного вождя атли? Чем это для меня обернется? Лучше бы все обошлось, потому что где-то внутри еще зудит старая глубокая рана.

Под утро мне приснился Херсир. Вернее, приснился не он, а тот образ, в котором я представляла его: завернутый в шкуру медведя свирепый темноволосый воин. Он прищурился, натягивая тетиву лука, а затем резко отпускал стрелу. Когда она летела, я внезапно поняла, что стрелял-то он в меня, но уже было поздно уклоняться.

Стрела попала в живот, но боли не было — лишь напряжение, подобное тому, которое я чувствовала в лесу во время ритуала. Оно поднялось и разлетелось в теле на множество электрических разрядов.

Я раскинула руки и танцевала под дождем.

Глава 7. Неожиданная встреча

Глава 7. Неожиданная встреча

— Нет, не так. Все начинается с ладоней. Вот, смотри. — Филипп выставил руки вперед, ладонями вниз, слегка оттопырив мизинцы. — Видишь?

— Я так и делаю!

Меня начинало это слегка напрягать. Уже час я пыталась поставить защиту на окно. Делала так, как показывал Филипп, повторяла каждое движение, стараясь изо всех сил подвести кен к ладоням и совершить защитный пасс. Тщетно.

— Ты просто не стараешься.

— Может, я и не защитница вовсе! — выдохнула я, отошла от окна и уселась на табурет. Древний — наверное, даже старше меня — холодильник обиженно забурчал и заглох. Чай окончательно остыл, разве что льдом не покрылся. Ненавижу холодный чай! Ненавижу эти занятия!

Уже неделя прошла после посвящения, а во мне не изменилось практически ничего. Долгими весенними ночами, глядя в большой прямоугольник окна на луну, я мечтала, что стану сильной защитницей, как те, о которых читала в файлах Филиппа. И что?

И ничего!

— Способностей к врачеванию я в тебе тоже не вижу, — поморщился Филипп и сел рядом. Откусил печенку, отпил из кружки. Фу! Как можно пить это? — Мы будем искать, не расстраивайся.

— Не думаю, что я сильна в защите, — уверенно сказала я. — Возможно, я ищайка.

— Или воин, — заметил он, залпом допивая чай.

— Это вряд ли. Я так рванула из той подворотни, когда Кирилла схватил охотник. Боги не наделили бы такую трусиху качествами воина.

Филипп накрыл своей ладонью мою, пристально заглянул в глаза и очень серьезно произнес:

— Ты все правильно сделала. Непосвященному нечего противопоставить охотнику.

— Да уж...

— Черт, и как я не подумал?! — Он хлопнул себя ладонью по лбу. Я иногда поражалась, как комично он может выглядеть в серьезных ситуациях. — Твои родители. Скорее всего, мать, потому как твоя фамилия мне незнакома... Как ее звали? В девичестве?

— Света, — ответила я. — Светлана Рогова.

— Рогова, говоришь... — Он выпустил мою руку, отвернулся.

— Что? Ее тоже не помнишь?

— Скорее всего, это была мать. Да-да, именно мать. Но мне нужно... знаешь, покопаться в записях. После Станислава все перепуталось...

— Хорошо. Как найдешь что-то, скажешь, ладно?

Он улыбнулся. Нервно, подозрительно. Слегка морща брови в своей излюбленной манере.

— Не факт, что тебе передались ее способности. Так что даже если выясним, кем она была, занятия прекращать не будем. Допивай чай и тренируй защиту.

Он встал, потрепал меня по щеке. Ненавижу, когда так делают. Мне уже исполнилось

двадцать, я не ребенок!

— Ну, Филипп...

— Вернусь — проверю. — И закрылся в гостиной.

— Что толку тренировать то, чего нет? — пробормотала я.

В кухню вошла Оля. Она появилась так неожиданно, что я даже подпрыгнула на стуле.

— Ну, как успехи? — спросила смущенно. — Извини, не хотела пугать.

— Ничего. — Я улыбнулась, но тут же сникла. — Никак. Вообще.

— У тебя получится!

— Ты хотя бы знаешь, кто ты. Целитель — это очень хорошо. Иногда я думаю, что даже лучше, чем защитница...

Оля присела рядом, поджала губы. Полноватое лицо стало серьезным, даже слишком.

— Папа говорил, неважно, кто ты. Важно то, что ты в семье. Когда соединим племя, сможем приносить пользу. Станем сильнее, даже охотники будут не так страшны. Тебе не потребуется полагаться на себя или Филиппа. Любая, даже самая слабая защитница сможет тебе помочь.

— Ты права, — согласилась я.

— И я смогу, наконец, работать. — Она смешно подпрыгнула на месте, повернулась и радостно сообщила: — Филипп говорил, что сегодня вечером мы, наконец, увидим наш дом.

— Наш дом?

— Вождь атли строит для нас дом.

— А это... — Я поморщилась, покрутила в руках печенюку, положила обратно. — Мне кажется, Филипп не особо рад. То есть, я хочу сказать... Филипп хочет жить отдельно, самостоятельно.

Интересно, а Оля знает о перевороте? Было бы непростительным со стороны Филиппа не обработать девушку, живущую в его квартире несколько месяцев. В общем-то, доброта и забота не казались мне теперь такими уж бескорыстными. И это право выбора... Психологический трюк.

— Знаю, — ответила Оля. Уличить ее в хитрости я бы не посмела. Казалось, она просто не умела хитрить — у нее даже лицо всегда открытое, с распахнутыми серо-зелеными глазами. Весь образ какой-то добродушно-круглый, плотный, как она сама. — Филипп хочет сам стать вождем. — Она присела рядом и перешла на шепот. — Ты будешь голосовать за него на совете?

Я прищурилась. Самое время выяснить все, постепенно выпрашивая нужные детали.

— А ты?

— Филипп говорит, наш вождь жуткий. — Оля подмигнула и жеманно захихикала. — Но я слышала, он красавчик. Папа говорил... когда был еще жив. Так что хочу взглянуть сама.

— Поверь мне, одно другому не мешает, — сказала я.

Воспоминания всегда наготове — стоят на границе памяти, так и норовя подбросить в нужный момент нужные картинки. Идеальные пропорции лица, светлая прядь на лбу, насмешливость, жесткость... Уникального цвета глаза. Прикосновения, от которых я была сама не своя, мысли, за которые себя ненавидела. Все это живо, как бы глубоко я ни закапывала. Как бы ни делала вид, что все прошло.

— Во всяком случае, я хочу вначале посмотреть сама. Пообщаться с ним, — произнесла Оля очень серьезно. — Филипп мне нравится, но чтобы голосовать на совете, одной

симпатии мало.

— Верное решение, — согласилась я.

Во всяком случае, мудрое. Я вот тоже обязательно пообщаюсь с вождем атли. Неприятное чувство зашевелилось на задворках сознания. Я его узнала — раньше оно жило в неразлучной близости со мной, даже можно сказать, составляло львиную долю меня.

Чувство вины. Ненавижу его! Самая противная эмоция...

Впрочем, я Филиппу ничего не обещала. Голос на совете — слишком много, чертовски много, особенно если учитывать, чем это может обернуться для меня. Похоже, я большой ценности племени не принесу — если судить по неудачным попыткам определить собственные способности.

Сегодня вечером... Что ж, я готова. Хотелось бы уже, наконец, покончить с ожиданием и жить так, как привыкла. Найти работу, встать на ноги. Не бояться охотников, прячущихся среди знакомых. Брр! Я так и не позвонила Вике с того самого дня, она, наверняка, с ума сходит. Бедная... Представляю, что она подумала. Посчитала меня фриком. Или что Славик ко мне приставал. Тогда и ему достанется! Он мне, конечно, не нравится, но все же парень не виноват в том, что произошло.

После обеда приехал Глеб. Ввалился в квартиру с грохотом, вещами и гитарой в чехле. Поздоровался громко, похлопал Филиппа по спине и подмигнул нам с Олей.

Разувшись, прямым ходом направился на кухню — к холодильнику. Во мне зашевелилась ревность собственника, так как там осталось мое пирожное. Я берегла его на вечер, но теперь точно не увижу — этот троглодит в прошлый приезд слопал целую кастрюлю котлет. В общем, решила я, мы с Глебом явно не поладим. В лучшем случае, это будет холодная война, в худшем — подеремся за еду.

— Ну, все готовы? — Он обернулся, и я прищурилась. Как и ожидалось, в его руках готовилась к казни моя заварнушка — оказалось, даже глазурь немного померкла и пошла трещинами. — Знакомиться едем?

— Едем, — снисходительно улыбнулся Филипп и обнял меня за плечи. — Сегодня вечером...

— Знаю, — перебила я резко. Потом добавила уже мягче: — Оля сказала.

— Домбровская в городе? — откусывая добрую половину и пачкая нос воздушным кремом, спросил Глеб.

— По моим сведениям, давно, — мрачно ответил Филипп. — Они живут вместе.

— Ну, как я и предполагал. Но Кирилл-то с нами?

— Поговоришь с ним сам. Думаю, после сегодняшнего вечера все определятся с мнением.

— Отлично! — просиял Глеб, отправляя в рот остатки пирожного.

Вечером мы отправились знакомиться. В общем-то, не знаю, почему, но я очень нервничала. Я так часто представляла себе воссоединение, и вот все происходило в реальности. Хотя это только репетиция, но все же...

Сегодня я увижу других атли. Интересно, сколько нас? Филипп говорит, что благодаря недалёковидности предыдущего вождя, атли осталось совсем мало. Но если другие хоть на толику такие же, как Филипп или Оля, я готова их полюбить. Знаю, что с ними я под защитой, а значит то, что случилось в прошлом, никогда не повторится. Атли не позволят никому обидеть меня. Если бы я знала их тогда...

Ехали мы в машине Филиппа. Оля с интересом рассматривала пейзаж за окном,

постоянно подсакивая на месте. Жизнерадостная, еще умеет удивляться, и это в свои двадцать пять. Мне двадцать, а вера в чудеса умерла лет десять назад с пониманием, что дед Мороз — на самом деле наш пьяный в дрыбадан сосед с нижней улицы. И никаких подарков он не принес, а пришел выпить с бабушкой.

Я не заметила, как мы выехали за город на трассу, а через полчаса свернули направо к небольшому поселку — из тех новых, дома в которых в последнее время так популярны у состоятельных людей. Недалеко от города, но достаточно далеко от заводов и фабрик. Чистый воздух, красивая природа и тишина. Глеб пристроился позади на большом сверкающем мотоцикле, и я ловила себя на мысли, что хочу прокатиться с ветерком. Если бы не мое пирожное...

Медленно мы въехали на одну из улиц, и я с восхищением смотрела на современные дома, наполовину скрытые высокими заборами: кованными, кирпичными и ярким профнастильными. Отделанные снаружи дикарем или фактурной штукатуркой, усадьбы сверкали вымытыми стеклами, красовались огромными — в человеческий рост — розовыми кустами во дворах. Мощенные дорожки, ведущие к домам, извивались, прятались в разнообразии растительности.

Я представляла себе эти дома внутри. Большие, светлые, с множеством комнат и двориками, где раздолье для детей и можно устраивать пикники или просто читать в затененной беседке.

Филипп остановился у массивных железных ворот, черных с витиеватыми узорами. Как по волшебству, они медленно разъехались, открывая взгляду широкий двор с подъездным путем и круглыми кустиками по обеим сторонам.

Прямо за ними нас встречал дом. Вернее, домом это строение назвать было бы кошунством. Домище. Нет, дворец!

— Это... он? — восхищенно спросила Оля.

— Это жилище Влада, — буркнул в ответ Филипп.

В ушах зашумело, горло обдало огнем. Прошное накрыло волной, сбивая с толку, вновь превращая меня в испуганную девчонку, тайком сбегающую из квартиры убийцы. Да, что там — я и осталась той девчонкой. Хорохорилась, храбрилась, делая вид, что все в прошлом, но куда там! Имя — обычное распространенное русское имя — выбило из колеи.

— Поля?

Я подняла глаза. Филипп смотрел в зеркало дальнего вида и хмурился.

— Ты в порядке?

— Я? А, да... ничего.

Голос хриплый, пропитанный ужасом. Я уже готова бежать без оглядки из красивого, почти волшебного двора.

Нужно успокоиться! Все это призраки, Полина. Помнишь, нужно шагнуть навстречу?

Помнить не хотелось, шагать — тем более.

— Ты бледная. — Оля заглянула в лицо. Близо. Слишком близо. Не люблю, когда вторгаются в личное пространство. — Укачало?

— Ага, укачало. — Я нервно улыбнулась.

— Нужно на свежий воздух. — Филипп вышел, помог выбраться мне. Серебристая «Десятка» Кирилла стояла тут же, на парковке. Мотоцикл Глеба угрожающе прорычал и затих. Через минуту он подошел к нам.

— Что случилось?

— Полину укачало, — пояснил Филипп.

— Все нормально, — прохрипела я. Прочистила горло, тряхнула головой. Прошное — в прошлом. Забуди! — Уже лучше.

— Идем! — Филипп взял меня под локоть. Я была благодарна — не знаю, как смогла бы сама идти.

В голове роились жуткие мысли. Скорее всего, это просто совпадение. Вождь не мог не разглядеть во мне атли. А даже если вдруг... Нам нельзя причинять вред друг другу — это карается законом. Нам нельзя, если только это не поединок...

Нас встретила брюнетка. Из тех, что часто печатают на обложках журналов — высокая, стройная, длинноволосая, элегантная и до безобразия красивая.

— Привет, Лара! — поздоровался Филипп и выпустил мою руку. Да-да, с такими красотками вечно так — они ослепляют, и мужчины забывают обо всем на свете. Например, о таких мышках, как я — испуганных и беззащитных.

— Фил! — Она обняла его, ласково улыбнулась, обнажая белые ровные зубы, запустила пальцы ему в волосы. — Я уже успела соскучиться.

Флирт — визитная карточка таких леди. Странно, но мне ее щебетание помогло. Напряжение постепенно отпускало, и я переключилась на обстановку.

Большая гостиная ослепила. Классический стиль, выдержанный, аристократичный. Светлые стены, неброские картины, хрустальные бра, излучающие мягкий свет. Огромный камин, выложенный камнем с широкой полкой, на которой красовались кованые подсвечники. У соседней стены дубовый стол с напитками и бокалами — вероятно, бар. Посреди комнаты стеганый диван на резных ножках и два кресла.

На диване сидел Кирилл. Когда мы вошли, он слегка кивнул в знак приветствия, и тут же отвернулся. Настоящий бука!

— Лара, это Оля и Полина. Я нашел их недавно, — будто сбрасывая невидимую пелену, опомнился Филипп и представил нас брюнетке.

Та снисходительно улыбнулась и окинула нас оценивающим взглядом.

— Лара — сильная защитница, — добавил Филипп. — Одна из сильнейших за всю историю атли.

— Фил мне льстит, — улыбнулась Лара, всем видом показывая, что в душе полностью согласна с высказыванием.

Красотка, да еще и защитница. Я вспомнила сегодняшние неудачные попытки поставить хотя бы слабенький блок на окно. Да уж, кому-то все, кому-то — ничего...

— А где сам хозяин? — насмешливо спросил Глеб. — Или он знал, что я приеду, и спрятался в шкафу?

— Много на себя берешь, Измайлов!

Я стояла спиной к широкой лестнице, ведущий на второй этаж. Сначала, показалось, все тело онемело от вкрадчивого, пропитанного уверенностью голоса. Медленно, словно опасаясь резких движений, повернулась, подняла глаза.

Нет, это неправда! Это...

Я попятилась, оступилась и, наверняка упала бы, если бы кто-то не поддержал меня. Обернулась. Глеб — ошарашено смотрит и не понимает.

И не поймет. Самые сильные страхи — те, от которых мы отрециваемся. Самые раскрываемые тайны — те, что мы пытаемся закопать поглубже. Прошло несколько месяцев, но именно здесь, в ослепительной гостиной я окончательно запуталась в паутине.

— Нет... — Я не сразу поняла, что говорю вслух. — Это просто... засада какая-то!

Из груди против воли вырвался нервный смешок.

Влад стоял на середине лестницы. Все тот же — уверенный в себе, чертовски привлекательный и опасный. И мне показалось, что не было всех этих месяцев, что только вчера я сбежала из его большой квартиры, а сегодня он нашел меня, как бы посмеиваясь и говоря: «От меня не убежишь». Впрочем, вру. Влад был удивлен не меньше — замер, не спуская с меня взгляда, и, казалось, растерялся.

И я сделала то, что умела лучше всего. С силой толкнув Глеба, выбежала прочь из дома. Преодолела ступеньки крыльца и рванула к воротам. Я не думала о том, насколько глупо это выглядит. Нужно было укрыться, спрятаться, но в глубине души я понимала — прятаться бесполезно. Теперь, когда я посвящена, разве что...

Нет, не смогу. Или смогу? Что для меня эта семья? Кучка незнакомцев... Единственный человек, которому я доверяла, считал меня звеном в цепи для достижения собственной цели.

Значит, остается только одно.

Для отречения нужны слова, я видела файл в компьютере Филиппа. Слова и правильный настрой. Настрой у меня как раз подходящий.

Я остановилась у высоких кованых ворот, понимая, что бежать больше некуда — ворота-то закрыты. Взясась обеими руками за прутья, прислонилась лбом к прохладному металлу. Успокоиться. Нужно просто успокоиться. Думать.

Неоспоримым было одно: если отрекусь, Влад больше не сможет меня преследовать. С отреченными даже болтать нельзя, не то, чтобы... Что? Неужели тот поступок — то зверство, жертвой которого я стала — как-то связан с атли? Неужели Влад знал, что я из его племени? Но зачем тогда он... Ведь членам племени не воспрещается иметь детей от людей! Дикость какая! Даже думать об этом — дикость, а сделать...

Ноги подкосились, и я рухнула прямо на траву. Меня трясло, по щекам катились крупные слезы. Нельзя было забывать, делать вид, что все в прошлом. Такое не забывают...

— Поля, Поленька! — Голос Филиппа прозвучал где-то у уха, теплое дыхание обожгло висок, сильные руки оторвали от земли, прижали к груди. — Ну, ты чего?

Я замотала головой, обняла его крепко. Нужно было кого-то обнимать, иначе просто рисковала свалиться в пропасть собственных страхов.

— Нет, прошу тебя! Пожалуйста, не заставляй меня! Я не смогу...

Голос — почти истерический — перешел во всхлипывания, амплитуда была такая сильная, что они отдавали болью в грудной клетке.

— Все хорошо, — шептал Филипп и гладил меня по голове. — Все хорошо, я с тобой.

Ничего не хорошо — теперь я понимала это точно. Теорию о том, что нужно шагнуть навстречу страху, и он отступит, я похоронила с почестями. Ни к чему хорошему она не приведет. Нужно бежать, спрятаться. Думать, что делать со всем этим.

Филипп не питал особой симпатии к вождю атли...

Я подняла на него глаза и решительно сказала:

— Я должна бежать. Сегодня же. Ты спрячешь меня?

— Бежать? Но... от чего?

— От него. От Влада Вермунда.

— Он что-то сделал? Постой, вы... знакомы?

— Прощу, Филипп, у меня мало времени! Ты поможешь?

Мгновения, пока он размышлял, показались вечностью. Я смотрела в сторону дома,

боясь, что Влад сейчас выйдет, схватит меня и вновь запрет там, где никто не сможет найти, услышать.

— Хорошо. Никуда не уходи, я пригоню машину.

И направился в сторону дома.

— Куда же я пойду? — пробормотала я, обнимая себя за плечи.

Было бы куда податься, я бы тут уже не стояла.

До квартиры Филиппа мы доехали без приключений. Он не спрашивал ничего, а я не торопилась рассказывать. Вещи собирала быстро, не заботясь о том, что могу что-то забыть. У меня-то их было всего — ничего, немного шмоток и совята на подоконнике. Их я оставила напоследок.

Филипп разговаривал по телефону в гостиной, пока я упаковывала большую сумку Матвея.

Матвей... Интересно, как он там? Думает ли обо мне, вспоминает ли? Невольно я обидела его, а это плохо. Обижать близких — большой грех.

Вдруг громко щелкнул дверной замок, и я застыла. Повернулась, понимая, что бежать некуда. Бессмысленный фарс — истеричные сборы, нелепая уверенность, что все получится. Да и бравада Филиппа куда-то вдруг подевалась — он стоял в коридоре, потупившись. На меня не смотрел.

— Оставь нас, Макаров! — приказал Влад.

— Влад, я не думаю...

— Это не просьба!

Филипп вышел, и я громко выдохнула. Нас было трое в квартире: я, Влад и мой страх. Последний, казалось, занял все пространство, дышать стало решительно нечем, и я невольно потянулась к горлу.

— Как давно ты знаешь, что ты атли?

Резкий вопрос стегнул похлеще плети. Ни намека на сожаление в зеленых глазах, ни капли сострадания на лице — только решимость.

Я покосилась на ноутбук Филиппа. Утром я читала историю о свихнувшемся жреце, заставившем парочку защитниц прыгнуть с оврага. В соседнем файле — заклинание отречения. Успею ли открыть его быстро? Это вряд ли.

— С марта. После того, как... — Я запнулась, отвернулась к окну, приказывая себе не плакать. Только не перед ним! — Филипп нашел меня.

— И все это время вы сговаривались против меня здесь, в этой квартире?

Я посмотрела на него, ошеломленная нелепым предположением.

— Шутишь? Да, я даже не знала, что ты... — Не выдержав, нервно рассмеялась. Истерика подкралась близко, я уже ощущала дрожь и мелкие противные мурашки. — Если бы знала, бежала бы от вас. Лучше умереть от щупалец охотника, чем встретить тебя снова!

— И Макаров ни разу не упомянул моего имени? Вы ни разу не говорили о вожде атли? Как-то неправдоподобно звучит, Полина.

— И, тем не менее, это так. Но ведь ты знал, не так ли? Ты знал, когда нашел меня, когда... делал это...

— Забываешься! — почти выкрикнул он.

Я отпрянула — Влад пугал меня до чертиков. Но злилась я не меньше. Злилась на него за то, что смеет так разговаривать со мной, на себя — что боюсь, не могу переступить через испуг, почти отдалась панике. Злилась за то, что не сумела сдержать слез — стою перед

ним, слабая, потерянная, реву, как ребенок, когда должна дать отпор, ударить побольнее.

И не могу.

— Да, теперь все по-другому. Теперь, когда я атли... Но я знаю, что делать, знаю...

— Полина...

— Отрекусь! — Рассмеялась Владу в лицо, почти полностью уступая безумию. —

Отрекусь, и ты никогда не достанешь меня. Никогда!

— У тебя истерика.

— А чего ты ждал? Горячего приема? Объятий? Я не скучала по тебе, Влад Вермунд!

— Жди здесь.

Через полминуты он вернулся из кухни со стаканом воды, протянул таблетку.

— Пей.

— Издеваешься? Да, я в жизни ничего не возьму из твоих рук! После того, как ты опоил меня...

— Тогда мне придется успокоить тебя по-другому.

Я посмотрела на него — не шутит, ни намек на блеф. Но и злости больше нет, за все эти годы я хорошо изучила его. Вернее, думала, что изучила. До нашей последней встречи.

— Я не буду пить эту дрянь! — повторила упрямо и отошла к окну. Отодвинула шторы.

Как же я устала! Лечь бы и уснуть. Надолго. Забыть...

Я молчала. Не знала, о чем с ним говорить. Иногда по ночам, сбегая из кошмаров в реальность, стояла у окна и размышляла, что скажу ему, когда стану сильной, когда целое племя будет поддерживать меня. В голове было множество сценариев этой встречи, но ни одного — с таким исходом.

Жизнь — несправедливая штука. И я почему-то всегда внизу колеса, как бы оно не переворачивалось. А может, телега просто стоит на месте?

— Все еще собираешь их? — Влад приблизился, взял в руки совенка, которого подарил, когда мы были вместе. Плюшевого, набитого крупобразным наполнителем, и удивительно приятного на ощупь. После того, как Влад бросил меня, я даже спала с ним, а теперь... Нужно было его выбросить, но рука не поднималась.

— Чего ты хочешь? — устало спросила я. — Зачем все это?..

— Ты — атли. Это многое меняет.

— Как ты мог не знать? Разве вождь не видит принадлежности к племени?

— Это сложно... — Влад поставил игрушку на место и отвернулся.

Почему все так? Между нами и вообще... Рядом с ним все так зыбко. Я ведь должна ненавидеть, желать зла и... не могу.

Он тот же Влад, а я, как ни странно, все та же Полина...

Нет-нет! Это магия, он просто влияет на меня, как вождь.

— А убить — просто? — с горечью спросила я.

Город зажег огни. Там, на улице, в квартирах и домах, в уютных кафешках жили и ни о чем не подозревали обычные люди. Такие, какой я была полгода назад.

Жалею ли я? Странно, но сожаления не было. Страх тоже отступил, волна схлынула, оставив после себя гладкий, бархатистый песок. Хотелось тепла. Понимания.

Куда мы пришли?

— Это было не убийство! — настойчиво произнес Влад и сжал мои плечи. Так близко. Я должна бояться, ненавидеть его. Должна...

— А что это было?

— Я вождь, Полина. Кроме тебя, в атли есть люди, за которых я в ответе. Скажу — подвергну их опасности. — Он замолчал. Я боялась пошевелиться то ли оттого, что Влад был непредсказуем, то ли оттого...

Нет! Ты не можешь его любить! Не после того, что он сделал.

— Приди в себя. Подумай. Вне атли пропадешь, и я не только охотников имею в виду. В нашем мире существует гораздо больше опасностей, чем говорится в летописях. И, Полина. — Его пальцы сжались крепче, причиняя дискомфорт, и я ощутила угрозу. — Если даже помыслишь об отречении... Я найду тебя.

Влад резко выпустил меня и вышел. Хлопнула входная дверь, пространство квартиры расширилось, и дышать стало легче. Злость, нет, ярость — неконтролируемая, яркая, откликнувшаяся пульсом в висках — сменила апатию.

Он угрожал мне. Угрожал! Это просто... И я не могу ничего сделать!

Или могу?

— Полина?

Если честно, с Филиппом говорить не хотелось. Он бросил меня здесь наедине с самым главным ужасом, хотя клялся защищать. Впрочем, Филипп мне ничего не должен. Как и я ему.

Я медленно повернулась — рядом с ним стоял Глеб. От его обычной веселости и галдежа не осталось и следа — лицо взволнованное, даже можно сказать, напуганное. Интересно, что он не поделил с Владом?

— Ты все еще хочешь быть вождем? — спросила я, обращаясь к жрецу. Затем добавила, не дожидаясь ответа: — Так сделаем это!

Глава 8. Видение

Говорят, липецкие сумерки мало чем отличаются от сумерек в других городах центральной России. Я не могла судить, ведь нигде больше не бывала, но в летние вечера особенно любила. Когда воздух сгущается, наполняется темнотой, словно вода, в которую плеснули чернила. Проезжающие по автостраде автомобили один за другим включают фары, окна многоэтажек вспыхивают, а на улицах зажигаются фонари. Еще не темно — ночь не залила город, но на небе уже просыпаются звезды.

Оля осталась в большом доме. Осмотреться, пообщаться с вождем. Я не сомневалась, что через полдня она превратится в фанатку Влада и проголосует на совете так, как ему будет удобно. Впрочем, Оля — женщина, а значит, у нас есть козырь.

Я курила на балконе. Дверь в гостиную была приоткрыта, и я слышала разговор Глеба и Филиппа.

— Ты можешь сам, если хочешь, — сказал Филипп, но в голосе я не услышала радости. — То есть я не буду возражать, если ты...

— Мне это не нужно. Если бы я хотел править атли, решил бы это другим способом, не на совете, — резко ответил Глеб. — Ты тоже, кстати, можешь.

— Ты знаешь, у меня другие принципы.

— Это война, Макаров. Хочешь ты того или нет.

Война. Думала ли я, могла ли представить, что так будет? Что буду жаждать войны, боли, мести?

Но, по сути, что изменится, если Филипп станет вождем? Смогу ли я отречься, уехать, забыть этот кошмар? Нужно подумать, выживу ли одна. Что я могу противопоставить охотнику, даже самому слабому, если элементарную защиту сотворить не в силах? Я точно не воин, иначе сила уже проснулась бы. Попыталась представить, где искать того охотника, который напал на Кирилла в подворотне. Если у меня получится хотя бы примерно определить его местонахождение, я — ищейка, а это уже что-то.

Сначала отключила мысли. Абстрагировалась от диалога в гостиной, полностью ушла в себя. Образ охотника — яркий отпечаток, я смогу его воссоздать.

Вспомнила собственный страх на Викином балконе, довольные глаза Славика, прикосновения острых щупалец к жиле. Молодой охотник — решительный, полный ненависти и желания убивать. Резкий, неопытный. Да, он где-то в городе, он рядом, должно быть...

— Куришь?

Образы посыпались, как карточный домик. Нить, которую я искала, ускользнула и скрылась среди десятков кварталов, между сотнями шиферных крыш.

— Черт, Глеб! Кто учил тебя так подкрадываться?

— Помешал? Извини.

— Да, ничего. — Я смягчилась, потушила давно истлевшую сигарету. — Просто стараюсь понять, кто я.

— Филипп говорил, защитница из тебя никудышная, — усмехнулся он и тоже подкурил.

— Да уж...

Ночь постепенно сменила вечер. Где-то внизу громко смеялась девушка, перекрывая хохотом веселый мужской бас. Вдалеке взвыла автомобильная сигнализация, но тут же умолкла. Город жил, город дышал, как единый организм, как то, чем должны были стать атли, но пока так и не стали.

— Большой дар — большие проблемы, — тем временем продолжал Глеб. — Тебя вечно дергают, ты всюду нужен. А защитницей быть, как по мне, сущий ад. Впрочем, некоторым нравится. Говорят, почетно.

— Разве хищный не должен быть полезным для племени? — удивленно спросила я.

— Эти лозунги придумали узурпаторы типа Вермунда.

— Смотрю, ты не в его фан-клубе.

— Кто бы говорил! — парировал Глеб. — Так что он сделал? Переспал с тобой и выбросил?

— Ты хам, Измайлов, — беззлобно сказала я. Помолчала немного, а затем добавила: — Мы жили вместе больше года, и да, он меня бросил. Но это переживаемо. Прошло время, я оправилась. Встретила другого, забеременела. Думала, будет семья, все как у людей... Но появился Влад, опоил меня и убил ребенка. Вот так вот, Глеб. У каждого свои представления о предательстве.

Глеб прикрыл глаза, затаился. Казалось, я шокировала его. Что ж, больше не возникнет желания глупо шутить — в последнее время мне было не до шуток.

— Извини, — сказал он серьезно. На меня не взглянул, словно испытывал стыд.

— Ничего. Только я атли. Разве такое возможно? Я имею в виду, разве он имел право так поступать?

— Не имел. Атли не имеют права причинять друг другу вред. Но только посвященные. Ты была посвящена тогда?

Я покачала головой.

— Впрочем, на совете это могло бы сыграть. Но я не стал бы... беречь твои раны. Выносить сор из избы.

— Разве мы не должны использовать все, что у нас есть? — безразлично спросила я.

Когда я стала такой циничной? Когда превратилась в холодную стерву, планирующую месть?

Глеб пожал плечами.

— Вермунд бы использовал. Но разве этим мы не превратим себя в его подобие? — Он немного помолчал. — У меня всегда были вторые роли, Полина. Это научило, что иногда достаточно изменить сценарий. Но как бы ты его не менял, кровь бастарда не станет чище.

— Кровь бастарда? — удивилась я.

— А Филипп разве не говорил? Во мне течет кровь Вермундов, будь они прокляты!

— Ты — родственник Влада?

— Его брат по отцу. Прикольно, да?

Я хотела еще что-то спросить, но не успела.

Затылок полыхнул болью — резкой, оглушающей. Боль заполонила мозг, отдалась в голове нестерпимой пульсацией. Я застонала, присела на корточки, прижала пальцы к вискам.

А потом увидела.

Небольшая комната освещена единственной лампой, одиноко торчащей из старой,

облупившейся люстры. Обои на стенах затертые, кое-где содранные и пожелтевшие от времени. К одной из стен — у которой стоит односпальная кровать — прибит ковер. К нему жметесь миниатюрная брюнетка, на ее заплаканном лице серой тенью отражается страх.

Секунда — и я понимаю, чего она боится. Рядом с девушкой, а точнее, нависая над ней, стоит мужчина, и в ту секунду, когда я готова окликнуть его, закричать, резко бьет. Звук удара отдает отчаянием и безнадежностью.

Мерзко. Так мерзко! Я понимаю, что ничего не могу сделать, но все равно кричу:

— Не трогай! Не смей ее трогать!

Девушка оборачивается, и я могу различить большую ссадину на ее скуле. Завтра на этом месте расцветет огромный синяк, глаз заплывет, изуродует лицо. Брюнетка что-то говорит, наверное, умоляет его остановиться. Я вижу ее страх, почти панику. Во мне поднимается ярость, растет, достигает апогея.

Я вновь кричу, но теперь не слышу своих слов. Проваливаюсь в темноту, падаю, лечу...

— Нет-нет, убирайся! Не трогай ее!

Я тяжело дышала, поджимая колени и обнимая их руками. Все еще не могла прийти в себя и понять, где нахожусь. Постепенно мир собирался в знакомую картинку, а пятно перед глазами превращалось во встревоженное лицо Глеба.

— Эй, ты чего? — испуганно спросил он, помогая подняться. Голова взорвалась болью. Любое движение лишь усиливало ее.

— Отойди, Глеб. — Филипп возник из ниоткуда, подхватил меня на руки, отнес в спальню. — Полежи, я принесу таблетку.

— Пстой! — Я схватила его за рукав, тут же поморщившись от боли. — Я видела девушку, думаю, она... атли.

— Знаю, — спокойно ответил Филипп. — Расскажешь все, когда станет лучше.

— Да ладно! — воскликнул Глеб громче, чем мне бы того хотелось. Каждый лишний звук причинял дискомфорт, приходилось жмуриться и замирать. — Пророчица? Seriously?

— Ты сам видел, — ответил Филипп, и они вышли.

Они шептались, но мне было все слышно. Головная боль постепенно утихала, в мыслях прояснялось, и возвращалась способность соображать.

— Это нехорошо, и может сыграть не в нашу пользу, — встревоженно говорил Филипп.

— Я не верю в эти бредни! Ты знаешь, что он с ней сделал? Вермунд убил ее ребенка — потенциального атли. Это преступление, разве нет? И он знает, что мы не будем использовать это на совете. Не посмеет заставить ее пережить это снова. Думаешь, она посмотрит на него, как на мужчину после этого?

— Нельзя списывать со счетов опыт предков.

— Какой к черту опыт?! Подумай мозгами, Макаров. Такое не прощают. Никому.

— Посмотрим, как оно будет, Глеб, — вздыхая, ответил Филипп. — Возможно, ты еще вспомнишь мои слова.

Через несколько минут Филипп вошел ко мне со стаканом воды и таблеткой ибупрофена. Свет включать не стал, за что я была ему безумно благодарна.

— Спасибо. — Я проглотила спасительную капсулу. — О чем вы говорили с Глебом в коридоре?

— Ты все слышала... — Он отвел взгляд. — Ты же много читала, должна понять. У тебя только что было видение, Полина. И да, ты не защитница. Ты лучше и ценнее. Ты — пророчица.

— Это так важно?

Честно сказать, в текстах, что я успела прочесть, пророчицы упоминались вскользь, и особой важности в их даре я не видела.

— Конечно! — он взял меня за плечи, несильно сжал. В глазах — азарт, полуулыбка застыла на удивленном лице. Станный. Я кивнула и осторожно высвободилась.

— Голова всегда будет так болеть?

— Голова — это мелочи! А вот для атли найти тебя — действительно праздник. Пророчица — очень почитаемый член племени.

— Чем же я так важна?

— Ты же видишь будущее. Вот и подумай.

— Опасности, — догадалась я. — Племя сможет их избежать.

Филипп восторженно кивнул.

— Расскажи мне! — попросил настойчиво.

Я коротко пересказала видение.

Подумать только — настоящее. Я могла бы не поверить Филиппу, но ощутила все сама. И женщину, и побои. Мало того — могла прочесть ее эмоции, точно знала, что она чувствует и почему. Кроме страха перед этим мужчиной, проявлялась привязанность, вина и покорность.

Стало мерзко, словно все эти чувства прошли сквозь меня и оставили на душе грязный масляный след. Больше всего пугало то, что эта женщина реальная, и она атли. Но как ее найти?

— Это объясняет, что ты и Влад в прошлом... Ну, были вместе. Несмотря на то, что такие разные. Ты никогда не задумывалась, почему?

— Что ты имеешь в виду? — нахмурилась я.

— Существует легенда, Полина. Если коротко: испокон веков в атли были пророчицы, которые видели «судьбу племени» и предостерегали от беды. Некоторых посещали видения, некоторых — вещие сны. Одно их объединяло — они могли знать будущее, но была еще одна особенность. — Филипп замялся, отвел глаза. — Личная.

— В каком смысле?

В свете ночи жрец выглядел немного безумным. И, похоже, был настроен рассказать очередной сказ об атли.

— Есть поверье о первой пророчице. Давным-давно племенем правил очень жестокий правитель. О его деяниях слагали легенды, его боялись. В то время численность племени была намного больше, в десятки раз больше, чем сейчас. Вождь имел... — Филипп замялся, но увидев мой вопросительный взгляд, все же продолжил: — Вождь мог позволить себе иметь любую женщину племени, будь то по ее воле или против.

— То есть варварским образом насиловал их, — уточнила я.

— Именно так.

— И что, пророчицу он тоже изнасиловал? Ну, или девушку, которая получила способности? Так проявился ее дар?

— Не совсем. На тот момент вместе с атли жили люди, которые прислуживали: стирали, готовили, помогали воспитывать детей. Хранители очага — так их называли. Одна из хранительниц легла с вождем и понесла от него.

Я закатила глаза. Когда Филипп начинал говорить пафосно, хотелось стукнуть его по голове и сказать: «Привет! Ты в двадцать первом веке живешь вообще-то! Говори по-

человечески».

Но вслух я спросила:

— И что было дальше?

— По правилам племени старший отпрыск вождя становится следующим вождем, если не возникнет споров... — он замялся, словно задумался о чем-то своем, но тут же встрепенулся. — Но их обычно не возникает.

Я вспомнила нашу неумелую попытку свергнуть вождя, но тут же одернула себя. Не об этом сейчас речь. Да и Влада лишней раз вспоминать совсем не хотелось, а истории Филиппа замечательно отвлекали.

— Тогда возник спор? — задумчиво спросила я.

— Вождь питал нездоровую страсть к одной девушке в племени. Однажды ночью он пробрался к ней в шатер и силой сделал своей. На следующее утро провозгласил ее женой, жрец венчал их, а в скором времени у них родился сын.

— Вождь сказал, что отдаст ему престол, так ведь? И отказался от сына той, которая его любила?

— Он не мог так просто нарушить закон племени. Но жрец был ему верен, и они провели ритуал. В итоге первенство было передано младшему сыну. Тогда мать мальчика прокляла вождя и его возлюбленную. У нее был колдовской дар, и она изучала темные искусства много лет. И хотя вождь со временем передал свою жену другому воину племени, это не отменило проклятия. У отверженной жены в скорости родилась дочь. После посвящения девочку начали посещать странные сны, которые потом сбывались. Так появилась первая пророчица.

— И все? Проклятие — в видениях?

— Не совсем. Вскоре она и ее брат-вождь полюбили друг друга. Как мужчина и женщина.

— Подожди, ты хочешь сказать... Они ведь не...

— О да! — улыбнулся Филипп. — И не раз.

Потом добавил почти шепотом:

— Они не могли сопротивляться. В этом и заключается проклятие.

Внезапно я поняла. Валила на собственную слабость, неправильные принципы, а все оказалось проще. Необъяснимый трепет от прикосновений Влада, смесь ужаса и желания, с которым почти невозможно бороться. Все потому что есть проклятие. Проклятие любить его, хотеть его, грезить им. Потому что я гребаная пророчица, а он вождь!

Внезапно вспыхнувшая ярость усилила головную боль, висок прострелило, и я зажмурилась.

Меня разрывали противоречивые чувства. С одной стороны проклятие все объясняло. И мою неудачу с Матвеем, и те сны.

С другой же стороны, это не сулило ничего хорошего в будущем.

Если только...

— Если мы свергнем его, это пройдет? — спросила я, не глядя на Филиппа.

— Не знаю, Полина. Никто не знает. Даже если бы вы смогли построить что-то... Эти союзы никогда не приносили счастья. За всю историю племени.

— Это проклятие можно как-то обойти? Снять?

Я готовилась услышать «нет». В противном случае его бы уже сняли до нас. Наши предки.

— Легенда гласит, есть один способ, но он тебе не понравится.

Я отстранилась.

— Что за способ?

— Там говорится, проклятие будет существовать, пока кто-нибудь из них не убьет другого.

Я даже не сразу поняла, что он сказал. Может, не хотела слушать, а может, это было просто дикостью для меня. А потом понимание вползло в мозг холодным ужасом.

Получается, чтобы избавиться от наваждения, мне нужно убить Влада?

Бред какой-то!

— Филипп... — голова Глеба просунулась в приоткрытую дверь. Он смущенно улыбнулся и вошел. Посмотрел на меня с жалостью: — Ты как?

— Уже и не знаю... — прошептала я и закрыла глаза.

Нужно подумать, побыть одной и все хорошенько взвесить. Что это значит для меня? Как я буду с этим жить? Теперь ясно, что Филипп имел в виду, когда говорил о моей проблемности — он думал, я передумаю и на совете проголосую за Влада.

— Я не отступлю, — яростно уверила я. — Несмотря на проклятие. У вас есть мой голос.

— Видишь, я говорил тебе! — просиял Глеб, но тут же поник. — Мы мятежники, но не анархисты. И пока совет не состоялся, должны сообщить о том, что ты видела.

— Сообщить... кому? — осторожно спросила я. Они молчали. Глеб смотрел прямо на меня, а Филипп отвернулся, словно сама мысль об этом претила ему. Я поняла через несколько секунд и покачала головой. — Нет...

— Я сам скажу, — решительно произнес Филипп. — Сейчас же поеду и сообщу.

— Ага, а он тебя так и послушает. Не гони, брат, Вермунд не будет играть в испорченный телефон.

Я села на кровати и поджала ноги. Головная боль вернулась, но, скорее всего, уже на нервной почве. Осознание, что мне снова придется увидеться с Владом, говорить с ним, внушало тревогу и ужас. Я надеялась, до совета не нужно даже думать о встрече. Ну, почему со мной вечно происходят подобные вещи?!

Филипп размышлял с минуту, потом взглянул на меня жалобно. Убить готова за такой взгляд! Разве я просила себя жалеть?

— Скорее всего, придется ехать, — сказал он. — Но я буду рядом, слышишь! Ничего не бойся.

— Так же, как был вчера? — вырвалось у меня, и я тут же пожалела об этом. Я не имела права так с ним разговаривать, ведь Влад — вождь атли, Филипп не может ослушаться. Как и я. — Извини...

— Ничего. Ты права, я не должен был бросать тебя. Но обещаю, как только все закончится, твоя жизнь станет спокойной. Сможешь вернуться домой, заняться любимым делом, учиться. Ты ведь так и не получила образования?

— Думаю, не стоит делить шкуру неубитого медведя, — тихо сказал Глеб.

Филипп ничего не ответил, встал и вышел, прикрыв за собой дверь.

Наверное, сложно нас всех контролировать, боясь потерять каждый голос на совете. Странно, что главным выбрали его, ведь у Глеба намного больше шансов — родство с Владом позволяет ему возглавить оппозицию.

— Боишься? — спросил Глеб, пристально глядя мне в лицо.

— Почему не ты? Разве закон крови в твоём случае не работает?

Я сменила тему. Говорить о страхе не хотелось — хватало того, что я его чувствую. К тому же, история Глеба заинтересовала невероятно. Ведь если кто-то и может бороться за пост вождя в атли, так это брат Влада. Но выдвинули Филиппа, а это было по меньшей мере странно.

— Мне это не нужно. Я люблю свободу, могу на месяц свалить из города, слушая ветер и шум мотора. Жизнь — это миг, и нужно ловить волну.

— Кому как... — ответила я. — Филипп будет доволен, если у нас выгорит.

— Кесарю — кесарево, — улыбнулся Глеб, и я только сейчас заметила, какие очаровательные у него ямочки на щеках. Что ж, возможно, мы и подружимся. Я даже готова уступить ради этого лишний кусок пирога.

— Они жуткие. — Он кивнул на совят, таращившиеся на нас с подоконника. — Глазищи безумные.

— Я их с детства собираю. Есть в них что-то... Забавные птички на первый взгляд, пушистые. А ночью превращаются в быстрых и беспощадных охотников. Диких. Ночные создания. Я тоже больше люблю ночь. Ночью все... ярче. Ощущения, мысли, чувства.

— Ты такой же фрик, как и я! — сделал вывод Глеб, и я рассмеялась.

Влад приехал сам. То ли не хотел видеть нас в доме, то ли пожалел меня. Я больше склонялась к первому варианту. К тому времени напряжение спало, мы с Глебом болтали в спальне. Он играл на гитаре шуточные мелодии, приправленные матерными стихами, и это работало: головная боль утихла, а страх испарился. Во всяком случае, у меня есть союзники, я больше не одна. Как бы все ни закончилось, я нашла семью.

Филипп искусно орудовал на кухне, заставляя желудок томиться в ожидании ужина и безбожно урчать. Для еды было поздно, но видение утомило похлеще нескольких часов в спортзале и вымотало не меньше. Нужно было подкрепиться.

Дверной звонок взвизгнул, и Филипп пошел открывать. Мы с Глебом переглянулись, он слегка кивнул, выражая поддержку. Да, поддержка мне не помешает.

Влад был похож на себя — сдержанный, уверенный, невозмутимый. Окинул нас оценивающим взглядом и наверняка сделал какие-то выводы.

— Глеб, ты не мог бы выйти?

Вот, значит, как. С братом он вел себя иначе — мягче, уступчивее. Интересно, что у них случилось? Или эта вражда — с детства?

— Я не уйду, — насупился Глеб и не сдвинулся с места.

Что ж, в упрямстве они могли посоревноваться, но мне не хотелось превратиться в громоотвод, особенно после пережитого сегодня. Шок от видения, от рассказа Филиппа о проклятии еще не прошел, и единственное, чего я желала — чтобы меня оставили в покое. Поскорей с этим покончить и уснуть.

А еще надоело, что меня жалеют. Поневоле начинаешь чувствовать себя слабачкой, а это приводит только в одно место — вниз, на дно. Туда я точно не хотела.

— Глеб, я справлюсь, — сказала я и посмотрела на Влада.

Надо же, это просто проклятие... Ночи, что я не спала, думая, почему он бросил меня, сны, глупые мысли. Нельзя перестать думать, забыть...

Глеб не стал спорить — положил гитару и вышел. Я заметила, что он неплотно прикрыл дверь, наверное, готовился ворваться, если я закричу или позову на помощь. А может, хотел меня успокоить, как бы говоря: я здесь.

Смело. Филипп ушел бы и ждал, пока Влад не разрешит войти. Наверное, все дело в «королевской» крови...

— Так это правда? — спросил Влад после минутного молчания. Мне показалось, его не сильно обрадовала новость. Интересно, а он знает о проклятии? В записях Филиппа я не встречала упоминаний о древней ведьме.

— У меня было видение, — сказала я.

Видеть его снова, говорить, понимать, что нас разделяет не огромный город, где легко затеряться, а несколько метров комнаты, было нелегко. Теперь придется видеть его часто, жить под его началом — пусть и недолго. Подчиняться. Меня корбила даже мысль об этом.

Ну, почему я не родилась обычным человеком или хотя бы хищным из другого племени? Кто так издевается там на небе? Может, я грешила в прошлой жизни?

— Что ты видела?

В его стиле — приходить и требовать, требовать... Напирать авторитетом, теснить всех к стенке. Неужели эта черта мне раньше нравилась? Тогда я заведомо верю в проклятие!

В который раз я в подробностях пересказала о девушке. Самой хотелось, чтобы ее нашли — бедняжка, совсем потерялась. Наверное, и правильно, что Влад теперь знает. У него больше шансов ее отыскать — с его-то возможностями.

О головной боли я намеренно умолчала — ни к чему это ему. Постараюсь поменьше выказывать при нем слабость.

— Ты знаешь, кто она? — спросила осторожно.

Зарекалась ничего лишнего не говорить, в дискуссии не вступать, но судьба испуганной брюнетки заботила. Где она? Как зовут? Знает ли она об атли? Сможем ли мы ее найти?

— Нет, но у меня есть варианты. — Лицо Влада смягчилось, он подошел, присел рядом. Волна тепла — магическая, теперь я была уверена в этом — окатила, расплавил мозг и превратила его в пластилин. — Я был груб вчера. Извини.

Извиняется? Серьезно? Думает, достаточно сказать «извини», и я его прощу? Присягну на верность, буду жить с ним в одном доме, забуду о прошлом. Так просто...

— Зачем ты говоришь это? Что, ты думаешь, изменится?

Он вздохнул. Поднял лицо и посмотрел в потолок, словно для него был трудным и разговор, и сама ситуация. Тогда зачем он здесь? Я все рассказала, и катился бы в свой особняк! Хочу есть и спать! И никогда не видеть Влада Вермунда. Что ж, надеюсь, хотя бы первые два желания скоро исполнятся.

Я врала себе. Старалась лгать убедительно и поверить, нанизывала бусины злости на нитку, не давая магии стереть воспоминания, затуманить разум. Но внутри понимала: проиграю. Ведь я слабее проклятия...

Тишина растеклась по комнате, клубясь в углах бесцветной дымкой. Интересно, знает ли Влад о намерениях Филиппа его свергнуть? Наверняка знает. Ведь не зря он выпытывал у меня, как долго мы тут сговариваемся. А если так, он сделает все, чтобы получить мой голос.

— Ты атли, — сказал он, наконец. — И нам придется научиться сотрудничать и мириться друг с другом. — Он помолчал немного, а потом добавил, пристально глядя мне в глаза: — Твоя комната готова принять тебя, Полина.

— Нет, спасибо, — буркнула я. — Мне и здесь хорошо.

— Ты все такая же — упрямая и бескомпромиссная. — Он улыбнулся совсем как раньше, очаровательно и тепло.

Почему он сидит так близко? Почему бы мне не выйти, не закрыться в ванной,

например? Стоять под холодным душем до тех пор, пока мысли покроются коркой льда...

Неужели так будет всегда? Желание... и стыд.

— Если ты думаешь, что я буду слушать тебя, улыбаться после всего... Плевать на причины! Тот поступок нельзя оправдать, Влад. Ничем. И я не буду твоей пророчицей, и угроз твоих не боюсь.

— Тогда почему ты все еще здесь? — спросил он шепотом, вмиг становясь серьезным. Наклонился, и горячее дыхание обожгло мое ухо: — Неужели и впрямь надеешься на Макарова? Ты знаешь, я никогда не отдаю без боя то, что принадлежит мне.

Затем поднялся. Недобрая улыбка — в ней и готовность к нападению, и скрытая угроза, и превосходство. Влад все прекрасно знал. И о нашем заговоре, и о заведомом поражении на совете.

— Филипп не так слаб, как ты думаешь, — соврала я.

— Филипп никто без Измайлова. А Глеб никак не научится давать отпор тем, кто пытается его использовать.

— Ну, почему же? — Я тоже встала, скрестила руки на груди. Последствия его близости — дрожь в ногах, кавардак в голове. У меня получится преодолеть их. — С тобой у него выходит прекрасно.

— Обещаю, мы еще займемся полемикой, но не сегодня. Ты же помнишь, мне срочно нужно кое-кого найти. — Влад подошел к двери и уже открыл ее, но обернулся и нарочито громко, чтобы слышали все обитатели квартиры, добавил: — Я бы на твоём месте хорошенько подумал, на чьей стороне выступать на совете, Полина. Каждое решение имеет последствия.

И ушел. Как всегда: сказал в конце пафосную фразу и исчез, оставив меня изнывать от желания и досады на саму себя. Нет, это все проклятие!

Той ночью я так и не смогла уснуть. Лежала и смотрела в потолок, слушала тишину, которую нарушал лишь голос Филиппа, постоянно звучащий в ушах: «...пока кто-нибудь из них не убьет другого...»

Глава 9. Кровные узы

Я проснулась оттого, что меня кто-то тормозил. Протерла глаза, села на кровати.

— Просыпайся, соня. — Филипп улыбался, но как-то ужимисто, нервно. — Нам нужно ехать.

— Что... Куда? — Я нашарила мобильник. — Ты в своем уме? Шесть утра!

— Влад звонил, — ответил он, и добавил серьезно: — По-моему, он нашел девушку.

В особняк — так я прозвала дом Влада за роскошь — мы приехали к семи. Спать хотелось невероятно. Одно радовало — за окном моросил дождь, и я ощущала себя увереннее.

Обстановка дома потрясала и угнетала одновременно. Прямо сказочный дворец какой-то. Жить в нем, наверное, очень утомительно. Все время бояться испортить что-нибудь или разбить...

Я присела на краешек дивана. Осторожно погладила парчовую обивку. Она была немного шершавая, но удивительно приятная на ощупь.

Я все еще злилась на Влада. Уверена, он мстил за наш прошлый разговор. Знает же, что я сова, и ранние подъемы оборачиваются паршивым настроением. Мелочный, невыносимый, жестокий узурпатор!

Будто услышав мои мысли, вождь атли материализовался на вершине лестницы. Улыбаясь фирменной улыбкой, спустился к нам и поприветствовал Филиппа.

— Не надоело тратиться на бензин, Макаров? — с иронией в голосе спросил он.

— Я могу себе позволить, — уклончиво ответил Филипп.

— А ты. — Влад обернулся, и улыбка сползла с его лица. Прищурился, как хищник перед прыжком. Словно я была дичью, которую он загнал в угол. — Не передумала еще? Пока есть время, могу показать тебе комнату.

Последняя фраза прозвучала ужасно двусмысленно, и я ощутила, как лицо заливают краска.

— Нет, спасибо, — пробормотала я и отвернулась.

— Как знаешь, — ответил он, и тут же потерял ко мне всякий интерес. — Вам придется подождать. Лара привезет девушку, но вначале я хотел бы поговорить с ней наедине. После вы сможете познакомиться. Кстати, где Измайлов?

— В Ельце, у матери, — ответил Филипп.

— Надеюсь, он вернется до пятницы, — небрежно произнес Влад, подходя к бару. — Будет обидно, если Глеб не сможет присутствовать на совете.

— Ты созываешь совет в пятницу? — забеспокоился Филипп и поднялся с дивана.

Влад пожал плечами и невинно ответил:

— А чего тянуть? Нам всем надоела неопределенность.

Его взгляд скользнул по мне, и я снова вспыхнула.

— Глеб приедет, — уверил Филипп.

Влад кивнул, удовлетворенный ответом.

— Я в кабинете. Ты же тут бывал, где кухня знаешь, да и готовишь, говорят, хорошо.

Состряпай Полине кофе, а лучше успокаивающий отвар. Мне не нравится ее... бледность.

Насмешливо улыбаясь, Влад пошел прочь, а я подавила непреодолимое желание метнуть что-нибудь тяжелое ему в голову.

Он не просто поднял нас ни свет, ни заря, но и приказал явиться заведомо раньше времени. Впрочем, если совет в пятницу, мне это только на руку. Я похвалила себя за сообразительность и помахала Оле, выходящей из коридора.

— Полинка! — На ее лице расцвела искренняя улыбка, и я не смогла сдержать ответную.

Оля — удивительно позитивный человек, во всем найдет плюсы. Она из тех, чей стакан всегда наполовину полон, а жизнь — лучше, чем могла быть. Одним словом, оптимистка.

Мы обнялись, и Оля повернулась к Филиппу.

— Рада тебя видеть.

— Ты уже обжилась?

— Здесь не так уж плохо. Не то, чтобы я любила всю эту вычурность... — Она вздохнула и понизила голос до шепота. — Вы зря все это затеяли. Мы семья, и должны найти общий язык.

— Хорошо же он тебя обработал! — Филипп покачал головой. — Хотя я и не могу предложить того же...

— Постойте! — перебила я. — Не ссорьтесь. Оля, я могу поговорить с тобой наедине?

— Конечно, — согласилась она. — Идем.

Лестница окончилась коридором, и я ступила в его полумрак. Встроенные в потолок лампы светили тускло, отчего сразу же становилось уютно, и напряжение отпускало. Я медленно следовала за подругой, осматриваясь по сторонам. Пересчитала двери. Пятнадцать комнат только на втором этаже. Интересно, сколько их на первом? Влад действительно расстарался для атли.

Оля завела меня в комнату. Уютную, светлую, просторную. Немного девчочковую, со всеми этими рюшами на покрывале и розовыми шторами. Сначала даже показалось, что я попала в зефирное царство.

Медленно, сбиваясь, я рассказала о том, что сделал Влад. Оля слушала, не перебивая, много хмурилась, а иногда качала головой. Под конец показалось, что не получится сдержать слез, но пронесло. Даже мысль об этом заставляла глаза щипать, а рассказать почти незнакомому человеку... Оля — атли, поправила я себя мысленно. И ее голос может стать решающим.

— Я не верю, что Влад мог сделать такое, — сказала она после долгого молчания. — Мы много разговаривали о будущем. Я просто... Это как-то дико!

— Мне незачем врать. У меня нет личных мотивов, как у Филиппа, тем более, я не смогла бы придумать такое. Я жила с Владом больше года, и казалось, знаю его... Никого нельзя узнать до конца, Оля. Тем более, за несколько дней. Я не могу просить тебя голосовать за Филиппа, не могу требовать. Мы не лучшие подруги, но ты мне нравишься. Я просто не смогу... — Я замолчала. Было трудно сдерживать эмоции, но понимала: так нужно. Осталось немного, каких-то несколько дней.

— Это ужасно. — Оля взяла меня за руку. — Что будешь делать, если Филипп проиграл?

— Отрекусь, — без колебаний ответила я.

Вернувшись в гостиную, я кивнула Филиппу и вновь присела на диван. Не покидало

ощущение того, что внутри все измазано грязью, и отмыться от нее будет непросто. Правильно ли я поступаю, используя сокровенное для достижения цели?

Но знала одно: жить в доме Влада просто не смогу. Видеть его каждый день и притворяться, что все хорошо. Присягнуть ему, наплевав на гордость, на обиду, воспоминания о мартовских событиях.

От размышлений отвлек звук открывающейся входной двери. На пороге появилась девушка из видения.

Вошла в сопровождении Лары, предварительно отряхнув большой красный зонт который никак не хотел складываться. Выглядела смущенной, даже слишком, постоянно оглядываясь по сторонам и непроизвольно качая головой.

Лара улыбнулась Филиппу, скользнула по мне холодным взглядом и обратилась к брюнетке:

— Влад ждет в кабинете. Я провожу.

Девушка ничего не ответила, только кивнула и последовала за защитницей, волоча по полу злосчастный зонт.

А я не могла отойти. Наверное, до сих пор толком не верила в собственный дар, который проявился совершенно неожиданным образом. Мне стало не хватать воздуха. Странное чувство: вроде дышишь, а вроде и нет. Все по-настоящему: и ее боль, и побои, и вина... И лицо — испуганное, застывшее в маске ожидания того момента, когда закончится пытка, и она сможет сделать вид, что все в порядке. Жизнь продолжается, и ничего страшного не произошло.

Филипп взял меня за руку, что-то сказал, но я не расслышала. Даже не заметила, когда Лара вернулась в гостиную.

Защитница присела рядом и пристально заглянула мне в глаза.

— Так это правда? — спросила, поворачиваясь к Филиппу. — Она — пророчица?

Похоже, я ей не нравилась.

Она сильнее, тут же подумалось мне. Филипп всегда с благоговением говорил о Ларе как об одной из сильнейших защитниц в истории. Мне с ней уж точно не сравниться, да, я и не хочу. Хватит с меня головных болей от видений.

Филипп кивнул.

— Правда.

Лара сверкнула глазами, заставляя вжаться в спинку дивана. Почему-то почудилось, она готова броситься на меня с кулаками. Но это, конечно же, было не так. Похоже, Лара из тех женщин, которые всегда себя контролируют. Во всем, начиная с чопорных манер за столом и заканчивая магическими действиями у двери. Впрочем, кто знает, я могла лишь строить предположения.

Защитница выглядела злой и немного растерянной. Смотрела на меня некоторое время, потом встала, заломила руки.

— Я не верю во все эти бредни! — сказала с раздражением и отвернулась.

— Это лишь легенда, Лара, — пожал плечами Филипп.

— Легенда, проявление которой атли уже наблюдали, ты хотел сказать! — фыркнула она. — Рогова была настоящим проклятием для Анны.

Фамилия мамы резанула слух. Я даже растерялась и судорожно пыталась понять, что такого могла сделать мама защитнице атли, и кто такая Анна. Впрочем, понять было не дано, так как в гостиной появился Влад, посмотрел на меня как-то странно, задумчиво, а

затем сказал:

— Идем со мной.

Поборов раздражение, я послушно поднялась. Ярость и возмездие оставлю на пятницу — это как десерт, который нельзя трогать до основного блюда. К тому же рядом с Ларой стало совсем неудобно и безумно хотелось узнать побольше о девушке из видения.

Кабинет выглядел еще роскошнее, чем гостиная. В английском стиле, обшитый лакированными деревянными панелями, напомнил обстановку старых фильмов. Огромный темный стол посреди комнаты, компьютер, высокое кожаное кресло. По другую сторону от стола — два кресла поменьше. Рядом с диванчиком книжный шкаф — высокий, почти до потолка.

Брюнетка сидела в кресле, смущенно улыбаясь и робко сложив руки на коленях. Вблизи я могла лучше рассмотреть ее: иссиня-черные волосы, несомненно, крашенные, собраны в тугий хвост. Настолько тугой, что кожа на висках натянулась и казалась неестественно гладкой и тонкой, с проступающими синими узорами вен.

Большие голубые глаза с ярко накрашенными ресницами смотрели прямо на меня.

— Это она? — спросила девушка, взглянув на Влада.

— Да, Марго, это Полина.

— Привет. — Она улыбнулась, вставая и протягивая худенькую, слегка дрожащую руку. — Меня зовут Маргарита, и я... твоя сестра.

Прозвучало нелепо, и я рассмеялась. Правда, нервно. Меня разыгрывают? Попыталась найти ответ на лице Влада, что-то типа «Ага, попалась! Как мы тебя провели!», но не нашла — он был абсолютно серьезен и, похоже, ждал от меня иной реакции.

— Это шутка?

— Мою маму звали Светлана Рогова, — сказала Маргарита.

Я судорожно соображала. Какие-то странные, глупые слова...

Родителей я помнила плохо, слишком мала была, когда они погибли, но все же какие-то воспоминания сохранились. Эта девушка не похожа на маму. Разве что глаза... Глаза мамыны, да. И улыбка. Но все равно поверить было сложно.

— Звучит неправдоподобно, — сказала я и покачала головой. — Мама не смогла бы скрыть такое. Тем более, от отца — он души в ней не чаял.

— Марго родилась задолго до встречи твоих родителей, Полина, — мягко сказал Влад. — Светлана отдала ее на воспитание дальним родственникам, так как боялась реакции моей матери.

— При чем тут твоя...

Догадка полоснула по сердцу острым лезвием. В груди заныло, и вспомнился взгляд Лары в гостиной.

— Анна, — прошептала я. Посмотрела на Влада, внутренне желая, чтобы он все отрицал, сказал, что я ошиблась. — Анна — твоя мать?

Легкий кивок. Молчание. Значит, правда... Глупая, глупая Полина! Ты видела магию собственными глазами. Думаешь, сможешь противостоять ей, если убедишь себя?! Даже мама не смогла.

Мама... Я знала ее так недолго, и то она успела соврать. Соврать отцу, ничего не сказав о ребенке.

Я посмотрела на Риту — она неестественно сжалась в кресле, словно от моей реакции зависела ее жизнь. Что это я, в самом деле? Она ведь не виновата, и не имеет никакого

отношения к проклятию. Это только между мной и Владом.

Я натянуто улыбнулась, протянула руку. Легкая, почти невесомая ладонь слегка сжала мою, расслабилась. Такая хрупкая. Я вспомнила ее, прислонившуюся к коврику. Лицо, запятнанное синяками, умоляющее, несчастное. И слезы, дрожащие на кончиках ресниц.

— Ты искала меня? — спросила я, пытаюсь отвлечься от резкого негодования.

Она покачала головой, а Влад сказал:

— Она не знала о твоём существовании, Полина. Я ей сказал.

— Но откуда ты знал? Я не говорила, как звали маму.

— Ты — пророчица, а значит, тебе передались ее способности. Я помню Светлану, признаться, ты не очень похожа на нее внешне... Впрочем, неважно!

— Я никогда особо не верила, хотя тетушка рассказывала мне об атли. Тетушка не была одной из вас... — Рита посмотрела на Влада, и нервно улыбнулась. — Нас. Но с мамой они были близки, и та рассказывала ей об отношениях с Александром.

— Я не хочу об этом говорить, — нахмурилась я. — Для меня родители были любящей парой, и вот теперь я узнаю, что мама любила совершенно другого человека, родила от него дочь, а во всем виновато проклятие, которое наложила древняя ведьма!

— Откуда ты знаешь о проклятии? — насторожился Влад, а затем догадался: — Макаров!

— Какая разница, откуда я знаю? Ты действительно веришь в это?

Конечно, он верит. Все в этом доме верят, а Маргарита — живое тому подтверждение. Это я еще сомневаюсь. Придумываю глупые отговорки, дабы скрыть то, что происходит на самом деле. Будет происходить до тех пор, пока я или Влад...

— Подожди меня в коридоре пару минут, хорошо. — Влад улыбнулся Рите, и слегка сжал ее локоть. По-отечески, с едва уловимой заботой, словно за короткое время, которое прошло с момента знакомства, успел к ней привязаться.

— Мне нужно устроить Марго, — произнес он, когда Рита вышла. Поморщился, будто собирался сказать что-то неприятное или невыгодное для себя. — Потом у меня дела в городе.

Я не понимала, зачем он это говорит, но чисто механически кивала, окончательно убеждаясь, что проклятие действует. Я могла хорохориться сколько угодно, но не перед Владом. Перед ним не получалось. Никак.

Он подошел ближе. Совсем не тот Влад, который встретил нас в гостиной. Другой — мягкий, близкий, каким я все еще помнила его. Тот, который заправлял мне за ухо непослушную прядь и улыбался. Он часто улыбался за несколько секунд до поцелуя...

— Не хочу с тобой ругаться. Мы поговорим об этом. Вечером. Если дождешься.

— Не могу, — прошептала я, и голос позорно дрогнул.

— Ты не сможешь бегать от меня вечно...

Я ощутила дикое желание обнять его. Принять то, что уготовано, не бороться. Прошлое одновременно слишком близко и слишком далеко, побуждает помнить то, что помнить не нужно, и забыть то, что отпечаталось на сердце рубцами. Проклятая или нет, но я все еще не могла объективно мыслить рядом с Владом.

Но мы на то и люди, чтобы пользоваться разумом. А разум противился, бросался обрывками воспоминаний, требовал ненавидеть, сделать больно, как сделали мне. Страшно, когда внутри тебя борьба, а еще страшнее, когда есть третий противник...

Остаток дня я провела с Ритой. Мы много разговаривали о маме, о жизни в Люберцах, с

Виталике — муже-дебошире Риты. Как я и предполагала, она оправдывала его со всей горячностью и винила во всем лишь себя.

О маме она говорила с таким теплом, что у меня невольно сжималось сердце. Маму я помнила плохо и уж точно не могла похвастать совместным походом в магазин или разговорами на кухне за готовкой. Внутри, где-то в районе желудка шевельнулась зависть, поднимаясь изжогой по пищеводу. Но Рита ведь не виновата. И мама тоже... Это все проклятие.

Я уехала вечером, не дожидаясь Влада. Хотелось сохранить остатки здравого смысла до совета. Неважно, что есть влечение! Оно не перечеркнет прошлого — боли, отчаяния, сломанной жизни. Оставалась одна надежда — дожить до пятницы. Но надежда — это уже немало.

Глава 10. Совет

Мы въезжали в ухоженный двор Влада. Свинцовые тучи, налитые ливневыми каплями, нависали низко, усиливали и без того тяжелые мысли.

Прислонившись лбом к стеклу, я старалась успокоить рвущиеся наружу волнение и страх. Сглотнула, пытаясь избавиться от колючего кома в горле.

Вспомнила вчерашний вечер, серьезные лица Филиппа и Глеба, долгий разговор на кухне. У нас было большинство: три наших голоса, плюс Оля и Кирилл. У Влада оставалась лишь Лара и Рита. Сказать сестре у меня язык не повернулся — погребенная под обломками личности совесть воспротивилась. Думаю, Рита вскоре сама сделает выводы, а я подожду.

Подсознательно я готовилась к поражению, несмотря на положительные прогнозы. Филипп же, напротив, выглядел воодушевленным.

Хозяин не встречал нас на пороге, но дверь была распахнута настежь. Я вышла из машины, положила руки на капот. Вдох. Еще один. Соберись, Полина!

— Ты в порядке?

Подняла глаза — на меня смотрел Глеб. Обеспокоенно, почти заботливо.

Я кивнула.

— Скоро все закончится, — сказал он уверенно. — Если Филипп станет вождем, Влада Вермунда будут судить, обещаю.

Я вновь кивнула и шагнула к двери. Побыстрее со всем покончить.

Вошла в дом вслед за Филиппом, Глеб шествовал сзади, будто страхуя, а может, боялся, что сбегу. Сбежать, и правда, хотелось.

Сердце стучало гулко и часто, дыхание сбилось. Бог мой, как же душно! Я вся взмокла то ли от жары, то ли от волнения.

Кирилл сидел на диване, а рядом с ним — Лара. Защитница смеялась, но когда мы вошли, тут же посерьезнела и отвернулась. Да уж, с Ларой мы точно не подружимся. Плевать! Если все закончится плачевно... Нет, пока не нужно об этом думать, я достаточно размышляла вчера. Спортивная сумка Матвея с моими вещами стояла у порога квартиры Филиппа, рядом — пакет с соевыми. Если что пойдет не так, уеду сразу. Все равно куда. Не пропаду.

Влад спустился через несколько минут в сопровождении Риты. Сестра выглядела лучше, сразу преобразившись из испуганной девчонки в элегантную женщину. Без лишних слов подошла и обняла меня. В груди разлилось тепло и зародилось незнакомое чувство. У меня не было родственников по крови, и вот есть она. А еще атли.

Влад посмотрел пронзительно, глубоко, усиливая тепло в районе желудка, и я отвернулась. Ни к чему лишние эмоции — нужно оставить рассудок холодным.

Вскоре появилась Оля, поздоровалась, обняла меня. Они что, все будут меня обнимать? Или это жалость? Надеюсь, оно того стоило, иначе я напрасно пожертвовала гордостью.

— Сегодня большой день, — благожелательно улыбаясь, произнес Влад. Я не заметила на его лице ни волнения, ни тревоги — то ли хорошо маскировался, то ли знал, что победит. — Сегодня у очага мы воссоединим атли.

Мир онемел. В одночасье шорохи и перешептывания стихли, и гостиная погрузилась в напряженное молчание. Скорее всего, это длилось несколько секунд, но мне показалось — вечность.

— Прежде чем волновать предков своим присутствием, нужно разрешить кое-какие разногласия. — Голос Глеба ворвался в сознание, и окружающий мир хлынул со всех сторон шорохами, звуками, ярким светом люминесцентных ламп и удушающим запахом дорогих женских духов.

Влад слегка улыбнулся, кивнул.

— Да, ваши... хм... претензии. Что ж, я готов созвать совет.

— Замечательно! — воинственно прошипел Глеб.

— Ох, Измайлов, ради бога! Оставьте вы свою вражду, помиритесь и не морочьте нам голову! — воскликнула Лара и театрально поморщилась. — Все уже давно забыли ту историю, и тебе пора.

— Я не спрашивал твоего мнения, Домбровская! — рявкнул Глеб и сжал кулаки. Смотрел прямо на Владу, словно готовился ударить.

— Грубиян, — сказала она и отвернулась. — Ты подговорил Филиппа и девчонку?

— Не вижу повода отказывать им, милая, — спокойно произнес Влад. — Сейчас все так любят демократию. Голосуем и побыстрее. Хотелось бы успеть к очагу до темноты. Ну, кто против того, чтобы поклониться сегодня вождю и воссоединить племя атли?

Глеб поднял руку и взглянул на меня. Боялся, что передумаю? Хотел поддержать, подбодрить? Сам искал поддержки? Я повторила его жест. На Владу больше не смотрела. Считала секунды до того момента, когда смогу уйти из этого дома.

— Ты пытался, Глеб, — тихо сказал Влад.

Я оглянулась. Филипп, бледный с опущенными глазами. На лице — досада и злость. Глеб с шумом выдохнул, глаза блеснули злостью.

— Кирилл!

Кирилл не поднял руки. Сидел, мрачно глядя на нас, с каменным выражением лица.

— Извини, друг, но я, правда, считаю, что племя должно чтить закон крови.

Оля, наоборот, не смотрела в нашу сторону. И не нужно было — я все поняла и так... Обида защипала слезами, но я заставила себя сдерживать их — сама виновата! Использовать личное в политических целях всегда неприятно, и я готовилась к последствиям. Еще один урок жизни: жалость никогда не приносит уважения.

Глеб молчал. Глядел в пол, хмурился.

В моей голове постепенно прояснялось, и все происходящее привиделось нелепым, безрассудным действием.

Уйти. Постучаться к Вике, плакать у нее на плече, выпить до беспамятства.

— Спасибо, — сказал Глеб. — За то, что сдержала слово.

Я подняла на него глаза.

— Это мало помогло.

Голова все еще кружилась, но я приказала себе не раскисать. Нужно на свежий воздух, собраться, решиться...

На что? Ты серьезно сделаешь это?

— Полина!

Резкий оклик полоснул, как ножом. Я остановилась у самой двери, повернула голову. Влад смотрел на меня. Колючий, холодный взгляд, будто мы вовсе не знакомы.

— Ты не можешь уйти.

— Вот как?

Голос — дрожащий, неуверенный. Только бы не расплакаться перед ним, только бы не расплакаться... Они все смотрят... Сбежать отсюда, и побыстрее!

— Ты — атли, и должна присягнуть мне сегодня со всеми.

— Я ничего тебе не должна! — почти выкрикнула я.

— Она уйдет, Вермунд, — спокойно сказал Глеб и подошел ко мне. — Ты ведь не армию рабов создаешь. Нельзя заставить человека принять тебя в свою жизнь.

Влад опустил глаза, задумался, но через секунду снова поднял их.

— Она останется. Я не намерен бегать за каждым из вас. Сегодня мы воссоединим атли.

— Извини, но придется делать это без нее. — Глеб выглядел спокойным, даже расслабленным, в то время как меня всю трясло от напряжения. Вот она — дверь. От свободы отделяет пара шагов.

— Отойди, Измайлов! Я устал от попыток меня уколоть. Сегодня не тот день, и я не в том настроении...

— Мне давно плевать на то, в каком ты настроении! — рявкнул Глеб. — Она уйдет.

— Глеб, пожалуйста, — Филипп подошел и положил руку ему на плечо. — Мы попытались. После драки кулаками не машут.

Глеб даже не взглянул на него. Стоял прямо и оставался единственной преградой, которая разделяла меня и Влада. Его твердость и мою ненависть.

— Отойди, Измайлов! Это последнее предупреждение! — прорычал Влад.

— Нет.

Влад резко взмахнул рукой, и Глеб, словно безвольная кукла, опровергая все законы физики, приподнялся над землей. Рванул вправо и, гулко ударившись о дверной косяк, осел на пол.

Я всхлипнула. Посмотрела на Влада — его лицо буквально дышало злобой, а в тишине, последовавшей за магическим ударом, выглядело зловещим.

Мои подошвы словно прилипли к полу. Боковым зрением я увидела, как Кирилл осторожно подошел к Глебу и помог подняться.

— Никто больше не будет плести заговоры в племени атли, — сказал Влад, глядя прямо мне в глаза. — Никто и никогда. Это ясно?!

Я молчала. Молчали все, но было понятно, что именно я должна ответить. Влад сделал несколько шагов навстречу, и через секунду уже стоял так близко, что я ощущала запах его одеколона.

— Я спрашиваю, это ясно?!

Слезы уже практически невозможно было сдержать, и я отвернулась. Не хотелось, чтобы он видел их. Накатила жгучая обида, опалила затылок, спустилась в легкие, затрудняя дыхание. Вдох-выдох. Я — как мышка, загнанная в угол. Противное чувство.

Подняла глаза. Пусть ниже падать уже некуда, но один козырь у меня еще спрятан в рукаве.

— Отрекусь, — прошептала дрожащим от слез голосом. — Прямо здесь, перед твоим племенем. И да, я помню твои угрозы, но слова отречения выучила назубок. Так что, проверим, Влад?

Он опустил глаза. Несколько секунд о чем-то думал, затем кивнул.

Что? Я победила?

Неуверенно попятилась к двери, осознав внезапную свободу, вышла. Спустилась по ступеням крыльца.

Свинцовые тучи были уже почти совсем черными, изредка срывались крупные теплые капли. Где-то далеко, у самого горизонта небо разорвала яркая вспышка молнии. Раскат грома опоздал на секунду.

Я подняла лицо к небу. Больше не сдерживала слезы — зачем? Медленно пошла к воротам, не думая, что буду делать дальше. Хотелось просто уйти, забыть весь этот кошмар. Резко начался ливень. Я все еще плакала, но слезы приносили облегчение, даже покой. Словно вместе с ними из меня выходила боль. Наверное, Филипп был прав: связь между нами очень сильна. Мой защитник. Как странно...

Почти у самый ворот на плечо легла рука, а через миг я оказалась в крепких объятиях. Знакомый запах ударил в ноздри, и я уперлась ладонями в широкую мужскую грудь.

— Пусти! — выкрикнула я. — Ненавижу! Пусти!

— Тише, — прошептал Влад мне в волосы. — Я знаю, все знаю...

Я снова закричала. Громко. Захлебнулась рыданиями, а он просто гладил по спине, что-то говорил. Одежда намочила и прилипла к телу, воздух вокруг пропитался ванильным запахом. И откуда он взялся?

— Ненавижу тебя... — сказала я осипшим от рыданий голосом, вцепившись пальцами в мокрую ткань его серой рубашки.

— Знаю. — Его голос — хриплый, родной. Как же это все? Почему? Казалось, если не узнаю сейчас, просто умру! — Так было нужно...

— Кому? — всхлипнула я. — Кому было нужно?

Он немного отстранился. Приподнял мой подбородок, заглянул в глаза. Я и правда ненавижу его. Должна ведь ненавидеть... Как он мог — родной, близкий — так поступить со мной? Я ведь любила. Люблю...

Губы обожгло поцелуем. Голова закружилась.

Влад еще крепче стиснул меня в объятиях. Плакать больше не хотелось, двигаться тоже. Замереть, не ступать в будущее. Там — разочарование, обида, угрызения совести.

А здесь счастье. Пусть минутное, разбавленное болью, но мое. Пусть вызванное лишь проклятием. Я устала страдать.

Слабачка! Впору себя презирать.

Из последних сил оттолкнула его, отступила на шаг.

— Прочь! Это все магия, проклятие...

— Нет никакого проклятия, Полина! Это все бредни, — повторил он слова Глеба. Они даже говорят одними фразами...

В голове шумели спутанные мысли, мешая сосредоточиться. Дождь лупил по спине, стекал с ладоней вниз, кружил голову, лишал разума.

— Не знаю, что это, — сказала я, наконец. — И не хочу проверять.

— Отречешься — не увидишь сестру.

Короткая фраза — как подножка.

Почему эта мысль не приходила мне в голову раньше? Я ведь думала об отречении, серьезно думала. Просчитывала, размышляла. А теперь что?

Я сникла. А ведь он прав... Не увижу Риту, не узнаю больше о маме. Ведь когда сестра говорила о ней, мама будто оживала, становилась осязаемой, близкой. Нет, я не могу это потерять! У меня так мало осталось...

Плечи безвольно опустились, я закрыла глаза.

Некоторые проигрывают всегда. Нужно научиться жить с этим или стать сильнее.

Научиться побеждать.

Я всхлипнула и спросила:

— Как ты это сделал с Глебом?

— Одно из моих умений, — ответил Влад. — Ты многое должна узнать.

Я замотала головой.

— Филипп говорил: мы должны помогать. Что же прикажешь сделать с тобой после того, как...

— Поля...

— Я не смогу. Сойду с ума.

— Дай руку.

Его ладонь нашла мою. Теплая. Знакомо сжала. А потом что-то произошло. Словно мне влили свет в вены. Ванильный запах стал насыщеннее, ваниль была во мне.

— Что... это... — выдохнула я, стараясь отдышаться, опьяненная новыми ощущениями, поглощенная запахом, эмоциями.

— Мой кен, — ответил Влад. — Теперь он в тебе.

Он погладил меня по щеке.

— Девочка... Ты не сможешь... не сможешь одна. Особенно теперь, когда ты так близко к атли. Будешь мучиться. Не надо. Просто прими.

Я посмотрела на него — зеленые глаза тревожатся, почти умоляют.

Я устало вздохнула и закрыла глаза.

Глава 11. Присяга

Глава 11. Присяга

Я шмыгнула носом и отхлебнула из большой чашки ароматный чай с лимоном. Пушистый махровый халат согрел почти сразу, за окном успокаивающе шелестел дождь.

Влад молчал. Сидел рядом, смотрел на меня, не отрываясь. Странно, но напряжение ушло, как и страх. Безумно хотелось спать. Уснуть на сутки, а лучше на неделю. Но, к сожалению, уснуть предстояло еще нескоро.

— И что теперь? — спросила я тихо.

— Отдохни. Переоденешься, и поедem к очагу.

Я посмотрела на него исподлобья. Глаза блестят, совсем не изменился. Уверенный в себе, немного резкий, но все еще близкий. Так вот как действует проклятие...

Но, слава небесам, я еще понимаю это. Все же надо слушать здравый смысл, а не свое больное подсознание. А он побуждал вскочить и бежать из этого дома. Сменить имя и лететь в Мексику.

— Я не поеду с вами.

Влад нахмурился.

— Полина...

Договорить ему не удалось — дверь приоткрылась, и в кабинет осторожно вошел Глеб. Выглядел он ужасно: на лбу шишка, переносица разбита и окрасилась синим, верхняя губа припухла. Я невольно его пожалела, ведь именно за меня он вступился и получил. Черт, я все еще не могу осознать, что видела это своими глазами! До этого я не только не верила в телекинез, но даже не могла предположить, что такое возможно априори.

— Ты не вовремя, Измайлов, — проворчал Влад, встал и подошел к окну.

— Я всегда не вовремя, — невозмутимо ответил Глеб, приблизился и присел рядом.

— Ну, ты как?

Я пожалала плечами.

— Она в порядке, — резко сказал Влад.

— Тебе, конечно же, лучше знать! — огрызнулся Глеб.

— Хочу уехать отсюда, — не обращая внимания на их перепалку, прошептала я.

Глеб вздохнул. Помолчал немного, потом посмотрел на Влада.

— Выйди, Вермунд!

Ух, ты! Смело. Я усмехнулась про себя. С Владом этот номер не пройдет — он сам кого хочешь выставит. Достаточно будет взгляда, без слов. Но, к моему изумлению, Влад развернулся и неслышно покинул комнату.

— Я восхищена, что уж скрывать, — ошеломленно пробормотала я.

Глеб махнул рукой.

— Лучшее для тебя сейчас, конечно, убраться отсюда, забыть об атли и прочей дребедени, — сказал очень серьезно. — Постараться начать жить с чистого листа и все дела... — Он посмотрел странно, тревожно, и я вздрогнула. — Но ты не можешь.

— Это почему же? — нахмурилась я.

Глеб казался мне единственным адекватным человеком из всех ныне присутствующих в

этом доме, и он туда же. Сейчас будет говорить, что связи между нами очень важны, и мы должны защищать друг друга, заботиться.

— Потому что теперь ты в опасности.

Ах, да, охотники...

— Я не боюсь, — насупилась я.

— Тот, молодой, все еще может найти тебя.

— Если отрекусь, он ни за что не выследит. Это под силу только древним.

Глеб покачал головой.

— Плохая идея.

— А мне так не кажется.

— Не умею я с женщинами... — пробормотал он и отвернулся.

Взгляд вернулся к его лицу, покрытому синяками. Я могла злиться на Влада, но Глеб тут был совершенно ни при чем, а я на нем срываюсь. Стало стыдно.

— Отречешься, больше не сможешь вернуться, — сказал он очень серьезно. — И дети твои не смогут. И дети детей. Считаешь, я не думал об этом? Думал. Но это... Черт! Разве ты не чувствуешь?

Я пожала плечами.

— Иногда.

— Все приходит со временем, — сказал он так, будто знал что-то, чего не знаю я. — А отречься всегда можно. И через месяц, и через год. Дай себе время.

Я покачала головой.

— Не знаю...

— Немного. Пока не заживут мои синяки.

Шутит? Я невольно улыбнулась. Глеб пострадал из-за меня, и меньшее, что я могу сделать, это выполнить его просьбу. Сойдут синяки, и уйду — делов-то?

— Только из особого отношения к тебе, — кивнула я. — И из чувства вины. Что надо делать?

— Перетерпеть сегодняшней вечер, — он скривился. — Особенно ту его часть, которая предполагает присягу.

— Не уверена, что выдержу.

— Я тоже, — вздохнул он и добавил уверенно: — Прорвемся!

Прорвемся. Что ж, попробуем прорваться...

В гостиной нас встретили напряженной тишиной, которую тут же нарушил Глеб:

— Ну, что, едем?

Влад спрашивать не стал, только посмотрел на нас подозрительно.

— Мои вещи мокрые, — сказала я. — Я же не поеду в халате.

— Лара одолжит тебе одежду, — отмахнулся Влад.

Эта идея не показалась мне такой уж хорошей — защитнице я определенно не нравилась. По ее лицу было видно, что и она не в восторге, но все же Лара безропотно подчинилась и принесла мне майку и джинсы. Их пришлось несколько раз подвернуть — для такой коротышки, как я, джинсы стройной защитницы оказались велики.

Через час мы выехали из огромного двора. Дождь кончился, небо вновь стало чистым с разбросанными кое-где ватными облаками и розовыми закатными разводами.

Ехали вчетвером: Филипп за рулем, Оля рядом, на переднем сиденье, а мы с Глебом сзади. Влад, Лара, Рита и Кирилл сели в другую машину, и, если честно, я была рада.

Посмотрела на Глеба. Синяки налились, превратились из багровых в темно-синие насыщенные кляксы.

— Больно? — спросила с сочувствием.

Он отмахнулся.

— Пустяки.

— Считаешь меня слабой?

— Шутишь? Ты же его уделала!

— Я бы тоже уделался, — проворчал Филипп, не отвлекаясь от дороги. — Отречение — не шутка.

Я хмыкнула, но ничего не ответила.

Мы остановились на пустыре недалеко от города. Место было ограждено забором с колючей проволокой и навело на меня непонятную тревогу: то ли ассоциации с киношными сценами, то ли атмосфера пустынного места. Хотя, возможно, тревога не была связана с пустырем. Скорее, с тем, что ждало меня через несколько минут.

Начинало темнеть, и наша немногочисленная компания выглядела тут немного неуместно.

Влад открыл замок на железных воротах. Невдалеке виднелась небольшая постройка, покрытая красной черепичной крышей. Мне вспомнился полузаброшенный дом, в котором я почти не появлялась после смерти бабушки. Такие же побеленные мелом стены, заросший бурьяном двор и уныние вокруг, кричащее, что сюда давно никто не приходил. Брошенное, ненужное жилище. Пристанище крыс и бомжей.

— Дом отстроил, а очаг до ума довести не мог, — недовольно пробормотал Филипп, шагая со мной рядом.

— Включи мозги, Макаров. Нам ведь не нужно, чтобы тут шастали всякие отморозки, верно? — спокойно парировал Влад. — Разве что ты сторожем пропишешься. Людям не объяснишь ведь, чем мы здесь занимаемся, а тратить силы защитницы на морок — глупо.

Филипп хмыкнул, но ничего не ответил. Я поймала себя на мысли, что неосознанно люблюсь Владом — его манерой держаться, насмешливостью, даже небольшой заносчивостью. Отругала себя и заставила вспомнить, что он гад.

— Куда мы идем? — шепотом спросила Глеба. Лара сверкнула на меня глазами и отвернулась. Я поежилась — чем дальше, тем меньше мне нравилась брюнетка.

— В постройке, — Глеб указал на домик, — очаг племени атли. Там разорвались узы и именно там мы должны объединить наш кен.

Я вспомнила сладкий ванильный аромат и то ощущение, когда Влад держал мою руку. Некое подобие наркоманского кайфа — эйфория, прилив сил, радость.

— Поля, давай задержимся. — Оля взяла меня за руку, и я нехотя остановилась. Влад посмотрел подозрительно, даже показалось, тревожно, но тут же продолжил путь с остальными.

— Не обижайся на меня, — тихо сказала она.

Я отвернулась. Не хотелось говорить с ней, вот совершенно, хотя я понимала, что сама виновата. Нельзя влезть человеку в голову и повлиять на его решения — принципы у всех разные.

— Я не обижаюсь.

— Влад рассказал, что произошло. И поверь, если бы ты знала все...

Я резко посмотрела на нее, нахмурилась.

— Он говорил с тобой о ребенке? Озвучил причины?

Она кивнула.

— Я обещала хранить тайну. Клялась глубинным кеном. Влад прав — ты не должна знать. Это слишком... страшно, чтобы просто поверить, но, клянусь, он не врал! Если бы у меня была хоть капля сомнения, хотя бы намек на него, я голосовала бы за Филиппа.

Разговор превращался в подобие абсурда — Оля пыталась до меня донести странными намеками... Что? Что Влад поступил правильно? Наверное, я сплю, или скоро конец света, или это просто зазеркальный мир!

— Какие бы ни были причины, — выдохнула я. — Они не изменят того, что я пережила. Не оправдают убийства. Никогда!

— Иногда люди делают больно, чтобы защитить, вылечить... Как врачи.

— Защитить от чего?

— Не могу сказать.

Я покачала головой.

— Знаешь, что... Забудь! — Развернулась и быстро пошла в сторону постройки.

Домик действительно выглядел заброшенным и старым, но мысленно я согласилась с Владом: если он представлял ценность для атли, лучше не привлекать внимание новеньким ремонтом.

Внутри оказалось на удивление чисто и уютно: небольшой коридорчик вел в единственную комнату без мебели, с неизменным белым кругом на полу. Я улыбнулась, вспоминая, как мы с Филиппом рисовали такой же в лесу ночью.

В одном из углов находился огромный камень, напоминающий валун. Влад подошел и положил на него руки. Закрыв глаза, и показалось, на лице отразилось предвкушение. Возникло ощущение, что я чувствую его, даже могу предположить, о чем он думает. Плохо. Скорее всего, ванильный кен так влияет на меня. Или проклятие.

— Сколько времени тебе нужно, Макаров? — спросил он с явным нетерпением в голосе.

— Хватит пары минут.

— Отлично.

Филипп вышел из комнаты, а когда появился снова, был одет в белую, с красным подбоем, рясу в пол. «Прям Понтий Пилат», — подумала я. В руках он держал старую книгу в твердом переплете с затертой коричневой обложкой и обтрепанными краями. Кирилл внес специальную подставку, похожую на небольшую трибуну и поставил ее в центре.

— Началось! — прошептал мне на ухо Глеб и улыбнулся. Затем взял за руку. Я тут же почувствовала себя лучше, и вдруг поняла, что доверяю ему.

— Приступай, жрец, — повелительно произнес Влад.

Филипп положил книгу на подставку и открыл ее. Мы встали в круг, взявшись за руки, и он начал читать.

Язык был мне незнаком, я даже не могла предположить, к какой языковой группе он относится. «Дурдом какой-то», — подумала, глядя на серьезные лица всех присутствующих. Единство, таинство, принадлежность... Ерунда все это! Просто мне не дано почувствовать, проникнуться. Может, я и вовсе не та, за кого...

Ощущения нахлынули резко, волной. Перед глазами поплыло, в голове зашумело, в районе пупка приятно заныло. Я мгновенно опьянела, и посильнее, чем тогда в лесу. Время, казалось, замедлилось. Тело отказывалось подчиняться, и я с трудом разлепила веки,

осмотрелась.

Глеб улыбается, глаза закрыты. Лицо радостное, даже счастливое. Кирилл все так же серьезен, смотрит перед собой. Губы шевелятся, но слов не разобрать. Голова Лары слегка откинута назад, отчего волосы кажутся еще длиннее и гуще. Красотка, ничего не скажешь. И держать себя умеет превосходно. Подходит ему, определенно...

Я встретила глазами с Владом. Узнала этот взгляд — раньше он так же на меня смотрел, и это всегда заканчивалось моей капитуляцией. Словно подтверждая опасения, по ногам побежали знакомые мурашки. Надо прекратить пялиться на него, и вообще бежать, пока не поздно!

«Не нужно, — услышала я в голове его вкрадчивый голос. — Слушай себя. Свою суть».

Слушать было тяжело, так как в следующую секунду я поняла, что те ощущения во дворе ничто по сравнению с накатившими. Мои ладони — проводники, в них хлынула странная смесь: мед, лимон, корица и неизменная ваниль. Винегрет энергетик...

Влад все так же смотрел на меня, но голоса в голове я больше не слышала. Да и не нужно — я осознала, что все мы сейчас открыты друг перед другом. Нет, я не могла читать мысли, но ощущать их — определенно.

И я поняла: это мой шанс. Возможность узнать, какое чувство двигало Владом в тот момент, когда он придумал тот ужасный план. Интуитивно потянулась к воспоминаниям в надежде вскрыть правду. Словно у меня был ключик — пароль от его памяти. Странно, но он не сопротивлялся. Еще один трюк? Не похоже. Я почему-то знала, что именно сейчас у него не получится укрыться.

Так что же тогда заставило его? Ревность? Злость на то, что я с другим?

Оля говорила что-то о спасении. Кого же Влад спасал? Меня? Или может...

Я нырнула глубже в запорошенные другими впечатлениями воспоминания. Вот она, вина, горит красным. Он сожалеет? Нет, этого нет. Вместо сожаления — забота. Теплая, окрашенная желтым, тревога за меня. Тяжелое смоляное осознание, что от него ничего не зависело.

Что за бред?!

Я нахмурилась, но тут ощутила, что Глеб крепче сжал мою руку. Инстинктивно повернулась. Удивленное лицо, синие глаза распахнуты и смотрят потрясенно. А потом он рассмеялся — совсем по-детски, отчего стал похожим на десятилетнего мальчишку.

Его смех заражал — и я улыбнулась в ответ. Поэтому просто отпустила себя, позволила не думать, а чувствовать. Вдохнула, а на выдохе потерялась...

Одно большое сердце стучит, и я его слышу. Одно сердце... Я пьяна. Как хорошо!

Все. Мы. Единое.

Как же я не понимала этого раньше?!

Я не знаю, сколько длилась эта удивительная эйфория. Час? Два? А может, пять минут? Мы расцепили руки, дыхание постепенно приходило в норму. Меня штормило, и я с трудом стояла на ногах. Мысли в голове смешались. Какая-то каша из обрывков воспоминаний, радости и легкой тревоги.

— Время «Х», — шепнул мне Глеб и приблизился к Владу.

Сначала я испугалась, что он кинется с кулаками — так он смотрел. Но Глеб опустил на одно колено и произнес:

— Я принимаю твою власть надо мной.

Влад улыбнулся уголками губ и слегка кивнул.

Глеб поднялся и молча покинул комнату, а его место заняла Лара.

Черт, нет, я не смогу! Мысль о том, чтобы повторить за ними, казалась дикой. Сердце стукнуло и провалилось. Я отошла к большому черному камню и издали наблюдала, как преклонил колени Филипп. Вот уж кому из нас было действительно сложно — он ведь сам хотел занять место Влада. Мечтал об этом, планировал месяцами свержение вождя. Филипп поднялся, и к Владу подошел Кирилл. Каждая секунда отдавалась у меня в висках гулким звоном.

— Ты очень странно себя ведешь, — подозрительно сказала Рита и обняла меня. — Сегодня на голосовании и после. Что происходит?

— Ничего, — прошептала я, не сводя глаз с волнующего действия. — Тебе нужно...

— Да, я знаю. Как и тебе.

Оля улыбалась, когда произносила слова присяги. Они с Владом смотрели друг другу в глаза и говорили о чем-то мысленно. Интересно, о чем? Что Влад наплел ей, какое оправдание придумал?

Затем присягнула Рита — не колеблясь, с каким-то рвением и даже подобострастием. Вот и все...

Я одна осталась. Одна.

Зажмурилась и выдохнула. Подумаешь, присяга! Что это изменит? Ведь в душе я останусь собой — свободной, независимой.

— Полина.

Я открыла глаза. Как же тяжело сейчас на него смотреть! Понимать все, путаться в решениях. Мне так хорошо с ними со всеми. Словно я действительно часть чего-то большого, сильного. Чего-то, что всегда защитит. Словно я дома... Странно, но именно здесь, среди этих незнакомых людей я чувствовала себя свободной, даже раскрепощенной. Не могу и не хочу контролировать эту связь!

А с другой стороны он. Человек, с которым просто не могу находиться рядом. По воле случая оказавшийся частью этого большого и сильного. Главной его частью. Человек с мутными воспоминаниями о моей трагедии.

На ватных ногах подошла к Владу, стараясь не споткнуться и не упасть от волнения. Подавила рвущиеся наружу слезы обиды. Старалась смотреть прямо и не отводить взгляд, заранее зная, что в этой перестрелке проиграю. Он тут главный, и это явно ощущалось теперь, после воссоединения атли. Его ванильный кен был основным в той смеси, и теперь он был во мне. Диктовал, что мне делать.

— Это добровольное решение, — тихо сказал Влад. — Но это часть ритуала.

Я кивнула. Противоречивые чувства: желание драться с ним и простить. Сглотнула и опустила на одно колено. Почему-то стало все равно. Резко. Апатия сменила стыд и самоедство, и я произнесла:

— Я принимаю твою власть надо мной...

...Свежий ветер коснулся моего лица. На улице было прохладно и хорошо — гораздо лучше, чем в душном помещении, которое стало свидетелем очередной моей слабости. Уже совсем стемнело, и звезды рассыпались бисером на раскинувшемся куполом небосклоне.

Глеб курил в сторонке, сидя прямо на пожухлой от жары траве. Я присела рядом, взяла у него из рук сигарету, затянулась.

— Теперь ты понимаешь, что значит — быть частью племени. Можешь выбирать. Уйти, отречься, если хочешь.

— Я не уйду, — уверенно сказала я. — По крайней мере, пока не сойдут твои синяки.

Всю дорогу назад я молчала, наполненная противоречивыми ощущениями и вопросами без ответов. Мы вернулись туда, откуда приехали, и припарковались у красивого двухэтажного дома.

— Почему не в город? — сонным голосом спросила я.

— Вермунд просил заехать — говорил, у него для нас новость, — ответил Глеб.

— А мы типа должны повиноваться теперь? После присяги?

Он поморщился.

— Это все формальности, Полина. Но есть одно правило. Всегда слушай, что говорят друзья, а что говорят враги — слушай внимательно, — сказал он с серьезным видом. — Так учил меня отец — тот, что воспитал.

Я не стала с ним спорить. Слушать Влада сейчас хотелось меньше всего, но не идти же в город пешком.

Красивая обстановка гостиной отдавала фальшью. Как странно, ведь люди стремятся так жить — копят, хватаются за деньги, но что они дают в итоге? Иногда от них просто тошнит. И хочется назад, на маленькую кухню с фиалками — где воздух буквально пропитан надежностью и заботой.

Теперь-то уж точно поздно. Искать, объяснять, мириться. Матвей вряд ли поймет мою магическую составляющую. И уж точно не примет то, что я общаюсь с Владом.

Он подошел ко мне, как только мы вошли в дом. Взял за руку и скомандовал:

— Идем.

Я настолько устала, что не стала даже спорить — послушно поднялась за ним на второй этаж. Он остановился у одной из комнат, открыл дверь и настойчиво подтолкнул меня, побуждая войти.

Комната была большой — больше Олиной — и не зефирной. Двухспальная кремовая кровать с покрывалом на холлофайбере, белый комод, огромное окно, украшенное шторой из газа с косым ламбрикеном. У окна — дверь, ведущая, по-видимому, на балкон.

В углу большая — в половину моего роста — драцена.

— Нравится? — улыбаясь, спросил Влад.

Я нахмурилась.

— Допустим.

— Твоя.

Я еще раз осмотрелась. Прошлась, провела рукой по гладкой поверхности комода. Покачала головой.

— Не знаю...

Влад приблизился, но дотрагиваться не стал. Словно знал, чувствовал, что мне это не нужно. После того, что произошло у очага, я бы этому не удивилась.

— Ты устала. Знаю, ты сомневаешься, и также знаю, как тяжело далась тебе присяга. Я не буду давить и что-то требовать — сама решишь, что делать. Просто знай, что тебя здесь ждут.

Я вздохнула. Мы проиграли, и Филипп предупреждал, что Влад строил жилище для атли, но жить тут, в его доме...

Тем не менее, я кивнула.

— Хорошо, я останусь. — Подумав немного, добавила: — До завтра.

Влад, казалось, обрадовался. Улыбнулся, потрепал по плечу, но тут же убрал руку,

словно боялся, что я сбегу. Признаться, я была близка к этому.

— Глеб тоже останется? — спросила я.

Он удивленно приподнял бровь, но ответил просто:

— Если захочет.

У окна я нашла дверь на небольшой балкончик, открыла ее, вышла на свежий воздух. Подставила лицо ветру, стараясь выгнать ненужное из головы. Не получилось. Как бы ни хотелось противиться, Влад прав: я устала. Нужно поспать, тогда и мысли придут в порядок.

— У меня для тебя подарок. — Улыбнувшись, он достал из кармана брюк продолговатую бархатную коробочку. — Открой.

Я подозрительно покосилась на нее, потом все же открыла. На черной атласной подложке сверкала золотая цепочка и небольшой кулончик-сова. Переливаясь перламутром жемчужного брюшка, он таращился на меня бриллиантовыми глазками.

— Как мило! Я могу отказаться? — с сарказмом спросила я.

Влад покачал головой.

— Это защитный амулет. Ты же не хочешь жить затворницей?

— Над ним колдовала твоя девушка?

— Ты очень смешная, когда ревнуешь.

— Пошел ты!

— Не злись. — Влад примирительно улыбнулся. — Нам нужно научиться выносить друг друга.

Спорить было глупо. Если уж я осталась, должна принять правила этого дома. Или уйти и никогда не видеть сестру. Жизнь казалась все больше несправедливой. Вздохнув, я взяла цепочку и застегнула на шею. Отвернувшись, посмотрела вдаль.

На плечи легли теплые руки, несильно сжали.

— Поля...

Как же трудно быть сильной сейчас, когда он так близко! Когда механизм проклятия запущен, и неизвестно, к чему это приведет.

— Сегодня у очага я позволил тебе кое-что... — Он замолчал, словно обдумывал следующую фразу и боялся сболтнуть лишнее. — Больше не позволю. Эта тема — табу, говорить о ней нельзя. Ни с кем. Надеюсь, с этим не возникнет проблем.

— Ты, и правда, чудовище! Ненавижу...

— Переживу, — ответил Влад и вышел.

Где-то далеко, за горизонтом ярко сверкнула молния.

— И что мне теперь делать? — тихо спросила я, но больше она не появлялась.

Глава 12. Нали

Я проснулась от резкого звука — то ли стекло разбилось, то ли ваза, но впечатление было такое, что кто-то швырнул стеклянный предмет о стену, и он осыпался у меня в мозгах тысячами осколков. Подскочив, не сразу поняла, где нахожусь. Осмотрелась. Ах, да, точно, я же вчера осталась у Влада. Кровать оказалась очень мягкой, и я отрубилась сразу же, как только голова коснулась подушки.

Не стала врать себе: комната в моем вкусе. Спокойная обстановка — не кричащая о роскоши, но и не близкая к аскетизму. В меру уютная, без обилия рюш, она как бы говорила: тут живет женщина. Так и подкупала остаться.

Моя комната... До вчерашнего дня у меня и жилья-то не было. Как резко все изменилось.

Я нахмурилась. Ведь не решила же, что останусь, а уже мысленно прописалась. Надс много обдумать и, желательно, не здесь.

Грохот за дверью повторился — правда, был уже тише, но в то же время сопровождался криками.

Кричал Кирилл.

— Отвали от меня!

Далее последовала череда нецензурных выражений и возгласов. Я опешила, и несколько секунд сидела в ступоре. Кирилл всегда был хмурым и немногословным, но чтобы скандалить... Хотя, возможно, я просто не знала младшего Макарова.

Любопытство во мне победило смущение, и, наспех одевшись, я вышла из комнаты. Крики доносились снизу — из гостиной.

Спустившись, я наткнулась на странную картину: Кирилл, исходя гневом, целился тяжелой черной пепельницей в Филиппа, который пытался укрыться от него за диваном. Ситуация выглядела бы комично, если бы все не происходило всерьез.

На выходе из коридора, ведущего в кабинет, замер Влад. Похоже, перепалка застигла его врасплох.

— По-твоему, я слаб?! — Кирилл замахнулся, намереваясь метнуть пепельницу, но руку перехватил Влад, тут же оказавшийся рядом.

— Отдай это мне, дружище, — сказал спокойно. — Не стоит оно того.

Кирилл с ненавистью глянул на Филиппа, но пепельницу все же отдал.

— Он злится, что я не воин, как мать, — сказал с обидой в голосе. — Но кто залечит твои раны, жрец? Кто спасет тебя, если придет охотник?

— Ты сбрендил совсем! — резко ответил Филипп, вставая на ноги. После того, как угроза свелась на «нет», он выглядел более уверенным. — Это все нали. Он тебе мозги расплавил.

— Ты завидуешь, что я посмел раньше тебя. Если тебе так нужна сила, что ж не попробуешь сам?

— Чему тут завидовать? Надо быть последним идиотом, чтобы впустить нали! Дать ему тобой попользоваться, обесточить жилу. Посмотри на себя — в кого ты превратился!

— Довольно! — резко произнес Влад и повернулся к Кириллу: — Ты — со мной кабинет. Макаров, приберись тут.

Встретился со мной глазами. Ненадолго, на секунду или две, задержался, а затем круто развернулся и пошел прочь. Кирилл последовал за ним. А нам остался бардак в гостиной.

Филипп глубоко вздохнул, затем увидел меня и улыбнулся, будто ничего не произошло. Словно он только что не прятался за диваном от собственного брата, а тот не собирался разmozжить ему череп.

— Я привез твои вещи. Они в машине, — сообщил он.

— Что это было? — спросила я, игнорируя тот факт, что я, в общем-то, не соглашалась жить здесь. Разберусь с этим потом. К тому же, разбираться придется вовсе не с Филиппом... — Вы снова поссорились?

— Это все нали, — мрачно ответил Филипп и драматично потер пальцами виски. — Он сделал моего брата таким.

— Нали? — спросила я, подбирая крупные осколки с пола. Не люблю бардак. Бардак в красиво обставленной комнате не люблю вдвойне. — Легендарный нали? Я читала мельком, но думала, их придумали.

— Это сложно для тебя... Жаль, что ты не росла в среде хищных!

— А ты попробуй объяснить, вдруг пойму.

Я собрала все крупные осколки в кучу. Да уж, веником тут не обойдешься. И ковер испорчен — так жаль.

— Нали — темные сущности, которые может впустить в себя каждый хищный мужчина специальным ритуалом, — пояснил тем временем Филипп. — Нали завладевает твоим сознанием, меняет мысли, заставляет чувствовать себя сильнее, умнее и способнее, чем ты есть на самом деле. Но в итоге нали опустошает человека и побуждает совершать поступки, которые он никогда бы не совершил, находясь в здравом уме. Посмотри на Кирилла... А ведь раньше он таким не был. Брат пошел в мать — мягкий и уступчивый. Совершенно бесхитростный и добрый.

Описываемый образ никак не вязался с человеком, которого я знала — грубым и вечно недовольным.

— Ого! А женщина его может впустить?

— Нет. Нали — только для мужчин.

— Ну вот, и тут дискриминация, — проворчала я. — Где в этом доме можно найти веник или пылесос?

Филипп показал каморку, заставленную разной хозяйственной дребеденью — ведра, салфетки, освежители воздуха, чистящие средства и полироли — рай для уборщицы. Большой моющий пылесос я побоялась трогать, так как совершенно не умела им пользоваться. Нашла еще один — поменьше — но с удобной кнопкой на ручке. Щетку и веник отыскала там же, в углу.

— И зачем мужчина впускает нали? — спросила, с трудом сметая крупные осколки с пушистой поверхности ковра. Они никак не желали следовать за веником, лениво перекатываясь и упрямо застревая в мягком ворсе.

— Существует легенда, что тот, кто пропустит через себя девятерых, обретет безграничную власть и силу, возвысится над хищными. Звучит пафосно, но пробуют многие. Сила в нашем мире определяет личность.

— Кирилл хочет стать сильнее?

— Каждый хочет, — с горечью ответил Филипп. — Или, думаешь, Вермунду это не надо? В то время, когда он с тобой... — он замолчал, даже, показалось, испугался, что сболтнул лишнего. Но слово, как говорится, не воробей...

— Договаривай! — В горле стало горячо, желудок сжался, в ушах гулко застучал пульс.

— Пустяки.

Впрочем, мне уже не надо было объяснять. Нали отражается на поведении, подчиняет волю. Если добавить сюда вину и тревогу, картинка обретает целостность. А еще Влад никогда не выкажет слабость — будет злиться, выпустит жало, но не признается. Мозаика непоняток и лишних деталей складывалась на удивление удачно.

И мне захотелось поверить. Даже не так: я заставила себя поверить. И все встало на свои места.

Наверное, так проще: оправдать себя любым способом. Виновный всегда найдет скрытые мотивы собственным поступкам, выставляющие его в ином свете. Но иногда, чтобы оправдаться, нужно оправдать другого.

Больше с Филиппом на эту тему я не заговаривала. Только думала, анализировала, неизменно приходя к одному и тому же выводу. Главный вопрос созрел, но задать его было некому. Кирилл с Владом заперлись в кабинете, и оттуда не доносилось ни звука. Оставалось только догадываться, о чем они там говорят.

Прибравшись в гостиной, я с удовольствием приняла предложение Филиппа позавтракать. Меня всегда поражали мужчины, которые умеют вкусно готовить. А Филипп при этом умудрялся еще и красиво подать пищу, превращая обычный завтрак в подобие некоего шоу.

Пока он корпел над плитой, я тщательно осмотрела кухню. Просторная, современная. Большая рабочая область у окна, овальной формы стол посередине со столешницей из черного гранита. Строгий дизайн, минимум деталей. И, тем не менее, уютно.

Я поймала себя на мысли, что мне нравится у атли.

Может, у дома тоже есть магия? Странно, но того дискомфорта, который ощущала в свой первый визит сюда, я больше не чувствовала. Скорее, наоборот, мне было хорошо здесь. Наверное, потому, что уже знала: я останусь. Попробую собрать себя по кусочкам.

К завтраку подоспел Глеб. Выглядел заспанным и помятым и смотрелся очень подомашнему в серых шортах и черной футболке с ярко-красной надписью: «Видал я всех вас». Я была рада ему. С вечера сомневалась, что он останется — Глеб ненавидел Влада так сильно, что тот был бы давно мертв, если можно было убивать силой мысли.

— Кофе! — воскликнул он и отхлебнул из моей чашки. — Ммм... горячий.

Я не удивилась — выходка вполне в его стиле. Такой себе «рубаха-парень».

— Выспалась? — спросил он и подмигнул.

Я пожала плечами.

— Кирилл ополоумел, — ответил за меня Филипп, ставя перед нами тарелки. Отбивные так вкусно пахли, что я невольно сглотнула слюну. — Нали его доконает.

— Где он? — поинтересовался Глеб.

— С Вермундом в кабинете.

— О да, этот научит!

Больше Глеб ничего не сказал, только молча поглощал завтрак. Я тоже предпочитала помалкивать. После завтрака приняла душ, переделась и выскользнула из дома. Было неудобно, но пришлось попросить у Глеба денег, чтобы доехать до города, и я клятвенно

пообещала себе незамедлительно найти работу. Все эти магические приключения, конечно, хорошо и весело, но надо бы и жизнь устраивать. Хотя бы в тех сферах, в которых я более или менее уверена.

Несмотря на то, что наступил конец августа, жара в городе стояла ужасная. Плавился асфальт, плавилась прохожие, даже воздух, казалось, вот-вот расплавится и потечет горячей жижей по раскаленным улицам.

Знакомый район встретил тенистыми переулками, запахом жаренной картошки из окон и радостными детскими криками. Я вошла в подъезд, стараясь не обращать внимания на ностальгические мысли.

Вика оторопела, увидев меня на пороге. Стояла несколько секунд, открыв рот от удивления, потом запричитала:

— Тебя убить мало! Где ты пропадала? Я тут с ног сбилась, даже Матвею звонила! Разве можно так поступать?!

— Не надо было звонить Матвею, — грустно сказала я. — Впустишь?

Через десять минут мы уже пили пакетированный чай с печеньем на уютной и такой родной кухне.

— Где ты сейчас? С кем? — спросила Вика, взглянув на мое лицо. Вопрос, которого я боялась больше всего, так как сама не могла дать на него однозначный ответ.

Я глубоко вздохнула. Рано или поздно придется признаться себе: моя жизнь мало чем напоминает нормальную, и вряд ли когда-нибудь уже таковой станет.

— Пока еще не определилась, — уклончиво ответила я. — Работа мне нужна, Вика.

— Ноу проблем, — на американский манер ответила подруга. — Одному моему знакомому нужна секретарша. Пойдешь?

— Пойду. Выбор все равно невелик: не секретаршей, так официанткой.

— Деньги нужны? Прямо сейчас?

Я кивнула.

— Если не стесню. Отдам сразу, как разбогатею.

— Забей.

— Вик, по поводу Славика...

— Полька, ты не злись. — Подруга смутилась. — С ним бывает, когда выпьет. Одно слово: дурак! Но люблю его, понимаешь. Как ты того белокрылого, помнишь?

Забудешь тут, как же!

Получается, Вика решила, что в той неприятной сцене виноват именно Славик. Разубеждать ее я не стала — так даже спокойнее.

У нее в квартире я не чувствовала себя уютно. Интересно, охотник все еще ищет атли?

Несмотря ни на что, я была ужасно рада видеть подругу. Уже и забыла, как это: когда тебя понимают. Договорились, что приеду в понедельник в офис по поводу работы. Работодатель — владелец небольшой фирмы, торгующей канцтоварами — оказался крестным Вики и позвал на собеседование.

— Живешь-то сейчас где? — спросила подруга скептически, провожая до двери.

— За городом, — улыбнулась я и быстро спустилась по ступенькам.

О том, что это дом Влада и со мной там живет еще семь человек, умолчала. Ни к чему это, да и вызовет много ненужных вопросов.

Вернулась в особняк ближе к вечеру. Путь от остановки маршрутки преодолела с наслаждением городской девчонки, которая попала в деревню. Сладкие цветочные запахи,

стрекот цикад и воздух — чистый и по-вечернему прохладный — побуждали замедлить шаг, прислушаться, проникнуться магией и спокойствием.

Глеб курил, сидя в траве у ворот. Когда я подошла, кивнул и вновь уставился в пустоту.

— Почему тут сидишь? — спросила я, присаживаясь рядом.

— Думаю.

— О чем?

Он повернулся и посмотрел на меня так, будто я задала самый идиотский вопрос в мире.

— Ты вот вернулась, но сможешь ли войти?

Я кивнула.

— Смогу.

— Скоро мои синяки сойдут. Хищные восстанавливаются быстрее, чем обычные люди. Тогда уберешься отсюда. Так, наверное, и впрямь будет лучше для тебя.

— Разве не ты говорил, что атли — наша семья?

— Верно, семья, — пробормотал он. Поднял голову к небу. Клянусь, мне показалось, его глаза блестели, но ведь мужчины не плачут. — Сегодня все не так радужно. Не смогу тут жить. Его дом... Бесит! Нехорошо прогибаться.

Он выбросил окурок. Демонстративно — на дорогу. Как бы показывая, что плевать хотел на фальшивую красоту этого места.

— Почему? То есть... Что Влад тебе сделал?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Глеб резко повернулся, зыркнул недобро. Я не стусевалась. У самой внутри борьба шла, но вроде как решила уже. Нужно оставить обиды в прошлом, тем более, оправдание-то я уже придумала, даже поверила в него. Уйти — означает потерять сестру, защиту. Семью, к которой успела прикипеть сердцем. Пусть во многом инстинктивно — ведь хищный всегда тянется к истокам, а после воссоединения кена связь с остальными членами племени становится крепче, необходимость сплотиться — сильнее. Не зря ведь говорят, узы семьи хищных не разорвать ничем, кроме отречения...

— Все пустое, — бросил он резко, поднимаясь. — Идем в дом.

Кирилл, похоже, был в хорошем расположении духа — сидел на диване, пил чай из большой керамической кружки и улыбался. Лара держала его за руку и что-то рассказывала вполголоса. Когда мы вошли, она замолчала, укоризненно посмотрела на Глеба и отвернулась.

— Я напугал тебя? — спросил меня Кирилл. — Сегодня утром?

Я покачала головой.

— Тебе уже лучше?

— Я выгнал его! — с гордостью произнес он. — Нали больше нет во мне.

— Хватило же ума впустить, — пробормотал Глеб и, поймав очередной колкий взгляд защитницы, добавил: — Умолкаю, королева.

Похоже, отношение Глеба к Ларе было не многим лучше, чем к Владу. Любопытство разгорелось еще больше, но спрашивать я не решилась — вспомнила, как он отреагировал на вопрос на улице.

Остаток вечера я провела в своей комнате в праздном валянии на кровати и просмотре сериалов. Встала, когда было уже за полночь. Спустилась вниз чего-то перекусить.

Дверь кабинета была немного приоткрыта, и оттуда лился свет, стелясь тонкой

стружкой по начищенному паркету коридора. Я остановилась. Ночь, все спят, и это мой шанс. Возможность развеять мифы раз и навсегда. Спросить прямо, в лоб, глядя в глаза. Я замечу, если он соврет. И если соврет, просто уйду, не буду ждать, пока сойдут синяки Глеба. Даже несмотря на привязанность к атли, проявившуюся после воссоединения. Переживу. Зато сохраню себя.

Я постучала, и, не дожидаясь приглашения, вошла. Нужно было действовать быстро, пока я еще не растеряла решительность.

Влад сидел за столом, просматривая бумаги. Поднял на меня усталые глаза и выглядел удивленным.

— Мне сказали, ты ушла.

Когда он вот так смотрит, сложно сохранить ясность ума. Воздух тут же стал клейким и решительно не хотел выходить из легких.

— Кирилл странно вел себя утром, — сдавленно сказала я.

Влад кивнул, поднялся с кресла, жестом пригласил меня присесть на диван. Вблизи выглядел усталым, даже измученным, но я мысленно приказала себе не жалеть его. Теперь, когда все сложилось не лучшим образом, даже независимо от того, что послужило причиной, мы слишком далеки друг от друга.

Но я должна знать.

— Это был нали?

Он кивнул.

— Нали крепко уцепился за него, но Кирилл сильнее, чем думает. Справился.

— Я не о том. — Сердце колотилось так сильно, что стук напоминал барабанную дробь. — Я о тебе и... Тогда. Нали заставил тебя... поступить так?

Я переоценила себя. Какая там наблюдательность — я и смотреть-то на него боялась! Потупилась, отвернулась, замерла в ожидании ответа.

Вот. Сейчас. Я узнаю, и тогда...

Влад некоторое время молчал. Я слушала свое и его дыхание и думала, каково это — ждать смертельного приговора, если даже ответа на такой простой вопрос ждешь с замиранием — нет, не сердца — всего внутри.

— Мне кажется, я ясно выразился вчера, — ответил он сухо.

— Хорошо, — согласилась я, — я перефразирую. Нали... был в тебе в феврале?

Несколько секунд ожидания и глухой ответ:

— Да.

— Это все, что я хотела знать, — выдохнула я и быстро вышла.

Глава 13. Ночной гость

Глава 13. Ночной гость

После того случая в кабинете я больше не говорила с Владом. Да что там, почти не видела его.

В понедельник встретила с крестным Вики — Игорем Анатольевичем, владельцем фирмы «Скрепка». Опрятный мужчина лет сорока пяти, в сером с отливом костюме и начищенных до блеска черных туфлях провел меня в кабинет и усадил в кресло. Вопросы задавал лаконично и по делу: где училась, есть ли опыт работы секретарем, какие компьютерные программы освоила. Затем назначил испытательный срок и минимальную зарплату.

Фирма находилась в центре, рядом — удобная транспортная развязка. Удобная тем, что одинаково легко могла добраться и до дома атли и до Викиного района.

Я обжилась в новом доме. Больше не опасалась испортить ковер или пролить кофе на парчовую обивку дивана.

Общались по большей части с Филиппом. Глеб постоянно где-то пропадал, частенько не ночевал дома и вообще от нас отдалился.

Кирилл работал хирургом в той самой злосчастной клинике, у входа которой я тогда столкнулась с Владом. Дар врачавателя пригодился Кириллу и в жизни, и он весьма преуспел на медицинском поприще.

Лара трудилась там же, хотя была не целительницей, а защитницей. Колдовала часто, по вечерам, у входной двери и окон, ставила заклинания на дом. Распущенные волосы отливали в свете вечерних ламп, тонкие пальцы перебирали воздух, словно плели невидимые волшебные нити, способные нас уберечь. Иногда улавливались обрывки фраз на древних языках — то ли молитвы богам, то ли заговора против чужаков. В такие моменты Лара была особенно красивой.

Сентябрь в том году выдался холодным. Низкие сизые тучи заволокли небо, листья на деревьях быстро пожелтели из-за ночных заморозков и осыпались. Иногда, когда я возвращалась с работы на остановку, задерживалась в парке, шарила ногами в ворохе янтарной листвы. Могла бродить долго, забывая о времени, а потом резко вспоминала, что последний автобус уходит в восемь, и опрометью бежала на остановку.

Осень — женщина придирчивая, капризная и скандальная. Поначалу согревает солнечными лучами, а через миг готова сорвать с тебя куртку промозглым ветром и полить сверху мелким холодным дождем. Впрочем, дождь я любила даже осенью. После посвящения совершенно иначе чувствовала себя в дождливые дни — сильной, уверенной, даже немного безрассудной.

Вечера частенько проводила в гостиной, читая. В этом был особый кайф: полумрак, я в пятне света от торшера, тишина и легкий шелест книжных страниц. Книги я любила настоящие, бумажные, мне нравились приятная тяжесть томика в руках, запах полиграфической краски и черные буквы, сплетающиеся в различные истории, интересные и не очень, вызывающие смех или слезы.

Этот вечер ничем не отличался от остальных. Я закрыла книгу, повела пальцем по

твердому переплету с тиснением и встала. Часы показывали пол-одиннадцатого, глаза уже слипались, но завтра выходной, и можно спать до обеда.

Я не заметила, как открылась входная дверь. Вздрыгнула и тут же расслабилась — вернулся Глеб. Он вошел, как всегда, с грохотом и чуть не свалился прямо у входа.

— Тебе плохо? — встревожилась я. Подошла и поддержала его под локоть. — Постой, ты что, пьян?

— Привет, пророчица! — как ни в чем не бывало, сказал он и улыбнулся.

— Смотрю, у тебя был веселый вечер, — проворчала я, провожая его к дивану. — Ты чего так накачался?

— Ненавижу этот дом! — Он прищурился, и мне стало не по себе. — Тебе тоже следовало бы ненавидеть.

— Все сложно. — Я вздохнула. Пятно света дернулось — Глеб задел торшер — а потом вернулось на место, освещая ту часть дивана, где я совсем недавно сидела с книгой.

— Вот как?

Ирония, пропитанная горечью. И как я не заметила, что он стал таким? Озлобленным и несчастным. На грани. А ведь и впрямь, не помнила, когда он последний раз улыбался.

— И что изменилось? Разве ты забыла, что Влад сделал?

— Это был не Влад, — твердо сказала я, — а нали.

Глеб криво улыбнулся. Странно, но даже это ему шло. Милый парень, справедливый, сильный, однако не способный прощать. Наверное, он прав, прогибаться нехорошо. Особенно, когда гибкости в тебе — ноль.

— Я почему-то не удивлен, — резко бросил он и отвернулся.

Обида оцарапала горло. Это мне решать: прощать Влада или нет. И вообще, возмутительно, что каждый пытается навязать свое мнение. Разве у меня нет собственного? Разве я говорю Глебу, что делать и как себя вести?

Раздосадованная, я встала с дивана.

— Знаешь что, Измайлов, это вообще не твое дело!

— Хватит доставать девушку, Глеб!

Голос со стороны двери заставил меня вздрогнуть. Глеб, наоборот, развалился на диване, демонстративно закинув ноги на спинку.

— А не пошел бы ты! Не видишь, мы разговариваем?

— Сначала проспись. — Влад повернулся ко мне. — Идем.

Покинуть гостиную было неожиданно приятно. Не думаю, что вскоре у меня возникнет желание посидеть там с книжкой.

В кабинете пахло полиролем и хвойным освежителем. Влад прошел к столу, выдвинул один из ящиков и положил в него какие-то бумаги, затем начал просматривать те, что лежали на столе. Он молчал, и от этого мне стало совсем неловко. Поэтому я сказала:

— Он тебя ненавидит. — Влад непонимающе поднял глаза, и я добавила: — Глеб.

— Глеб — непростой человек. — Он сложил бумаги аккуратной стопочкой на углу стола. — У нас с ним долгая история.

— Это потому что вы братья?

— И поэтому тоже. Он слишком остро реагирует на некоторые вещи, поступает инфантильно там, где нужно подумать.

— Но тебе, конечно, виднее, как нужно поступать, — вырвалось у меня. Обида всколыхнулась с новой силой, поднимая осадок воспоминаний о боли и предательствах.

— У меня есть обязательства, Полина, — невозмутимо ответил Влад. — Атли. Этот дом. Иногда я должен поступать вопреки... вашим желаниям. Ты не обязана меня понимать. Но принимать должна. Если останешься.

Правда, что это я? Нужно либо уйти, либо смириться. Остаться, узнать о себе больше. О маме, корнях, традициях хищных. К тому же, Глеб прав — отречься никогда не поздно.

— Раньше атли тоже жили в одном доме? Племя было большим, не так ли?

— Сорок человек. Атли было одним из самых сильных племен в истории.

— Как вы объясняли людям, что живете вместе? Странно это все... Неужели соседи не интересовались никогда? Не задавали вопросов? Вика спрашивает, а я не знаю, что ответить...

— Любая, даже самая слабая защитница может напустить морок, — улыбнулся он. — Вопросов не возникает. В нашем мире принято держаться подальше от людей. Негласное правило. Впрочем, не всегда выходит... Жизнь хищного сложна, требуется много терпения, чтобы понять и принять. Но сильные привязанности побуждают некоторых людей оставаться с нами.

— Таких, как мой отец? Он знал вообще о том, что мама атли? — Я запнулась, отвела взгляд. — О Рите ведь не знал... И о проклятии.

Влад шагнул навстречу и внезапно оказался неприлично близко. Дыхание сбилось, в ушах зашумело от напряжения.

— Ты много думаешь о глупостях, — произнес он тихо. — И заморачиваешься пустяками.

Я подняла глаза. Его взгляд скользнул ниже и остановился где-то в районе моей ключицы. Сердце тут же заколотилось, а во рту пересохло.

— Суть в том, что нет никакого проклятия, Полина.

Я замерла, ожидая. Чего? Ласк, прикосновений, поцелуя? Он рядом — так близко, что тяжело дышать. Думать совершенно невозможно, да и не нужно. Зачем? Он рядом...

Гипнотизирующий тембр полностью подчинил. Ведомая, зависимая, я не хотела отвечать — только слушать. Наплевать на все и слушать его. Бог мой, я так соскучилась!

— Тут дурно пахнет! — Голос со стороны двери мгновенно отрезвил. Я отпрянула от Влада больно ударившись рукой о стоящие рядом напольные часы с маятником.

На нас исподлобья смотрел Глеб. Смотрел со злостью, даже, мне показалось, угрожающе, и я невольно поежилась. Напряжение достигло апогея, и находиться в комнате, пропитанной гневными флюидами Глеба, было просто невыносимо. Влад тоже не выглядел довольным.

Невнятно извинившись, я быстро вышла из кабинета, почти бегом преодолела гостиную, лестницу и вошла к себе. Только здесь, в безопасности собственной комнаты облегченно выдохнула, прислонилась спиной к дверному полотну. Щеки полыхали, я прижала к ним ледяные ладони.

Нет, нужно определенно с этим что-то делать. Попытаться не пересекаться с Владом. Еще и Глеб будет дуться теперь. Наверное, вовсе перестанет со мной разговаривать.

Теперь я не просто верила в проклятие — буквально ощущала его проявление. Давящую, приторно-сладкую, дурманящую энергетику, подчиняющую волю. Чем ближе мы друг к другу, тем сильнее оно влияет на нас. На меня так точно!

В ту ночь долго ворочалась на кровати, силясь уснуть, а потом провалилась в черноту без сновидений.

Проснулась, понимая, что в кровати не одна. Кто-то не только лежал рядом, но и шарил по моему телу руками. В воздухе разлился запах — специфический, резкий, неприятный. Запах алкоголя.

— Глеб! — выдохнула я, пытаюсь высвободиться. — Какого черта?! Что ты тут делаешь?

— Помолчи, — рявкнул он мне в ухо.

Возмутительно! Что это... Почему?! Разве я давала повод? Хоть словом намекнула? Или может, вела себя неподобающе...

Не было времени размышлять. Я уперлась руками ему в грудь, силясь оттолкнуть, но тщетно — он крепко прижал меня, зарываясь лицом в шею.

Я испугалась. По-настоящему, сильно. Паника — не лучший советчик, но в тот момент ничего, кроме нее, не было. Попыталась напугать Глеба и сказала:

— Отпусти меня, слышишь, я закричу!

Но он был настолько пьян, что совершенно не воспринимал слова. Только рот мне зажал ладонью. Крепко — так, что вырваться бесполезно. «Дура, надо было сразу кричать!» — пронеслась в голове паническая мысль.

И я сделала то, что делала всегда в экстремальных ситуациях — заплакала. Ногтями царапала руки Глеба, пыталась дотянуться до тумбочки, в надежде нашарить хоть что-то, чем можно огреть его, но не смогла — слишком далеко. Черт бы побрал двuspальные кровати!

А потом он остановился. Приподнявшись на локтях, посмотрел в глаза. Тот самый Глеб, который успокаивал меня перед поездкой к очагу.

— Да ну на х..., - выругался, скатился с меня и встал.

Некоторое время я еще всхлипывала, лежа неподвижно, обнимая себя за плечи, словно боялась поверить, что все закончилось. Затем осторожно вытерла слезы.

Стараясь не шуметь, сползла с кровати и осторожно направилась к выходу, оглядываясь и ежесекундно ожидая нападения со спины.

Смешно. Это же Глеб, я знаю, он не такой!

У самой двери замерла, посмотрела на него — все так же сидит, надломленный, согнутый и без меры несчастный.

Несколько раз глубоко вздохнула. Я смогу, я ведь не трусиха. Подошла к нему, присела рядом. Глеб не шевельнулся.

— Эй, ты в порядке? — спросила осторожно. Прозвучало странно: жертва спрашивает насильника, все ли с ним нормально. Впрочем, никакой он не насильник — теперь я уверилась полностью.

Глеб не ответил. Вообще никак не отреагировал. Я протянула руку и легонько дотронулась до плеча.

— Глеб...

Он слегка приподнял голову.

— Чего тебе? Беги, жалуйся своему любовнику, пусть придет и вытрясет из меня все дерьмо!

Я отвернулась.

— Он мне не любовник.

— Ну да, а то я не видел вас сегодня в кабинете!

— А что ты видел? Ничего не было — это раз. Второе... — Я замолчала. Да, что ему объяснять — все равно не поймет! Никто не поймет, если не прочувствует. Только с моим

везением можно было так влипнуть.

Но Глеб отставать не собирался.

— Что — второе?

— Ничего.

— Неужели он так хорош? Настолько, что можно простить такое, просто отбросить?

Забывать...

— Дело не в нем. Это нали. И проклятие...

— Чушь собачья! Я не верю во всю эту дрянь! — фыркнул Глеб. — Просто он богат, вот девчонки и ведутся.

— Дурак ты, Измайлов! — без обиды сказала я. — Тебе нужно выспаться. И больше не пей.

Некоторое время он сидел молча, словно пытался придумать, что еще сказать. А затем встал и направился к двери. У выхода обернулся и бросил:

— Все же нехорошо, что ты живешь на его содержании. Я мог бы обеспечить тебя, если хочешь.

Я даже опешила, и от возмущения несколько секунд не знала, что ответить. Закрывает глаза, посчитала до десяти. Он просто пьян, что с него взять?

— Знаешь что, иди-ка ты спать, Глеб. Иначе я за себя не отвечаю!

Он послушно вышел, а я, сама от себя не ожидая, улыбнулась.

— Дурак! — повторила для пущей убедительности, но злости больше не было. Страх тоже.

За окном серым занимался рассвет, наложив фильтр «сепия» на мебель в комнате, на светлые стены и смятые простыни. Я поняла, что больше уже не усну, поэтому поднялась и заправила постель. Накинула кофту, открыла балконную дверь. Холодный воздух сентябрьского утра был на удивление приятным, и я подумала, что утро — это очень хорошо. Как любое начало, оно дает надежду на будущее без разочарований. Стоит только захотеть, и ты изменишь свою жизнь к лучшему.

Я улыбнулась и подумала, что хочу вновь увидеть Глеба. Днем. Или вечером.

Глава 14. Черно книжник

Глава 14. Черно книжник

Глеба я не увидела ни днем, ни вечером. Сначала он долго отсыпался в своей комнате, а затем снова улизнул, причем сделал это так незаметно, что никто и не понял, когда. Призрак дома атли — так называла его Лара. Мне не было смешно. Он на грани, я чувствовала. Вот-вот сорвется. Губит себя, а я ничего не могу сделать.

Или могу?

Я пообещала себе дождаться Глеба вечером и поговорить. Хотя бы попытаться, потому как не была уверена, что он будет слушать.

Но Глеб не пришел ночевать. Я прождала в гостиной до двух часов ночи, а потом уснула.

Мне приснился сотрудник из «Скрепки» — из коммерческого отдела, Максим Григорьев. Мы виделись нечасто, и каждый раз после этих встреч на душе оставался неприятный осадок. Не нравился он мне и все. Находиться рядом с ним было некомфортно, хотелось скорее попрощаться и улизнуть.

Меня и саму удивляло собственное отношение к совершенно незнакомому мужчине. Вроде ничего особенного, приветливый, неглупый, даже наоборот. Симпатичный. Но отталкивающий. Несколько раз намекал на свидание, но я тактично отмалчивалась и уходила от темы. Потом решила не заморачиваться — бывает же ничем не обоснованная неприязнь, феромонная несовместимость.

Приснился мне Максим совершенно неожиданно.

На пустыре — том, где находится очаг племени атли — на удивление тихо. Ни шелеста травы, ни стрекота ночных насекомых, ни других ночных звуков. Я иду к постройке, мне нужно к большому валуну. Нужно позарез, словно от этого зависит моя жизнь, причем, чем быстрее я там окажусь, тем лучше.

Вот он уже рядом — небольшой домик с выбеленными стенами и местами побитой черепицей. Убежище. Я уже рядом и готова протянуть руку, чтобы открыть дверь...

Прикосновение к плечу, и все исчезает — и домик, и пустырь, и необходимость куда-то идти. Только глаза — серые, бездонные, гипнотизирующие. Максим смотрит, и от кончиков пальцев ног меня охватывает парализующий страх. Я не просто боюсь его — паникую. Понимаю, бежать некуда — святилище атли не спасет, но отчего? Ответа нет, есть только страх. И Максим — пугающий, таинственный. Опасный. Я почему-то понимаю, что такой он и есть.

Он протягивает руку, гладит меня по щеке.

— Кастелла, — шепчет, и в голосе улавливаются грустные нотки.

А потом лицо меняется, искажается гримасой злости, он смотрит уже не на меня, а куда-то в сторону. Я медленно поворачиваю голову.

Влад стоит в нескольких метрах от нас. Черная куртка, руки в карманах, расслабленная поза. Он улыбается, и я улыбаюсь в ответ, поддаваясь привычным ощущениям защищенности и спокойствия. Он здесь, и значит, нечего бояться.

Станный сон. Но еще более странным было пробуждение в кровати наверху, а ведь я точно помнила, что уснула в гостиной. Выяснить, как я попала в комнату, времени не было,

так как я внезапно поняла, что сильно опаздываю на работу. Впопыхах собравшись, бросилась вниз, и через пять минут уже была на остановке. Естественно, треклятый автобус уехал прямо из-под носа, и я осталась стоять в огражденном стеклом пространстве остановки, которое, к слову, вовсе не защищало от промозглого ветра. Черт, и угораздило же меня надеть юбку!

Я мялась с ноги на ногу, понимая, что теперь точно придется ждать минут двадцать, а потом еще несколько часов краснеть за опоздание на работе. Но ошиблась. Через пару минут в метре от остановки притормозил небезызвестный мне черный «Ауди». Проклиная все на свете, в том числе и ни в чем неповинного водителя автобуса, я поплелась к машине.

— Рановато ты в город собралась. Да, и погода стремная, — улыбаясь, сказал Влад, когда я уже грелась на сиденье рядом с водителем. Он лихо вырулил на трассу и небрежно переключил передачу.

— Я вообще-то на работу, — ответила я, дыша в окоченевшие кулаки. Поймала его недоумевающий взгляд. — А ты не знал?

— Что за блажь? — проворчал он, переводя взгляд на дорогу. — Зачем?

— В смысле зачем? — Я нахмурилась. — Ты же работаешь.

— Это другое. Впрочем, неважно. — Он помолчал немного. — Мы не договорили позавчера.

Ну вот, я так и думала. И не сбежишь ведь теперь, разве что из машины выпрыгнуть на полном ходу. Я представила картину: открываю дверь и, пока Влад не успевает опомниться, прыгаю, больно бьюсь о блестящий от влаги асфальт, сдираю кожу на коленках и кубарем качусь в кювет. Что ж, хоть мысленно себя повеселила, и напряжение немного спало.

Я отвернулась и посмотрела в окно. Как-то рано в этом году осень наступила. Только что лето было, и — на тебе — холода. Так и тянет забраться куда-нибудь в тепло, зажечь камин, включить хороший фильм и закутаться в плед. Забыть о проблемах, ощутить, наконец, покой, которого так хочется.

Но надо ехать на работу и говорить с Владом о проклятии.

— А стоит? — спросила я больше у себя, чем у него, и он на удивление быстро сдался:

— Может, и не стоит.

Скорее всего, ему было не легче. Тяжело, наверное, когда отца тянет к какой-то чужой, ненавистной женщине, а мама в это время плачет, зарывшись лицом в подушку. А ведь эта ненавистная женщина родила ему сестру.

Интересно, если Рита и моя сестра тоже, то мы с Владом кто друг другу? Возникла неприятная ассоциация с легендой о первой пророчице, которую так красочно рассказал Филипп. Определенно, в этом всем что-то неправильное, порочное. Все же хорошо, что мы не вместе.

Некоторое время мы ехали в тишине. Полупустынная трасса постепенно наводнялась потоком машин, который ближе к городу увеличивался, пополняясь числом тех, кто так же, как и мы, спешил на работу. Обычное утро понедельника в необычной для меня компании.

Как всегда, в присутствии Влада было уютно, но я раз в три минуты повторяла себе, что не стоит поддаваться действию древнего заклинания. Что ж, возможно, у меня и получится примириться. Жить рядом с ним, не надеясь на близость, забыв, насколько превосходно он целуется, не говоря уже о том, что... Ну вот, снова мысли не туда.

— О чем задумалась? — спросил Влад как бы между прочим. — Ты очень молчаливая сегодня.

— Сон странный снился, — ляпнула я первое, что пришло на ум.

— Все потому, что нужно засыпать в своей кровати. — Он лукаво улыбнулся. — Тебя куда подкинуть?

Я назвала адрес. Спрашивать, откуда Влад узнал, где я уснула, необходимости не было. Это также объясняло то, что утром я проснулась у себя. Вероятно, он вернулся и перенес меня наверх. В груди шевельнулся теплый комочек, который я так не смогла подавить.

— Что тебе снилось? — Влад прервал мои размышления, паркуясь у офиса «Скрепки». Вид у него был очень серьезный, и несомненно, вопрос он задал не из праздного любопытства.

Его можно понять, я — пророчица, и у меня вполне могли быть вещие сны. Впрочем, в сегодняшнем я ничего вещего не видела. Непонятно, почему мне приснился именно Максим, но Влад был завсегдаем моих ночных видений. Я уже успела смириться, списав это вначале на болезненную привязанность, а затем на проклятие.

Так что сон, как сон. Разве что очаг племени мог оказаться каким-то символом. Владу я рассказала — мало ли. Он нахмурился, несколько минут о чем-то думал, а затем кивнул.

— Вряд ли это что-то значит, но молодец, что сообщила. Твои видения всегда важны.

— Пока. — Я потянулась к ручке дверцы. Нужно выйти на свежий воздух, отделить собственные ощущения от навязанных. Научиться их различать, наконец.

— Поля!

У него на удивление теплые руки. Всегда.

Ну, зачем ты это делаешь? Невыносимо, горячо — в груди, в голове...

— Нет никакого проклятия, — сказал Влад очень серьезно. — У той женщины и сил-то не было.

— Мне пора, — прошептала я, осторожно высвобождая ладонь. Захотелось просто обнять его, прижаться и несколько секунд ни о чем не думать. Но я, конечно же, этого не сделала.

— Хорошего дня. — Он улыбнулся, поправил мои волосы. Совсем как раньше.

— И тебе.

Весь день я маялась непонятной тоской, и под вечер совсем вымоталась. Выстояв большую очередь на кассе в супермаркете, обессилела, уснула в автобусе и чуть не проворонила остановку. Дорога к дому уже не была настолько манящей, как летом — порывистый ветер усилился, норовя забраться под одежду, и я с трудом переставляла окоченевшие ноги, мечтая быстрее оказаться в тепле. В дом я вошла голодная и злая с твердым намерением уснуть сразу же после ужина.

Нормально поесть мне не дали. Посреди кухни на одном из высоких барных стульев сидел Глеб. В руке у него дымилась сигарета, пепел с которой нещадно падал на паркет. Рядом, на столе пристроились наполовину опустошенная бутылка бренди и тарелка с недоеденным бутербродом.

— Привет, пророчица, — хмуро сказал Глеб. — Проходи, не стесняйся.

— Полина, — бросила я в ответ, выкладывая продукты и загружая их в холодильник. — Меня зовут Полина.

Готовить не хотелось, поэтому я просто взяла булку и включила чайник. Желудок тут же призывно заурчал, требуя свое. Глеб наблюдал пристально, насколько мог позволить несфокусированный взгляд.

— Чай будешь? — стараясь казаться непринужденной, спросила я. На самом деле,

пристальное внимание раздражало, и я чувствовала себя на сцене в свете софитов, полностью забывшая текст собственной песни.

Он покачал головой и показал на бутылку.

— Спасибо, у меня есть.

Я присела напротив. Хотелось поужинать, но еще больше — вразумить Глеба. Хотя что я могла сказать? Претендовать на статус друга я не имела права, да и не заладилось у нас общение в последнее время. Но тревога за него не уходила.

Под ярко-синими глазами тенью отпечаталось недосыпание. Серый цвет лица говорил о злоупотреблении алкоголем, блуждающая полуулыбка — о том, что сейчас доказать ему вряд ли что-то удастся. Может, подождать, пока проспится, тогда уже говорить? Ага, если бы он еще дома ночевал!

— Ты бы не пил, Глеб, — сказала я как можно мягче. — Изводишь себя только...

Жалость шевельнулась где-то на задворках сознания, но я подавила ее. Кто я такая, чтоб его жалеть? Сама-то вон не могу противостоять искушению, а он сильный, просто оступись. Знаю, что сильный, просто чувствую. Только не подпускает к себе никого. Надулся, как индюк, и ходит со своей обидой, как с писаной торбой. У всех нас обиды, и что? Да-да, злость лучше, чем жалость.

— Ой, не начинай! — Глеб откинулся назад, забывая, видимо, что спинка у стула едва прикрывает поясницу, и чуть не упал. Я дернулась, чтобы удержать его, но он ловко ухватился руками за столешку. — Ненавижу эти бла-бла о морали.

— Мораль тут ни при чем. — Я нахмурилась. — Это мое мнение, не больше.

— Тебе-то что за дело?

— Есть дело, раз говорю.

— Хорошая ты девка, Полинка, — ответил он без злости. — Мозгов бы тебе побольше, и...

Дальше я уже не слушала — темнота накрыла волной, я дернулась и потеряла равновесие. Упала, больно ударившись затылком о начищенный паркет, и провалилась.

Высокий темноволосый мужчина одет в черное. Черный обтягивающий джемпер, черные джинсы, слегка истертые на коленях, берцы из грубой кожи. Смоляные волосы длиной чуть выше плеч колышет ветер.

Где именно мы находимся, я не могу понять. Пространство вокруг рябит, меняется, изгибается волнами и растворяется в новых картинках, клубится и исчезает.

Незнакомец выглядит благожелательно, и я не боюсь. Наоборот, хочу смотреть на него, запоминать грубоватые черты лица, взгляд, полуулыбку, благородную осанку. Впитывать каждую секунду.

Что со мной?

Пытаясь сбросить наваждение, отвожу глаза и замираю. Рядом с мужчиной стоит Рита. Как-то странно стоит, пошатываясь из стороны в сторону, напоминая маятник на старинных часах в кабинете атли. Мужчина вскидывает руку, и голова Риты опускается на грудь, руки безвольно свисают вдоль туловища, а сама она словно спит, но стоя.

Человек в черном все смотрит. Молчит, да и не надо ему говорить... Я сама должна понять, но что?

Хочу подойти ближе, растормошить сестру, но не могу сделать и шагу. Черный взгляд — я больше чем уверена, что именно он — приковал к месту. А затем проник в меня, как чернила в воду, окрашивая темным, смоляным естеством сознание. И я знаю: его кен тоже

черный, тягучий, как смола, и сладкий, как патока. Откуда я это знаю? Он показал мне.

Черная-черная жижа... Я тону в ней, захлебываюсь, не выдерживаю напора, повинуюсь чужой воле, воплощаю ее. Я — есть чужая воля. И я исполню ее...

«Слушай меня, — мысленно говорит человек в черном. — Мое слово — приказ. Сейчас ты сделаешь вот что...»

Я впитываю каждый звук, как истерзанная засухой земля впитывает влагу. Он — мой господин, и я сделаю все, что он скажет. Приму его волю и желания его, как свои собственные...

Я открыла глаза, инстинктивно отползая в сторону, судорожно обтирая ладонями одежду, словно могла тем самым отмыться от видения. Затылок отозвался знакомой болью. Кухонный паркет оказался на удивление твердым и неудобным, и я осторожно пошевелилась, пытаюсь понять, все ли кости целы.

Рядом на корточках сидел Глеб, встревоженно вглядываясь мне в лицо. Взгляд сфокусировался — наверное, испуг все же отрезвляет похлеще холодного душа.

— Ты в порядке? — спросил он, помогая мне сесть. — Ушиблась?

Я кивнула. Мозг тут же взорвался новой вспышкой, и несколько секунд пришлось сидеть неподвижно с закрытыми глазами, прежде чем я смогла нормально сосредоточиться на внешнем мире.

Упасть со стула во время видения — такого я не предвидела. Надо быть осторожнее — так можно и на проезжей части свалиться, а там и до травмы не далеко.

— Тебе нужно наверх, прилечь. — Глеб помог мне подняться, заботливо поддерживая под локоть. — Идем.

Я улыбнулась, стараясь изобразить дружелюбие.

— Ты и сам-то еле на ногах стоишь, Измайлов! — сказала с иронией.

— Ты права: второй этаж — плохая идея. — Он подхватил меня на руки и улыбнулся. — Но до гостиной, думаю, не уроню.

Я крепко обхватила Глеба за шею и зажмурилась, изредка открывая глаза, когда его кренило в сторону, словно могла помочь удержать равновесие взглядом. И мысленно готовилась снова свалиться, но на этот раз непременно сломать руку. Или ногу. Нельзя упасть два раза за несколько минут и ничего не сломать — это как насмешка над судьбой. А судьба насмешек не любит.

К моему глубочайшему удивлению, до гостиной мы добрались благополучно. Глеб бережно ссадил меня на диван, сам присел рядом и обнял за плечи.

— Ну, ты как?

Я не ответила. Смотрела прямо перед собой, чувствуя, как леденеет тело — начиная с кончиков пальцев, медленно застывает в ожидании и мнетса, как маленький воришка, застуканный на горячем.

Со стороны входной двери на нас смотрел Влад. В груди кольнуло сожалением и страхом.

Чего это я, в самом деле? Он не мой мужчина, и я могу себе позволить... Что? Встречаться с Глебом?

Именно. Да, с кем угодно!

Но Влад смотрел так, что холодило и без того ноющий затылок.

— Какого черта ты вытворяешь, Измайлов? — Угрожающе-тихий голос заставил вжаться в спинку дивана.

Впрочем, на Глеба он не произвел такого сильного впечатления.

— Не завидуй, Вермунд! — сказал он. Повернулся ко мне и как-то совсем по-доброму добавил: — Извини.

За что он извинялся, я не поняла, но осторожно кивнула и вновь посмотрела на Влада.

— Я упала.

Выражение его лица изменилось. Влад подошел ближе, присел рядом, сжал мою ладонь. Теплые руки и от него самого пахнет теплом. Надежностью.

Я закрыла глаза, досчитала до десяти. Все обман, ошибка — Влад какой угодно, только не надежный. Не для меня.

— Что случилось? — Забота в его голосе придала сил и немного расслабила. Это пошло на пользу — головная боль утихла, изредка подавая пульсирующие сигналы, но уже терпимые.

— Видение, да? — спросил Глеб. — Тебя будто силой со стула сбросило.

— Я видела человека в черной одежде, а с ним Риту, — сказала я. — Он не держал ее, не принуждал, но все же она была... Куклой! Он будто управлял ею, а потом... — я запнулась, подбирая слова. Воспоминания вызвали чувство брезгливости, словно тот мужчина запачкал меня, узнал мысли и тайные желания. — А потом он влез мне в голову. Словно...

— Подчинил тебя. — Влад не спрашивал — утверждал. Хлестко посмотрел на Глеба, не выпуская моей руки.

«И не отпускаяй, — подумала я. — Так хорошо просто сидеть рядом, чувствовать твоё тепло».

— Чертов колдун вернулся! — пробормотал Глеб и поморщился.

— А ты сомневался? — К моему сожалению, Влад все же выпустил мою ладонь, поднялся. Резко накатила тревога, заныло в районе желудка. — Никому не выходить из дома! Я найду Лару. — Он посмотрел на меня и добавил: — Присмотри за ней, Глеб.

— Хорошо.

Это был первый раз за все время, когда они пришли к согласию. А это значило одно: опасность слишком велика, чтобы ругаться. По позвоночнику холодком пробежал страх, пуская корни в спинной мозг, подчиняя нервную систему.

Опасность. Первая опасность в неизведанном еще магическом мире, и я реально не знаю, что делать.

Глеб придвинулся и вновь обнял меня за плечи. Я всхлипнула, положив голову ему на плечо, и закрыла глаза. Успокоиться. Нужно просто привести в порядок мысли, не паниковать. Уверена, они знают, как бороться с черным человеком, или хотя бы как защититься.

— Ну, не раскисай... — Глеб осторожно и неуклюже погладил меня по голове.

Не раскисать оказалось сложно. Впервые в жизни до одури захотелось, чтобы Влад остался рядом. Плевать, чем это вызвано — проклятием, болезненной привязанностью или любовью. Лишь бы он обнимал меня, пусть недолго, но позволил почувствовать безопасность, защищенность и заботу. Участие.

Но он ушел. Словно ничего не было, словно мы чужие. Мы и есть чужие... Щеки обожгло слезами обиды.

Нужно переключиться на что-то другое, не думать о нем. Я повернулась к Глебу.

— Кто это был? Я имею в виду, тот, из видения.

— Его зовут Тан, он — Чернокнижник, — ответил он. Затем, видимо, решил пояснить и добавил: — Ну, колдун, использующий в заклинаниях различные темные знания.

Я кивнула. Выпрямилась. Решительно вытерла слезы.

— Я смотрю телевизор.

— Ну, да, примерно так, как в ужастиках. — Он улыбнулся, видимо, стараясь меня приободрить.

Что это я, в самом деле? Раскисла, как малолетка какая-то! Развела тут розовые сопли. Одного охотника же отвадила, а все потому, что не сдалась. Нужно выяснить все об этом колдуне, раз уж он явится к атли.

— Откуда вы знаете его? Он что уже приходил?

Глеб кивнул. Отвернулся, словно не хотел, чтобы я видела, насколько он серьезен. Мне и не нужно было — в памяти свежими отпечатками выделялось видение.

— Долгие годы мы думали, что он убил Ларису, — сказал он глухо. — Тан похитил ее и держал у себя несколько дней. Вермунд тогда чуть с ума не сошел, бесновался тут... А потом она уехала, не сказала никому. В общем, драма.

Я закрыла рот ладонью.

Вот почему Влад ушел — он должен уберечь Лару. Слез больше не было, только горечь — холодная, непреодолимая, сводящая душу тоской. Одиночеством. Она в опасности, и он будет рядом. Милый, заботливый. Не мой. Так близко и так далеко одновременно. Ну, почему мне так обидно?

— Что ему нужно? Зачем пришел Чернокнижник? — машинально спросила я, чтобы что-то спросить. Чтобы хоть как-то заполнить свистящую пустоту в душе, отогнать ненужные мысли. Ответ был оглушающим и неожиданным:

— Он хочет племя атли, Полина. Тан хочет быть вождем.

Глава 15. Выбор

Я сидела на диване и слегка покачивалась из стороны в сторону. Это всегда успокаивало — иллюзия движения, монотонность, словно рождалось некое чувство уверенности в том, что следующая секунда будет аналогична предыдущей, а значит, предсказуемой.

Только теперь я поняла, чего мне не хватало все эти месяцы. Надежности. Совсем недавно все было просто, а теперь так запуталось, что я и не знала, чего еще ждать от судьбы.

Но велела себе собраться. Нет времени на сопли, нужно все обдумать, а ноющая боль и панические мысли — не лучшее сочетание в данной ситуации.

Итак, что я имела? Во-первых, древнее проклятие, связывающее нас с Владом. Во-вторых, женщина, что его наложила, все же имела силу и немалую. И, наконец, в-третьих — ее сын, которому она передала свои знания перед смертью. Обиженный мальчик, лишенный престола, повзрослевший, вскормленный мыслями о мести. Он нашел способ продлить себе жизнь на несколько веков, используя темные знания, проникая в неведомые миры, полные силы, чтобы однажды вернуться и взять свое. То, что у него отняли много столетий назад — пост вождя древнего племени атли.

И он возвратился — сильный и готовый сражаться, вернуть принадлежащее ему по праву. Древний Чернокнижник — Алекс Тан.

В прошлый раз он приходил несколько лет назад, похитил Лару и шантажировал Влада, требуя, чтобы тот отказался от права наследования. Но тогда племенем правил его дядя — Станислав, и тот, испугавшись, распустил атли. Разорвал связи, соединяющие членов племени, приказав всем бежать, а сам вскоре слег с сердцем и умер. Лара так и не нашлась, а потом выяснилось, что ее долгие годы прятал Филипп где-то в Австрии.

Эту историю мне кратко поведал Глеб, и теперь я пыталась ее переварить. Пока выходило плохо.

Колдун? Серьезно? Я вспомнила засмотренный до «дыр» фильм «Чернокнижник». Дуж, Тан точно не похож на Джулиана Сэндза, но не это тревожило меня. Он буквально управлял мной в видении, подавлял, а Рита так и вовсе была куклой. Безвольная, выключенная.

Я вздрогнула. Видения пророчицы сбываются, говорил Филипп. Всегда. Значит, он придет за нами. За мной и за сестрой. Но почему? Не резоннее ли вместо меня вновь похитить Лару?

Нет, Влад не допустит повторения той истории. Теперь точно с нее глаз не спустит. А мне предстоит позаботиться о себе самой.

Словно материализовав мои мысли, в дом вошли Влад и Лара, и она тут же начала расплетать косу. «Сейчас будет ставить защиту», — бесстрастно подумала я.

Глеб, неподвижно сидевший рядом, тут же вскочил. Как-то приосанился, сжался весь, словно не Влад вернулся, а сам Чернокнижник пожаловал.

— Что ты собираешься делать? — спросил мой «охранник», не сводя требовательного взгляда с вождя атли.

Он ничего не ответил, лишь посмотрел на меня. Странно так посмотрел и, показалось,

жалостливо.

— Как ты?

Я пожалала плечами. Боюсь. Жутко болит голова. Хочется, чтобы кто-то успокоил, сказал, что все будет хорошо. Заснуть в крепких объятиях, почувствовать себя в безопасности. Но разве это ты хочешь услышать?

— Нормально, — соврала я.

Нужно поспать — только теперь я ощутила, насколько устала. Трудный день, он у меня с самого утра не заладился. Вернее с ночи накануне. Сон еще тот абсурдный, Максим, его странное, неадекватное поведение.

И называл он меня как-то... запаматовала даже... А, точно, Кастелла!

Этот взгляд, от которого мурашки по коже. И глаза серые, в свете луны отливающие серебром. Брррр, ужас!

Постой-ка... Ведь у Максима вовсе не серые глаза. Точно помню, что светло-карие.

Я нахмурилась. Оно мне надо? Просто сон — не более. Даже Влад не придал значения а он все подмечает.

— Поля?

Я подняла глаза. Поняла, что он ждет подробностей, объяснений, а я зависла. Тряхнув головой, прогнала навязчивые воспоминания.

— Устала, — сказала, вставая. — Спать хочу.

Он улыбнулся тепло и участливо.

— Конечно, отдохни. — И погладил по голове. Как ребенка.

Лучше бы он этого не делал. Гораздо проще сохранять паритет, когда он холоден и скуп на ласки. Надоело быть марионеткой — в жизни, в туманных снах и видениях. Нужно привыкать к новой реальности. Вряд ли что-то изменится, если я сейчас убегу или отрекусь. После сегодняшней пророческой вспышки я поняла, что Чернокнижнику плевать на принадлежность к племени. На меня, скорее всего, тоже. Ему нужно как-то повлиять на Влада. Значит, в первую очередь он нацелится на Лару и Риту.

Внутри шевельнулось теплое, глубокое чувство — тревога вперемешку с желанием защитить. И дело не только в том, что Рита возникла внезапно и стала частью моей жизни. Она и так настрадалась, несправедливо будет, если ее используют как средство обмена в борьбе за власть.

Подумаю об этом завтра — так говорила одна из любимых книжных героинь. Я зевнула. Часы на камине показывали час ночи. Ничего себе, засиделись! А ведь так и не поела. Аппетита не было, но оно и не мудрено.

Я посмотрела на Глеба, слегка улыбнулась.

— Спокойной ночи.

— Ты там это... не грузись, — ответил он и почему-то отвернулся.

Я поднялась к себе, закрыла дверь, упала на кровать и тут же отключилась.

Утро выдалось тяжелым. Небо затянули низкие тучи, так и норотившие пролиться мелким морозящим дождем. Дождя хотелось, на работу — нет. Встать по будильнику получилось с трудом — я несколько раз его переводила, а потом все же поднялась, сходила в душ и оделась. Ничего, переживу сегодняшний день, а вечером залягу в спячку. До следующего утра.

Желудок требовательно заурчал, напоминая, что ужин я вчера пропустила. Я вспомнила о Чернокнижнике и видении и тут же сникла. А вдруг он придет в «Скрепку»?

Неожиданная мысль опалила жаром затылок. Он ведь не убьет меня? Что если будет мучить в каком-нибудь подвале, где никто не найдет нас, не сможет выследить? А может, и не будет искать...

Несколько раз я глубоко вдохнула, призывая себя успокоиться. Ничего не случится. Не сможет же Тан всех зачаровать, а у нас человек тридцать сотрудников на этаже. А в общественном транспорте это и вовсе сделать трудно.

На ватных ногах я спустилась в гостиную. Есть больше не хотелось — мысли о колдуне напрочь отбили аппетит. К моему удивлению, все наши уже собрались внизу: Глеб сидел на диване, полностью поглощенный тем, что происходило на экране мобильного, Лара с Филиппом что-то оживленно обсуждали.

Влад стоял в сторонке и тихо говорил с Олей. Заметив меня, слегка кивнул, а затем снова повернулся к ней.

— Такая рань, а весь дом на ногах. — Голос у самого уха заставил вздрогнуть. Я нахмурилась и укоризненно покачала головой.

— Ты напугал меня!

— Извини. — Глеб лучезарно улыбнулся. — Выспалась?

— Выспишься тут, — проворчала я и немного расслабилась. — Спасибо, что вчера помог.

— А, ну ты это... зови, если чё. — Он почесал макушку и смутился.

— Глеб, ты... — Я замялась, осторожно посмотрела на него. Поймала ожидающий взгляд и выпалила: — Не пей больше, хорошо?

Не знаю, зачем я сказала это. Просто какая-то внутренняя необходимость, постоянно ноющий внутренний голос на задворках сознания не давал все спустить на тормозах. Он нравился мне — импульсивный, полностью лишенный гибкости парень, простой и в то же время безумно сложный и глубоко несчастный внутри. И не хотелось, чтобы колдун воспользовался его слабостью.

— Когда-нибудь тебе оторвут любопытный носик, пророчица! — раздраженно пробормотал он и отошел в сторону.

Ну вот, я снова все испортила! А всего-то и хотела, что выказать заботу. Выходит, не умею я, да и психолог из меня паршивый.

Глубоко вдохнула, посмотрела на часы. У меня еще было двадцать минут, чтобы позавтракать, но я решила все же отправиться в город. Там, если что, куплю что-нибудь в супермаркете. Зудящее ожидание нападения, которым пропиталась гостиная, напрягало, и я с удовольствием вышла на улицу.

Осенний воздух казался на удивление свежим, и я жадно вдохнула, закрывая глаза и стараясь абстрагироваться от проблем.

Подставила лицо морозящему дождю, впитывая силу, наполняясь спокойствием и умиротворением.

Просто еще один день. Обычная схема: дом-работа-дом, затем обязательно сделаю ванну с лавандой и как следует высплюсь. Не буду думать о плохом. Ничего ведь еще не произошло, а я паникую.

Просто еще один день...

Чья-то рука крепко, до боли сжала запястье, и я ойкнула. Обернулась и натолкнулась на сердитый взгляд.

— С ума сошла!

— Что... ты о чем? — Я невольно поморщилась. — Мне больно!

— Почему я должен гоняться за тобой по улице? Ты разве не слышала моего приказа не покидать дом? Куда ты вообще собралась?

— Твоего... приказа?! — Возмущение вырвалось свистящим выдохом из легких.

Фраза была такой нелепой, но в то же время в духе Влада. Никогда прежде он не позволял себе такого. Неужели то, что я атли, дает полномочия грубить и тиранить? Я вспомнила присягу, и щеки полыхнули от осознания того, что на самом деле могли значить те слова.

Теперь все воспринималось по-другому. И Влад был другим.

Но я-то нет.

Его, похоже, мое возмущение вовсе не смутило. Наоборот, он завелся еще больше, отчего взгляд стал колючим и злым. Руку мою все же выпустил, но ни на шаг не отступил.

— Очнись, пророчица! Чернокнижник придет не чаю с нами попить! Рассказать тебе, что произошло в его прошлый визит?

— Знаю, что было... — сказала я и потупилась, чтобы случайно не выказать, насколько униженной себя чувствовала.

— Хочешь, чтоб на этот раз он пришел за тобой?

Я подняла глаза. Злость вытеснила обиду, разбавилась ревностью и нашла, наконец, выход.

— С чего бы ему приходиться за мной, Влад? — спросила резко. — Он придет за теми, кто тебе дорог!

Влад отпрянул, нахмурился и, казалось, был сбит с толку. Светлые волосы трепал ветер, и одна прядь упала на лоб, внося некую дисгармонию в почти идеальный образ. Делая его милым, земным.

Да, уж, очень мило — стоять тут и кричать на меня. Приказывать, будто я... Кто я ему — рабыня?!

— Зачем ты это сказала? — спросил он тихо, почти обиженно.

Я пожала плечами.

— Я бы на твоём месте позаботилась о Ларе. — Постаралась, чтобы голос звучал как можно более бесстрастно. — В прошлый раз Тан приходил за ней.

Влад отошел, положил руки на полированные перила. Я пыталась отдышаться, прийти в себя, но тут же вспомнила, как это трудно рядом с ним.

Вязкий воздух, слишком вязкий, даже дождь не помогает. Наверное, проклятие сильнее дождя...

— Лара в доме, — сказал он, наконец. — Под защитой. А ты — нет.

— Мне на работу надо.

— Какая, к черту... — Он замолчал и закрыл глаза, всем видом показывая, как ему тяжело себя сдерживать. Я поежилась — внезапно стало холодно и одиноко. Почувствовала себя жутко глупой, словно мне объясняют по сто раз, а до меня все равно не доходит.

— Поля, это не шутки, — произнес он уже мягче. Подошел, сжал плечи. Несильно. Черт, только бы не расплакаться тут! — Не время для глупостей, сейчас нужно собраться, быть едиными, как никогда.

— Это не глупости. Это — моя жизнь! Меня уволят завтра за прогул, и что прикажешь делать?

— Эта работа — глупости! Тебе чего-то не хватает? Так скажи мне. Это ведь не

проблема совсем.

— Что ты говоришь такое? — Я нахмурилась. — Я не могу быть твоей содержанкой.

— Ты никогда не была содержанкой, Полина, — сказал он тихо. Затем кивнул. — Хорошо, попытаемся принять глупые требования. Если ты заболеешь, тебя не уволят, верно?

Я машинально кивнула, пропуская мимо ушей обидное словосочетание «глупые требования».

— Отлично! Кирилл сделает тебе больничный. — Он глубоко вздохнул. — Как с тобой иногда тяжело...

Я не стала отвечать. Просто стояла там и слушала, как ветер колышет голые ветви тополя у крыльца, и они со стуком опускаются на крышу из профнастила. Наслаждалась теплом и спокойствием. Мне это нужно — успокоиться. Не бояться прихода колдуна. Просто знать, что я важна.

Я важна для Влада! Иначе зачем бы он меня останавливал? В голове мелькнула мысль об уникальности дара, но я не стала заморачиваться. Глупо, да, но сейчас мне нужно именно это.

Внезапно Влад обнял меня. Крепко — так, что я едва не задохнулась.

— Никогда так больше не делай! — прошептал в ухо, затем выпустил и подтолкнул к двери. — Идем в дом.

Остаток дня я провела в полутрансовом состоянии.

Несмотря на неординарность ситуации и разношерстность собравшейся компании, в кругу атли я чувствовала уют и легкость. Все казались на удивление благожелательными сегодня — собрались в гостиной и шутили, стараясь разрядить тревожное ожидание.

Даже Лара улыбалась, не выпуская руки Влада, и я ловила себя на мысли, что любуюсь ее красивым лицом. Иногда вспоминала внезапный порыв на крыльце, и внутри все сжималось от желания поддаться чертовому влечению.

Ближе к вечеру я поднялась наверх, переделась в пижаму и залезла под одеяло. Что-то в этом определенно есть: прогулять работу, сославшись на болезнь, и валяться в кровати, переключая каналы, листая книгу или просто занимаясь дуракавалянием.

Я улыбнулась, закрыла глаза и тут же уснула.

У очага племени атли невероятно ветрено. Я держусь за ручку двери, словно это может спасти, уберечь от опасности, но входить не спешу.

Жду.

В этот раз точно знаю, чего именно. Меня заполонило спокойствие, тревога и страх попятились, уступая место уверенности. Я знаю, как одолеть колдуна.

Навстречу мне идет Максим, и глаза у него теплые — светло-карие, цвета темной карамели. Подходит ко мне, протягивает руку и говорит:

— Держи крепче.

— Держу. — Я улыбаюсь, и он улыбается в ответ, а потом реальность туманится, сгущается, незримо меняясь под влиянием необъяснимых законов сна.

Я все там же, у очага, но теперь уже в доме. Вокруг темно, но в моей ладони горит синий огонек, что дал Максим. Я стою, прислонившись к холодному камню, и слушаю, как шепчут духи предков.

— Белый против черного...

— Оно в тебе, услышь его...

...услышь...

Постепенно темнота сгущается, напирает, грозясь поглотить, вползти внутрь и подчинить, но я не боюсь. Улыбаюсь, вытягивая руку, и на ладони разгорается свет.

Я уже знаю, что будет. Знаю, что...

Я проснулась от легкого прикосновения к щеке. Протерла глаза, села.

Совершенно не хотелось спрашивать, зачем он пришел, но я все равно спросила. Влад склонил голову набок, погладил меня по волосам.

— Все время кажется, что ты наделаешь глупостей.

Внезапно я поняла, что именно сейчас та грань, которую так хочется переступить. Настолько хочется, что внутри все сводит. Но нельзя.

Осторожно отодвинулась, нервно улыбнулась и сказала:

— Я спала.

— Да, я заметил.

С тех пор, как мы расстались, впервые вот так сидели вместе, на одной кровати, в спокойной обстановке. И взгляд у него ничуть не изменился — немного лукавый, пристальный, левую бровь слегка покорежило шрамом. Теперь я сомневалась в том, что он поранился, когда играл в волейбол.

— Ты все правильно сказала утром, — произнес он тихо, не отводя взгляда. — Тан придет за теми, кто мне дорог. Именно поэтому я хочу, чтобы ты была послушной. Обещай мне!

Теплая рука нашла мою, переплела пальцы. Я застыла. Пыталась дышать, вспоминать таблицу умножения, даже интегралы, в которых ничегошеньки не понимала. Тщетно. Сердце, казалось, готово было пробить грудную клетку.

— Обещаю.

В голове мелькнула мысль: «Сейчас он поцелует меня!»

Но Влад выпустил мою руку и встал, уступая место дикому, почти болезненному разочарованию.

— Умничка! Отдыхай.

Он уже почти открыл дверь, когда я нашла способ его остановить.

— Я видела странный сон, — выпалила и добавила: — Только что.

Он нахмурился, вернулся и присел рядом. С ним вернулись уверенность и уют.

— Мне снился Максим, ну, я тебе говорила вчера. Мой сотрудник. Он дал мне кое-что. Шарик из света. Синий. Я была у очага и... — Я подняла на Влада глаза. — По-моему, это может помочь с Черно книжником. Не знаю, правда, как.

— Я знаю! — Зеленые глаза вспыхнули радостью. — Ты держала его за руку?

— Кого? Максима? — удивилась я. — Во сне?

— Нет, наяву. Здоровалась с ним, касалась его? Полина, вспомни, это очень важно!

— Не помню... наверное, да.

Он кивнул.

— Хорошо. А теперь ты должна постараться передать мне его отпечаток.

— Передать отпечаток?

Я не успела опомниться, как Влад снова переплел наши пальцы. Пряный ванильный запах окутал ореолом, а его кен, как и тогда во дворе, просочился мне под кожу. Я шумно выдохнула, закрыла глаза и закусил губу.

— Ты должна открыться, — прошептал Влад, и его дыхание пощекотало ухо.

Открыться? Да, без проблем! Я ж с детства тренируюсь открываться. Для меня это

плевое дело вообще.

Черт, как хорошо-то. Это... просто... наркоманский кайф!

— Я не знаю, как...

— Странно, раньше у тебя отлично получалось.

Я распахнула глаза. Он рядом, улыбается. Близко. Теплый. А я только теперь поняла, насколько замерзла. Устала... От постоянных тревог, неопределенности, потерь. От разочарований.

И вдруг четко осознала: Влад навсегда в моей жизни. От этой мысли стало так радостно, что я испугалась. Магия — страшная штука, когда она влияет на тебя.

— Да, вот так... — низкий голос охрип, и это завело меня еще больше. Я бы так всю ночь сидела, держась за руки, впитывая ванильный кен, кайфуя от прикосновений. — А теперь вспомни, когда ты касалась его.

Я послушно нырнула в воспоминания.

Вот Максим приходит, протягивает бумаги на подпись. Улыбается, делает комплимент моим глазам, протягивает руку...

Влад выпустил мою ладонь и отпрянул. Я медленно покачала головой, пытаюсь избавиться от наваждения, открыла глаза.

— Что?

Он отвел взгляд, но перед этим, могу поклясться, в нем мелькнула тревога. Разочарование. Но почему? Разве я что-то сделала не так?

— У меня... не получилось?

— Нет, ты умничка.

Он встал, подошел к двери и, не оборачиваясь, добавил:

— Я найду немного позже. Поспи.

За ним закрылась дверь, и я разочарованно вздохнула. Обняла себя за плечи, попыталась успокоиться. Ага, как же! Черт, ну, почему я такая тупица?! Выкинуть его из головы, жить своей жизнью, так нет же — стоит Владу прикоснуться, и все пропало.

Я встала, со злостью сбросив одеяло. Вышла на балкон, глубоко вдохнула холодный, почти морозный октябрьский воздух. Ветер забрался под пижаму, и кожа тут же покрылась мурашками. Ничего, лишь бы прогнать образ Влада. Забыть прикосновения, ванильную сладость.

Я представила себя на месте Лары. На секунду. Подумала, каково это: каждую ночь держать его за руку, обнимать... Впрочем, мне не нужно было представлять. Я все прекрасно помнила и вряд ли уже забуду.

Отогнала эти мысли и заставила себя думать о Чернокнижнике. Когда Филипп рассказывал легенду о вожде и пророчице, я невольно пожалела обиженного мальчика, ведь у него отняли то, что принадлежало ему по праву. Тан в видении обиженным не выглядел и жалости не вызывал. Но так ли он не прав, требуя пост вождя атли? Впрочем, Влад тоже не виноват в том, что однажды один из его предков незаконно занял место колдуна.

Спать больше не хотелось, а вот есть — еще как. Вечно меня ночью тянет к холодильнику. Станный организм — утром ни крошки в рот не могу положить, а как только часы пробьют двенадцать... Как в сказке.

Я усмехнулась. Надо что-то с этим делать, ускоренный метаболизм не навсегда. Когда-нибудь я проснусь и пойму, что растолстела. Но не сейчас. Сейчас с объемом талии все в порядке.

Я спустилась вниз и с огромным аппетитом съела бутерброд с ветчиной и сыром, запивая сладким чаем. Воспоминания о недавнем визите Влада отодвинула на задворки памяти, чтоб не маячили.

В гостиной было темно, лишь лунный свет пробивался сквозь полупрозрачные шторы и округлыми пятнами стелился на паркет.

Риту я узнала сразу. Она стояла у двери и пыталась справиться с замком. Выходило плохо, она пыхтела и старательно крутила ручку. Черный вязаный берет сбился набок, серое пальто расстегнулось, а на руке покачивался тот самый красный зонт-трость.

— Рита! — окликнула я, но она даже не обернулась. — Ты куда? Влад же просил не выходить.

Сестра не отреагировала. Никак. В ее хаотичных движениях ощущалось только одно — желание покинуть дом.

И тут я поняла.

Нет, не то, чтобы я испугалась, скорее растерялась. Посмотрела вверх, оценивая, насколько быстро смогу подняться, разбудить Влада и сообщить о происходящем. Уже почти рванулась, но тут Рита, наконец, открыла дверь и шагнула на улицу.

Я стояла почти у выхода, потому сразу увидела его. Среднего роста, одет в черное. Высокие скулы и немного впалые щеки создавали впечатление, что он долго голодал, но скорее всего, оно было ложным.

Он протянул к Рите руки ладонями вверх, слегка улыбнулся.

— Кровь от крови моей, — сказал приятным и уже знакомым голосом. — Я ждал тебя.

Рита подошла, вложила маленькие ладошки в его — раскрытые.

— Рита! — Не до конца понимая, что делаю, я выбежала вслед за ней и остановилась — он меня увидел. — Ты... куда?..

Воспоминание о видении тут же всплыло, и в голове четко оформилась мысль: «Видения, и правда, сбываются». Я, Рита и Тан. Как тогда. Она — полностью подчиненная ему, как марионетка, а значит, я следующая.

От страха затряслись колени. В прямом смысле. Думала, упаду — ноги стали ватными и едва держали.

Лицо колдуна изменилось, и показалось — на какую-то долю секунды — что он меня узнал. словно мы уже встречались, даже были знакомы, но потерялись на много лет.

— Ты, — произнес он тихо. — Ну, конечно...

Стало не по себе, и я отступила на шаг.

— Рита, пожалуйста... — пропищала я, хотя понимала: до сестры сейчас не достучаться.

— Как же все удачно складывается! — не обращая внимания на мои слова, радостно сказал Тан. Выпустил руки Риты, приблизился.

От него веяло темнотой. Нет, это не пафосное сравнение. Рядом с ним казалось, что я проваливаюсь в глубокую черную яму без дна. — Передай Владу Вермунду, что я готов обсудить детали посвящения в атли. А до тех пор эта девушка, — он обернулся и посмотрел на Риту, — скрасит мое одиночество.

Он отошел, взял Риту за руку, и они неспешно пошли к воротам.

Влад, подумала я. Нужно позвать Влада.

Так быстро я еще никогда не бегала. Переступая через три ступеньки, преодолела лестницу, пробежала несколько метров коридора, и постучала в дверь его комнаты. Потом

еще раз. И еще.

Не знаю, сколько я стучала. Меня трясло, в голове было пусто, только эхом отбивались слова Тана.

Черт, я стояла так близко — он мог коснуться! Загипнотизировать. Я могла быть, как Рита...

Наконец, дверь открылась, и появилось заспанное и недовольное лицо Лары.

— Какого черта?!

— Влад! — Я протиснулась в комнату, и через миг он уже обнимал меня.

Я старалась не расплакаться, с трудом сдерживая истерику, но получалось плохо.

Он отстранил меня, посмотрел в глаза.

— Что ты видела?

— Тана... и Риту, они... Она... Он забрал ее!

Лара побледнела, присела на кровать и прижала ладони к груди. Влад, казалось, не поверил. Нахмурился, постоял несколько секунд молча. Затем глухо спросил:

— Когда?

— Только что. Она вышла к нему... сама. Я... я ничего не могла сделать! Все было, как в том видении. Он...

— Он убьет ее! — Лара встала, подошла к нам, схватила Влада за предплечье. Костяшки длинных пальцев защитницы побелели, с такой силой она его сжала. — Чертов колдун убьет Маргариту.

Ее крик звоном отразился в ушах, усиливая панику. Успокоиться, надо успокоиться...

Влад выпустил меня, повернулся к Ларе.

— Никто никого не убьет, слышишь меня? Соберись, защитница!

Затем развернулся и вышел. Мы засеменяли за ним, как послушные дети за родителем, словно Влад мог все решить одним телефонным звонком или мудрым советом.

Он не мог. Моя сестра в руках колдуна, и если Влад не согласится принять его в атли... Холодок предчувствия прокатился по позвоночнику. Нет, не сметь хоронить Риту!

Вскоре все наши собрались внизу. Входная дверь осталась распахнутой настежь, но, похоже, никого, кроме Глеба это не беспокоило. Он подошел и прикрыл ее. Потом присел рядом со мной на диван.

Я слышала, как Влад звонил куда-то, что-то выяснял, но смысл фраз понимала смутно. Он не найдет Риту.

— Ты видела его? — спросил Глеб, и я кивнула.

Влад приблизился к нам, присел на корточки, накрыл мои ладони, слегка поглаживая большими пальцами, словно успокаивая. К слову, это подействовало, и я немного расслабилась.

— Постарайся вспомнить детали, — попросил очень серьезно, но в то же время ласково. — Может, он говорил что-то?

— Я все помню прекрасно. Каждое слово, которое он сказал.

— Он... говорил с тобой? — выдохнула Лара и тут же умолкла. Филипп обнял ее за плечи, видимо, желая успокоить.

— Тан просил передать, что готов обсудить с тобой детали посвящения в атли.

Никто не произнес ни слова, и это жутко раздражало. Тишина, только и слышно, как прерывисто дышит защитница и как ерзает по обивке дивана Глеб.

А потом Влад повернулся к Филиппу.

— Я нашел хранителя пала. Понимаешь, что это значит?

Филипп кивнул.

— Его энергетика убийственна для владеющего темными искусствами. Такого не случилось уже несколько столетий.

— Хранитель... чего? — переспросила я.

— Тот свет — голубой шарик, что тебе снился, — пояснил Влад. — С его помощью можно победить колдуна.

Значит, я была права. Я даже немного воспрянула духом — хорошо, когда есть надежда. Но лицо Влада почему-то радости не выражало.

— Ты поэтому просил передать флюиды Максима? — спросила я с надеждой.

Он кивнул.

— В нем охотник. Не просто охотник — древний.

— Фига се! — воскликнул Глеб и поднялся. Прошелся к двери размашистым шагом. Вернулся. — Что будем делать?

Влад не сводил с меня взгляда.

— Поможешь? — спросил, но показалось, что это не совсем вопрос. Вспомнилась утренняя фраза о приказах, отчего стало как-то мерзко на душе.

Да, что это со мной? Рита — моя сестра, единственное, что осталось от мамы.

Я растерянно кивнула.

— Ты совсем сбрендил?! — Глеб присел рядом, развернул меня к себе. — Бежать нам надо. И спрятаться. Если охотник найдет тебя...

— У Тана моя сестра! — резко перебил Влад. — И я не намерен ждать, пока он убьет ее.

— Но что даст нам охотник, Влад? — Впервые за то время, как я знала этих двоих, Глеб назвал его по имени. — Полине нельзя даже прикасаться к нему, а энергия охотника блокирует любые заклинания жреца.

— Все изменится, если Полина проведет ритуал кроту.

— Ты двинулся, теперь я точно вижу! — выкрикнул Глеб. — Древний убьет ее в секунду!

— Ты не подумал о том, почему он еще не сделал этого? Охотник не знает, кто она. Защита работает, и у нас есть шанс не только покончить с Таном, но и уничтожить древнего!

— Что-то я совсем запуталась. — Я посмотрела на Влада. — Что происходит-то, а?

— Я тебе скажу, что происходит, — ответил за него Глеб. — В твоём знакомом, который хранит пал, живет охотник. Возможно, выслеживает нас, а может, и правда, защита работает. Пока работает. — Он вздохнул. — Тебе нельзя с ним встречаться, Полина, потому что если он узнает, кто ты, убьет без промедления. Порвет жилу, и дело с концом. Я единственный здесь понимаю это?!

Древний... Одно слово пугало до чертиков. Я вспомнила, как больно мне сделал молодой охотник, как страшно было на темном Викином балконе...

Влад сжал мои резко вспотевшие ладони.

Нет, не говори! Не проси ни о чем. О чем бы ты ни попросил, я уже чувствую, что это будет опасно и страшно. Неотвратимо.

— Максим нам нужен, — сказал он твердо. — Нужен пал.

— Но охотник...

— Он нам нужен! — безапелляционно.

Такие поединки взглядов с ним я всегда проигрывала. Прогибалась. Но сейчас дело

было не в поединке. Мою сестру похитил древний колдун, и только я могла добыть то, что поможет нам ее вызволить. Не дать Тану получить желаемое. Ведь, по сути, из-за Риты я осталась в атли.

Поэтому слова Влада прозвучали, как приговор:

— Ты должна убить его. Убей охотника.

Глава 16. Ритуал

Я слепила фигурку из черного воска. Смастерила черную свечу. Начертила пентаграмму. Не краской, конечно, за краску Вика убила бы меня точно. Мелом.

Вслух, чтобы не забыть, повторяла фразы, которые нужно будет говорить во время ритуала. Если собьюсь, умру — тут все просто.

Слишком просто...

Присела за стол, разгладила скатерть. Сердце, казалось, билось где-то у подбородка. Руки дрожали. Вика покачала головой.

— Во что ты ввязалась, подруга?

— Я расскажу. Позже, обещаю.

— И что это будет? Колдовство? — Она встала, заломила руки, прошлась по комнате. — Я так и знала, что ты встряла в какую-то секту! Живешь непонятно где...

— Это не секта, это другое.

— Да-да, сектант именно так и сказал бы.

— Ты мне поможешь? — раздраженно спросила я. — Если нет...

— Да, помогу, говорила уже. Подумаешь, свечи, воск... Нож? — выдохнула она, когда я достала ритуальный клинок. — Только не говори, что ты...

— Никто не умрет, — соврала я.

Сегодня определенно кто-то умрет. Или охотник, или я.

Все было как-то скользко. Объяснения Влада — отрывочные, полные недосказанности, словно он хотел что-то скрыть. Само действие с черными свечами и кровопролитием пугало.

А еще я была одна. Никого из хищных рядом, чтобы не спугнуть охотника. Только я и наполненный кеном амулет на шее. Чтобы не выдать, чтобы скрыть суть жилы.

Не задавая вопросов, Вика протянула сигарету — как раз то, что нужно. Я чиркнула зажигалкой и затянулась сладким дымом. Никотин слегка опьянил, расслабил, голова закружилась, а руки перестали дрожать.

Справлюсь. Ради сестры.

Еще раз вспомнила до мельчайших подробностей ритуал кроту. Клинок Филиппа отблескивал зеркальным лезвием.

Влад верил в меня... От осознания этого я немного расслабилась, но тут же вновь вспомнила об опасности.

Черт, я и в самом деле сделаю это? Убью охотника?

Через полчаса, почти минута в минуту в назначенное время на пороге квартиры появились Максим с другом. Он давно приглашал меня погулять, и байка об одинокой подруге и двойном свидании выглядела убедительной. На его друга я даже не взглянула — пыталась вычислить, знает ли охотник, кто я. Впрочем, если да, мне все равно не жить.

Максим был абсолютно расслаблен, улыбнулся и протянул руку. Странное приветствие с девушкой, но руку я все же пожала. Страх усилился, но тут я уже не знала: то ли это охотник в Максиме на меня так влиял, то ли просто мое понимание, что он там есть.

— Спиритический сеанс — отличная идея! — лучезарно улыбаясь, произнес он.

Ну, да, конечно! Нестандартное свидание — для нестандартных девушек. Его слова.

— Ты все приготовила? — спросил деловито.

Я кивнула.

Мы сели за пределами круга, держась за руки.

Я несколько раз глубоко вздохнула, вспоминая заклинание кроту, которому учил меня Филипп.

«...Благословенные духи Севера... воздушные пространства! Я призываю вас!

...Благословенные духи Юга... недра земли! Я призываю вас!

...Благословенные духи Запада... водные глубины! Я призываю вас!

...Благословенные духи Востока... всепоглощающее пламя! Я призываю вас!»

Ладонь Максима была расслаблена, а я все ждала, что охотник в нем проснется. Жаль, что не успела как следует почитать о ритуале. Возможно, он не сможет помешать... А может, выпустит смертоносные щупальца и порвет мою жилу. Ничего такого не происходило.

Максим сидел с закрытыми глазами и улыбался уголками губ.

«Охотник — разрушитель, убийца!» — шептала я, почти полностью погрузившись в транс.

«Я атли. Я хищник. Я твой враг. Я призываю тебя: явись!»

Посмотрела на Вику, и она покачала головой. Я перевернула руку Максима ладонью вверх, полоснула ножом. Сглотнула при виде выступивших капелек крови. Подставила восковую фигурку и с силой сжала.

Секунда. Еще одна. Черный воск окрасился красным, кровь растеклась уродливой кляксой, добавляя сюрреализма в происходящее.

— Что за черт?! — возмущился Максим, вырываясь. Я больше не слушала — что-то внутри надломилось, жила ожила, кен бушевал в крови вместе с волнением и страхом. Перед глазами заплясало пламя, а моими действиями, казалось, кто-то управлял. Все инстинкты говорили о правильности происходящего.

«Я уничтожаю тебя!»

И проткнула фигурку ножом.

Сил почти не осталось, словно ритуал кроту выпил их все. Впрочем, наверное, так и было.

Я жутко устала, но понимала: еще миг — и парень испугается, убежит. Пока Максим не одумался, схватила его за руку, впитала флюиды. Чистые, слегка пропитанные страхом — флюиды человека. Теперь-то я могла отличить. Теперь поняла...

Как я не замечала этого раньше? Этой страшной разницы, что отличала Максима от охотника — его смертоносную сущность я все еще ощущала где-то поблизости, словно кровь, пролившаяся на воск, могла причинить мне вред.

Но это, конечно, было неправдой. Охотник умер. Я убила его.

Было еще какое-то чувство... неправильности, несоответствия.

Совесть? Я же только что... А что, собственно? Вот он, Максим, живой, невредимый хлопает ресницами. Только порез на руке напоминает о недавнем действе.

А вот опасность, грозящая Рите, совершенно реальная. Моя сестра у Тана, и неизвестно, как она там держится.

Через секунду все изменилось. Я думала, Максим испугается, убежит, а он разозлился. Начал метаться из угла в угол, браниться, швырять вещи.

Что в таких случаях подумал бы обычный человек? Откуда мне знать — я уже давно им

не была. Все изменилось, как и я сама. Приняла новые правила игры. Опасные. Дикие. И назад пути нет.

А потом Максим резко выбежал в ночь, громко хлопнув дверью и наверняка переполошив соседей. Его друг покрутил пальцем у виска и вышел вслед за ним.

Почти полностью лишенная сил, я откинулась на спину, закрыла глаза. Слезы горячими струйками стекали на пол, но сегодня я не стеснялась слез. Полпути, говорила я себе. Это только полпути. Нужно пройти еще половину, встретившись при этом с колдуном. Соврать убедительно, без дрожи в голосе, без выдающей мимики лжеца. Я ведь не умею так!

Вика сидела и не шевелилась — ошарашенная.

— Ты чокнутая, подруга, — прошептала она, не глядя мне в глаза.

— Я должна ехать. — Нащупала мобильный, набрала номер Влада. После нескольких гудков он взял трубку. — Все кончено.

— Скоро буду.

Я кивнула, не осознавая, что по телефону этого не видно. Понимание непринадлежности к привычному миру нахлынуло, я захлебнулась горечью осознания пропасти между жизнью до атли и существованием теперь. Она — эта горечь — поднялась комом, встала в горле и никак не хотела уходить.

А потом вспомнилось неловкое рукопожатие тонких, исхудавших ладоней, широко распахнутые голубые глаза, нелепый красный зонт... Она — все, что у меня осталось. Она — моя кровь. Нет времени сомневаться. Я сделаю это!

Поднялась, на негнущихся ногах дошла до двери и вышла в ночь.

Вместе с Владом приехал Глеб. Внезапно накатила странная волна нежности к нему, в груди стало тепло и тесно, словно мне сделали горячий укол прямо в сердце.

Я улыбнулась.

— Видишь, я жива.

— У тебя нет башни! — сказал он с обидой и отвернулся.

Я закрыла глаза. Нужно держаться, осталось чуть-чуть.

Мы приехали домой. Влад помог мне выбраться, обнял за плечи.

— Ты молодец. Попробуем?

Я слабо кивнула — это все, на что была способна.

Теперь уже было проще. Жила завибрировала, активируя кен. Странно, но после ритуала кроту я чувствовала невероятный подъем. Знала, как воссоздать пал Максима и передать Владу.

Когда открыла глаза, он улыбался.

— Ты умничка! — сказал с восхищением.

Я кивнула и поняла, что совершенно не рада этому. Раньше, когда он хвалил меня, в душе происходила революция, эмоции сменяли друг друга со скоростью звука: радость, эйфория, сомнения, снова радость, желание сделать еще что-то, чтобы он вновь улыбнулся, сказал, какая я молодец.

Но не сегодня. Сегодня внутри было пусто и тоскливо.

Он тут же отошел, достал телефон, набрал номер.

— Я готов встретиться, — сказал глухим голосом. — Сегодня вечером, в восемь. На пустыре у очага.

...Стылый ветер трепал волосы, забираясь под полы курки, в рукава и за шиворот. Кисти рук окончательно замерзли, и я прятала их в карманы, стараясь не думать о холоде и тревоге,

затаившейся внутри.

Весь путь от высокого забора до очага атли мы преодолели в полном молчании. Глеб шел рядом, все еще хмурясь, ежась и вжимая голову, прикрываясь поднятым воротником куртки от пронизывающего ветра.

Лара семенила неподалеку, выглядела при этом немного комично в модельных сапогах на шпильке, путаясь ногами в прошлогодней пожухлой траве. Она держала Влада за руку, словно он был якорем в море отчаяния. Я ее понимала. То есть понимала до сегодня. Сейчас мне не хотелось поддержки. Я чувствовала себя отстраненно, словно в другой, параллельной реальности, наблюдая за всем сквозь призму внезапно накатившей усталости.

Я не боялась.

Тан стоял у самой двери в домик и держал Риту за руку. Сестра застыла и смотрела в одну точку, а окончательно сломанный красный зонт, сюрреалистично топорщась покореженными спицами, неизменно висел у нее на предплечье.

— Сегодня великий день! — торжественно объявил Чернокнижник и слегка склонил голову в приветственном жесте. — Скажи, великий вождь, разве я его не предвидел?

Влад стоял ровно, ничем не выдавая истинных чувств. Легкая улыбка пробежала по губам, а светлая бровь иронично приподнялась.

Игра. Это просто игра.

— Чего ты хочешь, Тан?

— Для начала я хотел бы получить то, чего меня лишили еще в детстве. — Он повернулся в сторону Риты и с особой нежностью погладил ее по лицу. Я вздрогнула, понимая, что ничем не могу помочь сестре. Ни словом, ни действием. Нужно ждать. Ждать было невыносимо. Хотелось, чтобы этот день поскорее закончился, а еще лучше забыть его навсегда. — Прими меня в атли, Влад. Как тому и суждено быть.

По лицу колдуна трудно было определить возраст. Где-то до сорока, хотя на самом деле он был намного старше. Тысяча лет — не шутки, а если ты при этом обладаешь недюжинной силой и талантом к интригам, можно ли вообще тебя обмануть? Я надеялась, что можно.

Ощутила, как кто-то крепко сжал мою ладонь. Подняла голову. Глеб не смотрел на меня — все внимание приковано к Тану. Он боялся, и сильно. Я тоже должна бояться. Трепетать перед силой и могуществом Чернокнижника, как совсем недавно дрожала в присутствии Максима. Но ничего такого не было.

— Отпусти Марго, — спокойно сказал Влад, — и мы поговорим об этом.

— Да, кто ж ее держит? — усмехнулся Тан, и Рита, словно выйдя из вынужденного транса, вздрогнула, попятилась и прижалась спиной к выбеленной стене постройки. Она тяжело дышала, руками хватаясь за сломанный зонт и с ужасом глядя на Тана.

— Кровь от крови моей, — сказал он с улыбкой и попытался погладить ее по щеке.

— Не трогай ее! — выкрикнула я быстрее, чем поняла, что говорю вслух. Глеб напрягся, крепче сжал руку, но я выдержала ее и подошла к сестре.

Рита дрожала и, мне показалось, пыталась понять, что действительно происходит в реальности, а что — результат внушения Чернокнижника. Я осмотрела ее в поисках повреждений, ничего не нашла и немного расслабилась.

— Ты как? — спросила, глядя по спутанным волосам, по плечам, заглядывая в испуганные и расширенные от страха глаза.

— Не знаю... — Похоже, она пребывала в шоке и не совсем понимала, где находится. Я обняла ее, исподлобья глянув в сторону колдуна. Он улыбался и, казалось, был

благожелателен.

— Как же это удобно, не так ли, Влад? — спросил, не сводя с меня черного глубокого взгляда. — Только вот нельзя так разбрасываться членами племени, состав атли значительно поуменьшился. И, как вождь, ты, прежде всего...

— Забываешься! — перебил Влад, выступая на шаг вперед, буквально дыша злобой и уже практически не скрывая раздражения. — Как ты верно выразился, вождь я.

Тан улыбнулся, но промолчал, а я все ждала заветного слова «пока». Но ошиблась. Похоже, колдун не хотел нарываться на скандал. Но почему, если он настолько силен? Почему бы не прийти в наш дом и не взять то, зачем пожаловал?

— Я был неправ, — спокойно сказал он. — Прошу извинить меня за дерзость.

Только вот искренности в его словах не было ни грамма. Он паясничал. То ли провоцировал Влада, то ли просто веселился. Повернулся и подмигнул мне.

— А все же хорошо, что ты атли. Быть атли прекрасно!

Да уж, жутко странный этот Тан. Все эти пафосные речи, непонятные выпады... Являлись ли они частью продуманного им плана или он просто с точки зрения своего возраста уже не понимал, насколько не смешно шутит? Мне было все равно.

— Верно, — сказала я. — Это хорошо.

— Покончим с этим. — Влад приблизился и, показалось, хотел как-то прикрыть нас с сестрой от проникающего взгляда колдуна. — Посвятим тебя у очага, но вначале воссоединимся. Я хочу знать, кого принимаю в племя.

Домик встретил холодом и сыростью. Черный камень в углу выглядел сегодня громоздко, а наша разношерстная компания, состоящая из растерянных и притихших от страха атли, решительного вождя и насмешливого колдуна — шуточно и нелепо.

— Приступай, жрец, — кивком головы Влад велел Филиппу начинать, а сам не отводил прищуренных глаз от Тана. Чернокнижник почему-то смотрел на меня и посмеивался, и мне вдруг стало не по себе, словно он знает что-то, чего я не знаю. Впрочем, возможно так и было. Ведь именно его мать наложила это чертово проклятие.

Я вдохнула влажный и немного затхлый воздух, решительно шагнула навстречу Тану. Протянула руку, почти без страха, держась на одних только инстинктах и напряжении.

Он, казалось, удивился, но ладонь мою сжал, и, вопреки ожиданиям, рука у него была мягкой и теплой. Глеб тут же схватил меня за другую руку, и я была уверена, хоть и не смотрела на него в тот момент, что на лице был написан страх и желание меня придушить.

Глеб не знал то, что знала я. Непокколебимой уверенностью во мне поселилось осознание того, что сегодня Тан уйдет. Если не навсегда, то надолго. Возможно, наше поколение никогда не увидит колдуна вновь.

Я прочла ту же уверенность в глазах Влада. На его лице отражалась сила вперемешку с убеждением, что он победит. Желание покичиться силой, бахвальство. Я ведь раньше восхищалась этим, что же со мной случилось? Неужели в тот миг, как проткнула черную восковую фигурку, я поняла что-то, чего не могла осознать до этого.

Именно.

Он не бог.

Мысль об этом вползла в меня медленно, руша наивные верования и глупые девичьи мечты. Мечтать о нем действительно глупо. А еще более бессмысленно верить ему.

Они стояли друг напротив друга — два человека, оба достойные манипуляторы, готовые драться до последнего за честь называться вождем древнего племени атли. Амбиции, жажда

власти. Наверное, этого я не пойму никогда. Да, и не надо мне оно...

Атли вновь держались за руки, делясь кеном, и через миг я ощутила в венах вязкую черную силу колдуна, ломающую барьеры жилы, подавляющую, терпкую и на удивление не отталкивающую. Он влиял на меня. Сейчас, стоя в кругу, делясь кеном, Тан внушал мне свою волю.

И она была единственно правильной, основополагающей и незыблемой.

— Мы убьем тебя, — честно призналась я, заговорщически склоняясь, ведомая желанием предупредить. Так как теперь его кен управлял мной, диктовал защищать владельца.

Но было поздно — Тан уже все понял и так. Пал прошел через мою жилу, впитался в его кожу, и колдун, широко распахнув глаза, рухнул на колени прямо на грязный пол неухоженной комнатухи, посмотрел на меня как-то обиженно, как ребенок, у которого отняли конфету. Затем поднял лицо к Владу, раскрыл рот, словно хотел что-то сказать, но тут же оно окрасилось мертвецки-бледным, Тан закатил глаза и гулко повалился на бок, выпустив мою ладонь...

В ту ночь я спала как убитая, без снов и тревоги, без раскаяния и вообще каких-либо чувств.

Глава 17. Деторожденная

Глава 17. Деторожденная

Зима накрыла Липецк неожиданно и рано, в начале ноября. Тяжелый мокрый снег белоснежной периной укрывал землю, беспощадно сминался ногами прохожих, расплющивался колесами машин и понемногу таял, спрессовывался, покрывался пылью и копотью.

Последний месяц прошел сравнительно спокойно, без приключений. Скорее, это был месяц осмысления и переваривания той массы информации, что была свалена на меня до встречи с Таном. И выводы, которые пришлось сделать, оказались отнюдь неутешительными.

Во-первых, Рита, хоть и вздрагивала при каждом упоминании о колдуне, не смогла связно объяснить, как именно тот ее мучил. Вернее, оказалось, он ее и не мучил вовсе. Держал под замком в каком-то подвале, а когда пришло время идти к очагу, просто загипнотизировал.

Во-вторых, Влад что-то скрывал, и теперь я это видела явно. Однажды я спросила, что значили слова Тана у очага об «удобстве», но он настолько талантливо ушел от ответа, что я поняла: ничего не добьюсь, придется выяснять самой методом проб и ошибок.

В-третьих, я до сих пор с трудом представляла, что значил ритуал кроту. То есть одно дело убить человека ножом или из пистолета, и совсем другое — проткнуть мягкий воск, окропленный несколькими каплями крови. Если честно, я уже сомневалась, что кого-то там убила. Максим, хоть и был зол, как черт, все же оставался Максимом. Живым и невредимым.

Вике я сказала, что на нем была порча. Пусть уж она лучше верит, что я подалась в секту, чем узнает правду. Подруга долго читала мне мораль, а затем покачала головой и сдалась:

— Надеюсь, он того стоит.

Конечно же, она подумала, что я связалась с сектантом — зачем иначе мне проводить сомнительные ритуалы с кровью и черными свечами?

Как ни странно, я ожидала худшего — что она попросту перестанет со мной общаться. Наверное, в душе подруга готовила план, как вытащить меня из религиозного рабства. Что ж, пусть.

Глеб больше не пил, во всяком случае, я его пьяным не видела. Он не обижался за ту выходку с охотником. Даже сказал, что поражен моей смелостью, хотя уточнил, что мозгов бы мне все же не помешало добавить. Вообще, он чаще стал бывать вечерами дома, заходил ко мне, и мы подолгу болтали на балкончике, кутаясь в куртки и поджимая окоченевшие колени.

С ним было легко.

Скованный и угрюмый, обиженный на мир парень из гостиной со мной преображался, словно по мановению волшебной палочки, становясь улыбчивым, открытым и совершенно бесхитростным весельчаком, сыплющим до колик в животе смешными анекдотами.

Да и при всех он часто улыбался, всегда выделял мое появление какой-нибудь шуткой или просто приветливым словом.

— Похоже, Измайлов выздоравливает, — сказала мне однажды Лара с ироничной

улыбкой на губах. — Ты хорошо на него влияешь, пророчица.

Защитница редко заговаривала со мной. Положа руку на сердце, могу сказать, что почти никогда. Неожиданная реплика и внимание ошарашили, я растерялась и не знала, что ответить. Лара же, наоборот, как всегда, смотрела прямо и свысока.

— Я ничего не делала, — пробормотала я, действительно не понимая, что она подразумевает под словами «хорошо» и «выздоровливает». Глеб был со мной милым, но в обществе атли, особенно в присутствии Влада, все равно оставался угрюмым нелюдимом.

— Для этого необязательно что-то делать. — Она повела плечом и хозяйским жестом подвинула вазу на журнальном столике. — Но я буду рада, если ты излечишь его окончательно.

— Ты о чем?

— Не строй из себя святую невинность! Глеб Измайлов хочет тебя, и я на твоём месте ответила бы ему взаимностью. Он достаточно силен, чтобы защитить тебя, у вас будут красивые дети. Глеб верный. Скорее всего у него будет лишь одна жена.

— Зачем ты говоришь мне это? — тихо спросила я, опустив непонятную фразу про жену. Разве может быть больше одной? По-моему, российское законодательство этого не одобряет.

— Мы с тобой не подруги, и вряд ли ими будем. — Лара улыбнулась, но улыбка эта отнюдь не была приветливой. Наоборот, она была хищной в прямом смысле этого слова. — Но, поверь, тебе не стоит знать меня как врага.

— Как... врага?

Я готова была провалиться сквозь землю. Стою тут, мямлю, как слабачка какая-то. Обычная язвительность куда-то девается рядом с ней, и язык прилипает к небу, как клеем намазанный.

— Думаешь, я не вижу, как ты на него смотришь? — она склонила голову набок, не сводя с меня сверлящего взгляда. — На Влада. Все эти легенды о проклятии, ваше... хм... прошлое. Но сейчас он со мной, и я не собираюсь делить его. И уж тем более, с тобой.

Я тоже не собираюсь его делить. И давно уже не думаю о нем... О нас.

Смирилась. И с проклятием, и с тем, что Влад никогда не будет моим. Да, и не получится ничего — после всего, что было. Мы из разных реальностей, независимо от того, что нас так тянет друг к другу.

И разрушить это нельзя. Разве что когда-нибудь Влад убьёт меня.

Я поежилась. Кожа сразу же покрылась непрошенными противными мурашками. Я быстренько убедила себя, что он этого не сделает хотя бы из-за того, что мой дар уникален. Не лишит же он племя пророчицы из-за каких-то сомнительных чувств.

И вообще, похоже было, что Лара зря волновалась. С того самого дня, как мы одолели Тана у очага, Влад почти не заговаривал со мной, даже наоборот, всячески старался избегать.

А Глеб... Я не думала о нем в этом плане. Я обидела бы его, несомненно. Нельзя любить одного, а быть с другим. Во всяком случае, я так считала.

В целом все было вполне сносно. И работа, и выходные, которые я часто проводила с Викой в такой знакомой и родной мне трешке, забравшись на обтрепавшийся от времени серый диван с ногами и просто болтая ни о чем. Словно моя жизнь — обычная, и вовсе не было никаких обрядов, убийств, похищений и галантных колдунов.

В общем, быт налажился и стал более или менее нормальным.

Пока не появилась Каролина.

Бывают такие дни, которые начинаются вроде бы обычным, ничем не примечательным утром, взрывающим мозг звоном будильника. Стандартная процедура: душ, завтрак, внезапное «ой, я опаздываю», сопровождающееся беготней по комнате, а затем преодолением спринтерским забегом расстояния до остановки. Осенью эти дни тянутся особенно долго, несмотря на то, что темнеет рано. На небе появляются унылые разводы низких тяжелых туч, а вечера пролетают незаметно в праздном шатании по дому, меланхолических мыслях или за чтением книг под одеялом.

В тот день все было совсем не так.

Я проснулась до будильника — просто открыла глаза и поняла: больше не усну. Собиралась медленно и скрупулезно, вышла из дома на двадцать минут раньше обычного, вошла в офис «Скрепки» до приезда начальника, даже успела к его приходу приготовить кофе и привести в порядок бумаги.

День пролетел быстро — не получилось заскучать. Домой добралась без приключений.

А потом все пошло наперекосяк...

Влад позвонил, когда я была в пути, и сухо поинтересовался, во сколько я буду. Повесив трубку, я прижала руки к груди, словно хотела удержать в ней безрассудное трепыхающееся сердце.

Что-то произошло. Почему-то я просто знала это. С тех пор, как меня начали посещать видения, я привыкла доверять интуиции. И сейчас она говорила: готовься!

С Глебом я столкнулась в гостиной, он направлялся в кабинет. Увидев меня, остановился и подмигнул.

— Еще одна атли нашлась.

Так вот почему Влад звонил. Наверное, поедem к очагу — принимать нового члена племени.

— Девушка? — осведомилась я, на ходу снимая куртку и приглаживая растрепавшиеся от ветра волосы.

Он кивнул.

— Хорошенькая.

Новенькая, и правда, оказалась довольно симпатичной. Выглядела немного смущенной, сидя в одном из кресел в кабинете. Щупленькая, светловолосая, выделялась острыми чертами лица и какой-то замкнутостью. Наверное, ей было не по себе среди незнакомцев.

Я поздоровалась и села на диванчик в углу. Глеб примостился рядом, на подлокотнике, закинув ногу на ногу и приняв обычную «панцирную» позу в обществе Влада.

Влад посмотрел на меня странно, даже, показалось, встревожено, а затем перевел взгляд на новенькую.

Наверное, собрание началось несколько минут назад, потому как представлять незнакомку он не стал, а просто сказал:

— Каролина будет жить с нами.

— Кто твои родители? — спросил Филипп. — Не припоминаю Поляковых. Твоя мать была атли?

Девушка покачала головой и потупилась, а Влад произнес:

— Никто. — Помолчал немного, словно придумывал слова, а затем поднял голову. И снова его глаза. И я, как в свете софитов. — Она деторожденная. — И уже тише: — Для тебя.

Глеб выпрямился, напрягся. Я вспомнила историю о деторожденных. Они были

созданы, чтобы кен важного члена племени переходил к ним, когда хищный умирал.

В свете последних событий это было немного жутко.

— Если ты умрешь или отречешься, она займет твое место, — сухо прокомментировал Глеб, озвучивая мои мысли.

— Что значит, если... умру?!

Голове стало горячо, словно ее окунули в чан с кипятком. Затылок пекло, перед глазами поплыли кляксообразные бордовые пятна. Пальцы рук, наоборот, заледенели.

— Жизнь хищного полна опасностей, Полина, — тихо сказал Влад. — А ты... твой дар очень важен для племени.

Я с шумом втянула воздух, смяла лежащую на коленях куртку. Каролина смотрела на меня, не отрываясь, и, казалось, оценивала.

Шок сменялся осознанием горькой правды. Я — часть целого, пока жива. Если умру, в племени этого даже не заметят, потому что есть Каролина. Ей перейдут мои видения и мое проклятие. Если только...

Я инстинктивно покачала головой, отгоняя параноидальные мысли.

Нет, это неправда! Я не умру!

Глеб взял меня за руку. Как просто он всегда умел успокоить, будь то рукопожатие или слово, или ироничная реплика. Я вынырнула из мыслей, возвращаясь в реальность. Все мы в опасности и можем умереть. Просто у меня на этот случай есть запасной вариант. Эта фраза отдавала цинизмом, но, по сути, так и было. Каролина — всего лишь замена. На всякий случай.

Влад еще что-то говорил, но я больше не слушала. Сжала прохладную ладонь Глеба, пытаюсь расслабиться и прийти в себя. Выходило плохо.

— Каролина устала. — Обрывок разговора вернул в реальность. Никто не смотрел на меня, и я облегченно выдохнула. Не хочу внимания сейчас. Нужно все хорошо обдумать в спокойной обстановке, возможно, посоветоваться с Глебом.

Оля подошла к Каролине и увлекла за собой. Скоро деторожденная обустроится и будет ежедневно напоминать мне о возможной гибели. Замечательно просто!

Остальные тоже засуетились, поднимаясь с мест, что-то активно обсуждая, а я замерла на низком диванчике в мягком свете античного бра.

«Умрешь», — повторяющимся эхом звучало в голове.

Очнулась я оттого, что Глеб настойчиво тянул за руку.

Выйти отсюда! Да, непременно. Стоять на балкончике, пока не замерзнем, курить и болтать ни о чем. Забыть мерзкое ощущение неотвратимости, беды, близости мифической смерти. С чего я вообще взяла, что умру?

— Полина, задержись ненадолго.

Нет, только не это! Разговор с Владом мой насыщенный информацией мозг просто не выдержит. Потом Лара будет неделю дуться и бросать в мою сторону испепеляющие взгляды. Я его уже сейчас чувствую в районе лопаток. Но Лара вышла из кабинета, словно ничего и не произошло. Ну да, это она только со мной колючая.

Глеб постоял немного в замешательстве, глядя в пол, затем тоже вышел.

Мы с Владом остались вдвоем. Тишина упала резко, оглушая, заставляя ежиться от неприятных мурашек. Больше между нами ничего не было — только тишина и пространство нескольких метров.

— Выглядишь напуганной, — сказал Влад, приняв обычную полурасслабленную позу.

Ту, которой я всегда восхищалась.

Я пожалала плечами.

— Нет, просто... Эта девушка и я... Все так неожиданно... — Вздохнула, подняла на него глаза. Говорю, как всегда, не то. Влад знает больше о жизни атли, он ответит, просто нужно спросить. — Я скоро умру?

После вопроса тишина показалась еще более зловещей. Каждая секунда его молчания приближала к осознанию положительного ответа. Тик-так. Большие старинные часы в углу не сбивались с ритма, им было плевать на чью-то смерть. Она просто отмеряли время.

Влад отвел глаза, и в груди у меня что-то оборвалось. Ком, застрявший в горле, провалился вниз и болью отозвался в легких. Влад молчал, а это значит...

А потом он подошел. В несколько шагов преодолел расстояние между нами. Крепко схватил за плечи, заставляя смотреть в лицо. Да-да, успокой меня, наори, а то у меня сейчас истерика начнется! Надо подумать. Надо куда-то пойти, что-то сделать. Не стоять тут, как истукан. Двигаться. Надо...

— Глупости! — произнес он уверенно. — Ты не умрешь.

Затем его взгляд изменился. словно что-то треснуло — невидимая стеклянная стена между нами, искажающая мимику, осыпалась, и я увидела его истинные эмоции. Нежность. Тревогу. Желание защитить.

Сердце трепыхнулось и пустилось галопом. Тот злосчастный ком снова поднялся к горлу, не давая дышать. Даже часы, казалось, больше не тикали — остановили время.

Влад пригладил мои волосы, провел ладонью по щеке.

Нет-нет, не надо! Что же ты делаешь? Это все проклятие, а ты ему потакаешь.

— Я не позволю, слышишь...

Хриплый шепот был последней каплей.

Все баррикады, что я строила, рухнули. Ничего не стало. Только его руки — обнимают, гладят, путаются в волосах. Я захлебывалась поцелуем, тонула, изредка выныривая, чтобы вдохнуть, и вновь погружалась на дно. Время стало вязким, постепенно застывая, впечатывая этот миг, как в янтарь, в будущее, ни с чем несравнимые воспоминания.

Я не знаю, как нашла в себе силы остановиться. Оттолкнула Влада, отступила на шаг. В ушах шумело, голова кружилась и отказывалась соображать. Черт, да на нем надо табличку вешать: «Предупреждение для пророчиц: ближе, чем на три метра не подходить!».

— Что? — Влад казался удивленным и слегка обиженным.

— Ничего. Я так не могу.

Отвернулась, стараясь привести в норму дыхание.

— Не можешь как?

Черт, он что, серьезно?! Неужели я должна объяснять? По-моему, тут и дураку понятно: у него есть девушка, а я... просто я.

Но Влад ждал ответа, не сводя с меня взгляда. Я изо всех сил старалась изобразить безразличие. Скорее всего, это смотрелось комично — никогда не умела играть.

— Лара ждет наверху.

— При чем тут Лара? — раздраженно выдохнул он, будто я сказала самую большую чушь в мире. — Я хочу тебя, ты хочешь меня. Зачем все усложнять?

— Хочешь меня, а любишь ее? — обиженно спросила я. — Как-то странно, не находишь?

Он всегда реагирует непредсказуемо, иногда сложно предугадать, что сделает или

скажет в следующий момент. Вот и сейчас Влад просто рассмеялся, откидывая голову назад, что, несомненно, ему шло. Ему все шло. Иногда казалось, что это мой мозг, считывая визуальную информацию, интерпретирует все по-своему, придавая облику Влада особый шарм.

Он посмотрел на меня, как на ребенка, и спросил:

— Кто сказал, что я ее люблю?

— Ну, ты с ней... долго.

Я смутилась. Какое я вообще имею право лезть? Это их жизнь, их проблемы и их отношения. Стоп! Он ведь только что целовал меня, а потом наглым образом предлагал секс.

— Вовсе нет. Она подходит мне, вот и все.

Я криво улыбнулась. Мне его не понять. Никогда. Просто подходит... Как можно лечь в постель с тем, кто просто подходит?

— Все равно ты не должен ее обижать.

— Я ее не обижаю. Лара — взрослая девочка, и все понимает.

— Этим ты обижаешь меня! Я не буду делить своего мужчину. Никогда.

— Какой же ты еще ребенок! — Он вздохнул, покачал головой. — Живешь фантазиями... Тебе будет сложно среди хищных.

— Ничего, потерплю. — Я нахмурилась, сложила руки на груди, как бы показывая, что не хочу больше касаться этой темы. На самом деле я хотела ее касаться. Как же он может рассуждать так? Лара, какой бы надменной и колючей не была, любит его. Это за версту видно. Впрочем, я вообще на него молилась, и что?

Влад, наверное, и сам решил сменить тему. Резко посерьезнел и сказал:

— Ничего не бойся, Полина. Ты не умрешь.

За это я была благодарна. Если бы не он, я бы сейчас в панике мерила пространство своей комнаты, либо дрожала на балконе рядом с Глебом, делая вид, что ничего страшного не случилось.

Заразительная уверенность передалась мне, и я успокоилась. Поверила. Во всяком случае, это было лучше, чем трястись и бояться.

Я кивнула и уже собралась уйти, но Влад произнес:

— Идеализм не принесет тебе счастья. И все эти разговоры о любви... — Он поморщился. — Ты слишком молода. Но однажды поймешь, что есть вещи, гораздо более важные, чем любовь.

— Вот как? Какие же?

— Безопасность. Твоя и близких людей. Уверенность в завтрашнем дне. То, насколько твердо ты стоишь на земле. — Он посмотрел пристально, слегка щурясь, и, показалось, это был самый искренний из его взглядов. — Сама жизнь.

— А мне кажется, жизнь ничего не стоит, когда ты один.

— Чрезмерная увлеченность женщиной всегда мешает трезво рассуждать. Я просто не имею на это права.

Впервые мне показалось, я увидела его настоящего. Впервые подумалось, что эмоции к Владу не вызваны проклятием.

— Наверное, — сказала я тихо. — Ты ведь вождь. Отвечаешь за всех нас... Мне не понять. Но разве... разве это можно контролировать?

Он смотрел на меня, а показалось, будто в меня. Затем взял за руку и притянул к себе.

В крепких объятиях было хорошо. Спокойно. Я знала, что это ненадолго, но пока не

хотела придавать этому значения.

Положив руку ему на грудь, я слушала, как ровно стучит сердце. Влад погладил меня по голове, поцеловал в макушку и прошептал:

— Нельзя...

Глава 18. Ночь вне дома

Глава 18. Ночь вне дома

Наутро я проснулась с твердым убеждением выкинуть всякие мысли о Владе из головы. Хватит нервы трепать. Не такое уж сильное это проклятие, чтобы его не смогли побороть пятничные ночные приключения с Викой, работа и общение с противоположным полом.

Да, на последнем поприще я что-то не очень преуспела. Вообще, влезла в панцирь, сижу затворницей в комнате, а ведь мне только двадцать. Свет клином не сошелся на вожде атли. У него своя жизнь, у меня — своя. Единственное, что нас объединяет — племя, но с этим я смирюсь. Надеюсь, охотники и Чернокнижники в прошлом, и я смогу нормально жить. В предыдущие месяцы у меня неплохо получалось.

Все, решено: в эти же выходные навеюсь с подругой в какой-нибудь ночной клуб!

Хорошее настроение длилось вплоть до выходных, и в пятницу вечером, ложась спать, я уже предвидела грядущее веселье.

Веселье развеялось на следующее утро — я поняла, что погулять на выходных мне не светит. Первое, что я увидела, открыв глаза — серое и осунувшееся лицо Глеба, сидевшего на моей кровати.

— Ты когда-то говорила, что хочешь помочь, — произнес он без приветствия. — Не люблю признавать такие вещи, но... мне нужна помощь.

Последние слова он выдал из себя чуть ли не насильно.

Я села на кровати, заглянула ему в лицо. Глаза он старательно прятал, как и эмоции, но показалось, что Глеб больше чем расстроен.

— Что случилось?

— Безумно хочу выпить.

— Глеб! — возмутилась я, но он поднял на меня синие глаза, и я замолчала.

— Мама... умерла сегодня.

Никогда не знала, что нужно говорить в таких случаях. Банальное «соболезную» казалось почему-то неуместным, «мне очень жаль» — недостаточно искренним.

Поэтому я просто его обняла. Без слов. Понимала, это мало поможет, и он, наверное, сейчас все воспринимает в штыки. Он всегда такой колючий, когда разговор заходит о том, что близко сердцу, теперь, скорее всего, и вовсе панцирем обрастет.

Но Глеб неожиданно обнял меня в ответ. Крепко прижал к себе, уткнувшись носом в ключицу.

— Как это случилось? — осторожно спросила я.

Он отстранился, взял меня за руку, потянул на балкон.

Морозный воздух полностью разбудил, заставил поежиться. Снег уже почти растаял, и пейзаж был довольно унылым. Не люблю слякоть зимой. Ощущения весны еще нет, а мрачность навеивает ужасную тоску.

Глеб подкурил, прищурился и посмотрел вдаль.

— Она много болела, — сказал, хотя я уже не ждала ответа. — Рак.

— Она не была атли?

Он покачал головой. Да, я и сама понимала, что не была. Иначе присутствовала бы с нами, когда объединяли племя, и жила в этом доме.

— Она готовила меня, постоянно говорила об этом. Да, и врачи... Но разве к такому можно подготовиться?

— Нельзя, — согласилась я. — Наверное, нужно будет все организовать. Похороны...

Он отстранился и странно посмотрел на меня.

— Я думал, Вермунд тогда тебя уломяет. Или было?

— Ты суешь нос не в свое дело, Измайлов, — проворчала я, но без злости. — Ничего не было.

— Что так?

— По-твоему, присутствие Лары в его жизни — не аргумент?

— То есть, если бы Домбровской не было, теоретически...

— Глеб, ну, зачем все это? А если бы все было не так, а если бы Земля была в форме блина, и ее держали бы на спинах слоны... Что изменят все эти «если»? Все так, как есть.

— Он разобьет тебе сердце, Полина.

— Он уже его разбил. Давно. Так что это не новость.

Странно, но говорить об этом стало проще. словно все случилось не со мной и совершенно в другой реальности. По сути, так оно и было. Все, что связано с атли — белый лист. Черновую тетрадь я сожгла давно.

— Мне нужно в Елец, мама... там. Она хотела, чтобы ее похоронили именно на том кладбище. Рядом с отцом. — Он помолчал немного, затем резко повернулся и спросил: — Поедешь со мной?

Я обняла его.

— Конечно.

Вещей с собой брать не стала. Глеб сказал, мы едем на один день, а завтра к вечеру вернемся. Когда я спросила, не хочет ли он, чтобы кто-то из атли поехал с нами, например, Филипп, он отказался.

— Мама не была атли. Все ее родные и друзья далеко отсюда. Нет, будем только мы.

В гостиной с утра было оживленно.

Каролина уже освоилась и вовсю хохотала над фразой Филиппа, а он снисходительно улыбался. Лара и Влад стояли поодаль, у окна и о чем-то оживленно говорили. Вернее, говорила защитница, а Влад слушал и хмурился. Она держала его за рукав, и создавалось впечатление, что если отпустит, он убежит — таким недовольным был его взгляд.

Я одернула себя — мне все равно.

Влад же, напротив, похоже, решил использовать наше появление как возможность избежать разговора со своей девушкой. Тут же развернулся и подошел к нам. Глеб нахмурился, но у него зазвонил телефон, и он отошел в сторону.

— Собралась погулять? — Влад улыбнулся, потрепал меня по плечу. Вообще после того разговора в кабинете в день приезда Каролины он вел себя более чем странно. Постоянно интересовался, все ли у меня хорошо, всего ли хватает. Может, и правда, боялся, что мне кирпич на голову упадет.

Я предпочитала не думать о смерти и воспринимать Каролину просто как еще одного члена атли. Она была милой, приятной и общительной. Без намека на спесь, что радовало.

— Мы с Глебом уезжаем, — ответила я и добавила: — В Елец.

Влад посерьезнел, нахмурился и, по-видимому, ждал объяснений.

— Его мама умерла сегодня...

— Ольга мертва?

— Глеб говорит, она болела.

Он подозрительно прищурился.

— Почему ты едешь?

— Он попросил. Я не пойму, почему тебя это волнует?

Ну, все, хватит! Довольно. Устала. И от беспочвенных приступов ревности, и от намеков на отношения, которых у нас не будет. Возможно, Лара злится небезосновательно? Возможно, он дает ей повод?

— Мог бы взять с собой Макарова. Они, кажется, дружили, когда хотели свергнуть меня.

Ответить мне не дали. Глеб по-хозяйски обнял за плечи и уставился на Влада.

Как я не люблю такие разборки! А что самое противное, они используют меня, чтобы выяснить отношения.

Но злиться на Глеба я не могла. Не сегодня.

— Кажется, тебя ждет защитница, — произнес он с вызовом.

Я приготовилась к стычке, даже наметила план тушения «пожара», но Влад не стал ругаться. Его лицо смягчилось, на нем отразилось сочувствие и теплота. Неприкрытые эмоции или игра? Его всегда сложно раскусить.

— Мне жаль, Глеб, — мягко произнес Влад.

Глеб насупился, помолчал несколько секунд, разглядывая пол, а затем вскинулся и спросил:

— Так ты не против, если мы уедем?

Не люблю их поединки взглядов. Особенно когда стоишь близко. Кажется, что сейчас взорвется бомба, и тебя отбросит ударной волной. Я вспомнила, как в прошлую их стычку Влад силой мысли швырнул Глеба через всю гостиную. Незванные противные мурашки заползли под кофту и заставили поежиться.

Но на этот раз Влад сдался быстро.

— Поезжайте.

Глеб потянул меня к выходу.

— Полина!

Я повернулась. Зеленые глаза смотрели пристально и недобро.

— Не строй планов на воскресенье.

— Почему? — осторожно спросила я.

— Мы отправимся на охоту.

Он развернулся и пошел прочь.

— Театрал! — раздраженно изрек Глеб. — Идем.

— Что Влад имел в виду, когда говорил об охоте? — спросила я, принимая из его рук шлем. Ехать на мотоцикле по такой погоде опасно, но я не стала возражать. Не думаю, что Глеб сейчас станет лихачить, к тому же, он выглядел грустным, но не злым. Смерть мамы не явилась для него чем-то внезапным — он ее ждал.

— А Филипп разве не показывал тебе? — удивленно спросил он.

— Что именно?

— Ясновидца.

Я покачала головой.

— Что ж, тогда тебе продемонстрирует высший пилотаж сам его величество вождь.

Мне не понравились эти слова, но больше спросить я не успела. Пришлось надевать

шлем и усаживаться.

Дом Ольги Измайловой выглядел не очень большим, но просторным. Двухэтажный, с цокольным этажом и огромной верандой, встретил нас неестественной тишиной и спокойствием. В свете последних событий это было и немудрено — теперь в нем никто не будет жить. Я инстинктивно нащупала ладонь Глеба. Представляю, каково ему находиться здесь, да еще и одному — я не в счет. Так, вынужденный эскорт, ведь от настоящих друзей он давно избавился...

Мне стало необъяснимо грустно, но я подавила это в себе. Сейчас я нужна ему, пусть просто как человек рядом. Ни к чему не обязывающая компания, лишь бы не быть в одиночестве в такой момент.

Внутри светлой гостиной было немного пустынно, и наши шаги эхом отбивались от обшитых деревом стен. Глеб остановился, закрыл глаза, втянул носом воздух.

— Я так редко тут бывал...

— Не начинай, — ласково, но твердо оборвала я. — Ты не виноват.

Он кивнул и закрыл за нами дверь.

В углу притаился огромный камин, украшенный красивой лепниной. Ловкими движениями Глеб соорудил в топке вигвам из дров, чиркнул спичкой, и через несколько минут комнату наполнил расслабляющий треск дров.

Сидя на корточках, Глеб повернулся и виновато улыбнулся.

— Тут холодно, но к вечеру дом нагреется. Замерзла?

Я покачала головой.

— Мне нужно позвонить. По поводу похорон... всех этих... процедур. — Он нахмурился и опустил глаза.

— Тебе помочь?

— Справлюсь.

— Можно, я пока осмотрюсь?

— Да, будь как дома. — Глеб поднялся и провел рукой по моему плечу. — Спасибо...

— Глупости!

На втором этаже было четыре спальни и ванная. Одну комнату, как я поняла, занимала мама Глеба, остальные выглядели нежилыми.

В комнате Ольги было уютно. Мебель — недорогая и немного обветшавшая — совершенно не портила картину. В углу стояла кровать, накрытая большим вязаным пледом, напротив — тумбочка с телевизором, рядом — комод из красного дерева с витиеватыми рисунками на ящиках. На комодке несколько фотографий.

Я взяла одну из них, всмотрелась, поглаживая черно-белый снимок большим пальцем.

Мальчик лет двенадцати на пляже держит в руках огромную ракушку и улыбается. Да, у Глеба уже тогда был присущий лишь ему шарм. На другой фотографии он уже старше — подросток, одетый в джинсовую куртку. Серьезное лицо, ни намек на смешливость. На последнем фото он уже взрослый, хмурится, словно злится на мир. Обычная мимика Глеба.

Рядом еще одно фото, в старинной рамке. На нем изображена пара — мужчина и женщина. Волосы у Глеба были мамины. Она чем-то напомнила мне Лару — статная, темноволосая и до неприличия идеальная.

— Красивая, правда? — Глеб подкрался незаметно, и я невольно подпрыгнула. — Извини.

Я расслабилась, улыбнулась ему.

— Красивая, — согласилась я. — Ты на нее очень похож.

— Это комплимент?

— Это правда.

— Уже вечер. А мы все еще ничего не ели. — Он резко сменил тему, проводя пальцем по отполированной поверхности комода.

Я посмотрела в окно и удивилась — странно, я даже не заметила, как стемнело.

— Нужно заехать в магазин и купить продуктов, — добавил он, и я кивнула.

— Я — за.

Ужинали мы на полу перед камином. Странно, что у атли я никогда не позволяла себе таких вольностей — посидеть перед огнем на пледе, жуя бутерброд или попивая ароматный чай. Там не могла полностью расслабиться, постоянно чувствуя чьи-то оценивающие взгляды. Вдали от всего этого было непривычно приятно. Я расслабилась, прилегла, опираясь на локоть, посмотрела на огонь.

Любопытство во мне победило смущение, и я спросила:

— Давно вы с Владом поссорились?

Глеб напрягся, словно вопрос застиг его врасплох, отвернулся и помолчал около минуты. Потом, когда я уже не ждала ответа, ответил:

— Мне было семнадцать.

— Из-за родства?

— Из-за многого. — Он иронично улыбнулся. — Он соблазнил девушку, которая мне нравилась, а затем бросил. Наверное, хотел отомстить мне за одну фразу... Неважно, короче.

— Какой она была?

— Обычной. Красивой, бесспорно, но обычной. Ее звали Юлиана, если тебе интересно.

— Извини, я не должна была лезть.

Я почувствовала себя лазутчиком на чужой территории. Нежеланным гостем, так и норовившим войти без приглашения.

Глеб тряхнул головой.

— Нормально все. Забей. Ты же хочешь знать, почему я ненавижу Вермунда?

Я осторожно кивнула, боясь потревожить застоявшиеся воспоминания. Но Глеб заговорил сам:

— Ее нет, Полина. А с ним я вынужден жить в одном доме. Он был моим лучшим другом, можешь это представить? А теперь я просто не верю во всю эту чушь. Есть люди и их потребности, вот и все.

— Нет, — твердо сказала я. В горле пекло, словно я проглотила стручок чили. Странная реакция, и разговоры странные. А ведь я зарекалась думать о Владе, но это проклятие, видимо, и тут меня достало. Сама ведь начала. К черту проклятие! Хочу, чтобы Глеб думал иначе. — Мне бы хотелось быть тебе другом.

Он резко вскинулся, улыбнулся. Не так, как обычно — зло, отгораживаясь, становясь тем колючим парнем, который зачастую отпускал шуточки в гостиной атли.

— Ты была рядом сегодня, и я благодарен, конечно, но чтобы стать другом... для этого нужны года.

— У вас с Владом были года, и что они доказали? — раздраженно спросила я и села. Повеяло холодом, несмотря на жар от углей, и я невольно поежилась, кутаясь в шерстяную кофту.

Глеб удивленно замер, а затем усмехнулся.

— Ты права. Получается, даже это — не доказательство.

— Я не предаю тебя, — сказала я почти шепотом и тут же прикусила язык. Все эти попытки влезть в душу ненавидела, а сама туда же! Готова была поколотить себя за язык, который иногда просто отказывался подключаться к мозгу.

Глеб поднялся, подбросил поленьев в огонь, сел рядом — так близко, что касался меня локтем. Повернул голову и сказал серьезно:

— А может, я не хочу, чтобы ты была другом. Кто угодно, только не ты.

Я слишком поздно поняла, что он задумал. Через секунду Глеб уже целовал меня, крепко обхватив затылок ладонью. Сначала я растерялась, не понимая, как на это все реагировать, а потом мягко попыталась оттолкнуть его. Он отстранился, посмотрел в упор — жадно, требовательно и в то же время с какой-то немой просьбой. Прижал к себе и выдохнул в ухо:

— Только не ты...

— Глеб...

— Не говори, — не выпуская меня из объятий, перебил он. — Я знаю, что ты скажешь!

Я замолчала, растерявшись окончательно, не понимая, как следует себя вести. Не хотелось его обижать, но врать тоже не собиралась.

И не пришлось — он резко выпустил меня и отвернулся. Настроение Глеба менялось так стремительно, что я не успевала следить за всплесками и спадами активности.

— И тебя он у меня забрал, — сообщил он с обидой.

Я покачала головой, нахмурилась.

— Он не мог меня у тебя забрать. Я никогда не была твоей.

Я подумала о том, что буквально на этой неделе мечтала наладить личную жизнь. Такая удача — симпатичный, неглупый, интересный молодой человек буквально признался, что равнодушен ко мне, а у меня ступор какой-то, и перед глазами лицо Влада. Нет, это точно болезнь, причем, хроническая!

— Верно, — он повернулся и улыбнулся обезоруживающе, демонстрируя очаровательные ямочки. — Я тебе противен?

— С чего ты взял? Разве я говорила когда-нибудь...

— Ты прервала поцелуй лишь потому, что не хотела меня обманывать?

— Да.

— Тогда я хочу быть обманутым. На сегодня.

Я попыталась возразить, но он закрыл мне рот ладонью и заговорил — путано, возбужденно, глотая окончания фраз. В глаза не смотрел, наверное, так было легче.

— Я так долго ничего не чувствовал, Полина. Но там, в квартире у Макарова, когда ты напуганная... я не знаю... словно что-то внутри у меня поднялось, зашевелилось... противное... живое. Я ненавидел Вермунда еще больше. Так, что захотелось убить, и я был готов, веришь?! — Горькая улыбка сменилась злостью — эмоции, как декорации в театре, мелькали так быстро, что я не успевала за ними следить. — А потом у очага я понял, что ты все еще... Не понимаю только, почему? Почему, Полина?

— Не знаю... — прошептала я, когда он убрал ладонь, сбитая с толку, замороженная его неожиданной пылкостью. — Проклятие...

— Чушь! — Он почти кричал, словно чем громче скажет, тем быстрее до меня дойдет. А потом, немного успокоившись, добавил уже тише: — Чушь.

Выдохнул, посмотрел исподлобья.

— Это не мое дело, но раз уж ты назвалась другом... Ты просто не можешь циклиться так долго!

— Думаешь, мне хочется? — взорвалась я. — Думаешь, я не пытаюсь забыть? Но это слегка сложно. Напомнить? Мы живем в одном доме, видимся каждый день! А все эти рассказы о маме... их прошлом с Александром. О десятках таких же пророчиц, как и я. Думаешь, мне легко?!

Я тяжело дышала, обида пульсом стучала в висках, пугала мысли, щипала глаза.

— Устала... — выдохнула я и отвернулась. — Просто хочу спокойно жить.

Теплая ладонь легла мне на спину, осторожно погладила.

— Извини. Я был неправ.

Я замотала головой, судорожно стирая обжигающие слезы.

— Нет, ты прав. Во всем прав.

— Ты очень нравишься мне, Полина. — Глеб развернул меня к себе, бережно вытер остатки слез. — Знаешь, когда в последний раз я говорил подобное девушке?

Я покачала головой, и он улыбнулся.

— Я и сам не помню. — Помолчал немного, глядя на огонь. — Я не умею показывать, что чувствую, но могу сказать... — Синие глаза посмотрели с надеждой, даже с мольбой. — Я очень хочу, чтобы ты обманула меня сегодня. На одну ночь.

Во мне что-то надломилось и разлилось жаром в грудной клетке. Не соображая, что творю, я подняла руку и погладила его по щеке. Неважно, что там, за этими стенами. Завтра буду думать, впрочем, как всегда. Но в тот момент я даже не сомневалась в том, что делаю.

Наверное, нам всем иногда хочется быть обманутыми.

Глава 19. Охота

Глава 19. Охота

Угли в камине погасли, но от него еще исходило приятное тепло — отголоски вчерашнего жара. Я села, кутаясь в неизвестно откуда взявшееся верблюжье одеяло. Огляделась. Глеб куда-то подевался, и в душе зародилось неприятное чувство. Вчерашний обман уже не выглядел очаровательно, с утра он определенно нуждался в обосновании, разговорах по душам и жирной точке. Нельзя строить отношения на ненависти и сочувствии.

Я подумала, как стану смотреть Глебу в глаза, когда скажу это, и вздрогнула. Кожа покрылась мурашками, и я, наконец, поняла, что дом понемногу остывает, отдавая тепло, впадая в спячку. Мы уедем, а уютное жилище останется без присмотра. Как жаль, что нельзя забрать с собой дом!

Я наспех оделась и выглянула в окно. Глеб стоял на террасе, по пояс обнаженный, и курил.

Я схватила одеяло — то самое, в которое минуту назад куталась — и вышла на улицу.

— С ума сошел, разгуливать голышом по такой погоде!

— Мы оба вчера немного съехали с катушек.

Я застыла на пороге, не ожидая такой внезапной прямооты, но Глеб улыбнулся, взял одеяло, накинул на плечи.

— Не бери в голову, Полевая. Надо жить дальше. Что бы ни произошло.

Он посмотрел вперед — туда, где над крышами домов занимался рассвет, меняя цвета, наполняя мир теплотой, смывая потери, побуждая забыть. Мне и самой хотелось забыть, стереть все и жить. Как мы жили вчера — мгновением, вспышкой, неслучайной случайностью.

— Похороны сегодня в двенадцать, — произнес он тихо, и я очнулась.

На небольшом кладбище почти не было людей. Только мы и тихо перешептывающиеся соседки Ольги. Солнце стыдливо спряталось, небо затянули тучи, и пошел снег — тяжелый, липкий. Он оседал на наших рукавах и таял, оставляя на одежде обманчивое подобие росы.

Глеб побледнел, и я всю церемонию держала его за руку. Неважно, что было вчера, что будет завтра, сегодня я останусь рядом. В самом конце, когда замолчавшие, наконец, соседки возлагали цветы на небольшой бугорок, он обнял меня, и я все боялась, когда он отстранится, увидеть на скорбющем слезы. Слез не было — возможно, он и вовсе разучился плакать.

Назад мы ехали в полном молчании, но перед входом в дом Глеб остановился, посмотрел и серьезно сказал:

— За то, что была со мной, спасибо. А случившееся ночью — забудь. У тебя своя голова на плечах, и шишки на ней набивать тебе. И да... — Он отвернулся, помолчал немного. — Для дружбы иногда нужно совсем немного.

И вошел в дом.

Я глубоко вздохнула, стараясь прогнать тяжесть, осевшую где-то в легких. Облокотилась на перила, закрыла лицо ладонями. Прошлая ночь казалась нереальной и далекой, виделась больше сном, чем явью, придуманной картинкой. Странно, но сожаления не было. Скорее грусть из-за того, что все у нас так вышло. Может, нужно дать нам шанс? Хотя я четко

понимала, если обижу его — потеряю. Терять Глеба не хотелось.

В гостиной никого не было. Вообще, казалось, что дом вымер. Глеб, наверняка, отсыпается наверху, а у остальных, скорее всего, планы на вечер воскресенья. По позвонку пробежал неприятный холодок — вспомнились слова Влада об охоте. Непонятные и пугающие.

Неужели я, и правда, сегодня увижу ясновидца? Настоящего, как в легенде. Почему-то мысль об этом не принесла удовлетворения — хотя и было любопытно, внутри разрасталась тревога. Что-то подсказывало: слово «охота» не означает, что мы будем брать у него интервью.

Впрочем, Влада я тоже не видела, так что немного успокоилась. Может, он и забыл вовсе.

После душа почувствовала себя лучше. Переоделась, пообедала, убралась немного. Позволила себе расслабиться, прибавить звук в плеере и хаотично двигаться по комнате, стараясь попасть в такт мелодии. Закрыла глаза, выбросила все из головы, подчиняясь ритму придуманного танца, пока, наконец, меня не вырвали из построенного мной спокойствия прикосновением к плечу.

Я вздрогнула, повернулась — на меня в упор смотрел Влад и улыбался.

Черт, ну, что за напасть, а? И почему я дверь не закрыла, дуреха? Я буквально чувствовала, как лицо заливается краской смущения. Наверное, я выглядела жутко комично со своими этими танцами с бубном. Вытащив наушники, посмотрела на Влада с укором.

— У тебя есть потенциал танцовщицы, — иронично заметил он. Еще и издевается!

— Вообще-то стучаться надо! — осадил я его, но он, похоже, не смутился ни капли.

— Вообще-то я стучал, но эти штуки, — он взял одну таблетку наушников, — наверное, мешали тебе слышать.

Крыть было нечем, потому я промолчала. Влад резко посерьезнел, отметая прочь мое позорное выступление, и спросил:

— Как Глеб?

Говорить с ним о Глебе не хотелось ввиду того, что произошло накануне ночью. Я вообще с трудом представляла, как Влад отреагирует, если узнает. По сути, мы друг другу никто, но его эти постоянные ревнивые взгляды, а еще намеки... Нет, не хочу об этом думать! Зарекалась ведь, а все туда же.

— Нормально, — ответила я, но тут же спохватилась: — Насколько вообще может нормально себя чувствовать тот, кто потерял маму.

— Тебе понравилось в Ельце?

Взгляд пытливый и внимательный, словно Влад пытался выловить в мимике скрытую правду. Я приказала себе успокоиться. Во-первых, это не его дело. Во-вторых, страхи — обычное самовнушение, а интересуется он, скорее всего, просто чтобы поддержать разговор.

Я кивнула.

— У Ольги красивый дом. Большой и уютный.

Мне показалось, он хотел еще что-то сказать, но одумался. Кивнул.

— Хорошо. Ты готова?

Ах, да, охота... В желудке предательски заныло, конечности обдало холодом.

— А надо было готовиться?

Влад улыбнулся.

— Бери куртку.

В парке — том самом, через который я ходила с работы на остановку — было безлюдно. Конечно, кому еще в голову придет шастать по такой холодине и искать тут романтики? Не лето, все-таки.

Влад целенаправленно шел вглубь, туда, где оканчивалась аллея и начинались заросли кустарника. Я едва поспевала за его размашистым шагом, стараясь не поскользнуться и не шлепнуться в грязный снег.

Влад будто и не замечал, словно его манило что-то в темных закоулках парка, в одной из заплетенных диким виноградом беседок, что в объятиях зимы потеряли летнее очарование.

Когда мы почти подошли, он резко развернулся и приставил указательный палец к губам. Я кивнула, все еще не понимая, к чему вся эта таинственность, а потом услышала голоса. Говорили, вернее, шептались двое — парень и девушка. В одной из беседок, скрытые темнотой и пустынностью парка.

— Ты уверен? — В голосе девушки явно доминировал испуг.

— Абсолютно. И я ушел, представляешь!

— Лёня, мне кажется, нам лучше пока не выходить в город. Ты говорил с Алексеем Степановичем об этом? Что он сказал?

— Да брось, Танька! — немного резко ответил этот самый Лёня. — Он слабенький, наверное, был. Уже два дня прошло, а не выследил.

От их перепалки отвлекло прикосновение — Влад нашел мою руку и переплел наши пальцы. Такой интимный жест, что я невольно вздрогнула, но возразить не успела — через секунду он уже тянул меня туда, внутрь беседки, к этим двоим.

— Танька, ты такая красивая! — Казалось, Лёня уже не думал о том, о чем они говорили только что. — Хочу тебя давно!

— Совсем сдурел! Холодно, — рассмеялась девушка. Страх из голоса ушел, испарился, уступив место жеманному кокетству.

— Действительно, постыдился бы, что ли, — громко сказал Влад, входя внутрь. — А то еще простудится подружка.

Оба они — Таня и Лёня, жавшиеся друг к дружке на пестрой сине-желтой лавочке — застыли на месте. Девушка — молоденькая совсем, моя ровесница, с огромными темными глазами, в черной шапке набекрень — резко побледнела, это было заметно даже в слабом свете парковых фонарей, а Лёня смотрел прямо на Влада, не отрываясь, и показалось, это была не первая их встреча.

— Ты говорил, слабенький... — пропищала Таня и умолкла, уставившись теперь уже на меня.

А меня накрыло.

Жила заныла, ладони зачесались, голова закружилась, как от нескольких бокалов шампанского, выпитых залпом. Я смотрела на Таню и тонула в ее глазах. Хотелось прикоснуться, безумно, неконтролируемо. Сейчас же. Не медлить, иначе просто сойду с ума!

— Хочешь ее? — Горячее дыхание обожгло ухо, и, прежде чем я успела осмыслить ответ, выдохнула:

— Да!

Бог мой, что я делаю? Что тут вообще происходит? Не могу... хочу подойти ближе, коснуться ее...

Я шагнула вперед, навстречу девушке, уже не удивляясь, отбросив сомнения. Желание

— все, что я ощущала. Жажда. Превосходство. Она не уйдет, а даже если попытается, я найду ее. Ощущение собственной силы пьянило, дурманило, отдавалось в висках почти болезненной пульсацией. Подойти к ней... ближе... еще...

Таня всхлипнула и вжалась в спинку лавочки. По фарфорово-бледной щеке неестественно медленно скатилась слезинка, оставляя мокрый след на коже.

Слезы... Она... она, что, плачет?

Я тряхнула головой. Огляделась. Лёня стоял рядом с Владом, и тот улыбался, как старому приятелю, даже за руку держал. Пару секунд. Может, три, а потом Лёня повернулся к нам с Таней и блаженно выдохнул:

— А я говорил, она есть!

— Кто — она? — машинально спросила я, не понимая, что привело молодого человека в такой восторг.

— Радуга.

— Нет! — громко, на грани крика воскликнула Таня. — Нет, прошу, я не хочу...

Что-то было не так, но я ничего не могла понять. Мир вокруг туманился, отдавал абсурдом или неудачным сном.

— Твоя очередь, — словно сквозь тяжелое ватное одеяло услышала голос Влада. Повернулась — глаза безумные, улыбается. Такой... красивый, аж дух захватывает!

Нет, надо определенно на что-то другое смотреть. Точно, Таня! Почему она плакала? И о какой радуге говорил Лёня?

Встретившись со мной глазами, девушка отпрянула и почти влезла на скамейку с ногами.

— Не надо, — повторила, — прошу.

— Я не... — Оглянулась на Влада — он словно ждал, но чего? Что бы это ни было, мне уже перестало нравиться. Лёня присел на краешек лавочки в углу и начал ногтями ковырять краску. — Я не обижу тебя.

— Черт, Полина! Ну же.

В секунду Влад был около нас, резко схватил руку Тани, мою руку, соединил.

Искушение стало почти нестерпимым. Я чувствовала, как бьется ее сердце — часто, как у испуганного животного. Как струится из жилы кен — сладкий, желаемый.

И тут я поняла. Отшатнулась, отбросила ее ладонь и чуть не упала, но чудом удержалась на ногах.

Прийти в себя! Срочно! Надо просто думать о чем-то отстраненном, не о пьянящем кене ясновидца. Разозлиться.

Тут мне даже стараться не пришлось.

— Что ты делаешь? — закричала, глядя Владу в лицо, стараясь унять истерическую дрожь и панику.

Он отреагировал спокойно. Подошел, заглянул в глаза. Доверительно, словно хотел в чем-то убедить.

— Не смей! — предупредила я, пресекая попытки давить ментально.

— Это наша природа, — сказал он очень спокойно. — Таковы мы — хищные. Чтобы жить, нужно питаться.

— Нет! Я прекрасно жила и без этого. Это... неправильно, они не виноваты.

Я выглянула из-за его плеча на все еще всхлипывающую, удивленную Таню.

— Уходи, — скомандовала резко. — Забирай Лёню и уходи.

— Поля... — Влад закатил глаза, словно я сказала самую большую в мире глупость. — Не будь ребенком.

— Она моя? — упрямо спросила я. — Девушка предназначалась мне, верно?

Он неохотно кивнул.

— Так вот, я отпускаю ее. Точка.

Таня сомневалась секунд десять, затем вскочила, подбежала к Лёне.

— Идем, Лёничка, прошу тебя.

— Ммм... нет. Не могу, мне надо ее забрать, — запротестовал молодой человек.

— Я тебе новую куплю, — ласково, но твердо, с родительской интонацией сказала Таня. Лёня несколько секунд помедлил, а потом подчинился. В беседке остались только мы с Владом. Причем он был явно на грани бешенства.

— Какого черта?! — спросил тихо и вкрадчиво, что подтвердило опасения — стоит одной искре появиться, и он взорвется. — Ты знаешь, как тяжело выследить ясновидца?

— А ты знаешь, сколько времени моя психика будет отходить от таких вот... экспериментов? — неожиданно смело парировала я. — Впрочем, тебя никогда это не волновало. Только не надо говорить, что все это ради меня — мне это совершенно не нужно!

Влад закрыл глаза, словно пытался сдержаться, но получалось плохо, отошел в сторону, к выходу из беседки, и у меня возникла паническая мысль, что он сможет высмотреть в парке Таню, поймать и притащить обратно.

Меня все еще лихорадило, лоб покрылся испариной, и я вытерла ее рукавом.

— Рано или поздно тебе придется это сделать, — спокойно сказал Влад. — Лучше — рано, но это только мое мнение, и я, конечно же, не могу тебя принуждать.

Я присела на лавочку и облегченно выдохнула. Все еще не могла поверить в то, что произошло: одно прикосновение Влада к Лёне, и тот стал совершенно безумным. Неужели... неужели он таким и останется?

— Лёня поправится? — спросила я.

— Что? — Влад развернулся и выглядел растерянным, словно я вытянула его из каких-то очень важных размышлений.

— Лёня, — повторила я, — ясновидец. Он поправится?

— А, этот... Нет, он будет таким всегда.

Я вздохнула, покачала головой. Затем спрятала лицо в ладонях. На глаза навернулись слезы. Ну, зачем, зачем я пошла с Владом? Я же знаю, что все его приключения заканчиваются плохо!

В горле комом стала обида.

Кто я? Неужели, он прав, и мне правда придется...

Почувствовала, как он присел рядом. Погладил по спине.

— Ну, все... перестань.

Прозвучало ласково и немного растеряно. Я замотала головой, глотая обжигающие слезы.

Приключения, игры, семья... Какая к черту семья?! Кто я? Что за... существо? Вспомнилось дикое желание дотронуться до Тани, и меня передернуло.

— Мы — зло?

Снова захотелось забыть, спрятаться, но я отругала себя. Куда прятаться, бежать? Это ведь я хотела осушить ее, меня тянуло взять ее кен. Это во мне. Природа хищного.

— Глупости, — твердо ответил Влад. — Мы не зло. Мы хищные, и это часть нашей

жизни. Так сложилось. Нельзя винить себя за то, кто ты есть.

— Если не буду питаться — умру?

— Ослабнешь. Мы не генерируем кен — нам надо его откуда-то брать.

— Пускай! Я не буду этого делать. Не смогу.

Он вздохнул, посмотрел перед собой. С грустью. Или показалось? Я вообще сомневалась уже, что могу видеть его настоящие эмоции.

— Иногда нам не приходится выбирать...

Домой мы ехали в полном молчании. Навалилась дикая усталость, и я клевала носом постоянно одергивая себя, чтобы не уснуть в машине. Плохие ассоциации, особенно если учесть неоднозначное знакомство с ясновидцами.

Мне показалось, в гостиной Влад хотел что-то сказать, но я быстро попрощалась и пошла наверх. Спать хотелось ужасно, но я не могла позволить себе уснуть, пока не узнаю правду.

Настойчиво постучала в дверь комнаты Глеба. Никто не ответил, и я постучала еще раз — громче. Срочно нужны ответы, ориентиры.

Через пару минут в проеме показалась взъерошенная голова.

— Это правда, что нам обязательно надо питаться? — спросила я, протискиваясь мимо него в комнату. Удивительно, но никакой неловкости не было, даже наоборот — после прошедшей ночи я полностью доверяла Глебу. Безоговорочно.

— Серьезно, Полевая? — Он включил свет, протер глаза и глянул на часы. — Час ночи.

— Мне нужно знать!

Глеб присел на кровать, почесал затылок. Поднял синие глаза, и у меня внутри словно ураган прошелся. Стало пусто. Я поняла.

— Нам нужно питаться, — подтвердил он. — Это наша суть.

— Что будет, если не стану?

— Тебе не понравилось? — Он выглядел удивленным, даже ошарашенным. Смотрел на меня, как на сумасшедшую.

— Что? Я не... я не стала этого делать! Глеб, тот мальчик, которого Влад... Лёня — он помутился. Тут же, на глазах. Начал нести чушь о радугах. Я бы не смогла, это... слишком. Как ты можешь относиться к этому нормально?

— Ну, я не то, чтобы часто этим занимаюсь. — Он пристыжено отвел глаза. — Но такие уж мы, и никуда от этого не денешься. Отец учил меня охотиться, не брать лишнего ради накопления. Я так живу. Одного-двух ясновидцев мне хватает на год. А так, каждый решает для себя. И тебе придется — иначе ослабнешь и умрешь.

— И тебе они не снятся по ночам?

Он пожал плечами.

— Не случалось. Каждый из них может знать свою судьбу. Забыла, они видят будущее? Всегда есть шанс уберечься. Иногда их беспечность позволяет нам их выследить. Все дела.

— Я не буду этого делать, — твердо сказала я и встала. Хватит плыть по течению, нужно решать что-то самой. — Даже если ослабну и умру.

И вышла из комнаты Глеба. Вошла к себе, упала на кровать и поджала колени. Сон как рукой сняло, и я лежала в темноте до утра, думая о судьбе самоуверенного, беспечного Лёни и испуганной Тани, желая ей никогда больше не встречать подобных нам.

Глава 20. Предсказание

Глава 20. Предсказание

Вечер понедельника не задался. Вернувшись с работы с единственным желанием — выспаться, я натолкнулась в гостиной на недовольную защитницу атли и пять минут выслушивала о том, как важно вовремя включить мозги и действовать умно. В глазах Лары я проявила немислимую расточительность вчера, отпустив девушку-ясновидца.

Попытавшись объяснить Ларе, что у меня на этот счет свое — отличное от ее — мнение, поняла, что это бесполезно, поэтому просто кивнула, отправилась на кухню и плотно поужинала.

Глеба дома не было — снова куда-то заваялся на ночь глядя. Я позвонила ему, но разговор не состоялся, так как нас все время прерывала громкая музыка на заднем плане. Насколько я поняла, он был на каком-то рок-сейшне то ли за городом, то ли на заброшенных гаражах. Приглашал приехать, но я как подумала, что нужно вызывать такси, мчаться на ночь глядя в далекие дали ради забивающей мозг музыки, так сразу и отказалась. Лучше посплю или книжку почитаю. Да, и хватит с меня — наладила личную жизнь, называется. Видно не суждено, ну и ладно. Даже и не хочется пока — другие проблемы тревожат. Например, как жить без кена ясновидцев. Надо будет обязательно поговорить об этом с Филиппом, возможно, есть способ избежать «охоты».

Подумать о ясновидцах не получилось — помешал разговор на повышенных тонах из комнаты сестры. Я бы, наверное, прошла мимо, но в голосе Риты слышала испуг.

— Ты же знаешь, как это опасно. Сам видел, — говорила она.

— Марго, я прекрасно знаю, что делаю. Ты не должна тревожиться.

— Ты же мой брат, и я люблю тебя. А это... — Она всхлипнула. — У меня никого нет, только ты и Поля.

— Так и будет, обещаю. А теперь отдыхай. И выброси вздор из головы.

Влад вышел, и я сделала вид, что только поднялась по лестнице. Одарив меня недовольным взглядом, он скрылся в своей спальне.

— Рита? — Я заглянула в комнату к сестре. Она судорожно вытерла слезы и грустно улыбнулась. — Ты в порядке?

Она покачала головой.

— Поговори с ним. — Взгляд умоляющий, влажный от недавно пролитых слез. — Пожалуйста!

— Ты верно, приболела. — Я нахмурилась, высвобождая запястье. — С чего ты вообще взяла, что Влад будет меня слушать?

— Не нужно преуменьшать, сестренка. Или, думаешь, отпущенный ясновидец сошел бы тебе с рук, если бы Влад... — Она замолчала и сделала вид, что скрупулезно изучает потолок.

— Что?

В горле пересохло, сердце гулко билось в груди. Одновременно хотелось, чтобы она сказала, и не хотелось слушать. Я знала, к чему приводят такие разговоры. Потом будет больно — нестерпимо, пронзительно. Секунда счастья не стоит того. Лучше покой — тихая жизнь без претензий на чувства Влада Вермунда. Не могу, не хочу больше любить его, даже

думать о нем. А, тем более, говорить.

Но я уже спросила, потому пришлось принять ответ — прямой и бесстрастный.

— Он увлечен тобой. Серьезно. Все это знают, даже Лара, хоть она и делает вид, что ничего не происходит.

— Это все проклятие, — прошептала я. Перед глазами поплыло, мир закружился разноцветной воронкой, искушающие мысли ворвались в голову.

Ничего не изменилось, сказала я себе. Не слушай ее — их всех! И меньше всего слушай Влада.

Рита поднялась, пожала плечами.

— Не знаю, что это. Насколько все это правда. — Отвернулась, словно ей тяжело было говорить. — Я тоже рождена в результате проклятия.

— Рита...

Я поняла, что сказала глупость, но было уже поздно. Стыд опалил затылок, спускаясь вниз по спине горячей волной, обволакивая, сдавливая грудь. Причинять ей боль хотелось меньше всего — я до сих пор видела в ней ту несчастную девушку, в страхе жмущуюся к вытертому ковру на стене.

— Мне приятнее думать, что я рождена в результате большой любви, — неожиданно улыбнулась она и вновь взяла меня за руку. — Прощу, поговори с братом.

Я не могла ей отказать. Корила себя за бестактность: постоянно сокрушаюсь по поводу проклятия и его влияния на мою жизнь, а Рита буквально олицетворяет его. Представляю, каково это — знать, что ты просто результат безумия...

Посмотрела в ее голубые, полные мольбы глаза и сдалась.

— Хорошо. Так в чем проблема?

— В нали, — тихо сказала сестра. — Боюсь, что они его доконают.

— При чем тут...

И тут до меня дошло. Удивление сменилось страхом — нет, ужасом. Он вполз в меня медленно с дикими мыслями и болезненными воспоминаниями. Прошлое навалилось грузом похороненных обид. В груди стало больно — реально, физически. Легкие никак не хотели открываться полностью, и я со свистом вдыхала ставший внезапно спертым воздух.

Нали. Снова.

Я сжалась в комок, захотелось убежать, уехать из дома. Спрятаться.

Но я больше не маленькая забитая девочка. Рядом со страхом, топча его и вытесняя, поднялась злость. Яркая, как вспышка молнии, дикая. Побуждала кричать, требовать, защищаться.

Я решительно встала, больше не глядя на сестру.

— Так ты поговоришь с Владом? — Ее умоляющий голос слышался плохо, и я уже почти не понимала, о чем она просит. Инстинктивно кивнула, сжала кулаки.

И вышла.

Несколько метров коридора показались марафонской дистанцией. Все, чего хотелось — войти и врезать Владу. Больно. Так больно, чтобы он почувствовал хоть толику того, что ощутила тогда я. Где-то в глубине души понимала, что он не сможет. Такое чувствуешь, только когда бьют в спину...

Он открыл быстро, словно ждал у двери. Словно знал, что я приду. Взгляд все такой же — высокомерный, резкий. Все еще зол из-за ясновидца. Эта злость ничто по сравнению с той, что жила во мне. Была мной.

— Входи. — Влад отступил на шаг.

Роскошная бордовая обстановка спальни действовала на нервы и будоражила и так расшатывающуюся психику. Мелькнуло ощущение, что я — кролик в логове удава, но я подавила его. Влад, возможно, не показывает слабостей, но у всех они есть. Я достаточно жила среди атли и достаточно видела. Маскировка — искусство, которым он владел в совершенстве.

— Когда ты просил остаться в этом доме, говорил о безопасности, — как можно спокойнее произнесла я. Отвернулась, на Влада не смотрела, чтобы не сбиться с мысли. — И вдруг я узнаю, что ты... что в тебе снова эта сущность. И это после всего, что было... — Я подняла на него глаза, стараясь вложить во взгляд как можно больше возмущения. — В тебе второй нали!

— Третий, — спокойно сказал Влад.

Пока я пыталась осмыслить это и обернуть негодование с более или менее приличные слова, он подошел, остановился в паре шагов и указал на кровать.

— Присядь, Полина.

— Не могу поверить! Это просто... Ты впустил второго, а потом еще одного после него!

— Сядь! — резко повторил он, и я невольно подчинилась. Прошное упрямо шло по пятам, рисуя ужасные картины того, что может случиться, если я послушаюсь. Кирилл — как оказалось, добрейший и самый покладистый из атли, швырялся тяжелыми вещами в брата. Страшно подумать, что сделает Влад, если я начну возмущаться.

Впрочем, представлять совершенно не нужно было — я и так знала, на что он способен. Я приняла это, так как думала, что он просто оступился, не рассчитал сил, и нали полностью подавил его волю. Но сейчас, в свете последних событий, поняла, как на самом деле ошибалась.

Владу плевать на всех. Как я могу все еще что-то чувствовать к нему, проникаться? Смотреть в глаза и понимать: он близкий, родной. Ему ведь совершенно чуждо это — любовь. Каменный, холодный, дикий. Неужели проклятие настолько сильно?

В этот раз я не плакала — наверное, сказался шок. Сидела с закрытыми глазами, в ступоре, даже не пытаюсь думать. Сознание превратилось в желе.

Почувствовала, как продавилась кровать — Влад присел рядом.

— Третий нали дает огромное преимущество, — сказал тихо, со странной интонацией в голосе. — Он наделяет способностью заглянуть за завесу будущности, и я вижу. Некоторые вещи предстают совершенно в другом свете.

Я открыла глаза, посмотрела на него с подозрением.

— Будущности. Хочешь сказать, ты...

— Я знаю, что будет. — Он хищно улыбнулся, становясь непорядочно очаровательным. — Ты можешь отпираться сколько угодно, но я ясно вижу тебя в моей постели.

— Я так не думаю, — уверенно ответила я и отодвинулась. Раз уж пришла, надо все выяснить. Он то злится, то улыбается. Нали нелогичен, но Влад-то нет. Если он впустил его, намеренно кормит кеном, значит, так нужно. — Зачем тебе нали?

— Хочу то, что они дают в итоге. Я не балуюсь такими вещами, и если начинаю, обязательно довожу до конца.

— По-твоему, цель оправдывает средства?

Я не ждала, что он поймет. Было обидно. По-детски, до глубины души. Влад вряд ли

оценит и, наверное, вновь посмеется над моей наивностью, но в тот момент мне было плевать.

— Иногда — да, — невозмутимо ответил он. Помолчал немного и добавил: — Почти всегда.

Горло обожгло, кулаки инстинктивно сжались.

Зря я пришла. И разговоры ни к чему не приведут. Ни к чему хорошему уж точно.

Я встала, но он остановил меня — обхватил запястье, притянул к себе. Близко, слишком близко... И обнял крепко — так и с ума сойти можно. Заболеть раздвоением личности, где одна часть отлупит другую за ничем не объяснимое маниакальное влечение к Владу Вермунду.

Его дыхание обожгло ухо, лишая остатков самообладания.

— Хочу тебя, — прошептал он, пробегая пальцами по спине, запуская руки мне в волосы. Посмотрел в глаза. — И не стыдно играть со мной, пророчица?

— Мне кажется, играешь ты, — честно призналась я. Хотелось уйти и остаться одновременно. Ужасное ощущение. — Ты знаешь, как я отношусь к нали, Влад. И знаешь, почему.

— Я стал сильнее. — Он посерьезнел, казалось, действительно верит в то, что говорит. — Могу контролировать нали. Надоело играть с тобой в прятки. Слишком долго сдерживал себя — больше не хочу. — Его ладонь погладила по щеке, опустилась на шею, прошлась по ключице. — Ты ведь еще помнишь, как нам было хорошо...

— Это в прошлом.

— Сама-то веришь в то, что говоришь? — он гортанно рассмеялся. — Неудачная попытка.

— У тебя есть Лара.

Влад немного отстранился и выглядел удивленным.

— Так дело в Ларисе?

— Дело в тебе! Ты ставишь амбиции превыше чувств, а я нет. К тому же, ты сам говорил — Лара тебе подходит. Зачем тебе я?

— Ты — атли! — произнес он яростно. — Пророчица с уникальной энергетикой. Я хочу тебя. Черт, я не привык выпрашивать!

Я вздохнула. Осторожно высвободилась, отошла на расстояние, которое казалось более или менее безопасным. Ближе к двери, готовя себе пути к отступлению. Как всегда.

— Верно, — подтвердила, — не привык. Пожалуй, не стоит выпрашивать, Влад. Я не хочу и не могу так. Я просто не такая, как ты.

— Ты — невозможная, упрямая девчонка! Если думаешь, что это — достоинство, ты ошибаешься. — Он поднялся, вернулся к окну.

Я думала, он разозлится, но Влад остался спокоен.

— Помни, что я сказал тебе, Полина, — произнес он, не глядя на меня. — О третьем нали. Будущему трудно сопротивляться.

— Я пророчица. И знаю, что любое будущее можно предотвратить. Именно этим ценен мой дар.

Оставить за собой последнее слово в разговоре с Владом — особый тип удовольствия. И, пока он не успел ответить, я покинула его бордовую спальню.

Глава 21. Негритята на солнцепеке

Глава 21. Негритята на солнцепеке

Впрочем, я уже совсем забыла, каким настойчивым может быть Влад, если что задумал. Никакие доводы и отказы не останавливают его никогда. Со следующего дня он буквально начал свое маниакальное преследование: подвозил меня до работы, забирал у «Скрепки», пытался общаться на отвлеченные темы, чем окончательно вгонял меня в ступор.

Глеб, напротив, меня всячески избегал. Я списала это на безумие в Ельце и не докучала.

Без Глеба в доме атли было скучно, но лишний раз напоминать о себе не хотелось — ему и так досталось в жизни. Оставалось лишь надеяться, что когда-нибудь он все же забудет, и мы сможем общаться нормально, как друзья.

А в целом чокнутая жизнь закончилась, обросла обыденностью без видений, охотников и ясновидцев. У меня, наконец, было время нормально обо всем подумать. Филипп выдал неутешительную новость: без кена ясновидца не прожить долго. Сказал, что я сама почувствую, когда ослабею. Видений не будет — хоть один плюс. Впрочем, вряд ли Влад обрадуется. Да, и слабость не принесет ничего хорошего.

А если я умру?

Думать об этом решительно не хотелось. Как представила довольное лицо Влада и язвительное «я же предупреждал», сразу тошно становилось. А еще не знала, смогу ли свести с ума человека. То есть смогу, наверное — я еще помнила то безумное притяжение к Тане, желание коснуться, выпить ее кен. Но что будет потом? Я же себя изведу угрызениями совести!

Глеб говорил, что не думает, отключается. Интересно, как у него выходит? Сказать-то легко, а вот сделать...

Я приказала себе не брать в голову. Во всяком случае, пока. Слабости не ощущаю, даже наоборот, бодря, как никогда. Вот придет слабость, тогда и подумаю.

В одну из пятниц Влад, как всегда, заехал за мной к пяти. Я привычно открыла дверцу черного авто и уселась на переднее сиденье. Разговаривать желания не было, день выдался напряженным, Анатолевич злился и раздражался по каждому поводу, поэтому мы с девчонками старались держаться ниже травы. Впрочем, я-то была ближе всех к боссу, вот и доставалось.

Вечер пятницы хотелось провести в тишине и покое, а именно выспаться. Включить какой-нибудь старый фильм из тех, что я так любила, и уснуть под теплым пледом.

Но у Влада были, похоже, другие планы.

Сегодня он тоже молчал. Сосредоточенно вел машину, даже ни разу не взглянув на меня и, казалось, думал о чем-то неприятном.

— Что-то случилось? — осторожно спросила я, а потом поняла, что мы направляемся вовсе не домой. Автомобиль свернул вправо и выехал совершенно на другую трассу. Редкие коряженые деревья на обочине и отсутствие попутных машин. — Мы едем к очагу?

Влад кивнул, не отвлекаясь от дороги.

Избегает смотреть? Снова напортачил?

Почему-то стало холодно внутри. Безнадежно.

— Зачем?

— Я женюсь сегодня.

И снова этот тон — спокойный и бесстрастный.

На этот раз мне стало жарко. Жар обосновался в голове — в районе затылка, медленно стекая за воротник. Дорога приближала нас к очагу — неумолимо и безжалостно.

Конечно, есть ведь специальный ритуал — венчание.

Я отвернулась к окну и посмотрела на скомканный и грязный снег на полях, похожий на испачканную черным мокрую вату.

Зачем он говорит это? Проверка? Хочет посмотреть, как я отреагирую на новость?

Лара, наверняка, счастлива. Что ж, я выдержу. Порадуюсь за них и забуду. К черту все!

— Ты ничего не хочешь сказать? — спросил Влад, и я вздрогнула. Повернулась к нему и как можно более приветливо выдала:

— Поздравляю!

Улыбнулась. Было трудно — жар спустился в грудь, душил, перекрывал воздух, жег пищевод. Это все проклятие, повторяла про себя, чертово проклятие. Если отбросить его, мне все равно. Я не люблю Влада, больше нет. Пусть будет счастлив с Ларой и своими амбициями. Нали, чернокнижники, охотники — мне все равно.

— Ты очень стараешься, — усмехнулся он, — но выходит плохо.

— Что выходит плохо? — нахмурилась я.

— Тебе совершенно не хочется меня поздравлять.

Я пожалала плечами, вновь отвернулась. Смотреть на Влада было трудно, почти невыносимо. Он специально так поступает — наверняка нравится мучить меня. Еще неизвестно, сколько длится церемония. Странно, он даже не нарядился. Собрался переодеться там, на холоде?

— Ты не выглядишь празднично, — зачем-то сказала я.

— Ритуал венчания отличается от того, что происходит в ЗАГСе, — пояснил он. — Одежда — не главное.

— А что главное? — почти со злостью спросила я.

Хотелось добавить: главное пригласить бывшую подружку, с которой связывает проклятие вечно хотеть друг друга. Но я смолчала. Рисковала выдать себя, а это меньшее, чего мне хотелось.

Мы свернули к пустырю и припарковались у высокого забора. Влад выбрался первым, а я дала себе несколько секунд, чтобы собраться с мыслями, вернее, попытаться уложить их в голове.

Зачем я здесь? Убежать, что ли...

Ну, уж нет! Не доставлю ему такого удовольствия. Буду улыбаться, поздравлять и делать вид, что рада. А потом поставлю жирную точку. И, наконец, забуду Влада. Так даже лучше — теперь у меня не будет искушения поверить ему.

Я вышла из машины и захлопнула дверцу. Слишком переусердствовала — она громко соединилась с кабиной.

— Красоваться не перед кем, — ответил Влад, помогая мне передвигаться по грузному снегу. — Гостей не будет.

— Разве невеста не хочет хорошо выглядеть? И чтобы хорошо выглядел жених?

Влад пожал плечами.

— А она хочет?

От пристального взгляда стало не по себе. И не стыдно меня мучить? Он всегда был

проницательным, и вряд ли я смогла скрыть эмоции. Слишком ярко я выражала чувства, а держать себя в руках — наука, неизведанная и непонятная.

— Думаю, тебе стоит спросить ее...

— Вот я и спрашиваю.

Я остановилась. Застыла на месте. Его слова рассудок не воспринимал и выдавал в сознании еггог. Влад обнял меня, приподнял подбородок, заставляя смотреть в глаза. Прикосновение прохладной кожи перчатки было на удивление приятным, чарующим.

— Так ты ответишь мне, Полина? — Шепот вызвал мурашки на спине. — Ты хотела бы нарядиться?

— При чем тут я? Разве невеста не Лара?

Он покачал головой, склонился и, пока я не успела запротестовать, поцеловал меня. Дыхание высвободилось, голова закружилась, перед глазами поплыли багряные круги, поэтому я просто их закрыла. Откинула голову назад. Руки сами обняли Влада, одну я запустила ему в волосы. Какие мягкие! Они всегда были такими? Я уже и забыла. С тех пор, как мы расстались, я многое забыла. Время нещадно ворует воспоминания, предварительно стирая их из памяти.

Влад крепче прижал меня, поцелуй стал настойчивей, резче, полностью лишая самообладания.

Что... зачем? Ничего не понимаю. Какой-то странный вечер. Неправдоподобный. Может, мне все это снится? Мечты, навеянные проклятием.

— Люблю, когда ты такая, — прошептал он мне в ухо. Горячее дыхание на холоде казалось особенно приятным, ванильный запах усилился. Интересно, от чего зависит его концентрация?

Черт, что я делаю вообще?! Надо остановиться. Заставить себя. Я сильнее проклятия, в конце концов. К тому же, ужасно хотелось выяснить, что все же происходит и к чему эти разговоры о свадьбе.

Я осторожно высвободилась, отошла на пару шагов. На Влада старалась не смотреть, пока дыхание не придет в норму. Такие встряски очень вредны для организма.

— Что происходит? — строго спросила, когда уже могла более или менее нормально соображать. — Зачем мы здесь?

— Ты еще не поняла? — Он улыбался и смотрел насмешливо. — Венчание всегда происходит у очага. Ну, ты идешь?

Он протянул руку, призывая следовать за ним.

— Венчание? Но... причем тут я? И вообще, тебе не кажется, что все эти поцелуи давн пора прекратить? Намеки на то, что у нас все может быть, как раньше. Как раньше никогда не будет, ты знаешь прекрасно.

— Именно. Поэтому все будет по-другому. — Он склонил голову набок. — Ты ведь считаешь, что твои эмоции вызваны проклятием, не так ли?

— Я уверена в этом.

— Так давай обманем его. Выходи за меня.

Я опешила. Отступила еще на шаг и чуть не упала в сугроб, но смогла все же избежать позора в последний момент, судорожно махая руками, чтобы удержать равновесие. Слова Влада были еще нелепее всей ситуации, и я невольно рассмеялась. Смотрела на него и ждала, когда же он поддержит меня и спросит: «Ну, как тебе шутка?».

Влад смеяться не спешил, смотрел пристально и серьезно. Веселость сползала

медленно, уступая место подозрениям.

— Ты... не шутишь?

— Похоже на то, что я шучу, Полина?

— Но я... не могу... — пробормотала я, опуская взгляд.

Каша снега под ногами, переливающегося льдинками от света фар. Пар, выходящий изо рта. Зима. Все по-настоящему.

— Почему не можешь? — Влад шагнул навстречу, взял за руку. Перчатку снял, ладонь была теплой и приятной. Всегда любила держать его за руку. Тогда, в той жизни, пока он не предал меня. Пока не впустил нали и не отправил под откос все, что у нас было. — Разве не любишь меня больше?

Я покачала головой.

— Не верю, что любовь — все, что нужно для счастья. Между нами многое стоит, и ты знаешь об этом. Нали, тот поступок, Лара.

— Я уже говорил о нали, — раздраженно ответил он. — Я достаточно силен, чтобы контролировать эту сущность. С Ларой нас ничего не связывает. Если бы ты была повнимательнее, давно заметила бы, что она больше не спит в моей спальне. Касательно того... поступка... Действительно хочешь разбередить это сейчас, когда мы более или менее нашли общий язык?

Я замотала головой. На глазах выступили жгучие слезы.

Я не хотела знать. Малодушно, зато спокойно. Влад обнял, прижал к груди. Руки властно гладили по спине, успокаивая, помогая расслабиться.

— Ты — атли, но даже несмотря на это, Поля, я хочу, чтобы ты верила мне. Знаю, после всего это трудно. Но ты можешь. Всегда могла. — Он говорил с нежностью, и мне хотелось верить. Отбросить, наконец, обиды, забыть.

Было ли это проклятие? А даже если так, есть ли смысл с ним бороться? Я никогда не смогу разрушить его, а Влад, если бы хотел, давно бы сделал. Он не убил меня, чтобы освободиться, хотя ему не мешало ничего. Пророчицы племя не лишится — у меня есть деторожденная. Но вместо этого он бросил Лару и предлагал мне стать его женщиной. Навсегда. Когда-то я об этом и мечтать не могла.

— Все, что я делал тогда, было призвано уберечь тебя. Если нужно, я скажу, но тогда опасность станет осязаемой, живой. Я не могу этого позволить, поэтому... просто верь мне! — Он отстранился, посмотрел так ласково, что у меня сжалось сердце. Вытер мои слезы, погладил по щеке. — Ты веришь мне?

— Да.

Это не я сказала! Или я? Все было таким запутанным, непостижимым.

О какой опасности говорил Влад? Хочу ли я знать? Станет ли от этого легче?

— Я хочу соединиться с тобой навсегда. Если жрец венчает нас, мы будем связаны, и ты всегда будешь под моей защитой. Мы обманем проклятие. Докажем миру, что вождь и пророчица атли могут быть счастливы вместе.

Я закрыла глаза. Заманчиво, очень заманчиво. Сладкие речи — сильная сторона Влада, но я не имею права опрометчиво соглашаться. Хотелось надеяться, что я немного поумнела.

— Не могу, — сказала твердо. Подняла на него глаза. — Нельзя сломя голову мчаться жениться. Несколько минут назад я вообще не думала об этом. О нас... Но ты, как всегда, все решил за меня. А ведь должен был сначала спросить, а потом уже тащить к очагу.

— Я спрашиваю сейчас.

— Мне нужно подумать, да и вообще... Все это время ты был с Ларой. Разве не ты говорил, что она тебе подходит?

— Я хочу тебя, а ты не желаешь делиться, — улыбнулся он.

Как же я любила его улыбку! Воспоминания о прошлом — не мои союзники. Только портят все.

— Ты очень непоследовательный, Влад Вермунд. Сначала бросаешь меня, затем тащишь к алтарю.

— Зато ты ушла без вопросов. Без угрызений совести. Быстро.

Я громко выдохнула. То, что он сказал, никак не укладывалось в голове.

Он что же, хотел... прогнать меня?!

— Мне нужно было, чтобы ты ушла. Это не связано с тобой, скорее, с моими проблемами. Тебе могли причинить вред, а я не был достаточно силен, чтобы защитить.

Что он говорит такое? Подумать только! Я убивалась почти полгода, уронив самооценку ниже плинтуса, а Влад просто защищал меня!

— Ты просто... ты... Ненавижу! — Я ударила кулаками ему в грудь, понимая, что это не причинит особого вреда. Хотелось куда-то деть гнев, выплеснуть обиду. Кричать, пока не охрипну.

Влад снова обнял меня.

— Да-да, я чудовище. Ты слишком часто повторяешь это, чтобы я поверил. — Показалось, в его голосе прозвучала горечь. Едва прикрытая иронией, беззащитная. Слово Влад открылся на секунду. Так, как не открывался никогда.

— Я не думаю, что ты чудовище, — сказала я тихо. — Но и замуж за тебя не пойду. Все слишком сложно. Нужно время...

Он улыбнулся. Близкий. Сердце невольно сжалось, а затем забило быстро-быстро, даже болезненно.

— Так ты дашь нам время?

Не говори «да». Даже не вздумай. Ловушки Влада всегда заманчивы.

Он улыбался. А я... я почему-то почувствовала себя счастливой. Улыбнулась в ответ, руки сами потянулись обнять.

Возможно, я и правда многого не знала. Возможно, просто нужно поговорить — не здесь, в спокойной обстановке, попросить объяснить детальнее. Он, конечно, не подарок, но если прогнал меня, чтобы защитить...

Мысли разорвал резкий звук. Я уже слышала такие — в кино. Звук оглушил, отразился эхом где-то вдали и вернулся звоном в ушах.

А еще, казалось, испугал Влада. Зеленые глаза расширились, он посмотрел на меня, нахмурился... Расслабил объятия, размял бок, словно устал. Слово был тяжелый день.

— Что это было? — шепотом спросила я.

Он улыбнулся, нервно, неестественно. Посмотрел на ладонь. Затем резко посерьезнел, надавил мне на плечи — сильно, побуждая упасть на землю.

— Ложись!

Я подчинилась, все еще не понимая, что происходит. Не было вопросов и желания послушаться. Тишину разорвал еще один звук — и Влад опустился рядом — сначала на колени, потом завалился на бок. Снег тут же окрасился красным — кровь растекалась неровной кляксой, впитывалась в снежную кашу.

— Влад, — позвала я.

Он не шевелился, глаза были закрыты.

На меня навалился страх. Дикий, леденящий.

Я подползла ближе, взяла его за руку, тут же ощутив что-то липкое и теплое. Где-то недалеко послышался шорох, затем еще один выстрел. Я инстинктивно пригнулась, обняла Влада, пытаюсь прикрыть от пуль.

Его ранили. Ранили! Черт...

— Влад, очнись! — Потрясла его, но он никак не отреагировал. Я отвернула воротник, попыталась нащупать пульс, мысленно ругая себя за то, что пропускала уроки по ОБЖ в школе. Тщетно. Ничего. — Не смей умирать!

Кто-то коснулся плеча, и я зажмурилась. Ну, вот и все. Сейчас меня тоже пристрелят. «И умерли в один день», — пронеслось в голове. Нелепо. Глупо. Как же глупо так умереть.

— Эй, Полевая, вставай давай.

Я открыла глаза.

— Глеб...

Он тяжело дышал. Рукав на дутой куртке разорван на плече, джинсы испачканы грязью, лицо — испуганное, слегка сумасшедшее.

— В нас стреляли, — растерянно сказала я.

— Я в курсе. — Он огляделся. — Где Макаров?

— Филипп? — удивилась я. — Его не было с нами. Надо в больницу, Влад ранен!

— Вижу. Вставай.

Я послушно поднялась. Глеб тоже пощупал пульс Влада, удовлетворенно кивнул.

— Жив.

У меня словно камень с души свалился.

— Сейчас приедет скорая. — Он выглядел уверенным, и это помогало мне держаться. Я чувствовала, что начинается истерика, с трудом держалась на ногах. — Все будет хорошо.

— Глеб, тот человек... он все еще где-то здесь. — Я испуганно огляделась. Снизила тон до шепота. — Нужно спрятаться.

— Не нужно, — сказал он. Посмотрел на свои ботинки. — Она больше не опасна. Я ее вырубил и вызвал полицию.

— Ее? Ты знаешь, того... ту, кто стрелял? Это была женщина?

Глеб положил руки на капот, вздохнул. На лице — тоска, словно то, что собирался сказать, могло ранить его самого.

— Знаю. Это была Юлиана.

Глава 22. Надежда

Глава 22. Надежда

Я сидела на лавочке и курила.

У той клиники, где столкнулась с Владом. Словно одной ногой шагнула в тот мир, в котором жила раньше. В котором сумасшедшие женщины не стреляют в моих мужчин.

Вчерашний вечер — как сцена из кино. Скорая. Врачи с носилками. Кровь везде, мои ладони — и те в крови. Дефибриллятор. Чьи-то руки держат меня, я вырываюсь, плачу...

Кто-то говорит на ухо, что все будет хорошо. Я поворачиваю голову — Филипп. Когда он успел приехать? Глеб невдалеке беседует с полицейским, показывает на меня. Я моргаю, пытаюсь прогнать слезы — тщетно.

Я не успела ее рассмотреть. К тому времени, как приехала полиция, она пришла в себя и кричала что-то Глебу, плакала. Хорошо, что он связал ее. Она лежала невдалеке, одетая в красную куртку. Символично.

Я не смотрела в ее сторону. Сидела на снегу рядом с Владом, сжимала его руку и шептала, как мантру:

— Только не умирай. Прошу, живи!

— Жив, — повторила я. — Пока жив...

Мир застыл, проблемы показались несущественными, обиды — глупыми, сомнения — лишними.

— Только живи...

Потом Влада увезла скорая. Я хотела поехать с ним, но меня начали допрашивать, и пришлось остаться. Отвечала я путано, постоянно добавляя ненужные детали, забывая важные. В голове шумело, внутри образовался вакуум — тянущая пустота и безысходность.

Не помню, что происходило дальше.

Обрывки фраз, ободряющие слова. Потом я уже еду куда-то, Глеб обнимает за плечи, гладит по голове. Молчит. Он, как всегда, знает, что мне нужно. Тишина. И надежда.

— Он выберется, — это все, что он сказал за всю дорогу.

Выберется...

В клинике царил подозрительная тишина. Пустые коридоры, молчаливые медсестры. Кирилл встретил нас у дверей отделения, на его высоком лбу пролегла морщинка, под глазами образовались темные круги.

Он бегло осмотрел меня, но потом, видимо, понял, что кровь на руках принадлежит Владу.

— Как он? — спросил Глеб. Филипп молчал, стоял в стороне и не смотрел на брата.

— Борется. — Кирилл поморщился и опустил глаза. Нехорошо ведь, когда врачи в глаза не смотрят? — Задета печень и пищевод. Влад потерял много крови, но он борется.

Я вновь почувствовала, что плачу. Словно то была не я, а кто-то другой в моем теле. Чужие слезы на щеках. Вихрь мыслей в голове, из которых ни одна не была разумной.

Минуты ожидания показались часами, часы — вечностью. Широкие коридоры, закрытые двери операционной, красная лампочка. Казалось, она включилась у меня в мозгу.

Я стояла у окна и смотрела на зиму. Хмурый рассвет дополнял картину из мрачных предчувствий. Пошел снег, и я радовалась, так как снег был защитником Влада. Он придаст

ему сил. Я верила в провидение. То, что суждено — случится.

Только живи...

Бледная, потерянная Рита сидела в кресле со сложенными на коленях руками. На лице — такое напряжение, что выть хочется. Нет, не стоит смотреть, а то сойду с ума!

Лара плакала на плече у Филиппа. Совершенно не похожая на себя — хрупкая, земная. Испуганная женщина. Наверное, все мы такие перед лицом смерти. Перед ней мы равны — и вожди хищных, и обычные люди. Перед маленьким кусочком металла, разрывающим внутренности, забирающим любимых...

Я долго не могла отмыть руки. Три раза мылила, смывала, терла мочалкой. Казалось, кровь въелась в поры, пахла обреченностью и болью. Его болью. Я ощущала ее физически. Из зеркала на меня смотрела тень, неузнаваемое лицо. Темные круги, серый цвет лица. Не я. Все это не со мной...

Я все еще чувствовала руки Влада у себя на плечах — испуг я уловила быстро, упала на землю. Если бы он не скомандовал, я могла быть мертва.

Почему... зачем она сделала это?

Я вышла из туалета, прислонилась к стене в коридоре.

Мучительное, гадкое ожидание...

Операция закончилась ближе к обеду. Кирилл лично принимал участие. Вышел к нам — уставший, на лице — скорбь.

Сердце провалилось в темную яму, больно ударившись о глубокое дно. Я боялась слов — неважно, каких.

«Не смей говорить! — хотелось крикнуть. — Молчи!»

— В критическом состоянии, но стабилен...

Я не понимала, как сочетаются эти два понятия. Влад лежит там, при смерти, а я стою в коридоре. Растерянная. Глупо все. Я должна была сказать ему, должна была...

— К нему можно? — Голос будто из другого мира.

Лара прижала руки к груди, будто из нее могло выпрыгнуть сердце. Непривычно сутулые плечи, обреченность во взгляде.

Нет, не смейте его хоронить!

Кирилл кивнул, и я инстинктивно шагнула вперед. Безумно, до боли хотелось увидеть Влада. Держать за руку, говорить. Убедиться, что он жив. Стены давили, больничный запах угнетал. Вырваться отсюда, дышать, дышать...

Если бы я могла бороться...

Лара преградила дорогу. Посмотрела так, будто пыталась прожечь во мне дыру. Волны злости я ощущала кожей, и показалось, она готова ударить.

— Убирайся! — выдохнула защитница. Фарфоровая кожа на щеках горела румянцем, в глазах — лихорадочный блеск. — Это все ты! Ты виновата!

Она почти кричала, Филипп подошел, обнял ее за плечи, стараясь увести в сторону.

— Пусти! — Лара вырвалась, не сводя с меня взгляда. — Если он умрет, ты будешь нести эту ношу до конца.

Я зажмурилась, сжала кулаки. Досчитала до десяти. Сознание словно отслоилось и плавало где-то вдалеке. Нервная система дала сбой и отключилась. Когда я вновь открыла глаза, сомнений не было.

— Отойди, — спокойно сказала я, отодвинула защитницу в сторону и вошла в палату.

В послеоперационной пахло спиртом и хлоркой. Все неестественно чистое, пугающее

стерильностью. Светло-зеленые простыни, капельница, аппарат искусственного поддержания жизни. Какие-то непонятные цифры на дисплее.

— Он в коме. — Рука Кирилла легла на плечо, и я вздрогнула.

— Он будет жить?

Секундное молчание было ответом. Я знала, что он скажет.

— Мы надеемся на лучшее...

— Шансы?

— Поля!

— Ты же врач. Говорят, лучший хирург в городе. Так скажи мне! — Взгляд упал на мертвецки-бледное, умиротворенное лицо. Глаза закрыты, словно Влад просто спит. — Я должна знать...

— Не буду грузить тебя медицинскими терминами. — Кирилл замялся, затем обнял меня крепко. Я не помню, обнимались ли мы до этого... — Шансов мало.

И мне вновь надавили на плечи. Теперь уже беспомощность и осознание, что я не в силах ничего сделать, изменить. Только ждать. В медицине я мало понимала, но слышала, что чем дольше человек находится в коме, тем меньше шансов, что он очнется.

Словно прочтя мои мысли, Кирилл сказал:

— Хищные крепче людей. Не стоит терять надежду.

Прикосновение к теплой ладони. Тепло — это жизнь. Или полужизнь — ведь рука безвольная.

Только живи...

...Холодный декабрьский воздух отрезвил, заполнил легкие, проветрил изнутри. В ближайшем ларьке купила сигарет. Никогда еще так сильно не хотелось курить. На скамейке у клиники никто не сидел. Действительно, кому вздумается морозить задницу на холоде?

Мне было все равно. Трясущимися руками чиркнула зажигалкой, втянула сладкий дым. Голова тут же закружилась, охватила минутная эйфория и спокойствие. Мне это было необходимо — просто расслабиться. Не бояться. Пусть ненадолго...

Постоянно хотелось оглядываться. Все это время в больнице я словно ждала, что из-за угла выскочит Юлиана и завершит начатое. Естественно, это было невозможно — ее задержали и допрашивали, но подсознание, как трусливый заяц, всюду видело засаду.

Голова постепенно прояснялась, хотя мысли все еще напоминали кисель. Глеб подошел, присел рядом. Странно, почему он все еще здесь? Ему бы радоваться — вот жизнь и отомстила тем, кто обидел. Теперь Влад при смерти, а Юлиана сядет надолго. Глеб же держался особняком, но не уходил. Хмурился, молчал, но терпеливо ждал вердикта врачей.

— Тебе нужно выспаться, — безэмоционально сказал он.

— Что ты здесь делаешь?

Меньше всего хотелось говорить с ним. Сегодня у нас разные чувства, мои он никогда не понимал...

— Ты не сможешь ему, если будешь тут сидеть.

— Ага, а если выплусь — помогу! Глеб, тебе не все равно? Ты ненавидел его... их обоих. Считаю, отомщен.

— Дура!

— Прекрати! — Я вскочила, со злостью швырнула окурок в урну. Сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони. — Мне совершенно не нужно это сейчас.

— А что тебе нужно? — Он тоже встал, прищурился, засунул руки в карманы. —

Жалеть себя? Курить тут до одури? Не спать, не есть, словно этим ты ему поможешь.

— Извини. — Я отвернулась, посмотрела на прохожих, бредущих по своим делам. — Ты не виноват. Я просто не понимаю... откуда она взялась? Почему... почему Юлиана сделала это?

— Так она тут уже месяц ошивается. А ты не знала?

— Месяц?!

Онемевшие губы не слушались, звук вышел жалким и писклявым. Я пыталась отыскать на лице Глеба признаки лжи или шутки — не нашла.

— Полевая, прежде чем идти под венец с мужчиной, хотя бы узнай его, — раздраженно сказал Глеб и отвернулся. — Чем занимается в свободное время. О чем думает. С кем спит.

В голове будто все встряхнули и высыпали мысли на асфальт. Несколько секунд я стояла в ступоре, а затем закрыла лицо ладонями.

Всегда одно и то же. Как только разговор заходит о Владе, нужно искать скрытый смысл, как двойное дно в чемодане.

Нужно было. Теперь что уж...

— Не хочу ничего знать...

— А не мешало бы. — Глеб был непреклонен. — Я всю неделю думал, как тебе сказать, но разве ты стала бы слушать?

— Я не собиралась ни с кем венчаться! Что за глупости? Я даже не знала, зачем мы туда едем.

— Как не собиралась? Разве вы не...

— Нет.

— Жесть! — Он присел на лавочку, вытащил сигареты, протянул мне одну. — Впрочем, в его стиле.

— Хочешь сказать, у них был роман? С Юлианой? Все это время? — Я покачала головой. Жар поднялся из груди к горлу, дышать стало тяжело.

Какое это вообще сейчас имеет значение? Юлиана — просто чокнутая.

Сразу вспомнилась «Бесприданница» и пафосные слова Карандышева.

Бред! Ну, кто в наше время стреляет в соперниц? Да, и какая я ей соперница? Мы с Владом и разговаривали-то раз в неделю. В лучшем случае. Ну, если исключить последний месяц.

Тут до меня постепенно начало доходить.

— То есть ты думал... все вы думали, что мы едем к очагу венчаться? — Я посмотрела на Глеба.

Он курил и смотрел перед собой. Мелкие снежинки оседали на истертой кожаной куртке и таяли, превращаясь в капли. То ли усталость, то ли посыпавшиеся на меня, как из мешка, удары судьбы, совершенно сбили с толку. Я чувствовала себя рыбой, выброшенной на берег — беспомощной и потерянной.

— Ну, — ответил он, — а ты как думала, почему я пропал?

— Глупый. — Я покачала головой. — Все вы. А Влад... Хотя что уже об этом говорить.

Разбираться в ситуации не было ни сил, ни желания. Внутри образовалось двойственное чувство: с одной стороны я не понимала Влада и причин его безрассудного поступка. Если он крутил с Юлианой, зачем потащил меня к очагу? Вряд ли воспылал внезапной любовью, а попытки добиться близости и так могли увенчаться успехом. Шансы-то были, к чему все эти пафосные действия? Влад ведь совсем не такой.

Тогда что? В чем причина внезапного решения венчаться? Ведь, если он прав, и это навсегда...

Навсегда. Он предлагал мне...

Тут меня накрыло. Резко. Шок прошел, оцепенение схлынуло, и я разрыдалась. Зима вдруг показалась холодной, дикой, она впивалась в кожу, проникала внутрь, студила кровь.

Глеб ненавязчиво гладил по спине, словно знал, что мне надо выплакать это. Выплеснуть. Прогнать страх.

— Ты не понимаешь, я могла... могла уже быть мертва! — всхлипывала я. — Мы были там вдвоем... одни... и Влад... он сказал: ложись, а я не поняла... Даже не сразу сообразила...

Плакала я долго, с надрывом. Затем просто всхлипывала и курила. Гормональный взрыв завершился облегчением и усталостью. Глеб прав, нужно отдохнуть, а потом думать, что делать дальше. Хотя, о чем думать? Это не охотник и не Чернокнижник. Даже не сумеречная необходимость пить кен ясновидцев. Там можно размышлять, строить догадки, сочинять планы.

Реальная же, человеческая беда — болезнь — такой возможности не оставляла. Я могла лишь навещать Влада, разговаривать с ним и надеяться на то, что он услышит и придет в себя. Ну, или просто очнется, потому что так надо.

Потому что его кома не отменяет проклятия. Нет, не о том сейчас надо думать, совсем не о том...

— Я вызову такси, — сказал Глеб спокойно. И пусть. Мне нужен кто-то, кто не будет паниковать и убиваться. — А то с мотоцикла ты свалишься.

Я кивнула, помолчала немного.

— Как ты оказался там? — спросила, спустя несколько секунд. Несмотря на спутанность мыслей, хотелось знать, участвовать в жизни. Ужасно боялась выпасть из реальности.

— Да, брось, Полевая, у каждого из нас свои тараканы, — буркнул он и отвернулся.

— Ты следил за ней? За ними?

— Ну давай, скажи, что я идиот! Нет, они мне до лампочки...

Я поджала губы. Сижу тут, страдаю, а каково Глебу вообще? Он ведь никогда не покажет, что на душе, как бы плохо ни было. Будет молчать, дуться, бить кулаками стену, когда никто не видит. Ненавидеть весь мир. Себя. А ведь это так знакомо мне.

— Оба мы хороши!

— Верно.

Ощущение нереальности происходящего постепенно испарялось, оставляя тревогу и страх. Но это я уже проходила. Справлюсь.

Небо хмурилось, но снегом больше не сыпало. Голые ветки спящих деревьев медленно раскачивались от ветра, по дороге туда-сюда сновали машины.

— Очнется он, вот увидишь. Будет снова нам нервы трепать, — как бы между прочим сказал Глеб.

Я не ответила. Смотрела перед собой и слушала город. Звуки словно отождествлялись с жизнью — я поглощала их, жадно вдыхала холодный воздух, понимая одну-единственную важную истину того дня.

Я жива.

Спасенная то ли силой провидения, то ли отличными рефлексами Влада, сижу здесь,

говоря, двигаюсь, существую. Усталая, напуганная, но абсолютно невредимая. В отличие от него самого.

А это значит, все образуется. Я отдохну, приеду завтра в больницу, буду говорить с ним, держать за руку. Бытует мнение, что они там слышат нас. Глупо не верить после всего, что со мной было.

И все у нас будет хорошо.

Только живи...

Глава 23. Лея

— Ты собираешься домой? — Ласковый голос отвлек от книги, и я подняла глаза на сестру.

Невероятно, как она изменилась. Округлилась, похорошела, в глазах — спокойное счастье плещется. Отношения с Филиппом явно пошли Рите на пользу.

— Я не устала. К тому же, домой совершенно не хочется. Возможно, я сегодня переночую у Вики.

— Поля! — Рита присела рядом, на небольшой дерматиновый диванчик, сжала мою руку. — Поехали. Я приготовлю ужин. Соберемся вместе. Как раньше. Все атли.

— О чем ты говоришь? — Я захлопнула книгу. — Атли...

Взгляд упал на умиротворенное лицо Влада, и я осеклась.

Верила, что он слышит меня, потому и приходила сюда по пятницам после работы. Читала — благо, его литературные вкусы я знала очень хорошо. Выучила еще тогда, когда мы жили вместе. Достоевский, Уальд и Кафка — весьма своеобразное сочетание. Я и сама полюбила их.

Я рассказывала Владу о том, что произошло за неделю. Иногда просто молчала и держала за руку. Казалось, если буду смотреть долго, то в один прекрасный момент он откроет глаза и улыбнется.

Бред! Прошло почти полгода, а ничего не изменилось. А значит, не изменится никогда.

Я сделала жест сестре и вышла из палаты. Лишь в коридоре охватило чувство, что это все же больница — ощущение казённости нападало со спины, и каждый раз заставляло врасплох. Комната-палата Влада превратилась в знакомый и уютный мирок, наполненный переживаниями и надеждами. Коричневый диванчик, торшер в углу, томики классиков на небольшой тумбочке. Цветы. Убежище, в которое я сбегала в конце недели.

— О каких атли ты говоришь? — немного резко спросила я. — О Ларе, которая меня ненавидит? О Глебе, который дома бывает раз в неделю? Или, может, о Филиппе, который не перестает любоваться собой с того момента, как занял место вождя?

Рита покачала головой и прижала руки к груди. Ее любимая поза, я уже привыкла. С тех пор, как они с Филиппом сошлись, она готова за него глотку перегрызть.

— Как тебе не стыдно?! — с укором сказала сестра. — Филипп старается, чтобы атли не заметили отсутствия Влада, а ты...

— Филипп старается стать тем, кем не был рожден. А еще у него началась звездная болезнь, и ты — единственная, кто этого не замечает. — Я вздохнула, стараясь успокоиться. Вышло плохо.

С того злосчастливого дня у атли все изменилось. Как бы я ни относилась к Владу и его замашкам, не могла не признать, что он умел всех сплотить. И Филиппа, который втайне ненавидел его, и Глеба, который даже не пытался скрыть ненависть. И Олю с Каролиной, что вели себя как мышки, подолгу просиживая на кухне и общаясь о своем.

После того, как в нас стреляли, атли словно распались, разделились на мелкие составляющие, соединенные вместе лишь необходимостью жить под одной крышей. Впрочем, даже этой необходимости я в последнее время не придавала такого значения, как

раньше.

Филипп, получивший, наконец, желаемое, попросту не умел управлять людьми. Непредсказуемые скачки от доброго и во всем потакающего правителя до жестокого тирана, признающего лишь собственную волю, не вызывали ничего, кроме снисходительной улыбки.

Поведение новоиспеченного вождя атли утомляло, потому мы с Глебом много времени проводили вне дома.

— Я не хотела тебя обидеть, — уже мягче произнесла я и порывисто обняла сестру. — И Филипп тут ни при чем. Мне спокойнее здесь... К тому же завтра не нужно рано вставать, а Вика постоянно зовет в гости.

— Ты то тут, то с этой Викторией, то где-то пропадаешь с Измайловым. Я почти не вижу тебя! — Рита обижено насупилась и отвернулась. — Мне кажется, я потеряла не только брата, но и сестру...

— Ты не потеряла, — возразила я, — ни брата, ни сестру. Влад жив.

Впрочем, это было спорное утверждение — я понимала, что Влад жив только благодаря аппаратам. Скорее всего, он не очнется никогда...

Вздыхнула, сжала прохладную ладонь сестры.

— Хорошо, — кивнула. — Поехали домой.

Маргарита засияла, обняла меня и засуетилась.

— Я откопала такой рецепт морковного пирога — пальчики оближешь! Кстати, о них, родимых. Мясные пальчики в горчичном соусе — это нечто...

Всю дорогу я слушала рассказы о кулинарных изысках и декорировании их с Филиппом комнаты. За то время, что Рита жила у атли, она успела получить права, обзавестись кричаще-красным внедорожником и даже взять на себя некоторые дела в фирме Влада.

Я поражалась, как она все успевает: и карьеру налаживать, и личную жизнь. Правда, большую часть дел Влада все же вел Тимофей Соколов — его доверенное лицо. Как приближенный, он знал кое-что об атли, был немногословен и предан делу. С ним я познакомилась, когда жила с Владом, и до сих пор он верой и правдой служил своему боссу.

Я слушала Риту вполуха, смотрела на мелькающие за стеклом зеленые деревья и цветущие сиреневым поля. Природа дышала жизнью, заражала позитивом и радостью, но у меня в последнее время на эти чувства образовался устойчивый иммунитет. Июнь — мой любимый месяц в году, но в этот раз воодушевления от начала лета как ни бывало.

— Эй, ты вообще слушаешь? — немного обижено спросила Рита, сворачивая на оттененную высокими тополями улицу.

— Да-да... — пробормотала я, вырываясь в реальность. — Смотри, кто это там?

— Где?

— Да, вон же, опирается на наш забор.

Мужчина выглядел довольно странно.

Одежда, состоящая из некоего подобия набедренной повязки грязно-серого цвета, была изорвана, а тело — загорелое и мускулистое — покрыто ссадинами и шрамами. Один особенно выделялся на спине — кривой и лиловый, видимо, свежий. Длинные темные волосы висели влажными космами и прилипали к спине и лбу. Незнакомец тяжело дышал, вцепившись руками в кованые прутья. Казалось, еще секунда — и он упадет.

Рита затормозила у ворот, и он посмотрел в нашу сторону. Что-то внутри меня щелкнуло — словно тумблер клацнул. Я открыла дверцу и вышла. Сестра что-то говорила, даже кричала, но я словно не слышала — смотрела на странного брүнета, а он на меня.

— Вы в порядке? — Я постаралась сохранить безопасное, как мне казалось, расстояние между нами. Ореховые глаза прищурились, он глубоко вдохнул, покачнулся.

— Лея... — прошептал хрипло и рухнул на клумбу, нещадно сминая разноцветные петунии.

— Рита, зови Филиппа, Глеба. Кого-нибудь. — Посмотрела на безмятежное лицо мужчины. — Нужно помочь ему...

Красный «Форд» скрылся за воротами. Я присела на корточки, но трогать незнакомца побоялась — просто смотрела.

Сильный. Судя по шрамам, часто дерется. Один из них — глубокий, рассекающий скулу — придавал лицу разбойничий вид. А еще я точно знала, что он хищный. Это интриговало и пугало одновременно — раньше я никогда не встречала хищных из других племен.

Чьи-то руки мягко оторвали от земли. Обернулась — Филипп. Невдалеке хмурился Глеб и, поймав мой взгляд, слегка кивнул. Я подошла ближе, сказала шепотом:

— Он хищный.

— Гляди-ка, все она видит, — поддразнил он. — Я думал, ты сегодня останешься в Липецке.

— Рита домой притащила. А ты чего все еще тут? Вечер же.

— Макаров разошелся ни на шутку. Припряг копать в летописях трехсотлетней давности. Вот, закончил недавно, а тут вы. — Глеб поморщился и взглянул на неизвестного хищного, лежавшего у нас под забором. Филипп, склонившись, пытался что-то высмотреть на исполосованном шрамами лице. — Пстой-ка...

Глеб присел на корточки, прищурился. Я тоже подошла, ведомая любопытством.

— Ты видишь? — спросил Глеб, и Филипп настороженно кивнул.

— Умерший.

— Я думал, их придумали, чтобы пугать детей.

— Никогда ранее не видел умерших. — Филипп выпрямился, скользнул по мне взглядом. Вернулся к незнакомцу. — Ты знаешь законы, Глеб.

Лицо мужчины-воина было безмятежным, дыхание — спокойным и глубоким. Казалось, он просто спит. Тронь за плечо — проснется, посмотрит на нас, объяснит, что здесь делает.

— Да, — после минутной паузы, сказал Глеб. — Мы обязаны приютить его.

— Приютить? — Из-за моего плеча вынырнула взволнованная Рита. — Хочешь сказать, он будет... жить с нами?

— Пока он здесь, да, — ответил Филипп, подхватив незнакомца под мышки. — Глеб, помоги.

Тот послушно взял незнакомца под колени. Они внесли его в дом, уложили на диван.

При искусственном свете лицо воина выглядело неестественно бледным. Отчетливо выделялись глубокие морщины на лбу и сеточка более мелких — вокруг глаз. Синяки и ссадины, незаметные на улице, проступили на загорелой коже, подошвы были сбиты в кровь и покрыты слоем пыли.

— Почему он должен оставаться у нас? — настойчиво спросила Рита. — Филипп, поясни.

— Только сегодня о них читал, — пробормотал Глеб, проводя рукой по волосам. — Это все твои летописи, Макаров. Накликал.

— Помолчи! — Филипп комично поднял вверх указательный палец. — Он приходит в

себя.

Мужчина заворочался, облизал растрескавшиеся губы. Пальцы с силой вцепились в парчовую обивку, нещадно пачкая ткань.

Опрометчивый шаг — устраивать его на диване в гостиной, Влад бы не одобрил. После случая на пустыре у меня всегда было две точки зрения на каждую ситуацию, личная и — предполагаемая — Влада.

Филипп должен думать о таком!

— Умерший? — спохватилась Рита после минутного молчания. — Думаешь, он...

— Да, — перебил Филипп и остановил пробегающую мимо Олю. — Приготовь гостевую комнату и горячую ванну. И распорядись насчет обеда. Он наверняка голоден.

— Лея... — прошептал незнакомец и открыл глаза.

Сначала казалось, он вообще не понимает, где находится. Неторопливо оглядевшись, мужчина сел, настойчивым движением растер грязь по щеке и остановил взгляд на Филиппе.

— Ты тут главный? — спросил так, будто уже знал ответ. Светло-коричневые глаза смотрели прицельно и требовательно. Их обладатель знал, куда пришел и зачем, а также то, что мы поможем.

Филипп кивнул и скрестил руки на груди.

— Я вождь атли.

— Ты знаешь законы, хищный. Нарушить их — преступление перед богами.

— Дом атли в твоём распоряжении, — деловито произнес Филипп и свел брови.

Я потянула Глеба за руку и спросила шепотом:

— Это что еще за дела? И в смысле — умерший?

— Тссс! — отмахнулся он. — Потом.

Я поймала заинтересованный взгляд странного гостя. Он смотрелся безумно несуразно в роскошной обстановке гостиной, словно случайно поставленная не туда декорация. Ошибка гримера, превратившего актера мелодрамы в гладиатора.

— Я должен найти Лею, — сказал он. — Для этого Орм отпустил меня.

— Боюсь, ты не найдешь ее здесь, — возразил Филипп. — Неизвестно, сколько ты пробыл в хельзе. Время там не подчиняется нашим законам. Возможно, твоя Лея уже умерла.

— Она жива. Я знаю.

Филипп вздохнул, отвернулся и несколько секунд стоял неподвижно. Затем вновь посмотрел на воина и спросил:

— Как тебя зовут?

— Ингвар, третий помощник великого Орма, властителя западных земель.

Глеб хмыкнул и скорчил рожицу под осуждающим взглядом Филиппа. Ингвар даже не взглянул на него — его внимание было приковано к новоиспеченному вождю. Он ждал.

— Атли окажут тебе всяческую поддержку и пособничество, если это не будет угрожать их жизни, — наконец, сказал Филипп. — Сколько ты планируешь пробыть здесь?

— Тридцать лет, — ответил воин. — Это время отмерил Орм.

— Не так уж и долго.

— Примерно три недели, — важно дополнила Рита. Потом словила мой вопросительный взгляд и добавила: — Что? Я читала летописи.

— Ты молодец, — снисходительно улыбнулся Филипп. — Проводи гостя в комнату и убедись, что ему всего хватает.

— Почему я? — испуганно спросила сестра. Видимо, оставаться наедине со странным

воином ей вовсе не хотелось.

— Я могу проводить, — вызвалась я.

Несколько секунд Филипп раздумывал, а затем кивнул.

Всю дорогу до гостевой комнаты не покидало ощущение дежа вю, словно все это уже происходило, но в другом времени. Ингвар не заговаривал со мной, следовал молчаливой тенью и оставался на шаг позади. Оля выскользнула из комнаты, улыбнулась мне и настороженно покосилась на незваного гостя. Да уж, такой кого угодно напугает...

— Комната небольшая, но светлая. — Я включила свет и прошла до небольшой двери, ведущей в ванную. — Здесь можно помыться. Вам понадобится одежда, но с этим вопросом лучше к Филиппу... — Смущенно улыбнулась. — Располагайтесь, а я проверю, как там ужин. Вы, наверное, голодны.

— Как тебя зовут? — спросил он серьезно, закрыл дверь и прислонился к ней спиной.

Я вздрогнула. Несколько раз вдохнула и выдохнула, приказала себе не паниковать — если Филипп пустил этого человека в дом, он не опасен. Пусть Филипп был неважным правителем, но здравый смысл в нем всегда преобладал.

— Полина, — ответила я.

— Ты защитница?

Я покачала головой.

— Нет.

— Раньше к вам не заходили хельины... умершие?

— Никогда. — Расправила несуществующие складки на светло-синем покрывале, провела пальцем по гладкой поверхности прикроватной тумбочки, переставила на сантиметр вправо ночную лампу. — Умершие — в смысле... по-настоящему?

Ореховые глаза улыбались, хотя лицо их обладателя осталось невозмутимым.

— Вождь атли плохо обучает своих людей, — сказал он и медленно подошел ко мне. — Я когда-то жил здесь. В кевейне — мире людей. В одном из племен, существующих ныне. — Он помолчал немного, а затем добавил: — Я был воином.

— Был? — Я не смогла сдержать улыбки. Из всех находящихся в этом доме именно Ингвар казался наиболее похожим на воина. На самого настоящего, ему бы еще меч, щит и боевой раскрас.

Он громко рассмеялся, отчего светлый шрам изогнулся дугой, а лицо стало добрее и приятнее.

— Разве мертвый может... вернуться? — спросила я, и он кивнул.

— Из хельзы можно проложить портал сюда. Он требует больших затрат энергии, но при необходимости...

— То есть воскресить человека, верно?

— Не воскресить. Проложить путь.

— Но зачем? То есть... — Я прошла к окну, резко повернулась. Охватило неприятное чувство, будто теряется нить — нечто настолько важное, необходимое, но скрытое. — Если человек не может вернуться, зачем тревожить родственников, любимых?

— Вернувшийся хельин не помнит, кто он, где жил, а его родственники... — Ингвар помрачнел, опустил взгляд в пол. — Если бы я помнил, то нашел бы Лею сразу.

— Лея — твоя любимая?

Он покачал головой.

— Она нужна. Особенный кен. Ни у одного хельина и живущего я не встречал такого.

— Откуда ты знаешь? Ты ведь не помнишь.

— Знаю! — резко ответил он, и я вздрогнула.

Нужно заканчивать разговор, а то еще разозлится. Что делать с разъяренным хищным из загробного мира, я понятия не имела.

— Посмотрю, как там ужин, — пробормотала я и выскользнула из комнаты.

В общем и целом я пугалась зря. Ингвар оказался на удивление адекватным. Говорил мало, больше слушал и, казалось, старался вникать в особенности жизни хищных.

Глеб рассказал, что время в их мире течет по-другому, быстрее. Что для нас день — для них чуть больше года. Хищные, которые попадают в хельзу, обычно не помнят прошлые воплощения, а те, кто помнит, не спешат возвращаться. Говорят, хельза — прекрасное место. Впрочем, если судить по внешнему виду Ингвара в день, когда он появился, еще и воинственное.

На война наш гость теперь походил меньше всего. Одетый в джинсы и просторную футболку Филиппа, которая, к слову, на Ингваре казалась вовсе не просторной, выглядел вполне цивильно.

Он часто отсутствовал — скорее всего, искал Лею, хотя для меня оставалось загадкой, как можно найти в огромном мире хищного, даже если у него особенный кен. И главное, зачем?

По вечерам я наблюдала, как он молится. На заднем дворе, сидя на земле с запрокинутой к небу головой, шепчет без остановки по нескольку часов. Неподвижный. Загадочный. Из мира, где все еще дерутся на мечах. Где пыль дорог въелась в кожу, и вся жизнь — в сражениях. Где нет начала и нет конца, только борьба — бесконечная, тяжелая, изнурительная. А цель давным-давно позабыта.

Они — мертвые, но делают вид, что живут. Души хищных, покинувших нашу реальность и воплотившиеся в хельзе. Тех, кто уже не с нами...

Возникшая мысль сначала показалась глупой. Даже не глупой — просто вызванной отчаянием и многодневной тоской идеей. Но я не могла не спросить.

— Ингвар! — окликнула война, который провожал закатное солнце — ежедневный послемолитвенный ритуал. Он обернулся, и на грубоватом лице отразилось недовольство. Наверное, не слышал, как я подошла.

— Полина.

— Как хищный попадает в хельзу?

Ингвар снисходительно улыбнулся, откинулся на траву, опираясь на локти, и снова посмотрел на закат. Солнце уже почти село, и на небе остались рыжие разводы, медленно стекающие за горизонт. Теплый июньский воздух пропитался запахом жасмина и роз, окрасился разбавленным индиго с серым оттенком.

— Ясно как — умирает.

Я присела рядом, сложила руки на коленях и ухватилась за полы льняных брюк, как за спасательный круг. Боялась вопросов, а еще больше — ответов, которые мог дать хельин.

— А что если... — Запнулась, опустила глаза. Воздух сделался спертым, липким и никак не желал вдыхаться. — Что если хищный не умер, а, например, в глубокой коме?

— Бывали и такие, — невозмутимо ответил Ингвар, даже не взглянув на меня. — Некоторые возвращались домой — в свои тела. Некоторые — оставались в хельзе навсегда.

Я громко выдохнула. Настолько громко, что обратила на себя внимания хельина — когда открыла глаза, он внимательно всматривался в мое лицо.

— Ты кого-то потеряла?

— Не то, чтобы... — В горле пересохло, и слова давались нелегко. — Полгода назад одного из атли ранили, и он в коме до сих пор. — Я посмотрела на него с надеждой. — Думаешь, он может быть в твоём мире?

Ингвар пожал плечами.

— Кто знает, возможно. Если вспомнит, откуда он, скорее всего, вернется.

Мир вокруг притих, словно испуганный заяц. Только удары сердца. Тук-тук. От каждого вопроса до ответа отмеряли возможности и поражения.

— Его можно найти... там?

— Хельза не предназначена для живых.

— Как и наш мир — для мертвых, — не унималась я. — Но ты пришел искать Лею!

Он молчал, смотрел перед собой и отвечать не торопился.

Мысль о том, что Влад может находиться в хельзе, куда я не могу попасть, казалась невыносимой. Я почти смирилась, что его нет, и вот хельин говорит так просто о том, что вероятнее всего, Влад все же там. Ничего не помнит, живет новой, не похожей на нашу, жизнью, обрастает чужими впечатлениями, воспоминаниями.

Ведь если бы помнил, давно вернулся бы, а его нет...

Я поймала себя на том, что плачу. Горячие слезы капали на ладони, а дальше вниз — в траву. На подъездном пути включились фонари, освещая сиреневым светом дорожку. Где-то неподалеку сработала автомобильная сигнализация. Возле уха неприятно пропищал комар, и я мотнула головой, чтобы его прогнать. Вытерла слезы, поднялась.

— Я проведу тебя, — так же не глядя на меня, произнес Ингвар. — Когда буду возвращаться, возьму с собой. Но назад не смогу — не обессудь.

Мир снова затих — на этот раз на мгновение — а затем наполнился звуками. Отчетливыми, резкими, словно кто-то нарочно усилил в динамиках громкость. Глаза наполнились влагой, но я не стала моргать, чтобы не расплакаться снова.

— Спасибо, — прошептала я. — Если не найдешь Лею...

— Найду! — перебил он, резко поднялся и зашагал к дому.

— Мне бы твою уверенность...

Но он уже не слышал.

Ингвар не нашел Лею. Трудно отыскать хищного в мире, если не знаешь, как он выглядит, где живет и в какое племя входит. Три недели — мизерный срок. Слишком мизерный для поисков.

— Послезавтра последняя ночь в кевейне, — сказал он мне после очередной молитвы. Я воровато оглянулась, чтобы нас никто не подслушал. — В полночь я покину его. Если не передумала...

— Я не передумала, — горячо уверила я.

— Ты не найдешь того, кого ищешь. А если и найдешь, просто не узнаешь. Ты должна понимать это, прежде чем пойдешь со мной.

— Я попытаюсь.

Он кивнул.

— Хорошо. На рассвете третьего дня здесь. И не опаздывай.

Я взяла отпуск за свой счет на неделю. Не знаю, почему именно такой срок — я не знала, вернусь ли вообще. Если найду Влада, и он согласится вернуться домой, то проложит обратный портал для меня. Если нет — рискую остаться в хельзе навечно.

Подмывало сказать кому-нибудь. Филиппу нельзя, но Глебу... Нет, он такого точно не поймет и не одобрит. Еще расскажет кому, а мне это не нужно — тогда я точно не попаду в хельзу и не найду Влада.

Последний вечер я провела в клинике. Закрyla книгу, вложив закладку на том месте, где закончила, словно собиралась дочитать потом. Всмотрелась в безмятежное лицо, сжала руку.

— Если бы ты был здесь, убил бы меня за безрассудность, так что лучше тебе очнуться раньше, чем я уйду, — сказала без какой-либо надежды. Постояла немного, думая о своем, затем наклонилась и прошептала на ухо: — Я найду тебя.

Поцеловала в лоб и вышла.

Последняя ночь в кеveyне выдалась невероятно ясной, звездной и теплой. Ингвар ждал меня на заднем дворе. Стоял, расслабленно глядя вдаль, засунув руки в карманы черной безрукавки с капюшоном. Увидев меня, склонил голову набок и спросил:

— Готова?

Я кивнула.

— Мне жаль, что ты не нашел Лею.

— Это не твои заботы, — ответил хельин, выставил руки вперед и провел ладонями по воздуху. Пространство зарыбило, обрело форму, превратившись в сначала размытую, едва различимую молочно-серую кляксу, постепенно наливаясь ярким светом и приобретая форму двери, наполненной движущимися волокнами.

— Идти будет трудно — хельза неохотно принимает живых, — предупредил Ингвар.

— Зачем ты помогаешь мне? — спросила я, уже почти войдя в странное подобие двери.

— Ты задаешь неправильные вопросы. — Ингвар лукаво улыбнулся. — Они наталкивают на мысль, что мне не стоит этого делать.

— Уже и спросить нельзя, — буркнула я и шагнула в портал.

Показалось, я попала в паутину: она облепила — лицо, тело, забила ноздри и ушные раковины, и я старалась не дышать. Наклонила голову вперед и пробиралась в лучах слепящего света. Двигаться оказалось трудно, вернее, практически невозможно. Ингвар взял меня за руку и буквально потянул за собой, а я пыталась поспеть. Казалось, чертов свет не закончится никогда — я двигалась на ощупь, полностью доверившись хельину, постоянно напоминая себе, ради чего все это затеяла.

В какой-то момент ориентир потерялся — Ингвар выпустил мою руку, а затем резко толкнул вперед. Противная жижа выпускать не хотела, вцепилась мертвой хваткой, но я инстинктивно подалась вперед, ища выход, вырываясь из болотного тумана.

Задыхаясь, дрожа, вывалилась из липкого света, потеряла равновесие и больно ударилась щекой и коленями о твердую поверхность. Застонала от неожиданного дискомфорта, осторожно села и осмотрелась.

Небольшая комната, минимум удобств — аскетичная кровать, стол в углу, на окне — занавески из газа. Такие же занавески прикрывают дверной проем и колышутся от сквозняка. Пахнет ладаном. Пол то ли глиняный, то ли земляной — неровный, покрытый буграми и ямками. Об него-то я и стукнулась при падении.

Ингвар стоял надо мной и улыбался, протягивая руку.

— Забыл предупредить — в хельзе почти нет удобств, — сказал насмешливо.

— Ничего, — ответила я, вставая и отряхиваясь. — Привыкну. Это твоё жилище?

Он кивнул.

— Моя комната.

— Ты живешь здесь один?

— Иногда я ночую не здесь. У меня есть жена, Инга, она тебе понравится.

Я поморщилась, растирая коленку. По-моему, сильно ушибла — как бы не повредила чашечку. Что ж, через несколько часов будет ясно — если не распухнет, то нестрашно.

— Вы спите в разных спальнях? — удивленно спросила я.

— Если мужчина будет ночевать только с одной из своих женщин, остальные обидятся, — насмешливо ответил хельин.

— Только с одной? А у тебя их много?

— Откуда ты? Словно и не хищная вовсе...

— В смысле? — насторожилась я.

— Ты замужем, Полина?

— Нет.

Ингвар обошел меня сзади, пристально рассматривая, словно я музейный экспонат — редкий и невероятно ценный. Я поежилась. Впервые с того момента, как втянула себя в опасную авантюру, задумалась, а не ошиблась ли. Ведь совсем его не знаю, и без помощи хельина не выбраться из этого мира. Что если Ингвар вовсе не станет помогать искать Влада? И с чего я вообще взяла, что он возьмется помогать?

— Откуда ты взялась такая? О хельинах не слышала. О венчании хотя бы знаешь?

— Да. Влад... то есть, мне говорили, что это навсегда. — Я опустила глаза. — Смешивается кен, все дела.

— А что мужчина может иметь несколько жен, тоже говорили?

— Как это... несколько жен? — опешила я.

Ингвар улыбался, словно ему доставляло удовольствие мое смятение и незнание тонкостей семейной жизни хищных.

Могло ли это быть правдой? Я читала о древних воинах атли, которые женились несколько раз, но списала на первобытные времена. Ведь в современном обществе в России такого не может быть. Или может? Для Влада Лара никогда не была проблемой в этом плане, а ведь она не его жена.

— Отдохни. Завтра возвращается Орм, уверен, он захочет познакомиться с тобой лично, — сказал Ингвар, подходя к двери. — Я не потревожу тебя до вечера.

— Постой! — Я ухватила его за рукав. — Орм — твой правитель, верно? Думаешь, он не будет против, что ты провел живого в хельзу? Разве это не запрещено законом?

Он улыбнулся, и мне стало не по себе. Показалось иллюзорным избавление от паутины портала, так как я вновь ощутила на себе ее липкие сети.

— Орм ждал тебя. — Хельин погладил меня по щеке, и я вздрогнула. — Разве ты не поняла? Наивная маленькая девочка! Я приходил в кевейн за тобой... Лея.

Глава 24. Изгнание Девяти

Глава 24. Изгнание Девяти

Я отпрянула, покачала головой. Ветер ворвался в открытое окно, взметнул занавески, и струящаяся, прохладная ткань коснулась моей руки. Я жутко устала от перехода — глаза буквально слипались, и на миг показалось, что это просто сон. Проснусь утром в собственной спальне и пойму: никакого Ингвара не было, мне привиделись и шрамы, и пыльные ноги, и вязкий портал.

Но лишь на секунду — потом реальность отозвалась бурчанием пустого желудка и зевотой. А следом просигналило сознание. Что говорит этот человек? Он ненормальный?

— Я не Лея.

Но Ингвар даже внимания не обратил — подошел к двери и, выходя, бросил:

— Отдохни. Позже я пришлю Ингу. Она принесет поесть, поможет вымыться и переодеться. В таком виде опасно ходить в хельзе.

В одиночестве комната показалась неприветливой. Давила темными стенами, небольшим пространством без излишеств. Как здесь вообще можно жить? И ночевать-то не хочется, хотя мне сейчас и такая лежанка сойдет — только бы поспать.

Я повернулась к окну и замерла. Вот уж где простор! Огромная пустыня без единого зеленого деревца, без намека на влагу, простиралась насколько хватило взгляда. Желтое царство смерти. Море песка, подернутое мелкой рябью, а над ним небо — ясно-голубое — и белый солнечный диск. Ни облачка, ни движения — только величие и молчаливость, словно вид из окна застыл во времени навеки.

Так вот она какая — хельза. Долина смерти и есть.

Долина смерти, долина сна... Я прилегла всего на минутку, перевести дух, и провалилась в пустоту.

Проснулась резко от зудящего ощущения опасности и сразу не поняла, где нахожусь. Села на кровати и несколько секунд пыталась прийти в себя. На улице стемнело, и кто-то зажег факел на стене. Жуткая полупещера напрягала неимоверно.

Итак, я в хельзе. В летописях немного читала о ней, но на самом деле, кто из живых может судить?

Из хельзы не возвращаются... Почему я думала, что вернусь? Почему доверилась Ингвару? Странно, но тогда у меня даже сомнений не возникло, а сейчас... Нужно спросить его о Владе. Я настолько растерялась, когда хельин назвал меня Леей, но в следующий раз не буду настолько нерасторопной.

Нечего раскисать. У меня масса времени здесь, буду считать его бессрочным отпуском. Непонятно, чего от меня хочет Орм, возможно, просто спутал с какой-то Леей, но все это выяснится при встрече, а пока нужно решить, с чего начать поиски.

Вряд ли Влад сохранил прежнюю внешность в хельзе. Умершие ее не выбирают — просто появляются здесь и все. Такие, как есть. Так что у меня надежда лишь на его кен и воспоминания. Хоть какие-то.

Интересно, на хельинов как-то влияют события в кевейне? Например, проклятие. А мои разговоры с Владом в больнице — слышал он хоть слово?

С улицы слышался лязг мечей и воинственный рык. Да уж, им не до нас — живых.

Здесь вечные войны, посягательства на власть и прочие непотребства. Они, наверное, и спят с мечом в обнимку. Ну, когда устают от многочисленных жен.

В комнате Ингвара царила пустота — ни личных вещей, ни отличительных деталей, на которых мог задержаться взгляд. Словно он хотел скопировать пустыню за окном. Если бы не знала хельина лично, подумала бы, что тут живет монах.

Монахи по несколько раз не женятся точно...

Собравшись с мыслями, вышла за дверь. Вернее, дверью это сложно назвать. Отодвинула занавески — и уже в другой комнате. Просторнее, чем спальня Ингвара, но такая же скудная. Из мебели — лишь квадратный стол и четыре стула вокруг. В углу — табурет, а на нем медный тазик с водой. По стенам развешены факелы. Огонь трепыхался от сквозняка, на стенах танцевали первобытный танец тени, и мне показалось, я вижу пляшущее вокруг костра племя ар, созданное Херсиром в лесах Скандинавии.

— Ты должно быть, Лея?

Я вздрогнула и обернулась. На меня смотрели два раскосых темных глаза на смуглом лице, украшенном копной темных и взъерошенных волос. Волосы кучерявились и торчали во все стороны, и я мысленно спросила себя, а знают ли в хельзе, что такое расческа.

Девушка улыбнулась и поставила на стол две глиняные тарелки.

— Я — Инга. Сейчас будет ужин.

Ужинали вдвоем, Инга улыбалась и поглядывала на меня исподлобья, но разговор начинать не спешила. Я же терялась в вопросах — их было так много, а ответа на главный девушка наверняка не знала. Еда была вкусной и абсолютно обычной — мясо и картошка, как дома. У меня даже голова закружилась от удовольствия — оно и немудрено, я не ела около суток.

После трапезы жена Ингвара собрала тарелки и положила их в тазик на табурете.

— Я подогрела воду, и ты сможешь помыться, — приветливо сказала она.

— Знаешь... мне не очень хочется купаться сейчас. — Я покосилась на распахнутую дверь, ведущую на улицу, и добавила: — Здесь.

— Не бойся. Ингвар никому не даст приблизиться к тебе. Орм приказал охранять Лею.

— Почему вы все называете меня так? — раздраженно спросила я. — Меня зовут Полина. И вообще кажется, Ингвар спутал меня с кем-то... В общем, он ходил в кевейн зря, Инга.

— Ингвару удобно называть тебя так. Орм говорит — его воины повторяют, — улыбнулась Инга. — Лея — так звали первую провидицу западных земель. Она исчезла так же таинственно, как и появилась. Поговаривали, Лея живая, а здесь была... как говорят у вас в кевейне? Проекция, во! Или же кто-то провел ее, как тебя, а затем вывел обратно. Но с тех пор, как Орм завоевал западные земли, он одержим провидицей. А тут ты... Вот они тебя так и называют. Не бери в голову, деточка.

Деточкой меня назвала «женщина» от силы восемнадцати лет. Я не стала возражать, но улыбку сдержать не смогла. Инга, видимо, восприняла улыбку, как согласие на помощь, и принялась стягивать с меня майку.

Я невольно попяtilась от неожиданной наглости и сказала:

— Если ты не против, я сделаю это сама. В спальне.

Инга пожалала плечами, на минуту вышла в соседнюю комнату и вернулась с еще одним медным тазиком, мылом и перекинутым через локоть голубым шифоном.

Это и есть одежда, которую мне придется носить в хельзе? Сама Инга тоже была одета в

нечто воздушное и полупрозрачное. Наверное, мужчины в хельзе любят сразу видеть девушку полуобнаженной.

Стало немного не по себе, когда поняла, что нужно будет надеть такое же. К тому же мне еще не показали комнату, где я буду спать. Больше комнат в доме, к слову, не наблюдалось. Возможно, Ингвар уйдет ночевать к жене...

Инга поставила тазик на полу в спальне хельина, положила рядом мыло, а одежду аккуратно пристроила на кровати. Сама присела рядом, расправив несуществующие складки на бесформенных шароварах. Кто у них модельер — арабский шейх?

Я стояла, переминаясь с ноги на ногу.

— Начинай, Лея, иначе вода остынет, — невозмутимо произнесла Инга. — Ночи у нас стылые — холод с пустыни приносит.

— Я привыкла делать это одна, — пробормотала я и покосилась на дымящуюся воду.

Она пожала плечами.

— Заберу твою одежду и уйду. Она ж вся в грязи, нужно постирать.

С этим я не могла не согласиться — когда вывалилась из портала, изрядно испачкала джинсы и майку.

Преодолевая смущение, быстро разделась, одежду сложила рядом с голубым шифоном. Инга тут же схватила ее и удалилась, вслед я успела лишь пропищать:

— Эй, куда? А белье?

Но она уже скрылась.

Наспех вымывшись, я обняла себя руками и поняла, что полотенца в хельзе тоже не жалуют. Пришлось натягивать одежду прямо на мокрое тело. Шифон оказался совершенно прозрачным, хоть и собирался складками в «нужных» местах. Зато живот, ноги, плечи — все на виду.

Инга возвратилась и довольно улыбнулась.

— Если бы не Орм, перед тобой открылись бы огромные перспективы, Лея, — сказала она. — Необычная внешность всегда пользуется успехом у мужчин.

Я не обратила внимания на ее слова и спросила:

— Если с пустыни тянет холодом, как ты говоришь, окна постоянно открыты, а одеваются вы... скажем так, по-летнему, то как греетесь по ночам? Разве это, — я приподняла тонкое одеяло сомнительного качества, — может согреть?

— Это нет. — Инга улыбнулась. — А вот горячее мужское тело, пахнущее битвой, — всегда.

Я покачала головой. Значит, мне предстоит замерзнуть сегодня. Перспектива не из приятных, но это все, чтобы найти Влада. Никто не говорил, что будет легко. При этом нужно узнать, что от меня нужно Ингвару и Орму, постараться не погибнуть, а затем найти выход из хельзы. Всего-то делов.

— Зачем я здесь?

Инга лишь пожала плечами.

— Почему мне знать? Я в дела правителей не лезу. У меня одно дело — порядок поддерживать, да мужа ублажать. Ингвар до этого дела падкий.

Она подмигнула, а я скептически поморщилась. Ну, хоть подробностями не делится, и то хорошо. Станные нравы, хотя для хельинов, наверное, это нормально.

— Хорошо. — Я вздохнула. — Тогда мне нужно поговорить с Ингваром. Где он? Я к нему пойду и все выясню.

Инга покачала головой.

— Лучше тебе умерить спесь, деточка. Не знаю, как в кевейне теперь принято, но у нас женщина не смеет перечить мужчине. Ингвар сам придет и расскажет, если посчитает нужным.

С этими словами она забрала воду, мыло и была такова. У меня внутри разгорелась паника — сначала медленно, зудящим фоновым звуком, а через время я уже готова была плакать от отчаяния. Куда я попала? Чего хочет от меня этот Орм? Откуда он вообще знает обо мне?

И главный вопрос: как во всей этой каше, среди незнакомых лиц в огромной стране, окруженной пустыней, найти Влада? Особенно если учесть, что внешность у него может быть уже не та, а специфика кена... Может, он и вовсе не в хельзе.

Свободный шифон вместо облегчения принес тяжесть — словно на мне была надета десятикилограммовая кольчуга. К этому примешивалось ощущение незащитности — белье Инга наверняка постирала, а без него было неуютно.

Я мерила шагами пространство комнатухи, иногда выглядывая в окно, словно на горизонте песчаных дюн должен показаться Влад на белом коне и спасти меня из беды. Впрочем, горизонт утонул в черной, почти беспросветной мгле — в хельзе не наблюдалось ни звезд, ни луны. А вот холод собачий, да. Удивительно, ведь днем было на удивление жарко. Это всегда так в пустыне или только в хельзе?

Чего я ждала? Наверное, я просто сумасбродка, раз поступила так опрометчиво. Странно, но в тот момент, когда Ингвар открывал портал, у меня не возникло и тени сомнения. А теперь... Да что уж теперь переживать? Надо просто ждать, что принесет вечер.

Хельин вернулся поздно. Опустил меч в углу, снял кожаный жилет, обнажая исполосованный следами сражений массивный торс. На меня едва взглянул, разулся и рухнул на кровать.

Я несколько минут постояла в нерешительности, а затем тихонько позвала:

— Ингвар.

— Ммм? — сонно промычал воин.

— Ты спишь?

— Я устал за день, нужно отдохнуть. Завтра возвращается Орм.

— Знаю, ты говорил. Зачем я нужна твоему правителю? И вообще, если ты помнишь, я здесь не для этого. Мне нужно найти Влада.

Ингвар открыл глаза, посмотрел пристально.

— Я предупреждал, что ты скорее всего не найдешь его здесь. И не обещал помогать, Лея.

— Не обещал, — согласилась я. — Но и я не обещала. Твоему правителю что-то нужно от меня, и я пойду навстречу, если он поможет. Иначе я просто уйду помогать себе сама, а Орм пусть ищет другую Лею.

Ингвар вздохнул и медленно сел на кровати.

— Ты безрассудная, если думаешь, что сможешь выжить в хельзе одна. — Он помолчал немного, оглядывая меня. — Закончишь в ближайшей таверне, и, поверь, это не будет приятным для тебя.

Слова о таверне неприятно кольнули, но я постаралась сохранить невозмутимый вид. Прогнись сейчас — никогда не найду Влада.

— Ты говоришь о безрассудстве той, которая, не раздумывая, пошла с тобой в хельзу! —

Я подошла к нему и сложила руки на груди. Я здесь для дела, и оно никак не связано с Ормом, Ингвар.

— Я — лишь проводник, Лея, — устало произнес хельин.

— Но ты знаешь, зачем я здесь. Орму нужна пророчица, верно?

Ингвар кивнул.

— Но я не могу пророчить ему. Мои видения связаны с атли, других не бывает. Разве Орм не понимает этого?

— Завтра, — сказал Ингвар, — ты спросишь его самого. А сегодня давай спать, Лея. Я устал.

— И где прикажешь мне спать? Твоя жена не предложила мне комнату.

Он похлопал ладонью рядом с собой.

— Предлагаешь спать с тобой на одной кровати? — Я покачала головой. — Так не пойдет. Думаю, лучше тебе пойти к Инге.

Ингвар пожал плечами.

— Тогда можешь стоять в углу, пока не окоченеешь. — Он отвернул одеяло и лег. — И Лея, у тебя ужасный характер! С ним точно в хельзе не выжить.

Ингвар уснул почти сразу, а я еще долго стояла у окна и смотрела на пустыню. Вернее, на ту часть, что не тонула в беспросветном мраке. Хотелось верить, что я тоже не утону, не погибну в сложном мире умерших хищных, что Орм просто ошибся, что он...

Пророчица! Правитель западных земель послал за мной в кевейн, он искал меня. Возможно, Влад не помнит имени, внешность, но суть — ведь именно в сути проклятие, верно?

Догадка была слишком очевидной, слишком логичной, чтобы оказаться правдой. Но если отбросить сомнения, что у меня остается? Мужчина, потерянный в хельзе и проклятие, неизменно соединяющее нас. А вдруг тот, кого я ищу, ищет меня сам?

В душе проснулась радость — еще неосознанная, но уже сформировавшаяся. Я улыбнулась и поежилась. Пустыня и правда дышала холодом.

Посмотрела на спящего Ингвара, поколебалась пару минут и шагнула к кровати. Лицо хельина было расслабленным, и в свете факела шрамы не выглядели такими ужасающими, а черты — не столь воинственными.

Осторожно, стараясь не разбудить мужчину, улеглась рядом. Нужно выспаться, чтобы встретить завтрашний день бодрой и сильной.

От хельина пахло солнцем и вином, рядом с ним было тепло и уютно. Сон, как назло, не шел, я лежала и думала о завтрашнем дне, слушая мирное дыхание Ингвара. Догадка принесла радость, волнения больше не было, тепло разлилось по телу, расслабляя и успокаивая.

Я уснула под размеренное дыхание воина западных земель...

...Утро оказалось жарким, даже душным.

Я открыла глаза и поняла, что одна. Ингвар ушел, забрав меч, и комната снова опустела. Ну, если не считать меня.

Встала, потянулась. Признаться, спать в шифоне — удовольствие то еще. В одном месте он собирается, в другом — пережимает. А еще, как я поняла, жутко мнется.

Впрочем, неважно. Я улыбнулась.

Сегодня.

Инга хлопотала в другой комнате, напевая незамысловатую песенку. За окном спала

пустыня, воздух дрожал и плавился, а небо оставалось безмятежно-голубым.

Вообще-то неплохо бы умыться и зубы почистить. Нужно было захватить зубную щетку, но я как-то не подумала, что попаду в почти первобытный мир.

Я вышла из спальни и натолкнулась на ореховый взгляд Ингвара. Он завтракал за столом, а Инга суетилась вокруг, окружая мужа заботой. Несмотря на их странные порядки, всегда умилительно смотреть на семейный уют.

Даже если отбросить то, что по каким-то невыясненным причинам, эту ночь я спала в обнимку с ее мужем.

Нет, нужно срочно искать Влада и уходить домой, в кевейн, где все знакомо и комфортно.

— Доброе утро, — смущенно пробормотала я.

— Лея, — поздоровался Ингвар, а Инга хмуро кивнула и отвернулась.

Обиделась, что ли? Я бы тоже обиделась, конечно, но ведь не я придумала ночевать в комнате Ингвара. Думаю, он просто боялся, что в доме, где двери и окна открыты, такую ценность, как я, могут похитить. А может, Инга боится, что я стану его второй женой?

Эта мысль позабавила. Впрочем, не стоит заморачиваться отношениями хельинов — сами разберутся.

— Мне бы умыться, — сказала я.

Инга молча вышла, наверное, за водой. Да уж, водопровод не ценишь, когда он есть. Как, впрочем, и все удобства.

— Как спалось? — Ингвар лукаво посмотрел, едва сдерживая улыбку. — Не замерзла?

— Выспалась.

Я почему-то смутилась. Спать с малознакомыми мужчинами, пусть все и было невинно, не входило в список моих привычных дел.

Инга принесла воду, и поманила за собой на улицу. Пустыня маячила простором, Ингвар жил, как я поняла, на краю селения. Сам город представлял собой множество небольших построек, а вдаль, примерно за несколько километров возвышался замок — наверное, именно туда Ингвар собирался вести меня. Позади зеленой стеной стоял лес. Странное сочетание: пустыня и лес. Странное для нашего мира, но не для хельзы.

Солнце палило нещадно, я с удовольствием умылась прохладной водой, прополоскала рот.

— Вот, держи. — Девушка протянула корень какого-то растения, коричневый, слегка покореженный. — Это избавит от запахов.

Я недоуменно посмотрела на нее, а затем до меня дошло.

— Это вместо зубной пасты? Для ротовой полости?

Она кивнула.

— Спасибо.

— Я люблю Ингвара, — сказала она мрачно. — И надеюсь, что он больше не женится.

— Мне не нужен Ингвар, — уверила я. — Я пришла в хельзу искать другого мужчину, и кажется, уже нашла.

Не знаю, удалось ли мне успокоить ее, но я на это искренне надеялась. Не хотелось бы, чтобы они поссорились из-за меня.

Корень оказался терпким на вкус, но пожевав его, я действительно почувствовала свежесть во рту. Как жвачка, только растительного происхождения.

День прошел относительно спокойно. Я смотрела, как Ингвар тренируется —

поднимает и опускает меч, поражает им воображаемого противника. Инга хлопотала по хозяйству, бросая на меня подозрительные взгляды. А мне было на удивление уютно у них. Мысли о предстоящей встрече с правителем волновали фоном, словно это должно произойти нескоро, в далеком будущем. Внутренний таймер обманул — ближе к вечеру ко мне подошел хельин, заправляя в ножны меч.

— Нам нужно идти.

Странное предчувствие накрыло, и я рассеянно кивнула. Если я права, и Орм — это Влад... Нужно просто убедить его вернуться, сказать, что без него атли уже не то племя, что раньше. Впрочем, если он сам послал за мной, значит, помнит.

— С кем вы воюете? — спросила по пути у Ингвара. Действительно стало интересно, что и с кем не поделил Орм. Территории? Людей?

— Его зовут Вестар, и он мятежник. Когда-то он служил Орму, но потом он и его приспешники подняли бунт против правителя. Долго рассказывать, но уже много лет идет война.

— И часто происходят битвы?

Ингвар пожал плечами.

— Когда как. Но я люблю хорошую битву.

До дворца мы дошли на удивление быстро. Он не был огражден, но по периметру стояла охрана. Воины кивали моему спутнику, когда мы проходили мимо, выражая тем самым уважение.

У входа пристроились две массивные колонны, а за ними — лестница. Поднявшись, мы вошли в большой зал, заполненный людьми — мужчины, женщины, даже дети что-то бурно обсуждали. Шум голосов был похож на звук пчелиного улья — ничего не разобрать, но гул такой, что невольно хочется сбежать. В центре народ стоял плотным кольцом — именно туда и устремился Ингвар, увлекая меня за собой.

Сердце гулко билось в груди, в горле пересохло от волнения. Сейчас увижу его, и если я права...

Голоса стихли, толпа расступилась, являя того, кто был центром всего здесь. Ингвар слегка поклонился, но Орм даже не взглянул на него — темно-карие, почти черные глаза смотрели на меня. Правитель западных земель улыбнулся и сказал:

— Рад видеть тебя, Лея.

Я не знала, как реагировать на душевное приветствие, поэтому смущенно улыбнулась и нашла руку Ингвара. Хельин, видимо, удивился и покосился на меня подозрительно. Находясь далеко от дома, хотелось кому-то верить.

— Я привел ее, — сказал Ингвар, обращаясь к Орму, но ладонь, к моей радости, не отнял.

Орм вскинул руку, и люди начали тянуться к выходу, а я внутренне сжалась под пронизывающим взглядом правителя.

Вообще я не таким представляла Влада в хельзе, и если это он, внешность выбрал так себе — низкого роста, полноват, смуглый до безобразия, да еще и бородатый. Жуткий. Впрочем, я бы не удивилась.

Он еще раз улыбнулся, приблизился к нам, и Ингвар выпустил мою руку. Стало одиноко и страшно. Я все пыталась почувствовать что-то — намек на эйфорию, рожденную пророчеством, близость, узнавание.

Тщетно.

— Оставь нас! — велел Орм, Ингвар поклонился и покинул зал.

— Ты знаешь, зачем ты в хельзе, Лея? — вкрадчиво спросил правитель.

Я покачала головой.

— Чтобы пророчить? Знаете, вождь атли говорил, что у меня не может быть видений о других... племенах. То есть только будущее атли мне доступно, и то не всегда, — осторожно сказала я.

Орм расхохотался. Вроде и добродушно, но у меня внутренности словно в комок свело, а волосы на затылке зашевелились от ужаса.

— Откуда ты такая? Неужели в кевейне больше не обучают хищных? Неужели летописи, что ведут жрецы, никто не читает?

— Летописи? — пролепетала я.

— Есть великая сила, Лея, подвластная нам. Сила девяти, что берут наш кен, — пафосно произнес Орм. Плохое предчувствие усилилось внезапной догадкой.

— Нали... — прошептала я.

— Нали, — подтвердил правитель западных земель. — Когда прогонишь девятерых, станешь всемогущим, обретешь такое могущество, что все хищные склонят перед тобой головы.

Так вот какие цели преследовал Влад. Что ж, амбициозно, ничего не скажешь. Мало ему атли, подавай весь мир хищных.

Впрочем, сейчас это совсем неважно — нужно выяснить, что нужно от меня хельину. Насколько я знаю, женщина вообще к нали не имеет отношения.

— При чем тут я?

— Идем.

Орм провел меня к другим дверям, и мы вышли в необычайно красивый сад. Закатное солнце облило бронзой пальмы, разбрызгав часть на папоротники и невысокие скамейки. Вымощенная камнем аллея вилась между затененными беседками, увитыми плющом. Сад заканчивался резко — лесом. Деревья шумели, покачиваясь от ветра.

Если бы не странная компания, я, наверное, залюбовалась бы.

— Видишь ли, Лея, провидицы появляются в хельзе нечасто, — важно начал Орм, фамильярно взяв меня под руку, словно мы сто лет знакомы. Я перечить не стала. Все же находилась в его доме, к тому же в качестве пленницы, и почему-то была уверена, что не к добру все эти заискивания. — Сложилось так, что естественная, то есть человеческая смерть среди пророков — редкость. Ты же знаешь, что убитые охотником хищные не попадают в хельзу?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Теперь знаю, — процедила я.

Орм пугал до чертиков. Спокойный, уравновешенный и справедливый, на первый взгляд, правитель, был не так прост, как хотел казаться.

— Но наверняка не в курсе, что именно пророчица завершает ритуал.

— Ритуал?

— Изгнание Девяти, — заговорщически произнес Орм и погладил меня по руке. — Немногие знают, что девятый нали живет в жиле хищного ровно три дня, а затем умирает. Если за три дня не успеешь изгнать его и провести ритуал, то все напрасно.

— Все равно не пойму... — нахмурилась я.

Орм загадочно улыбнулся и шепнул на ухо:

— Для ритуала нужна кровь пророка. — Помолчал немного и добавил: — Вся.

До меня не сразу дошло, а потом мысли оплавилась, и стекли воском по черепной коробке.

А затем оформились в неутешительный вывод: Орм — не Влад. Я здесь вовсе не из-за проклятия. Я здесь, чтобы... умереть.

Отпрянула от хельина, оступилась и упала, больно ударившись спиной о камень. Орм спокойно приблизился и подал мне руку.

— Бежать некуда, Лея. С востока леса, а с запада — Великая пустыня. Ты не пересечешь ее сама. К тому же дворец охраняют.

Я инстинктивно отползла, но он наклонился и бесцеремонно поднял меня на ноги. Пристально всмотрелся в лицо, а я замерла, не понимая, чего ожидать от него в следующую секунду. Что он сделает, если начну бунтовать? Ударит? Запрет в темницу? Подвергнет пыткам?

— У тебя удивительный кен, и мне искренне жаль, что придется убить тебя. — Орм провел по моим волосам, и я дернулась, стараясь увернуться. — Уверен, ощущать его в себе — ни с чем не сравнимое удовольствие. Хотя я не прочь попробовать и без этого.

Мне не понравились его слова. О чем говорит этот мужчина? Он хочет убить меня ради силы, взять мою кровь? Или что-то еще?

Плохая мысль, Полина, очень плохая.

— Если ты думаешь, что я соглашусь... — Указательный палец правителя лег мне на губы.

— Мне совершенно не нужно твое согласие, Лея. Ни на тело, ни на ритуал.

Орм сделал жест рукой, и через полминуты появился Ингвар. Я уже проклинала тот день, когда мы пустили хельина в дом. И кто придумал эти глупые законы?!

— Проводи Лею в мои покои, — велел Орм. И снова этот взгляд — жуткий до мурашек. — Присмотри за ней, пока я не вернусь.

Ингвар кивнул, взял меня под локоть и повел в сторону замка. Я так испугалась, что не могла сдерживать слезы. Посмотрела на хельина с мольбой.

— Ингвар, он убьет меня, — произнесла шепотом. — Помоги!

— Ты понимаешь, о чем просишь? — даже не взглянув на меня, резко ответил хельин. — Я ходил за тобой в кевейн, я служу Орму. Воин западных земель не предает за красивые глаза, Полина.

Я не стала уговаривать — поняла, что бесполезно. Странно, но в душе шевельнулось тепло, ничем не обоснованное, но ощутимое. Ингвар назвал меня Полиной. Я уже ненавидела имя Лея!

Нужно подумать, как выбраться отсюда. Хотя возможность сбежать виделась чем-то мифическим и невыполнимым. В отличие от дома Ингвара, дворец тщательно охранялся, но даже если удастся бежать, я совершенно не знаю, как выжить в хельзе самостоятельно. Западные земли — с одной стороны пустыня, а с другой труднопроходимый лес, наверняка полный хищников и опасностей. Я просто погибну.

Впрочем, я и так умру — Орм возьмет мою кровь — так что лучше умереть в пустыне, чем доставить ублюдку удовольствие попользоваться собой.

Ингвар завел меня в покои правителя. Шикарные до тошноты. Повсюду пестрые ковры, подушки на полу, огромная кровать у стены. Покои шейха. Наверняка у Орма несколько жен.

И тут я поняла, что ненавижу хельзу.

Вернуться бы домой, обнять Глеба, рассказать, какая я идиотка. А ведь он и не кинулся еще искать меня, спит себе, наверное, или бродит где-то.

— Ты не должна бояться, Лея, — тихо — слишком тихо, словно жалея — сказал Ингвар.

— Ты разве не боишься смерти?

Он улыбнулся.

— Я уже умер однажды.

— Ты помнишь ту жизнь? Кем ты был? Помнишь близких?

— Нет. — Он покачал головой и внезапно стал задумчивым. Мне показалось, хельин лукавил — где-то в глубине ореховых глаз мелькнула тоска. Мелькнула и исчезла. — Так, обрывки.

— А нали? Ты впускал их?

— Я изгнал шестерых.

— Так ты ждешь свою Лею...

Я вытерла слезы — в хельзе нет от них проку. От них вообще мало проку — вода. Не то, что кровь — эта субстанция открывает гораздо более широкие перспективы. А моя кровь возвеличивает.

— Уходи, — прошептала и отвернулась к окну.

Ингвар постоял еще немного и покинул комнату.

В отличие от дома воина, во дворце наличествовали двери — крепкие, дубовые, но, к счастью, открытые. Я мерила шагами комнату, напуганная, полностью лишённая воли. Уже совсем стемнело, и я боялась, что вот-вот придет Орм. Вспомнила его слова в саду, и меня передернуло. Не знаю, сколько времени придется провести в ожидании казни, но прожить его, ублажая бездушного хельина, не хотелось совершенно.

Бежать! Нужно срочно выбираться из золотой клетки. Лучше в лес, там хоть есть шанс не погибнуть от жажды.

Осторожно я приоткрыла дверь, выглянула и тут же наткнулась на подозрительный взгляд молодого охранника. Ингвар неподалеку беседовал с темноволосой служанкой. Покосился на нас подозрительно, но подходить не стал.

— Мне нужен Орм, — сказала я, стараясь напустить на себя важный вид. — И срочно.

— У рабыни нет права отдавать приказы, — безразлично ответил охранник и отвернулся.

— Ты, наверное, не понял, с кем говоришь, юноша, — продолжила я, сама не ожидая, что ложь придумается быстро и будет звучать настолько убедительно. Тот, кого я назвала юношей, был старше меня лет на пять и выше на две головы, но внимание я все же привлекла — воин выглядел обескуражено. — Я — Лея, провидица. Я вижу будущее, и если ты сейчас же не сообщишь Орму, ваш правитель умрет от вражеского меча. Мне было видение только что.

Охранник сомневался. Я видела, как его карие глаза забегали, губы свелись в одну линию.

— Вестар приведет войско сегодня ночью, — добавила я, чем окончательно добила парня.

Он кивнул и кинулся вниз по лестнице, совершенно забыв, что меня нужно охранять. На секунду стало его жаль, но лишь на секунду.

Ингвар отпустил девушку, приблизился.

— У меня было видение, — сказала я, и голос дрогнул. Черт бы побрал эту панику!

Никогда не умела врать убедительно.

— Ты лжешь, Полина.

Ни намека на сострадание на исполосованном шрамами лице, ни капли веры.

— Не лгу.

В конце коридора замаячил еще один воин. Я поняла, что пропала. Некуда бежать, шаткий план рассыпался, разлетелся, как сухая листва на ветру.

— Я хочу жить...

Глаза так близко — ореховые с желтыми вкраплениями вокруг зрачка — необычно яркие в свете факелов на стене.

Ингвар умен, он не тот мальчишка, которого мне удалось провести. А фальшь в голосе не так трудно различить.

— Ингвар! — выкрикнул воин, подбежал к нам, шепнул что-то хельину на ухо.

Тот кивнул, посмотрел на меня подозрительно, а затем открыл дверь и втолкнул меня в комнату Орма.

— Сиди здесь, — велел грозно. Посмотрел странно, а затем наклонился и прошептал в ухо: — Слушай внимательно, Полина. Я не знаю, как ты это сделала... Впрочем, неважно. Вестар привел войско, битва будет кровавой, и тебе здесь оставаться небезопасно. Ровно через две минуты после моего ухода ты выйдешь и побежишь. Быстро. Со всех ног, поняла?

Я ошарашено кивнула, и он продолжил:

— В конце коридора есть лестница, спустишься вниз — там сразу выход. К нему ходить нельзя. Прошмыгнешь, как мышка вправо, в главный зал. Пройдешь его, пересечешь кухню, а оттуда — на задний двор. Беги в лес, там хотя бы есть шанс выжить. В пустыне погибнешь — замерзнешь ночью или умрешь в муках от укуса скорпиона.

— Ингвар... — прошептала я, и голос сорвался.

Он сжал мое плечо, а затем выпустил и произнес:

— Прощай, Лея.

Хельин скрылся за дверью, и в душе поселилось беспокойство. Неожиданная помощь человека, который, по сути, привел меня на смерть насторожила, но я не стала заморачиваться. Сначала бежать, потом — думать. На задворках сознания шевельнулся страх за него.

Глупости! У Ингвара есть меч, и он умеет им пользоваться.

Я считала секунды, стараясь не пропустить ни одной. На счет сто двадцать открыла дверь и ринулась вперед. Преодолела расстояние до лестницы, затем вниз, мимо входа, в огромный зал.

Большое помещение встретило гулким эхом шагов. Я не оглядывалась. Казалось, превратилась в стрелу, выпущенную и лука. Единственное, что имело значение — цель. Преодолела кухню, выбежала на улицу.

С западной стороны тянуло прохладой, но адреналин в крови зашкаливал, и я не чувствовала холода. На заднем дворе царил хаос — все куда-то бежали, хватали вещи, женщины визжали, некоторые из них падали на колени и плакали.

Я, не раздумывая, рванула через сад в сторону леса. Примерно помнила направление. Если меня схватят — мало не покажется. Причем неважно, будут ли это люди Орма или Вестара.

Сад кончился небольшим пролеском, а через сотню метров лес стал гуще, и в зарослях можно было спрятаться. Я присела у высокого дерева и закрыла лицо руками.

Что теперь будет? Куда идти? Где искать пристанище и как вернуться домой? Смогу ли вообще вернуться?

— Черт бы тебя побрал, Влад Вермунд! — зло прошептала я и встала.

Нужно идти. Глубоко в лес заходить не стоит, мало ли кто обитает в темной чаще, но подальше от города отойти необходимо. Отойти и подумать. Когда Орм отобьет атаку врага, заметит, что я сбежала и пустится на поиски. Нужно спрятаться, но где? Где можно укрыться в хельзе?

К утру я полностью выбилась из сил. Шла, с трудом волоча ноги, умирая от жажды. Несмотря на то, что пустыня была далеко позади, а справа по курсу начались широкие бескрайние степи, ночь все же оказалась холодной, и я продрогла до костей.

Через лес пробираться стало трудно, я осмелела и вышла ближе к полю. Оно оказалось ароматным, цветущим и абсолютно пустынным. Ни намека на поселение, дорогу или другие доказательства присутствия людей.

К середине дня силы покинули окончательно, и я устало рухнула в траву. Ужасно хотелось пить — от жары губы потрескались и кровоточили. Перед глазами плыли багровые круги.

«Если не найду воду — умру», — пронеслось в голове. Мысли текли вяло, и когда я увидела вдали нескольких всадников, не сразу поверила. Какие всадники в поле без дорог? Я смотрела, как точки приближаются, едва удерживаясь в сознании, а потом поняла...

Вскочила на ноги, вгляделась вдаль. Нет, не мираж. Люди на лошадях. Погоня!

Я побежала, что есть сил, а в голове крутилась одна только мысль: «Скрыться в лесу!».

Спрятаться не удалось. Уже почти достигнув цели, я зацепилась ногой за корягу и рухнула в траву. Боль отозвалась во всем теле сразу — казалось, на нем не осталось места, не покрытого синяками. Я застонала, а через минуту сильные руки приподняли меня и перевернули.

Перед глазами стояла пелена от жажды и голода, но я все же смогла рассмотреть мужское лицо. Светлые волосы, зеленые глаза... Это просто сон, иллюзия. Я протянула руку, чтобы погладить его по щеке, но тело отказывалось слушаться, и рука безвольно повисла вдоль туловища.

— Влад... — прошептала я и отключилась.

Глава 25. Дочки-матери

Глава 25. Дочки-матери

Темнота не дает разглядеть лицо, но я знаю, что он хочет сделать. Вижу отблеск свечи на металлической поверхности ритуального ножа. Неподдельный ужас — осознание беззащитности и близости смерти — растекается по телу предательской слабостью.

Он подходит ближе. Человек без лица — словно в фильме из детства. Холодный, беспощадный. Ему нужно одно — моя кровь. Эликсир всемогущества...

Прикосновение сильных пальцев, секундная боль. Я терплю, потому что хочу узнать. Понять, что из всего этого правда.

Запястья покрываются красным и липким. Мне уже не больно — внутри проснулось безразличие. Раз нельзя избежать, нужно смириться.

Смириться... Почему я не понимала этого раньше? Так легче, правильней...

Кровь медленно вытекает, а голова заполняется спокойствием. Умиротворением. Мне уже все равно, у кого в руках нож...

— Чушь! — Рассерженный голос прорывает пелену, и я вздрагиваю. Глеб злится, трясет за плечи. Откуда он здесь? — Думаешь, я сделал это напрасно?

Я проснулась и тут же поморщилась — тело болело, словно я участвовала в боксерском поединке, и меня отправили прямиком в нокаут. Горло горело огнем, растрескавшиеся губы саднили, а голова свинцовым шаром прилипла к подушке. Издалека услышала собственный стон.

— Тише, — раздался откуда-то справа ласковый женский голос. — Выпей.

Мне подсунули кружку с водой, и я сделала несколько жадных глотков.

Бог мой, какой экстаз! Всегда, всегда буду ценить воду! А еще цивилизацию. Вернусь домой и поцелую стены в ванной, обниму мягкую и уютную кровать, буду час примерять джинсы.

Если вернусь.

— Как ты себя чувствуешь? — В поле зрения появилась русоволосая женщина лет тридцати. — Говорить можешь?

Я приподнялась на локтях, осмотрелась. Светлая комната, застекленное окно, прикрытое кремовой занавеской, в которое ярко светило солнце. У окна — стол, на нем оплывшая восковая свеча в массивном бронзовом подсвечнике. Ощущение уюта усилилось тем, что комната была очень похожа на привычные жилища в кевейне.

Так хочется домой!

События прошедшего дня постепенно всплывали в памяти: вот я бегу по лесу, сворачиваю к полям, падаю без сил. Всадники вдали, я снова мчусь, падаю. А потом вижу Влада...

— Где я? — спросила сиплым голосом, настороженно глядя на незнакомку.

— В гостях. — Она присела рядом, погладила по руке. — Тебе никто не причинит вреда, Лея.

Ненавистное имя резануло слух, и я невольно вздрогнула, но женщина улыбнулась и слегка сжала мою ладонь. Глаза добро сощурились, словно она жалела меня.

— Знаю. Ритуал изгнания Девяти, — сказала мягко. — Орм для этого заманил тебя е

хельзу?

Я осторожно кивнула.

— Он охотился за мной тридцать лет, — серьезно произнесла она. — Ничего не бойся.

Здесь тебе не причинят вреда.

— Вы — пророчица?

— Была ею при жизни. Меня зовут Уна.

Она встала, поправила мне одеяло, погладила по волосам. От неожиданной заботы в груди разлилось тепло, и я почувствовала, как слезинка скатилась на подушку.

Наверное, я просто не ждала заботы в хельзе. Чужой мир оказался жестоким, резким, проникающим. Угнетало все: непривычная среда обитания, порядки, новость о том, зачем заманили сюда... Это слишком для меня.

Даже тот, кому доверяла здесь, лгал постоянно. С самого первого дня. Как знать, зачем Ингвар отпустил меня, какие цели преследовал. Никому нельзя верить, даже ласковой женщине. Помни это, Полина. Никому, кроме Влада. Впрочем, ему тоже.

— Отдохни, я приготовлю поесть.

Уна уже собралась уйти, но я схватила ее за руку.

— Человек, который нашел меня... — Запнулась.

Я ведь и не помню ничего, по сути. В бреду могло показаться все, что угодно, а Влада я подсознательно ждала увидеть. Прежний облик здесь почти никто не сохраняет. А может, Влад помнит, как выглядел в кевейне? Может, он помнит меня?

— Кому он служит?

Женщина улыбнулась.

— Никому. Очень давно Вестар избавился от господства Орма и освободил восток.

Уна осторожно высвободилась и вышла, а я уставилась в потолок.

Вестар. Ну, конечно же — тот мятежник!

Нужно попытаться привести знания об этом мире к общему знаменателю.

Итак, Ингвара послал за мной Орм, заведомо зная, что я — пророчица. Или он не знал? Отправить воина в кевейн в случайное племя — это ткнуть пальцем в небо, ведь, если верить летописям Филиппа, пророчицы есть не в каждом племени хищных, и это скорее редкость, чем закономерность.

То есть Орм знал об атли. А знать он мог, только если...

Так, стоп! Неизвестно, сколько длится война между востоком и западом в хельзе. Влад не с нами уже полгода, значит, здесь прошло достаточно времени. Может ли Вестар быть Владом или это невероятное совпадение? В совпадения я не верила давно.

Если допустить, что Вестар это Влад, и Орм каким-то образом прознал про атли...

Клубок какой-то нелогичный. И месть в виде принесения в жертву бывшей пророчицы врага — слишком банальна. В очаровательном саду дворца Орм показался мне расчетливым, а не импульсивным.

И если Вестар не Влад, зачем спас меня? Ведь Уна знает, что я — пророчица. А вдруг в его владениях тоже есть тот, кому нужно мифическое всемогущество? Что если он сам?

Да, только Уна жива!

Ясно одно: мне нужно увидеть Вестара, поговорить с ним, а потом уже решать, что делать.

Я осторожно встала, поморщилась от боли, осмотрела себя на предмет повреждений. Синяки, усталость, но ничего критичного. Только одежда, что дала Инга, испорчена

безвозвратно — кое-где разорвана в клочья, а где-то измазана пылью. А моя, привычная, осталась в доме Ингвара.

Нужно выбирать из хельзы — слишком экстремальные приключения для обычной хищной.

Я потянула на себя створку окна, и она поддалась.

Передо мной зеленым океаном разлилась долина. Удивительного оттенка трава покрывала холмы, невдалеке отблескивало широкое озеро, окруженное раскидистыми ивами. Небольшие постройки слева напоминали дома в районе моего детства — черепичные крыши, маленькие верандочки, огородики и цветники. В одном из них занималась прополкой женщина в голубом платке. Разогнув усталую спину, она потерла поясницу и посмотрела вдаль, прислонив ладонь ко лбу.

Так вот ты какая, хельза! Не только пустыня, сумрачный лес и бескрайние степи.

Долина заворожилась, и я поймала себя на том, что улыбаюсь, глядя на живописную картину.

— Здесь красиво. — Уна поставила на стол дымящуюся миску, и мясной запах заполнил комнату, вызывая обильное слюноотделение.

— Да, — согласилась я.

Все, чего хотелось сейчас — поесть и снова уснуть. Набраться сил для возвращения. Если отпустят.

Эта мысль не показалась радужной. Кто знает, что нужно от меня восточному правителю, если он, конечно, не Влад. Определенно необходимо поговорить с Вестаром и расставить, наконец, все точки над «і».

— Я принесла воду, чтобы ты смогла помыться, и одежду, — сказала Уна. — Твой наряд испорчен.

— Я — пленница?

Решила прощупать почву. Возможно, Уна, как и Инга, всего лишь прислужница, но вдруг она знает что-то. Намекала же, что мне ничего не грозит.

— Что ты?! — она всплеснула руками. — Ты живая, и Вестар в растерянности, что с тобой делать.

— Ты его жена?

Почему-то сразу возникла эта мысль. Ревностно кольнула и подкинула воспоминания о последнем разговоре с Владом. Он предлагал мне венчание. Обидно будет, если в хельзе он нашел себе другую.

Черт, о чем ты вообще думаешь, Полина?

Уна кивнула и почему-то опустила глаза. Стыдится? Или это такие нравы у хельинок странные? Впрочем, выяснять не особо хотелось. Я надеялась, что выберусь и больше никогда не попаду в хельзу.

— Мне нужно поговорить с Вестаром, — сказала твердо. — Устала от неопределенности.

Уна улыбнулась.

— Вымойся и поешь. Он ждет тебя в саду.

Какой там поешь — после ее слов аппетит пропал напрочь. Я разделась и быстро искупалась, с удовольствием обнаруживая, что чувствую себя гораздо лучше. Наряд Уны оказался шелковым, но почти целомудренным, чему я несказанно обрадовалась — все же в полупрозрачном чувствуешь себя совсем беззащитной.

Я заставила себя съесть все, что лежало на тарелке — котлету из рубленого мяса, нечто напоминающее горох, только серого цвета и зелень. Горох на вкус ничем не отличался от своего сородича в кеveyне, а листья салата пикантно горчи́ли. Удивительно, какие чудеса творят с человеком ванна, чистая одежда и вкусная пища — через полчаса я была полна энергии и энтузиазма.

Вестар стоял спиной к входу, скрепив руки в замок за спиной, и смотрел вдаль. Одетый совсем по-человечески, приняв знакомую позу, вызвал болезненные воспоминания. Не об атли, нет. О том времени, когда я была еще совсем девчонкой и мчалась на свидание.

Лазурная гладь озера, словно зеркало, отражало облака, плавно плывущие по небу. Ивы замерли в поклоне, словно молились невидимому божеству, и даже ветер не смел пошевелить ни листочка. В воздухе разлилось удивительное спокойствие, умиротворение.

То ли по воле случая, то ли услышав шаги, правитель востока повернулся ко мне. Невероятная схожесть — это не может быть совпадением. Я в них просто не верила, особенно после произошедшего.

— Лея, — поздоровался он и склонил голову набок.

— Ты... вы Вестар, верно?

Я растерялась. Не знала, как обращаться к нему, как задать тот самый вопрос. Стоит ли его задавать сейчас или дождаться пока он сам скажет?

— Верно, — подтвердил он. — Давай прогуляемся.

Не дожидаясь меня, Вестар пошел по направлению к воде, а я последовала за ним.

Вблизи озеро оказалось невероятно прозрачным — казалось, я могу сосчитать песчинки на дне. Ярко красные водоросли плавно качались из стороны в сторону, а между ними шныряли юркие серебристые рыбки.

— Восток мне нравится больше, — вырвалось у меня.

Вестар улыбнулся и ответил:

— Хельза непредсказуема для живых. Сложно провести сюда хищного, тем более, против воли.

Я опустила глаза. Время открывать карты, хотя вряд ли я умела хорошо блефовать. Да и в людях разбиралась плохо. Но говорят, осознание проблемы — начало ее решения.

— Я пришла сюда добровольно, — сказала тихо.

Вестар ничем не выдавал себя — ни взглядом, ни словом, ни улыбкой. Слушал внимательно, но ко мне интереса, похоже, не проявлял. И я решила идти ва-банк. Бежать некуда, выживать в хельзе я не умею и вряд ли смогу как-то повлиять на правителя востока, если тот захочет взять мою кровь для жертвоприношения. Но если повезет, все же найду то, зачем пришла.

— Вождь атли... болен. Он не приходит в сознание, и я подумала, что он в хельзе. Один из воинов Орма и правда пришел в кеveyн за провидицей, но сюда я отправилась по доброй воле.

— Вождь атли? — задумчиво переспросил он. Вестар смотрел вдаль, словно не хотел показывать мне эмоций. — Влад Вермунд, верно?

— Да, — ответила я, и голос дрогнул.

— Как тебя зовут? Я имею в виду, в кеveyне.

— Полина.

Вестар опустил глаза и, казалось, полностью ушел в себя. Я стояла, замерев, в ожидании реакции, уже почти убежденная в том, что права. Вот он — рядом, только руку протяни.

Живет себе, правит. Женился.

Совершенно чужой человек.

Все же смерть разделяет, и даже сильное проклятие не в силах преодолеть эту грань. Например, я рядом с Вестаром не чувствую того, к чему привыкла, несмотря на схожую внешность и повадки. Наверное, вязкий портал в хельзу фильтрует чувства.

— Зря я пришла... — прошептала, стараясь проглотить горечь. Ощущений ноль — только усталость и стыд. Намного было лучше там, у кровати Влада в больнице, где создавалось впечатление, что он просто спит. Я могла часами просто смотреть на умиротворенное лицо, держать за руку. А этого человека я и Владом-то назвать не могу.

— Сложно найти хищного в хельзе, Полина, — серьезно сказал Вестар.

— Но не невозможно.

Он тяжело вздохнул, покачал головой.

— Если Влад в моих владениях, я смогу помочь, но если он прислужник Орма, тут даже я бессилен.

— То есть... — опешила я. — Ты... вы не Влад?!

Он посмотрел на меня так, будто бы я сказала самую большую глупость в мире.

— Нет, конечно! Ты совсем считать не умеешь? Я в хельзе несколько тысяч лет.

— Вы так похожи.

— Всякое случается, — уклончиво ответил Вестар и отвел взгляд. — Все же в хельзе не место живым.

— На меня все равно будут охотиться, верно? — с горечью спросила я. — Что в хельзе, что в кевейне. Падкие до крови пророчицы преследователи великих целей.

— Я впускал нали, — спокойно сказал Вестар. — Семерых. Думал, найду свою Лею, и стану тем, о ком будут слагать легенды. Пусть даже в хельзе. А когда нашел, просто не смог.

— Почему? То есть, я хочу сказать, Уна ведь тоже носительница кена пророчицы. Ни за что не поверю, что в вас проснулось сочувствие.

— Бог с тобой! — он задорно рассмеялся, а затем снова посерьезнел, наклонился и сказал уже тише: — Просто оно все еще владеет нами, Полина.

— Оно?

— Проклятие. Разве ты не поэтому здесь?

На меня словно ведро холодной воды вылили — ощущения похожие, а еще сказать нечего. Словно падаешь в пропасть и понимаешь, что держаться не за что, но все равно продолжаешь хвататься за воздух. И летишь вниз, зажмурившись, представляя боль от падения, а следом несется огромный снежный ком внезапных догадок, неожиданных и пугающих.

Ты приземляешься, и они больно бьют по голове.

— Вы были там... — сказала я, немного отойдя от шока. — И если я правильно рассчитала время, вы... его отец. Александр, верно?

Вестар посмотрел на меня снисходительно и кивнул.

— А ты не безнадежна.

— Уна — моя мать. — Я подняла глаза на хельина. — Она знает?

— Уна помнит прошлое, если ты об этом. Но кто ты, она не знает. Ты же только что рассказала мне.

Подул ветер, и поверхность озера зарыбила, пришла в движение, разрушив иллюзию зеркальности.

Глупо было думать, что поход в хельзу ничего не принесет. Но вместо ожидаемой радости я ощутила желание уйти из дома Вестара. Почему-то знала, что новые открытия вовсе не понравятся мне.

— Почему вы помните все? — спросила тихо.

— Еще один побочный эффект проклятия, — ответил Вестар. — Но тут мы с Уной нашли покой — в кевейне его не было. Когда она появилась в хельзе — испуганная, слабая, заманчивым было провести ритуал. Но потом я начал вспоминать. Ее другую, нашу жизнь. А она вспомнила меня. — Он помолчал немного. — Если встретишь Влада в хельзе, он узнает тебя, поэтому твой приход отчасти не так безнадежен.

— Отчасти?

— Отсюда не хочется уходить. В хельзе спокойнее, особенно если учесть ваше положение. Здешняя жизнь смягчает влияние проклятия. Если он таков, каким был я, Влад не вернется в кевейн.

На лице хельвина отразилась жалость. Наверное, я сама виновата, раз все они жалеют меня. Естественно, что может быть глупее, чем прийти в неизвестный опасный мир в надежде вернуть человека, который давно о тебе забыл?

Проклятие — оправдание, конечно, но что принесло мне посещение хельзы? Знание того, что в любой момент каждый хищный, впусивший нали, может соблазниться моей треклятой кровью? Понимание, что проклятие не исчезнет даже после смерти, и я вынуждена вечно испытывать притяжение к тому, кого по большому счету должна ненавидеть?

Дальнейшее существование не казалось мне радостным ни в хельзе, ни в кевейне. Наши миры одинаково опасны, но этот хоть не маскируется под привычный и уютный.

Я кивнула.

— Хорошо. Полагаю, вы можете помочь мне вернуться домой. Только житель хельзы способен сделать это.

— Я выведу тебя, — пообещал Вестар.

Я встала, подошла к воде, зачерпнула ладонью. Она оказалась на удивление теплой, манящей, и я, не раздумывая, вошла в озеро. Окунуться было приятно, волны расслабляли, я просто легла на спину и закрыла глаза.

В хельзе спокойно, но мой дом в кевейне. В Липецке моя сестра, Глеб и жизнь, которую несмотря ни на что я люблю. А значит, пора возвращаться.

Если не можешь ничего изменить, нужно это принять.

Шелк намок и прилип к телу, но мне было все равно. Какая разница, что на тебе надето, если значение имеет только кен? Хоть голой выйди, хоть в парандже, любой хищный обратит внимание. Интересно, почему именно у пророчиц так? Или это у меня — ведь я не читала ни о чем подобном в летописях.

Когда я вышла из воды, Вестара не было. Вообще казалось, что его жилище никто не охраняет — всюду царила тишина и покой, как в монастыре. Но я больше не верила ни глазам, ни ушам. Нужно слушать интуицию, а она говорила, что проникнуть в замок владыки востока не так уж просто.

Непросто, да. Но не невозможно.

Сильная ладонь зажала мне рот, и кто-то поволок меня за широкую мраморную колонну — вглубь тенистого сада. Испуг на этот раз трансформировался в решимость, я извернулась и с силой укусила похитителя за руку.

— Черт, Лея, ты как дикая кошка! — обиженно прошипел похититель и выпустил меня. — Больно же.

— Ингвар? — Я удивленно уставилась на хельина. — Какого черта ты делаешь на востоке?

— Вот как ты встречаешь спасителя, — обиженно пробурчал он. — Между прочим, обойти охрану Вестара не так просто. — Он оглядел меня. — Ты вся мокрая.

— Купалась в озере, — невозмутимо ответила я. — Только вот меньше всего я хочу, чтобы ты меня спасал. Ведь именно ты привел меня в хельзу для жертвоприношения.

— Но ты все еще жива. К тому же пришла сюда добровольно. — Он иронично улыбнулся и склонил голову набок. — Знаешь, эта одежда ничего не скрывает...

— Твои непристойные намеки совершенно лишние! — зло сказала я, но Ингвар прикрыл мне рот ладонью и оглянулся проверить, никто ли нас не видит. Затем настойчиво подтолкнул глубже в заросли, откуда совсем не видно замок, да и солнечный свет с трудом. Кроны деревьев сомкнулись у нас над головами, погружая в сумрак и тишину.

Ощувив спиной шершавую кору дерева, я поморщилась от неприятных ощущений. Тело решительно не хотело мириться с отсутствием удобств и грубым обращением хельина.

Странно, но я не боялась его. То ли выражение лица Ингвара, то ли уверенность, что я смогу позвать на помощь в случае беды, раскрепостили, добавили смелости. Что-то знакомое, но давно забытое шевельнулось в сознании. Мысли застыли, осталась одна, и вполне определенная.

Ингвар убрал руку, провел ладонью по моей щеке.

— Лея...

Нет-нет, так не честно! Это не те правила, по которым мне хочется играть. И игра эта глупая, как, впрочем, и я.

— Черт!

Я высвободилась, отошла на безопасное, как мне казалось, расстояние, закрыла глаза. Ответ всегда на виду. Всегда.

— Не нужно было никого искать.

— Я говорил тебе, — невозмутимо ответил хельин.

— Но главного не сказал. — Я повернулась к нему, сжала руки в кулаки. Обидно было снова оказаться в дураках. Интересно, я когда-нибудь его переиграю? Глупые мысли в столь шатком положении. И несущественные.

— Ты сама пришла.

— Я искала тебя, а ты привел меня на смерть! — выкрикнула я, не заботясь о том, что нас услышат. — Смотрел бы, как твой правитель разрежет мне запястья, и кровь вытечет, а я умру. Он обрел бы могущество, а ты — свободу.

Я истерически рассмеялась, подняв лицо к небу, но неба не увидела. Плотный слой листьев скрывал его, и они рассерженно зашумели под натиском ветра, словно разделяя со мной обиду и разочарование.

— Только вот ты не обретешь свободу, — с горечью выдавила я, стараясь подавить истерику.

Чему я удивляюсь? Он всегда был таким, и если бы не проклятие, я поняла бы это давно. Проклятие путает карты, сбивает с правильной дороги, заставляет делать то, чего ни один разумный человек не сделает никогда. Я улыбнулась. Он понимал не хуже, возможно даже, планировал все с самого начала.

— Стоит подождать, Влад. Приходи в кевейн, когда будешь готов, и рискни.

— О чем ты говоришь? — Лицо хельина стало серьезным, глаза прищурились и хищно смотрели на меня.

Я пожала плечами.

— Я не боевик. Не защитница. У меня нет особых талантов, чтобы дать отпор такому, как ты, — сказала тихо. — Поэтому у тебя есть шанс. Изгони восьмого, возвращайся и проведи ритуал. В итоге обретешь два в одном: желаемую силу и избавление от проклятия. Ведь именно этого ты хочешь, верно? Убьешь меня и покончишь с чертовым влечением!

— Не истери, — совсем знакомо сказал он и отвернулся. — Я не понимаю ни слова.

— И о проклятии ничего не знаешь? И о нали? Ты ведь за этим пришел в кевейн, не так ли?

— Я пришел за тобой, потому что Орм послал меня! — Ингвар быстро приблизился, грубо схватил за плечи. Да уж, с нежностью в хельзе явные проблемы. — Я помнил пророчицу из своего племени, помнил место. Но о том, что говоришь ты, впервые слышу.

Я замотала головой, слезы обожгли кожу. Внутри словно граната, у которой выдернули чеку — вот-вот рванет. И нервы напряжены до предела, а я теряюсь между желанием обнять и врезать ему.

— Полина. — Голос Ингвара стал ласковым, почти родным. Таким, как я помнила. Нет, это все иллюзия — воображение играет со мной. — Посмотри на меня.

Огрубевшая от ветра кожа, смуглая, искореженная шрамами.

Сколько же ты дрался? Скольких убил? Совсем другой и в то же время знакомый. Как я могла не заметить сразу, не понять?

— Рядом с тобой я вспоминаю, и воспоминания не нравятся мне. Тебе нельзя возвращаться в кевейн.

Я рассмеялась ему в лицо. Да, с истериками пора завязывать, как и с теми, кто их вызывает. Психоз еще никого не украсил.

— Вот как? Почему? Из-за Орма? — с сарказмом спросила я.

— Орм здесь ни при чем. И нали. В кевейне тебя поджидает зло.

— Очень пафосно и очень по-твоему — напугать меня, чтобы я доверилась. Не выйдет, Влад. Или лучше называть тебя Ингваром?

— У тебя мало шансов уберечься даже в хельзе, но здесь они хотя бы есть.

— Уберечься от кого? От жаждущих моей крови хищных? Так здесь я встретила их гораздо больше, чем в кевейне.

Ингвар разозлился. Встряхнул меня, и выдохнул в лицо:

— Ты глупая, сумасбродная женщина! У меня нет времени спорить. Я не позволю тебе вернуться в кевейн.

— Интересно, и что же сделает воин западных земель, чтобы помешать этому?

Ингвар выпустил меня и обернулся — сложив руки на груди, на нас с насмешкой смотрел Вестар.

— Я пришел, чтобы проводить тебя, Полина, но похоже, Орм никак не угомонится.

— Вестар, это... — начала я говорить, но он перебил:

— Уже понял. Именно поэтому он до сих пор жив. — Он улыбнулся. — А ведь я предупреждал тебя.

Я опустила глаза.

— Оно ведет вас, будет вести до смерти, — торжественно добил правитель востока. —

Ну, или до смерти одного из вас, что было бы неплохо. Хотя не знаю, что бы это принесло мне.

Цинично, зато правдиво. А правда, как оказалось, гораздо лучше любой лжи, пусть и сладкой.

— Не хочу больше слышать о проклятии, — сказала я. — Ни слова. Влад, Вестар был твоим отцом, когда еще жил в кевейне. Вам нельзя враждовать. Ну, или можно, если так принято в хельзе.

Не дожидаясь реакции, пошла прочь. Присела на лавочку недалеко от колонны, подставила лицо солнечным лучам. Одежда уже почти высохла и трепетала на ветру.

Ко мне подошла Уна, примостилась рядом. Я не помнила ее лица, но с фото на меня смотрели совершенно другие глаза. Противоречивые чувства. С одной стороны я радовалась, что снова вижу ее, а с другой — совершенно не знала, о чем говорить.

Хотя мне и не пришлось.

— Я не помню тебя, — сказала Уна и аккуратно сложила руки на коленях. — Пыталась вспомнить, но не смогла.

Этого я услышать явно не ожидала. Слова — те, что начала сочинять только что — показались неактуальными. Резко напал ступор. Я только и могла, что пялиться на траву, покрывшуюся волнами от порывов ветра.

— А что ты помнишь? — спросила и затаилась. Казалось, если выдохну — спугну ответ. Нужен ли он мне? Прошрое в прошлом — мой девиз.

— Помню, как приезжала по выходным к сестре, а Маргарита забиралась мне на руки и рассказывала о том, что произошло за неделю.

Хоть что-то.

Я попыталась затолкать ревность и злость поглубже, все же я люблю Риту. Да и нехорошо винить сестру в том, что мама любила ее больше.

Стало обидно, и я спросила:

— А меня? Совсем?

— Извини.

— Да ничего...

Я встала, так как Вестар и Ингвар появились в поле видимости.

— Вестар сказал, ты пришла искать Влада, — с непонятым трепетом сказала Уна.

— Я пришла, потому что глупая! — отрезала я и направилась им навстречу.

— Ты откроешь портал? — спросила резко, даже не замечая, как назвала правителя на «ТЫ».

Ингвар шепнул что-то Вестару на ухо, и глаза правителя востока округлились, а затем он посмотрел на меня.

— Но она ведь просто пророчица, — произнес ошеломленно. — Для изгнания Девяти искать ее — резонно, но ради кена...

— И, тем не менее, — серьезно сказал Ингвар.

Я ничего не понимала — смотрела на них, нахмурившись. Не похоже, что они воинственно настроены, я даже разочаровалась немного. Все же Ингвар служил Орму много лет.

Влад, поправила я себя. Образ хельина со знакомым мужчиной никак не вязался, потому и имя не клеилось.

Правитель востока думал около минуты, а затем произнес:

— Пусть уходит.

На меня не смотрел, на Ингвара, впрочем, тоже.

— Ты не можешь ей приказать, как и мне, — надменно возразил Ингвар.

— Не могу. Но Орм может — ты пока его воин. И поверь, когда он узнает, согласится со мной.

Ингвар молчал, и я молчала, пытаюсь въехать в суть разговора. То есть хельин не шутил на счет опасности — мне действительно есть, чего бояться в кевейне? Но чего? Охотники не могут проникнуть в хельзу, это я знала точно. А на лице Вестара отразился чуть ли ужас.

Посмотрела на Ингвара, а он — на меня. Ощущение нестабильности вернулось, возникло непреодолимое желание довериться, но разумом я понимала, что доверять нельзя. Во всяком случае, никому из них.

В принципе, единственный человек, которому можно доверять в этой ситуации — я сама. А еще Глеб. Вернусь домой, обязательно спрошу, что он думает обо всем этом.

— Я отвечаю не только за себя, — дипломатично произнес Вестар. Мой народ надеется на меня.

Мне показалось, или я услышала в его голосе нежность. Так странно — отец и сын встретились после смерти.

Нет, это не одно и то же. Уна совсем чужая мне, даже не помнит. Что ж, и я забуду. Ее, хельзу, все.

Вестар провел рукой по воздуху, и я знала, что он создает для меня портал.

Посмотрела на Ингвара. Покрытое шрамами лицо — не то лицо, к которому я привыкла.

Он останется для меня Ингваром, а Влад... Влад умер. Теперь я точно поняла это. Несмотря на аппараты, жизни в нем столько же, сколько в восковой фигуре в музее, куда мы недавно ходили с Викой. Оболочка.

— Ты не вернешься...

Я не спрашивала. Уже знала ответ. В хельзе все проще, доступнее. К тому же, Вестар знает, что Ингвар — его сын. Переманит к себе — плодородные земли гораздо привлекательнее пустыни.

— Береги себя, Лея, — сказал он и поцеловал меня в лоб.

— Передавай привет Инге. Она у тебя умница.

Он не ответил. Отвернулся, отошел в сторону. Я больше не могла видеть его лица, и от этого стало грустно.

Подошла к Вестару. Портал уже обрел очертания двери, и я приготовилась к тяжелому переходу, настроилась морально. На Уну не смотрела — не хотела злиться, ведь она не виновата.

Подумала о том, как хорошо все-таки отправиться домой после такого насыщенного эмоциями приключения. Ну, и конечно же, хорошо, что меня не убили.

Вестар коснулся моей руки, склонился и сказал на ухо:

— Если кто-то из хищных начнет ритуал, помни: лишь отреченный из его племени сможет войти в священный круг.

Я рассеянно кивнула, еще раз оглянулась на Ингвара.

И шагнула в портал.

Переход назад был быстрым — яркий свет ослепил и портал выплюнул меня в кевейн. Я ступила на мягкую траву заднего двора дома атли, пошатнулась, но удержалась на ногах.

Сколько здесь прошло? Несколько минут? А для меня будто полжизни пролетело.

Впрочем, путешествие получилось познавательным — и в плане эмоций, и в плане открытий. А еще я узнала о существовании опасности — предупреждение Ингвара засело в голове. Он сказал, что вспомнил о некоем зле, от которого не спрячешься даже в хельзе.

А это значит, Влад знал. Знал и молчал. Почему?

Я подозрительно огляделась. Нет уж, точно не стоит думать о таком в одиночку и в темноте. Сейчас войду в дом, поднимусь по лестнице, открою дверь своей комнаты и захлебнусь родными запахами. Затем буду долго стоять под душем, пока не смою с себя воспоминания о хельзе. Выплюю, а завтра поразмыслю.

И тут осознала: я дома. А дома, как говорится, и стены помогают. Улыбнулась, раскинула руки и закружилась в свете полной луны.

Глава 26. Исправленному верить!

Глава 26. Исправленному верить!

Я отложила ноутбук в сторону, откинулась на спинку кресла и протерла глаза. Нужно идти спать, но я понимала, что не усну. Сведения о нали и смутном упоминании ритуала ничего не дали, кроме новых вопросов.

Во-первых, непонятно, почему нали мог впустить только мужчина, ведь по сути мужской и женский кен не имели различий. Во-вторых, кроме того, что темные сущности питались кеном, они давали кое-что взамен.

Первый давал силу. Будил низменные, первобытные инстинкты. Ярость Херсира — так называли его те, кто впускал. В принципе, атли наблюдали его действие во всей красе, когда бесновался Кирилл.

Второй заставлял радоваться. Человек просыпался с ощущением эйфории, ничто не могло вывести его из себя, он был доволен жизнью, даже если вокруг все рушилось. Таким образом нали пытался удержаться, продлить свое существование, паразитируя на халявном кене. Впрочем, амбиции и страх обесточить жилу все же побеждали его.

Третий показывал будущее. Влад упоминал об этом. Правда, не факт, что будущее, которое он видел, было достоверным. Или же Влад просто солгал на счет постели — в его стиле сказать такое. А ведь я могла и поведистись... В летописях Филиппа я прочла, что третий нали никогда не давал полной картины будущего, хорошее в нем всегда несло за собой беду. Хотя тем, кто хотел достичь своего, на это было плевать — они пропускали третьего через жилу и обращались к следующему.

Некоторые добивались до четвертого, которого просто не хотелось отпускать. Уверенность, которую он давал, некий внутренний шарм — преимущества ловеласа. Трудно отказаться от того, что делает тебя привлекательным.

Пятый давал знания. Преподносил тайны вселенной, все открытия от древности до настоящих дней были подвластны ему. Алхимия, медицина, тактика и стратегия войны, политика. С ним можно было возвыситься и без суперсилы. Достичь признания, накормить свои амбиции.

Единицы добивались до шестого. И оставались с ним. Чистый эгоизм, нежелание меняться, любовь к себе — то, что внушал этот нали. Нарциссизм становился отличительной чертой мужчины, впустившего его. Хищный любил себя настолько, что цели больше не имели значения.

О седьмом мало что удалось нарыть. Говорили, он позволял читать мысли. Впрочем, не было сведений, чтобы кто-то доходил до седьмой ступени.

А дальше все просто. Восьмой был призван покорить хищного окончательно, так как сил бороться с ним уже не оставалось. А потом — смерть от истощения жилы. Не самый красивый финал, но кто-то говорит, лучше умереть на пути к цели.

Мифический девятый существовал в человеке ровно три дня, а затем умирал. Если за три дня не провести ритуал — все усилия напрасны. Второй раз нали впустить нельзя, да и мало кто отважился бы.

Я была больше чем уверена, что Влад готов идти до конца. Даже там, в хельзе, он продолжал путь к желаемой силе. Зачем? Мало верилось, что он хотел управлять всеми

хищными мира — какие-то киношные суперзлодейские планы. Влад не такой. Вот совсем. А значит, есть что-то еще — какая-то цель, более осязаемая, чем всемогущество.

Он отпустил меня. Мог ведь найти в лесу, спрятать, пока не прогонит еще двоих, а после воспользоваться моей кровью. Впрочем, Вестар тоже не смог убить Уну. Нельзя обольщаться, это всего лишь проклятие — оно мешает трезво мыслить, иначе не факт, что я не лежала бы на жертвенном камне.

Мог ли Влад убить? Не меня — другую девушку? Я в этом не сомневалась. Кому, как не мне знать...

Я поежилась от противных мурашек и стиснула кулончик на цепочке. Хорошо, что сняла его перед походом в хельзу, наверняка бы там потеряла. Интересно, насколько хватит его заряда? Лара вряд ли будет стараться оградить меня от опасности.

— Ты что, весь вечер здесь просидела?

Я вздрогнула и с укором посмотрела на сестру.

— Разве можно так подкрадываться?!

— Да я не подкрадывалась, просто за книгой зашла, — попыталась оправдаться Рита. — А ты тут... в ступоре. — Она помолчала немного, а потом добавила: — Думала, останешься в больнице сегодня.

— Не хочется ночевать на жестком диване, — соврала я.

— Ага, а еще сидеть на нем и вдыхать запах дезинфектора. — Сестра покачала головой. — Ты уже две недели не была у Влада.

— Дел много.

Я встала и потянулась. Нужно идти спать, все эти ненужные напоминания только портят все. Необходимо сосредоточиться на невидимом зле, а не на потерях. Влад в прошлом, повторила я про себя, чтобы поверить.

Пока не получалось.

— Ты странная после того, как ушел тот жуткий воин, — задумчиво произнесла Маргарита. — Он что-то сказал тебе, да? Что-то о мертвых?

— Ничего он мне не говорил! — отрезала я и поморщилась, вспомнив последний разговор с Ингваром.

О хельзе я не поведала никому, кроме Глеба. Он долго молчал, потом покачал головой и констатировал, что я полная дура. Предсказуемая реакция, примерно такую я и ждала. Потом еще долго рассуждал о том, куда я вообще могу вляпаться с таким характером, и сделал вывод, что долгая жизнь мне не светит. Что ж, я даже в чем-то была согласна с ним.

Рита настороженно смотрела, потому я решила не разводить панику лишними эмоциями.

— Просто хочу жить дальше. Да и Лара меньше злится, когда не хожу, — сказала я.

— С каких пор тебя волнует мнение Ларисы?

— Мы ведь атли. — Я пожалала плечами. — Должны ладить.

Естественно, наши отношения с Ларой не стали лучше. Сначала она меня люто ненавидела, потом вовсе перестала замечать. Даже в больнице, когда сталкивались в коридоре, делала вид, что меня нет. словно я виновата, что Влад ее бросил и по непонятным причинам повез меня венчаться.

— Может, он просто хотел тебя контролировать, — предположил однажды Глеб. — Ну, чтоб ты никуда не делась. У мужа на это все права. Он ведь впускал нали, мечтал выгнать всех.

Я покачала головой.

— Не хочу так думать. Все же Влад не воспользовался мной в хельзе, наоборот, предупредил о чем-то. Дал уйти. А ведь там гораздо сложнее найти пророчицу, практически невозможно.

— Ага, как же! Если бы все было так просто, — пробурчал Глеб. — Когда дело касается Вермунда, у чемодана всегда есть двойное дно. А то и тройное.

— Ладно тебе, — примирительно сказала я. — Вестар не смог убить Уну.

— Все равно не верю в дурацкое проклятие! — Глеб отвернулся, и я не смогла различить эмоции на его лице.

За две недели после хельзы я прочла почти все файлы на компьютере Филиппа, но ни о каких опасностях, кроме охотников, там речь не шла. Жрец атли обмолвился, что многие летописи у него в бумажном варианте, а есть даже непереведенные на древних языках. Возможно, там есть что-то о таинственной опасности для меня?

Но все это мелочи. Я все еще не могла понять: почему я. То есть, пророчиц мало, конечно, но вполне достаточно в кевейне. Зачем кому-то из нашего мира идти за мной в хельзу?

В общем, эти мысли полностью завладели мной, ни о чем другом я думать не могла.

А потом настал тот день.

Выходные — повод атли собраться вместе в большой и светлой гостиной. Признаться, никому оно не было нужно, но Филипп настаивал, чем несусветно бесил Глеба и Лару. Она жеманно поджимала губы и пила чай без сахара, всем видом показывая, что могла найти себе дела поинтереснее. Кирилл читал в кресле, Оля с Линой шептались в уголке, а я скучала, положив голову на плечо Глебу. Филипп, конечно, пытался развлечь нас рассказами из жизни хищных, но все их я уже слышала не раз, потому даже не вникала в суть.

— Покажи всем, чему сегодня научилась, — торжественно произнес жрец атли, вырывая меня из плавно текущих мыслей, и подтолкнул Риту вперед, в центр гостиной.

Она смущенно улыбнулась, переминаясь с ноги на ногу.

— Ну, я не то чтобы умею... Но вот.

Вытянула руку ладонью вверх, и на ней оранжевым цветком расцвело пламя. То есть настоящий огонь, чуть больше того, что рождает свеча. То сужался, то расширялся, разрушал все представления о технике безопасности в доме и заставил всех атли напрячься от удивления.

— Фига се! — присвистнул Глеб, а я подошла к Рите.

— Тебе не больно? — спросила взволновано, разглядывая огонек.

— Ни капельки, — убедила меня сестра.

— Рита чистокровная атли, и ее стихия — чистый огонь, — с гордостью сказал Филипп. — Она сильный воин.

Сестра нахмурилась и прихлопнула пламя второй рукой.

— У меня пока получается недолго.

— Это только начало.

— Обалдеть! — восхитилась я. — И как ты открыла это в себе?

— Это все Филипп, — подобострастно выдала моя сестра и улыбнулась.

Похоже, у них это серьезно. Странно, что я не замечала за страданиями и походами в опасные миры. Надеюсь, все будет хорошо, они поженятся и заведут детишек.

Детишек...

Непонятное тепло разлилось в груди, сдавило легкие, мешая дышать. Жар поднялся вверх, к лицу и затылку, заполняя мозг воспоминаниями из прошлого. Казалось, я бежала несколько лет и вот остановилась передохнуть. Оглянулась, а там... темнота.

— Полина?

Подняла глаза — сестра хмурилась, вглядываясь в мое лицо.

— Все хорошо?

— Конечно, — заверила я. Улыбнулась. — Ты большая умничка!

У Лары зазвонил телефон.

Она взяла трубку и отошла к окну, несколько секунд внимательно слушая без видимых эмоций, а затем ее глаза расширились, а рука опустилась. Защитница несколько раз рассеянно моргнула и посмотрела на меня. Странно посмотрела, хотя странным было даже то, что она меня вообще заметила. Решила прервать бойкот? Интересно, чего ради?

— Влад пришел в себя, — произнесла она тихо.

Рита всхлипнула и присела на диван. Филипп побледнел. А до меня никак не доходил смысл сказанной защитницей фразы.

Был порыв рассмеяться и обвинить ее в розыгрыше. Я ведь попрощалась с ним, он не вернется... никогда. Но лицо Лары говорило об обратном.

А потом мы снова ехали в больницу. Скорость будоражила и без того расшатавшиеся нервы, ветер трепал волосы, а я крепко прижималась к Глебу и старалась отпустить сомнения и страхи. Тщетно — они вросли в сознание и совершенно не хотели со мной прощаться.

Запахи в больнице резко перестали казаться знакомыми. Впрочем, как и обстановка. Я стояла в коридоре и все никак не могла заставить себя войти в палату, хотя все наши, кроме Глеба, уже были там. Возвращение Влада виделось неестественным, неправдоподобным и нелогичным. За две недели в хельзе прошло много лет, он уже должен был забыть обо мне и кевейне.

— Боишься войти? — немного насмешливо спросил Глеб. И не дожидаясь ответа, добавил: — Так и знал, что он вернется!

Я нахмурилась.

— Не боюсь, просто... не знаю, чего ждать.

— Чтобы узнать, надо войти. — Глеб подтолкнул меня к двери. — Давай, пока он не опомнился, спроси о таинственном враге.

— Иди ты!

В палате было душно, хотя возможно, мне так просто казалось из-за волнения. Филипп стоял у окна и всем видом демонстрировал, что рад, хотя в душе, несомненно, печалился. Нет, даже не печалился — пробуждение Влада явилось для него ударом. Что ж, не надо привязываться к тому, что тебе не принадлежит. Мне следовало сказать это и себе.

Лара притаилась в стороне с прижатыми к груди руками, а Рита сидела на кровати и обнимала брата. Причем, заметно было, что она делала это долго и все никак не могла оторваться.

— Ну, хватит уже, — улыбаясь, мягко сказал Влад и отстранил ее. А потом увидел меня. Знакомый пронизывающий взгляд и приятные мурашки. — Привет.

— Привет, — поздоровалась я, и голос показался глухим и провалившимся. Совершенно не знала, о чем с ним говорить, особенно при остальных — они ведь не знали, что произошло в хельзе. Все, кроме Глеба, который, уверена, посмеивался про себя.

Мучил вопрос, зачем Влад вернулся? Испугался неизвестной опасности или просто надоело воевать? Все же здесь он вождь, а не солдат в чьей-то армии. Резонно. У него всегда свои причины, и вряд ли я о них узнаю. Поэтому я просто отвела взгляд — не могла выдерживать напряжение, а Влад обратился к Филиппу:

— Как тут обстановка?

Коротко и по существу.

— Без происшествий, — так же кратко ответил Филипп.

— Или просто ты о них не знаешь, — язвительно выдал Влад, и я недоуменно посмотрела на него.

Он что серьезно сейчас все расскажет? О хельзе и о том, как я туда пошла? Почувствовала, как краска заливает лицо, а в душе рождается паника. Чего боялась? Что они осудят меня? Сочтут безрассудной?

— Племя атли ничего не угрожает, — глухо произнес Филипп и замолчал.

— Недавно у нас побывал умерший, — бодро сказал Глеб.

Я убью его! Как только выйдем из палаты, придушу собственными руками. Я послала в его сторону мощный ментальный сигнал. Надеялась, что следующие слова застрянут у него в горле. Но Глеб, вероятно, умел отгораживаться от всяких вмешательств, или ему было все равно, потому что он продолжил:

— Его звал Ингвар, и он искал какую-то девушку. — Толкнул меня в бок. — Не припомнишь, как ее звали?

— Лея, — хрипло ответила я.

Влад улыбнулся.

— И он ее нашел.

Филипп подозрительно взглянул на меня, но допытываться не стал. Я тоже не торопилась объяснять. Если Владу хочется, пусть сам рассказывает. Глеб посмеивался рядом, а Влад, казалось, и не думал продолжать — смотрел пристально, словно ждал чего-то.

А потом зазвонил телефон. Зазвонил у Лары, она вздрогнула и протянула его Владу.

— Я сообщила ей сразу же, — сказала смущенно. — Она с ума сходила в своем Лондоне.

Он кивнул и взял трубку.

— Привет, — произнес с какой-то особой нежностью, и у меня в груди шевельнулась ревность. Здравствуй, проклятие, я скучала по тебе целых две недели!

Влад долго слушал и виновато улыбался, а затем тихо сказал:

— Уже все хорошо, Дашка. Слышишь, ну не плачь... Я приеду скоро. Кстати, где вы сейчас?

Поддавшись непонятному порыву, я вышла в коридор, присела в кресло и взяла в руки журнал.

Жизнь продолжается. Влад только пришел в себя, а ему уже звонят женщины. И чему я удивляюсь? Решила, что он изменится, станет другим? Признаться, надежда была, ведь из-за этого он чуть не погиб. Но, наверное, пословица правду говорит — горбатого могила исправит.

— У тебя такое лицо, будто ты проглотила лимон целиком. — Глеб присел рядом и посмотрел перед собой.

— Люблю лимоны, — безразлично ответила я.

— Даша — его подруга детства, так что ты ревнуешь зря.

— И вовсе я не ревную!

Даже для меня прозвучало неубедительно, а Глеб всегда просекал фальшь.

— Ага, конечно! Потому и убежала.

— Не потому. Я просто... Думала, у него в хельзе своя жизнь, жена. Он попрощался со мной, а теперь вернулся как ни в чем ни бывало. Зачем?

Глеб пожал плечами.

— У меня несколько вариантов. Первый — ему там стало скучно. Второй — решил, что прислуживать не так уж и хорошо. Третий — пришел тебя мучить и дальше. И да, еще один: Вермунд дошел до конца, и теперь ему нужна кровь пророчицы.

Я покачала головой.

— Не верю...

— Потом будет поздно думать, Полевая.

Атли покинули палату Влада, Лара подошла к нам и сказала холодно:

— Влад просил тебя зайти.

Видеть его не хотелось, но я должна была задать нужные вопросы, выяснить то, над чем думала две долгих недели. И уснуть, наконец, спокойно.

В палате стало значительно меньше места с тех пор, как я была здесь в последний раз, и дело вовсе не в пространстве, которое ни капли не уменьшилось.

Я вошла, прикрыла за собой дверь, шагнула еще раз и остановилась в нерешительности. Да-да, с его пробуждением вернулось все: и нерешительность, и слабость, и некая доля покорности. Уж не знаю, чем она была вызвана: то ли тем, что Влад — вождь атли, то ли моей необъективностью.

— Вот почему Макаров никогда не станет хорошим вождем, — сказал он и похлопал по одеялу. — Присядь.

— Мне и здесь хорошо, — нахмурилась я. — И на чем основано твое утверждение? Филипп не потерял ни одного из нас.

Я лукавила, так как в глубине души соглашалась с Владом, но его излишняя самоуверенность раздражала.

— Правда? — Светлая бровь слегка приподнялась. — А как же маленькая безрассудная пророчица, которая чуть не погибла в хельзе?

— Он не потерял и ее. Вот же она стоит.

Он вздохнул. Посмотрел обреченно.

— Не рада, что я вернулся?

— Я же ходила за тобой, забыл?

Чем дальше я находилась рядом с Владом, тем больше злилась. На него, на себя, на весь мир. На непонятные опасности. На хельзу. На маму. Даже на Вестара, который, как и Влад, говорил загадками. На новый день, который поставил подножку, и вот я снова лежу на земле и хватаю губами воздух.

Надоело!

— Тогда почему еще не обняла меня?

Я опустила глаза.

— Ты злишься? Расстроена?

А разве незаметно? Ты оставил меня, остался там. Я столько пережила, а ты...

Услышала, как зашуршало одеяло и скрипнула кровать.

— Что ты делаешь? Совсем обалдел?!

Секунды хватило, чтобы оказаться рядом. Прикосновение словно током ударило, ладонь скользнула по волосам, а дыхание захлебнулось в поцелуе.

Когда тебя тянет к кому-то магнитом, сложно сопротивляться. Так сложно, что даже мышцы болят. А потом отпускаешь себя на волю и тонешь в эйфории. Запретный плод сладок — не на этом ли основано проклятие?

Еще несколько минут не могла отдышаться, просто лежала рядом и слушала, как стучит его сердце под больничным покрывалом. Его пальцы перебирали мои волосы, рождая запретное, ненужное желание принадлежать. Я не могла поверить, что это происходит на самом деле, а не один из привычных снов.

Мне бы проснуться...

— Никогда не ходи с незнакомцами, Полина, — очень серьезно сказал Влад. — Даже чтобы найти меня. Даже если я буду в опасности.

— В такой опасности, которая грозит мне?

Влад напрягся. На секунду, еле заметно. А потом вновь расслабился, будто ничего и не было.

— Разве не поняла? Это была уловка, чтобы ты осталась в хельзе.

Я приподнялась, пристально взгляделась в бесстрастное лицо. Не врет? Или врет и хорошо скрывает? В любом случае, Влад не признается, если ему не выгодно. Нужно выяснять другим способом, но каким, я еще не придумала.

Села на кровати, отодвинулась. Он смотрел в глаза, словно мог прочесть мысли. Но мысли расплескались от неожиданного известия, туманных объяснений и внезапного порыва.

— Почему ты вернулся? Бросил Ингу?

— Она храпит, — пошутил он. — К тому же хельза надоела мне до жути.

— Вот как? Значит, оставить племя, уйти, а потом вернуться — это так просто?

Злость снова начала закипать во мне. Я старалась ее подавить, но это оказалось сложнее, чем казалось.

— Бросить? — удивился Влад. — Если ты забыла, в меня стреляли.

— Да, твоя любовница, — сжав кулаки, парировала я. — Или думал, я не узнаю?

— Это Глеб тебе сказал?

— Не имеет значения.

— Юлиана не была моей любовницей.

— А я, конечно же, должна верить, потому что ты мне никогда не врал.

Влад поморщился и устало откинулся на подушку. Я тут же почувствовала себя виноватой. Он только пришел в себя, а я наседаю, в то время как ему сейчас нужен отдых и покой. Погладила его по руке.

— Извини...

— Ты не должна верить мне как мужчине, — не глядя в глаза, мрачно сказал он. — Но как вождю — обязана. И ты должна обещать...

— Никогда не ходить с незнакомцами в хельзу, — закончила я за него и улыбнулась.

— Не смешно! — резко произнес Влад, и я притихла. — Тебя могли убить. Не поняла еще, что если бы не Вестар... — Он покачал головой. — Я не помнил тебя, не понимал, что делаю.

— Ты не врал на счет опасности? — тихо спросила я. — Ты действительно выдумал

это?

— Зачем мне врать?

Я пожала плечами.

— Я быстро восстановлюсь, а потом мне нужно уехать. Обещаешь не влипнуть в историю, пока не вернусь?

— Уехать? — встрепелась я. — Куда?

— Скорее всего, в Штаты, но еще не уверен. Ненадолго. Да и Макарову нужно дать время опомниться. Пусть еще немного поиграет в вождя.

Я опустила глаза, разгладила покрывало. Вопрос так и крутился на языке, поэтому спросила:

— Это связано с Дашей, которая тебе звонила?

Влад задорно рассмеялся, и я нахмурилась. Черт меня дернул спросить! Только теперь поняла, как глупо поступила. Наверняка, от этого вопроса его и без того огромное самомнение раздуется до невиданных пределов.

— Не ревнуй, — сказал он насмешливо. — Она тебе не соперница.

— У меня вообще нет соперниц! — зло ответила я и хотела уже встать, но он удержал.

— Ты права, — прошептал вкрадчиво. — Их нет.

С трудом преодолев соблазн, я отодвинулась. Все же думать головой иногда полезно, а рядом с Владом вообще отключать мозги опасно.

— Почему ты не взял с собой Ингу? Разве она не жена тебе?

— В хельзе не венчаются по традициям хищных, — ответил он безразлично. — К тому же она бы не пошла. Инга — хельинка, ей не место в кевейне.

— И ты бросил ее? Как Лару?

— Причем тут... Полина! — Влад закрыл глаза и откинулся на подушку, всем видом показывая, что его утомили вопросы.

Что ж и ладно! Я вообще не собиралась спрашивать. Оно мне надо? У него своя жизнь. Слишком сложная для понимания обычной девушкой, как я. И почему проклятие не направлено на какого-нибудь простого мужчину. Типа Глеба или Кирилла, например. Хотя тогда оно уже не было бы проклятием.

— Вот как тебя понять? — обреченно спросил Влад. — То ты жалуешься на то, что у меня есть женщины, то на то, что я их бросаю.

— Я не жалуясь. Просто спросила. Между прочим, Лара до сих пор меня ненавидит.

— Лара вообще мало кого любит. Это не должно тебя волновать.

— Поверь, у меня хватает своих забот, — сказала я и встала. Решила закончить этот разговор. Когда мы с Владом начинаем говорить о личном, ничего путного не выходит. Так зачем беречь раны?

— Придешь еще или сделаешь вид, что ничего не было? — лукаво улыбаясь, спросил он.

Я подошла к двери и, не оборачиваясь, ответила:

— Ничего не было. — И уже переступив порог, добавила: — Но я приду. Мы же атли, и должны держаться вместе.

Глава 27. Старый знакомый

Глава 27. Старый знакомый

Новая жизнь, в общем-то, мало отличалась от старой. Работа, вечера с книгой... Казалось, я перечитала уже все, что можно было прочесть.

Иногда сидела, глядя на совят, заполонивших широкий подоконник в моей комнате, и думала о будущем. После того дня, когда очнулся Влад, я часто размышляла о том, что будет со мной завтра, как сложится пасьянс и что мне это принесет.

Плохое решительно отметала, оставляла лишь бытовое, человеческое. За страхами и магическими влечениями я совершенно забыла о не так давно планируемом спокойном быте с Матвеем, подготовке к новой для меня роли. Понятно, что сейчас это уже потеряло актуальность, но мысли упорно возвращались к известию, которое тогда я так и не успела осмыслить. И когда это происходило, в груди начинало невыносимо щемить, а необъяснимая грусть не отпускала до вечера.

Мама ведь смогла построить семью. Пусть ненадолго, пусть это за версту разило фальшью, но я родилась, и отец любил меня.

А потом я понимала, что так не смогу. Не после того, что узнала об атли, не после того, что пережила. Связать жизнь с обычным человеком, скрывать свою истинную сущность и болезненную тягу к другому...

Влад, и правда, восстановился быстро. Никто не успел опомниться, как в доме уже звучал его проникновенный голос, а жизнь завертелась в прежнем ритме. Впрочем, спустя неделю после выписки из больницы, он отправился в Лос-Анжелес, и стало спокойнее дышать. Во всяком случае, мне.

Мы не возвращались к прежним разговорам о венчании, он никак не намекал на нас и вообще мало со мной разговаривал.

Обиду я прогнала сразу, отругав себя за ненужные переживания, а потом долго собой гордилась.

После хельзы внутри поселился страх, напоминающий о злосчастном ритуале.

Может, я и правда наивная дура, если считаю, что проклятие остановит Влада? Глеб убежден, что я в опасности. А ведь он знает Влада с детства, не то, что я.

Жертва.

Это слово совершенно не нравилось, особенно когда примеряла на себя. Если Влад и правда решится, смогу ли дать отпор? Похоже, пора всерьез об этом задуматься. В хельзе на счету у него было шесть нали. Два — не так много. Возможно, он пропустил через себя и их.

Холодок страха пробежал по позвоночнику. Пробежал и исчез.

Я не буду подозревать его! Лучше сразу отречься и уйти, чем не доверять тому, кто призван меня защищать. Бояться уснуть, потому что Влад может войти и взять ночью мою кровь.

Но даже не это самое страшное. У меня было время подумать и решить для себя. Нельзя оставаться слабовольной, списывая собственные ощущения на последствия мести давно почившей ведьмы. Ведь они во многом настоящие. Реальные. Мои.

Мне нравится в нем все. То, как он смотрит, как двигается, говорит. Как идет ему стрижка, какие удивительные у него глаза. Как бешено стучит сердце, когда он

приближается с полуулыбкой — немного хищной, но в то же время ласковой.

Я не могу отбросить это и списать на проклятие. Потому что тягучую, невыносимую тоску нельзя подделать. Потому что хочу видеть его счастливым независимо от того, будем ли мы вместе.

Если Влад действительно решится провести ритуал, у меня просто ничего не останется. Поэтому нельзя верить. Просто нельзя.

И я не верила.

Жила себе, пока другая, более реальная и осязаемая опасность не появилась в жизни атли.

Яркая вспышка заставляет вздрогнуть, зажмуриться, но уже через секунду помещение погружается в темноту. Я продвигаюсь на ощупь, примерно знаю направление. Ощущение опасности — дикое, рождающее дрожь по телу — не отпускает ни на секунду. Но я иду, потому что нужно узнать, где Глеб.

Впереди дверь — она закрыта, но в щель у пола проникает свет. Я осторожно приоткрываю ее...

Глеб сидит на стуле, его голова опущена. То ли без сознания, то ли спит. Темные волосы спутанными космами падают на лицо. А склонившись над моим другом, стоит охотник.

В голове кавардак, я уже готова переступить порог, но охотник вскидывается, улыбается, и я узнаю его. Это тот, из подворотни. Тот, что чуть не убил Кирилла, а затем меня, вселившись в Славика.

Первая мысль: он выследил атли, несмотря на то, что я сбила его со следа. Оно и немудрено, город-то маленький. Но размышлять об этом некогда. Глеб там один на один с ним.

А потом понимаю, что это не так.

Охотник смотрит налево и улыбается. Туда, где стоят Рита с Владом. А потом я буквально слышу, ощущаю физически, как рвется жила хищного.

Пол в коридоре на поверку оказался невероятно твердым, и ушибленная рука болела. Или же твердой оказалась стена, о которую меня с силой швырнуло?

Я мало помнила, но знала одно: есть два человека, которым я должна позвонить. Осторожно пошевелив рукой, убедилась, что она не сломана. Телефон нашла в нескольких метрах от себя — видимо, выронила при падении. Батарея лежала отдельно, чуть поодаль. Нужно было покупать какую-нибудь противоударную модель, с моим-то даром. Что ж, рано или поздно придется — не думаю, что этот выдержит многочисленные падения.

Время на перезагрузку показалось вечностью, длинные гудки раздражали — я потеряла им счет, и когда Глеб взял трубку, громко выдохнула:

— Где тебя носит?

— Фига се, приветствие!

— У меня было видение. Плохое. Охотник засек тебя, так что где бы ты ни был, Измайлов, дуй домой!

— Хочешь сказать, я на крючке? — совершенно безэмоционально поинтересовался мой друг.

— Не знаю...

— Если это так, мне нельзя домой.

— Плевать мне на всякие нельзя! — выкрикнула я, а потом добавила умоляюще: —

Глеб, пожалуйста.

— Не дрейфь, Полевая. Прорвемся! — выдал он и повесил трубку.

Такого я точно не ожидала. Застыла, уставившись на потемневший экран и часто моргая. Шок медленно уходил, и я понимала, что Глеб не вернется домой. Во всяком случае, пока не будет уверен, что атли в безопасности.

И я знала об этой его черте, могла предположить. Вот и что теперь делать?

Набрала его еще раз, но приятный женский голос вежливо оповестил о недоступности абонента — Глеб выключил телефон.

Думай, Полина, думай. Я рванула назад в комнату, схватила куртку.

Он может прятаться от охотника, но я-то его знаю: где бывает, чем живет. Не раз ездила с ним на эти байкерские сборища, внушавшие непонятный ужас и трепет. Я найду его и заставлю вернуться домой.

Со скоростью звука спустилась вниз, пробежала мимо застывшей в недоумении Риты и вальяжно раскинувшейся на диване Лары.

У выхода обернулась, посмотрела на сестру.

— Звони Владу, — бросила, наспех натягивая куртку и открывая дверь. — Скажи, у меня было видение. Охотник. Глеб на крючке.

— Постой, а ты куда? — испугано спросила Рита.

— Как куда? Искать его, разумеется, — ответила я и выбежала в ночь.

Пришла домой под утро, утомленная и в отчаянии. Либо Глеб знал, что я брошусь на розыски, либо затаился где-то, чтобы не нашел охотник. Он ведь мог вселиться в любого из знакомых Глеба, а если тот будет один... Впрочем, охотник всегда найдет способ выследить хищного. Вопрос времени, а его у нас не так много.

— Не нашла? — Сестра встретила в гостиной. Бледная, с мешками под глазами. Видно, что провела бессонную ночь.

Я покачала головой.

— Филипп тоже ищет, Полина. И Кирилл. Фил просил передать, чтобы ты не выходила из дома.

— Пусть катится! Глеб мой друг.

— Влад так и сказал. Что ты не будешь сидеть на месте. — Она осуждающе нахмурилась. — Он скоро приедет.

— Это радует.

— Поспи. На тебя смотреть жалко. — Рита взяла меня за руку, ободрительно сжала. — Вот увидишь, найдем мы его.

До вечера я маялась в доме, обзванивая тех из друзей Глеба, кого не успела навестить ночью. Тщетно — никто его не видел или не признавался, что видел. Я злилась на себя за то, что сказала о видении, на него — за то, что такой упрямый. На охотника, который вновь вернулся запугивать нас.

Как же надоело бояться!

Под вечер полностью выбилась из сил. Прилегла и задремала в свете закатного солнца, расплескавшего золото по светлому покрывалу. Снилось какая-то муть — я бежала, падала, поднималась. Снова бежала. Страх проник и в сны, заполнив их тревогой и отчаянием. Проснулась, когда уже стемнело. Наспех приняла душ и спустилась в гостиную.

Дом, казалось, опустел. То ли все настолько боялись охотника, что попрятались, то ли наоборот дружно отправились на поиски Глеба.

Одна лишь Рита копошилась у входной двери, тщетно пытаясь влезть в рукав, который постоянно ускользал назад.

— Уходишь? — спросила я, подходя ближе.

— Влад вернулся, — сонным голосом ответила Рита, продолжая натягивать пальто.

— Это замечательно!

У меня немного отлегло от сердца, потому как выключенный телефон Глеба и его исчезновение со всех горизонтов тревожило невероятно. Я боялась, что больше никогда его не увижу. Не помню, когда в последний раз я за кого-то так сильно боялась. Глеб просто был рядом, говорил колкости, но никогда не оставлял. Если бы не он, Юлиана точно закончила бы начатое, и не факт, что я бы не умерла.

А теперь он в опасности, и страшный охотник может его убить.

Но с возвращением Влада вернулась и уверенность. Этот точно знает, что делать. Всегда.

Маргарита тем временем успела одеться и целенаправленно двинулась к двери.

— Эй, ты куда? — опомнилась я.

— Нужно идти, — так же безлично ответила Маргарита, скользнув по мне пустым взглядом.

Секунды хватило, чтобы понять...

Я уже видела такой взгляд в тот день, когда приходил Тан. Чернокнижник призывал ее специальным ритуалом, замешанным на крови.

Я бросилась к входной двери и перехватила руку сестры. Рита дернулась, но я улыбнулась и погладила ее по голове.

— Ты права, — сказала, — надо.

В полном молчании мы сели в красный «Форд».

Честно признаться, ехать в машине ночью с человеком в трансовом состоянии за рулем — то еще удовольствие. Рита лихо вырулила на трассу и нажала на газ. Я влипла в сиденье, посылая небу просьбы о благополучном прибытии, хотя и не знала, куда мы направляемся. Сестра же в свою очередь выглядела уверенной и целеустремленной.

Лишь в машине я поняла, что телефон оставила дома — он благополучно почивал рядом с моей уже год не пополняемой коллекцией совят. И как теперь связаться с Филиппом?

Так, стоп! Рита сказала, Влад вернулся...

И тут я поняла. То есть не то, чтобы полностью была уверена в догадке, но видение не могла игнорировать. Охотник призывает родню Глеба, а значит, сам Глеб у него. И если Влад в Липецке...

Додумать я не успела — Рита резко завернула в переулок и затормозила у серой «хрущевки». Вышла из машины и направилась к подъезду, не удосужившись даже поставить авто на сигнализацию. Плохой знак. Очень плохой.

Ночное небо нахмурилось, соглашаясь.

Я поспешила за сестрой, хотя поспевать за ней было весьма проблематично. Порыв ветра забрался под воротник, где-то вдалеке залаяла собака, и я поежилась.

Что я делаю? Нужно остановить Риту, придумать план, а не идти прямо в логово к охотнику.

Поздно. Она вошла в подъезд — как назло, на двери не оказалось кодового замка или домофона. Впрочем, охотник наверняка предусмотрел бы это.

Одинокий фонарь отбрасывал желтую кляксу на черную гладь асфальтовой дорожки.

Мимо шнырнула кошка, я дернулась, и она отскочила в сторону. Сердце стучало гулко, но в то же время медленно, словно застыло в смоле. Мысли спутались и превратились в вязкую кашу.

Войти? Охотник молод, нас будет минимум трое против него. Выстоим? Я не боевик, Глеб в моем видении был без сознания, а Рита боится собственной тени. К тому же она под заклятием.

Можно найти телефон, позвонить Филиппу. Впрочем, пока он приедет, все будет кончено.

Что ты сделаешь, Полина? Пойдешь за сестрой? Убежишь? Будешь стоять в нерешительности?

Я вспомнила торжествующий взгляд охотника, уверенность в моей смерти, дикую боль от прикосновения смертоносных щупалец к жиле...

И шагнула в подъезд.

Только войдя, поняла, что не знаю, на какой этаж подниматься. Вот дура, нужно было не сомневаться и идти за Ритой сразу! Что теперь делать? Как найти нужную квартиру? Звонить в каждую? Отличный план, Полина!

— Иди домой, — услышала рядом знакомый голос. Обернулась.

Влад подвинул меня и прошел мимо, словно мы были едва знакомы, и я просто встала на его пути. Поднявшись на один пролет, остановился. Обернулся. Глаза пустые, ничего не выражают.

— Иди домой, Полина, — повторил настойчиво и продолжил путь.

— Ага, как же! — прошептала я и, стараясь не шуметь, направилась за ним.

Правая дверь на третьем этаже была приоткрыта. Влад неслышно скользнул в проем и скрылся в темноте коридора. Я глубоко вздохнула и нырнула за ним.

Темнота настигла резко, полностью лишив ориентиров и остатков уверенности. Квартира пугала неестественной тишиной, а ведь тут было помимо меня четыре человека.

Теперь я не сомневалась, что на Влада тоже влияет кровное заклятие... Сможет ли он дать отпор охотнику? Что, если нет?

Рука скользнула по стене, нашарила выключатель и случайно нажала на кнопку. Хлынул яркий, проникающий свет, я зажмурилась и попыталась выключить, но лампочка треснула, и коридор вновь погрузился во тьму.

Я замерла, не дыша. Наделать шума в квартире разъяренного охотника — только я могла так лажануться. Спасательница, называется! Гаечка недоделанная!

Я поморгала, чтобы привыкнуть к темноте, а затем увидела свет из-под двери.

Мои видения никогда не ошибались прежде. Охотник там — в комнате. Вместе с Глебом, Владом и сестрой. И вряд ли они смогут противостоять ему сейчас.

Каждое движение давалось мне с трудом, словно невидимая паутина оплела ноги, мешая двигаться. Один шаг, второй... До заветной двери каких-то полметра. Я осторожно приоткрыла ее и заметила, как дрожит рука.

Глеб сидел на стуле — в той же позе, как и в видении. Рита стояла справа, положив руку ему на плечо. Натянутая, как струна, испуганная, с застывшими слезами на глазах.

А невдалеке — Влад. Именно на него смотрел охотник и улыбался.

— Совсем по-другому себя чувствуешь, да? — зло спросил он. — Когда именно твои родные в опасности. Когда знаешь, что через секунду кто-то из них умрет.

— Ты сдохнешь быстрее! — тихо сказал Влад.

«Кто-то на крючке, — пронеслось у меня в голове. — Может, Глеб, но скорее всего Рита. Да, именно Рита — она боится пошевелиться, застыла, как статуя». Нужно что-то делать, Полина. Огреть охотника, пока он не убил кого-то.

Я метнулась в темноту коридора, пытаюсь нащупать что-то тяжелое, но наткнулась лишь на пустое трюмо, больно ударившись рукой.

Свернула влево, нашарила еще один выключатель. На этот раз оказалась на кухне. Миленькой кухне с тюлевыми занавесками и клетчатой скатертью на столе. Как-то не вязалась такая обстановка с хозяином квартиры, готовым убить мою сестру.

Я открыла пару ящиков, нашла скалку и, не раздумывая, схватила. Размышлять о том, зачем охотнику скалка, не стала — времени не было. Решительно вернулась назад, набрала в грудь побольше воздуха и приоткрыла дверь. Все остались в тех же позах, что и когда я уходила — наверное, каждый из них был напряжен и готов к атаке. Ну, каждый, кроме Риты и Глеба — они точно никого бы атаковать не стали.

Не раздумывая, я распахнула дверь и ринулась вперед. Охотник повернулся и ловко перехватил мою руку, а через секунду я застонала от дикой боли в животе. Скалка с глухим звуком упала на пол, и краем глаза я увидела, как дернулся Глеб. Дернулся и снова обмяк.

— Какое милое нападение, — улыбаясь, произнес охотник. — Так отважно. И глупо!

Вблизи он оказался совершенно обычным. Про таких еще говорят «среднестатистический». Круглое лицо, приплюснутый нос, внимательные глаза чайного цвета. И ореол смерти.

Я перевела взгляд на Влада. Он хорошо держался. Уверена, мысленно он уже убил меня самым изощренным способом за то, что я пришла, но лицо оставалось бесстрастным. Почему-то вспомнилась его просьба в больнице не подвергать себя опасности. Да уж, отличная атли из меня вышла, ничего не скажешь!

Охотник медлил. Странно, ведь он мог уже несколько раз прикончить меня или Риту. А Глеба так вообще давно — ведь именно его кровью он завлек сестру и Влада в квартиру.

Но он ждал. Чего?

— Ты, наверное, считала, что молодой охотник может не заметить твоего присутствия, но того грохота, что ты устроила в прихожей, невозможно было не услышать.

Я молчала. Смотрела ему в лицо и готовилась к боли. Говорят, когда рвется жила, боль невыносимая, словно вырывают внутренности.

— За кого ты мстишь? — тихо, но саркастично спросил Влад. — Сестра? Мать? А может, все прозаичнее, и это девушка?

— Заткнись! — выдохнул охотник и дернулся, а я вновь застонала от боли.

Что Влад задумал? Разозлить его? Что ж, тогда я буду первой, кого он убьет.

— Ты думаешь, вам все позволено, потому что вы сильнее? Думаешь, такие, как мы, должны страдать из-за вашего голода? Алчности? Я порву жилу девчонки, ты и моргнуть не успеешь!

— И тут же умрешь, — спокойно парировал Влад. — Она слаба, так как с момента посвящения не выпила ни одного ясновидца. А вот я, — Влад сладострастно улыбнулся, — взял немало. И среди них было много самородков. Но наверное, ты из тех трусов, которые бьют лишь женщин и детей.

Влад отвлекал его. Пытался переключить внимание охотника на себя.

— Твоя смерть была бы подарком небес, — ответил охотник, улыбаясь. — Но я могу убить зверушку и уйти. А ты будешь смотреть, как ее смерть добавит мне сил. Потом я

вернусь и убью всех, кого ты любишь. Поодиночке.

— Это глупая затея, — прокашливаясь, усмехнулся Глеб. — Он не любит никого.

В душе я выдохнула с облегчением, так как боялась, что он не очнется. Мысли, эмоции, логика — все работало на пределе. Не хочу, не хочу умирать!

Впрочем, теперь в комнате было два воина, хотя один и остался привязанным к стулу.

— Он прав, — бесстрастно сказал Влад. — Можешь убивать. Но ты не уйдешь — не успеешь.

Я не могла ничего поделать, разве что заставить себя успокоиться. Отбросить панику, она только мешает. Поэтому осторожно осмотрелась.

А квартирка ничего так. Приятная обстановка, светлая стенка, телевизор, мягкий диван с разбросанными подушками. Журнальный столик, на нем пульт и журналы для автомобилистов. На окне — тюль, как и в кухне. Очень уютно, даже не скажешь, что здесь живет убийца.

Интересно, как именно становятся охотниками? Я читала, что сильнейшие из ясновидцев устаиваются превращения, но как? Что именно произошло, чтобы мирный человек обозлился настолько?

Глупый вопрос. Потери меняют...

— Это не вернет их, — невольно сказала я, и охотник отвернулся от Влада. — Не вернет тех, кто ушел.

— Я не идиот. — Он горько улыбнулся. — Но я живу по законам справедливости. Жизнь за жизнь, маленький отважный зверек. — Покачал головой, грустно улыбнулся. — Не нужно было приходить сегодня.

— Это не справедливость, а глупость! — выдохнула я. Напряжение в жиле стало невыносимым — она ныла, сжималась, пытаюсь увернуться от цепких щупалец убийцы. Ладони зачесались от прилива кена, в голове шумело.

— Мир вообще несправедлив, — ответил охотник и потянул щупальца на себя.

Говорят, критические ситуации активизируют мозг, и люди становятся способными делать что-то, о чем и подумать не могли в нормальном состоянии. Некоторые противостоят целой банде отморозков в темном переулке, иные, надыхавшись дымом, спасают себя и родных из горящего дома. Кто-то выживает после продолжительного пребывания на лютом морозе.

Когда чувства отключены, включаются инстинкты.

Боль отступила на задворки сознания. Я выставила руки вперед, защищаясь, и из них мощным потоком выплеснулся кен. Меня отбросило назад, и я упала, больно ударившись головой о стену. Охотник полетел в противоположную сторону. Открыв глаза, я увидела, что одежда на его груди обуглилась, а кожа покрылась волдырями.

— Фига се! — сказал Глеб и замолчал, а Рита громко всхлипнула.

Я взглянула на Влада.

Удивить его всегда было непросто. Вернее, невозможно. Но в этот раз он ошеломленно смотрел на меня, как на какое-то чудо света. Округлившимися глазами с диким выражением лица, словно видел не меня, а что-то неизведанное и опасное. А затем опустил глаза, резко развернулся и подошел к лежащему в углу охотнику.

— Нет! — воскликнула я, вставая и потирая ладонью ушибленную голову. Она тут же взорвалась тысячью разноцветных искр и ослепительной болью. — Влад, не нужно.

Подошла к нему,хватила за руку, которую он уже занес для удара.

— Отойди! — прохрипел вождь атли, даже не взглянув на меня, однако руку не отнял.

— Убьешь его, и будешь не лучше.

— Он — охотник. — Влад повернулся ко мне, сверкнул глазами. — Заманил нас сюда, чтобы убить. Сейчас нет времени рассуждать о справедливости.

— А когда будет время? Когда ты сделаешь что-то, о чем потом будешь жалеть?

— Я никогда не буду жалеть об этом! — раздраженно ответил Влад, стряхивая мою руку.

Вместе с головной болью во мне поднялась злость. Он всегда все решает сам. Всегда. Не обращая внимания на желания близких, на их потребности. Делает то, что заблагорассудится, идет по головам. Сильный, твердый и ужасно упрямый.

Странно, мне раньше это даже нравилось, но сейчас почему-то взбесило. Я встала между Владом и приходящим в себя охотником.

— Я буду жалеть, если позволю.

И он снова удивился. Похоже, сегодня мой рекорд по непредсказуемости. Наверное, будь ситуация иной, я бы собой гордилась. Но не сейчас — сейчас неподходящее время.

— Отойди, Полина.

Показалось, что если сейчас не послушаюсь, первым делом Влад ударит меня. Та часть, что прогибалась под него, тянула в сторону. Отойти, дать ему прикончить врага. Завершить этот ужасный вечер, забыть.

Я тряхнула головой и выставила ладони так, как сделала это с охотником.

Черт, что я творю вообще? Seriously пойду против Влада? Раньше мне такое и в голову не могло прийти, и вот я стою и выступаю против него на глазах у Глеба и Риты. Странно, но страха не было — только злость и решимость. С непонятной силой во мне словно проснулось что-то, и именно оно говорило сейчас за меня.

— Нет.

Влад, казалось, не воспринял мои слова всерьез, потому что дернулся вперед с целью отодвинуть меня с дороги. Тогда я выпрямилась и подняла руки выше, обращая его внимание на то, что вовсе не шучу.

Секунда — и в его глазах замешательство. Еще секунда — недоверие. А потом злость.

Что ж, моя сильнее. Я уже убила раз по его указке. Того древнего, который даже не попытался навредить мне. Не хочу больше смертей, плачущих ясновидцев, ужасных опасностей!

— Не нужно. Этого. Делать. Влад.

Он закрыл глаза, спокойно выдохнул. Затем посмотрел прямо в глаза одним из своих самых пронзительных взглядов. Психологическая атака — его сильная сторона.

— Ты угрожаешь мне? Я твой вождь, забыла?

— Нет, — сказала я, — не забыла. Но интуиция пророчицы говорит, что не нужно убивать охотника. И я не могу ее не послушать, извини.

Время словно остановилось, и казалось, я не смогу выдержать его взгляд. Никогда не хотела, чтобы он смотрел на меня так — как на врага. Что ж, желания иногда ничего не значат. Я все ждала, когда он ударит — мысленно готовилась к этому.

Влад не проигрывал. Никому и никогда. И не прогибался.

Но он вдруг отвел взгляд и отошел. Просто отошел в сторону, и я поняла, что победила. Выиграла. Но что? Зачем я и правда рисковала? Ради чего?

Посмотрела на охотника. Мужчина был удивлен не меньше, да оно и понятно: не

каждый день тебя защищает хищная после того, как ты держал ее жилу на крючке. Выглядел он скверно — рана на груди сочилась и пузырилась. Края обуглились, словно он получил горящий снаряд в грудь.

Что же такого в моем кене? Я же просто пророчица...

— Ты же знаешь, что я вернусь, — сипло выдохнул он, пытаясь встать. Помогать ему я не собиралась — хватит того, что спасла. Меня теперь будут судить — тут и к бабке не ходи. Интересно, какое наказание предусмотрено за спасение охотника?

— Если рискнешь убить кого-то из атли, я лично тебя прикончу.

Сама не ожидала, что скажу это. Впрочем, остального тоже. Может, у меня раздвоение личностей, и теперь вторая «я» проснулась и жаждет крови? Бред. Все это стресс, я чувствовала, как меня начинает трясти.

— Рита, развяжи Глеба, — резко скомандовала вторая «я».

Влад не двигался и стоял спиной ко мне. Я не могла видеть его лица, но понимала: ничего хорошего там не найду. Ладно, потом подумаю об этом — сейчас нужно уходить, иначе охотник рискует увидеть мою истерику, и тогда эффект будет не таким ошеломляющим. Он же продолжал пялиться, что раздражало.

— Знаешь, я редко соглашаюсь с Вермундом, — произнес Глеб, подходя и потирая запястья, — но на этот раз... Какого черта ты творишь?

— Я же не спрашиваю, какого черта ты заставил меня не спать, переживая за твою жизнь!

Влад подошел к нам. На меня не смотрел, только бросил охотнику:

— Если вернешься, ты не жилец!

Затем добавил, обращаясь к нам:

— Уходим.

Взял Риту за руку и вышел из квартиры.

Сложно выигрывать у него. Еще сложнее, чем прогибаться. Хотя выигрывать, наверное, всегда сложнее.

— Ты идешь? — Глеб потянул меня за рукав, и я вынырнула из омуты чайных глаз.

— Иду.

Выйдя из подъезда, громко выдохнула, понимая, что напряжена до предела. Посмотрела на машину Риты, на припаркованный неподалеку черный «Ауди» и метнулась в сторону.

Я не бегала так быстро очень давно. Ветер хлестал по лицу, навстречу неслись дома, машины, прохожие — все это появлялось и тут же исчезало, заменяясь новыми, совершенно ненужными впечатлениями.

Не знаю, сколько я так неслась. Пришла в себя на лавочке в знакомом дворике, где прошла моя юность — уютном, с детской площадкой и развешанным на улице бельем. В окнах бывшего пристанища маняще горел свет, и лишь здесь, в отгороженном мирке, которые еще хранил отпечаток нормальности, я поняла, что плачу.

Напряжение постепенно уходило, и все, что оно сдерживало, хлынуло большой и мощной волной. И я позволила истерике завладеть собой — нужно выплеснуть страх, удивление, обиду. Все, что копилось во мне, но не находило выхода. Я обняла себя за плечи и зарыдала в голос.

Глава 28. Разоблачения

Глава 28. Разоблачения

Слезы постепенно высохли, страх ушел, и его сменила усталость. Разлилась тяжестью в груди, заполнила затылок давящей пустотой — туманным отпечатком неопределенности. Жила ныла, но терпимо, во всем теле чувствовалась почти непреодолимая слабость.

Сколько же кена из меня выплеснулось? Вот я и приблизила себя к истощению. Ко всему прочему, осталось только ослабнуть и умереть.

А не пошло бы оно все!

— Я помню этот дом, — спокойно сказал охотник, и я вздрогнула. Он сидел рядом, на лавочке, заложив ногу за ногу, и смотрел перед собой. Обычный парень в джинсовой куртке на меху и сияюще-белых кроссовках. — Тогда забыл, а сейчас вдруг вспомнил.

Я обвела взглядом спящий, окунувшийся в мутную осеннюю ночь дворик с замершими качелями, притихшей песочницей и сентябриновыми клумбами, одинаково серыми и погруженными в сон. Фонари роняли на асфальт рассеянный сиреневый свет. Он сливался с редким свечением из окон, разбавляясь желтым и люминисцентно-белым.

Усталость была такой сильной, что не осталось сил бояться. Инстинкты спали даже рядом с врагом. Плохой знак — предвестник истощения.

— Ты ранен, — сказала я зачем-то. — Тебе бы полежать...

— Ты бьешь больно, но не смертельно, — безразличным голосом ответил он.

— Это я не старалась.

— Как тебя зовут?

— Полина. А тебя?

— Андрей. — Он сложил руки под подбородком, на меня по-прежнему не смотрел. — Зачем ты это сделала?

— Интересен мой ответ, прежде чем убьешь?

Он улыбнулся, отчего грубоватое лицо стало неожиданно приятным.

— Пожалуй, оставлю тебе жизнь. Сегодня. К тому же не люблю быть должным.

— Вернешься завтра — умрешь! — зло произнесла я.

— Да, ты говорила. Только для этого тебе нужно восстановиться. А я не позволю.

— Так вот зачем ты здесь... — Я закрыла глаза, стараясь не злиться. Голова начинала болеть постепенно — боль сосредоточилась в левом виске, медленно перетекая в затылок. Пульсировала, оживала и пугала неотвратимостью страданий. — Посмотреть, как я умру?

— Не позволить тебе питаться.

— Я никогда не делала этого! — выкрикнула я, жмурясь от яркой вспышки и коря себя за несдержанность. Закрыла лицо руками, стараясь успокоиться. Показать слабости врагу — не лучшее решение. — А даже если бы и делала... Это нужно нам, чтобы жить. Как ты можешь судить кого-то? Ты убиваешь людей!

— Я убиваю тех, кто калечит людей, а это — другое, — мрачно сказал охотник.

— Всего лишь твое мнение, — безразлично ответила я.

— У меня есть право судить, Полина. Мой лучший друг — ежедневное напоминание о ваших потребностях. Законы пишем не мы, а Первозданные.

— Они хоть существуют?

Упоминания о таинственных правителях мира хищных, охотников и ясновидцев встречалось в летописях часто, но почему-то у меня сложилось устойчивое мнение, что на самом деле никаких Первозданных не существует. А придумали их, чтобы запугивать хищных, ведь по поверьям именно они делают из ясновидцев охотников.

— Они дают нам силу, — сказал Андрей. — Решают, кто достоин.

— И ты их видел?

Впервые с момента появления здесь охотник посмотрел на меня. Глаза блеснули непонятым огоньком — оттенком полу-преклонения, полу-страха.

— Как сейчас вижу тебя, — ответил и отвернулся.

Ситуация показалась забавной, необычной и немного мистической.

Парень и девушка ночью на лавочке. Сонный город дышит выхлопными газами проезжающих по трассе автомобилей. Редкие выкрики и смех гуляющих подростков в антураже ночи кажутся совершенно лишними.

Хотелось тишины, ведь именно в тишине открываются самые интересные тайны.

Но любопытство, к сожалению, притуплялось дикой сонливостью. Каждое движение доставляло дискомфорт и, если честно, было желание просто лечь на лавочку и уснуть. И уж точно не плестись до подъезда, затем по лестнице, а потом долго объяснять подруге, почему заявилась так поздно. Впрочем, в этом случае я рисковала замерзнуть, простудиться и умереть от воспаления легких быстрее, чем от истощения.

— Ты устала, — тихо сказал охотник и вновь отвернулся. — Выдохлась. Я мог бы убить тебя без усилий.

— Хвастовство, — зевнула я и потянулась. — Почему же ты еще этого не сделал?

— Не люблю быть должником.

Охотник встал, расправил несуществующие складки на рукаве.

И совсем он не страшный. Если не считать смертоносных для меня щупалец, вполне приятный и интересный.

По-моему, у меня разум помутился после событий этой сумасшедшей ночи. И придет же такое в голову!

— Вождь атли дорожит тобой, — безэмоционально сказал он. Отвернулся, поднял воротник и поежился от промозглого ветра. Сегодня очень ветряно, и распогодилось совсем. Возможно, пойдет дождь, и тогда есть шанс, что я немного пополню опустошенную внезапным выбросом жилу. И доживу до утра. — Его страх усилился, когда ты вошла. Стал ярче.

— Это все проклятие, — вздохнула я.

Тоже встала.

Лечь и уснуть. Ни о чем не думать. Не жалеть.

— Ты самая странная зверушка из тех, что я встречал, — произнес охотник и пошел прочь.

— Ты самый странный убийца. Хотя я встречала немногих.

Путь к подъезду показался марафонской дистанцией, а до квартиры Вики по лестнице — подъемом на Эверест.

Подруга открыла, и я буквально ввалилась внутрь, чувствуя, как дрожат от напряжения колени и кружится голова.

— Что с тобой произошло? — встревожилась Вика и поддержала за плечи.

— Завтра расскажу. Переночевать пустишь?

— Глупее вопроса ты задать не могла!

Я отправилась в комнату, когда-то бывшую моей, и завалилась на застеленную кровать, как была, прямо в одежде. Отключилась сразу же. Снов не было, сожалений тоже. Перед тем, как лечь, подумала, что Глеб с ума сойдет от волнения, но сил на звонок просто не осталось.

Проснулась, как ни странно отдохнувшей. Голова все еще напоминала шар для боулинга, но больше не болела. Дискомфорт в жиле тоже исчез. То ли я вчера использовала не весь свой потенциал, то ли добралась до глубинных сил, и жить осталось совсем немного — их восстановить практически невозможно.

Думать о смерти совершенно не хотелось, поэтому я встала и потянулась. Тут же нахлынуло ощущение дикого стыда за вчерашнюю выходку — я ведь сбежала прямо от дома охотника, а потом не поставила в известность атли, что со мной все в порядке. Глеб, наверное, с ума сошел, а Влад...

А вот это опасная тема. Даже для мыслей. Лучше без них — сразу в омут с головой. Размышления на эту тему никак не помогут.

Скорее всего, меня будут судить. И за то, что ослушалась вчера, и за то, что сбежала. А еще, наверняка, вернется вопрос ясновидцев.

Не буду этого делать — пусть хоть режут!

На кухне меня ждала чашка горячего кофе и бутерброды. Вика, как всегда, заботится и ни о чем не спрашивает. Настоящий друг, проверенный временем. Как жаль, что ей нельзя рассказать об атли — это бы многое упростило. Но, зная ее, я могла сказать точно: она не поймет.

— Ты опять связалась с его величеством? — спросила подруга, пристально вглядываясь в мое лицо.

Я даже кофе подавила. Чашка с грохотом опустилась на стол, а я с ужасом посмотрела на Вику.

Она придумала это прозвище для Влада почти сразу же после нашего знакомства и, наверное, была права. В том смысле, что оно ему очень подходило.

— Он звонил вчера, — бесстрастно добавила она и взяла бутерброд. — То есть сегодня. Ночью.

— Все не так, — смущенно сказала я. — То есть не так, как кажется.

— А как кажется?

Я вздохнула. Ну, как ей объяснить, что я просто обязана жить с Владом в одном доме? Да если бы она знала всю историю наших отношений, наверняка назвала бы меня сумасшедшей. Странно, но я больше не ощущала дискомфорта — наверное, свыклась, притерлась к странностям и особенностям быта хищных.

— Никак. Неважно.

— Я выпытывать не буду. Скажу одно: ты снова будешь плакать, попомни мои слова.

— Что ты сказала ему? — спросила я, стараясь придать голосу как можно более безразличную интонацию.

— Что не видела тебя больше недели, — невозмутимо ответила подруга.

Домой я возвращалась отнюдь не в радужном настроении. В общем-то, я не знала, что именно меня ждет и какого рода разборки придется вынести. Мысли об охотнике не шли из головы, а еще о внезапном проявлении способностей жилы.

Почему они не проснулись раньше? Например, в тот день, когда охотник вселился в

Славика? Или тогда, когда приходил Тан? Мысль о том, что я могла вот так жахнуть по Чернокнижнику, показалась неожиданно приятной.

Оказывается, я могу жахнуть!

В гостинной я тут же натолкнулась на Глеба.

— Ты нормальная? — без обиняков заявил он, хотя я заметила мелькнувшее облегчение на уставшем и встревоженном лице. Впрочем, облегчение быстро сменилось злостью и едва скрываемой обидой.

— Извини... — пробормотала я. — Не хотела тебя пугать.

— Шутишь? Мы уже похоронили тебя. Ты вообще головой думаешь, Полевая? У тебя там мозги, если что? Используй их хотя бы иногда!

— Глеб, ну я же извинилась. К тому же, ты знал, что я так сделаю. Нечего было... убегать...

И замолчала под убийственным взглядом Влада.

Он стоял на выходе из коридорчика, ведущего в кухню. За его спиной замерла Лара и смотрела на меня испуганно. Впрочем, защитница — это меньшее, что волновало меня в тот момент.

— Ну, это... не надо злиться, — примирительно произнес Глеб. — Вернулась и хорошо.

Влад на него даже не взглянул.

Что ж, я готовилась к этому и стоически выдержала ментальную атаку. Оказалось труднее, чем представляла. Если честно, он на меня никогда особо и не злился, кроме случая в день воссоединения атли. Но тогда мне помогала собственная ярость, а в этот раз мешало сожаление.

Не говоря ни слова, он подошел, буквально схватил меня за запястье и потащил вверх по лестнице.

Я считала ступени и готовилась к худшему — чему-то неотвратимому, что надолго изменит тон наших отношений. Мелькнула мысль, что эта едва сдержанная ярость могла быть вызвана нали.

Седьмым? Или может...

Внезапно стало страшно. По-настоящему. Жуткое ощущение — не доверять тому, к кому так сильно привязан, постоянное желание скрыть зависимость, прятать глаза, придавая лицу каменное выражение.

Врать — себе, ему, всем...

Зачем? Есть ли смысл?

Живя в постоянном напряжении, я уже разучилась просто улыбаться, расслабляться, радоваться мелочам.

Влад открыл дверь своей комнаты и втолкнул меня внутрь. Что ж, так даже лучше — будет кричать не при всех, а это уже значительный плюс для готовившейся давать отпор гордости.

Дверь громко захлопнулась, оставив позади пути к отступлению — маленький мостик, по которому я еще могла убежать. Бежать не хотелось.

— Влад, я...

— Молчи! — прошипел он.

Подошел близко — бог мой, как близко! Испуг, ярость, возбуждение — все смешалось, переплелось, срослось корнями. Откуда-то издалека слышалось мое прерывистое дыхание, растворяющееся в накалившемся от напряжения воздухе. На комодке размеренно тикали

часы, заполняя тишину, мешая потеряться, утонуть...

Влад поднял руку, погладил по щеке, запустил руку в волосы — сначала нежно, затем жестко, почти грубо. Запрокинул мою голову назад.

Я закрыла глаза...

Врать не хотелось.

Правда, пусть и выраженная не словами — прикосновениями, вздохами, стонами — выплеснулась наружу фейерверком разноцветных искр. Я судорожно сжимала ткань скользящих простыней, тонула, выныривала, захлебывалась блаженством, снова тонула.

Дышала ванилью, и она, словно яд, лишала воли, сомнений, жизни. Меня. Растекалась по венам светом, волшебством...

Растворяясь в другом, всегда теряешь себя.

Важно? Нет, неважно!

Умелые руки, горячее дыхание в районе ключицы, обжигающий шепот. Я отвечала — неразборчиво, не задумываясь о значении произносимых слов. Слово невидимая пружина во мне, натянутая до предела, распрямилась, выстрелила, и что-то высвободилось — дикое, чарующее, восхитительное.

Оно медленно оседало на подушки, в то время как я пыталась прийти в себя, нащупать ниточку реальности и по ней выйти из лабиринта внезапной близости. Желанной и запретной.

— Ты хоть понимаешь, как я испугался?

Рука прошла по волосам, захватила прядь, скользнула по шее, рождая мурашки. Так приятно — его тревога, забота, желание. Слово я преодолела последние несколько лет и вернулась в прошлое — наше прошлое, до предательства.

— Я не хотела никого пугать. Сама испугалась... Даже не знаю, почему сбежала. Пришла к Вике. Так вымоталась, что сразу уснула. Я же не знала, что она тебе соврет.

— Только не говори, что она не предвзята! — проворчал Влад, приподнимая мой подбородок. — Ты ужасно себя вела. Надеюсь, понимаешь это?

— Извини.

— Охотник вернется, Полина.

Я потупилась, и он вздохнул. Взял мою руку, развернул ладонью вверх и несколько секунд внимательно рассматривал.

— Ты удивила меня вчера, — сказал задумчиво.

— Я и сама удивилась. Не поняла, что произошло.

Постепенно тишина возвращалась. Разбавленная тиканьем часов, окутывала умиротворением и спокойствием. Возникло ощущение, что все правильно. Так, как должно быть. Наверняка это чувство вызывалось проклятием, но мне было плевать. Рано или поздно устаешь сопротивляться и просто принимаешь данность.

Удивительные сюрпризы преподносит судьба. Я ведь шла домой на казнь, а попала в блаженство. Захотелось остановить время, хотя бы замедлить, наложить магическое заклинание на дверь, чтобы никто не смог войти и разрушить эту идиллию. Я поймала себя на том, что улыбаюсь. Той самой глупой улыбкой школьниц — наивной и смешной.

Подумала об охотнике, вернее, о его лучшем друге. Сразу вспомнился Лёня и его пустые глаза, неразборчивое бормотание.

Навсегда... Как же это несправедливо!

— О чем думаешь? — тихо спросил Влад.

— А ты разве не можешь... знать? — вырвалось у меня.

Я тут же прокляла свой язык. Так хотелось не нарушать идиллию, забыть обо всем плохом, но я, как всегда, все испортила.

— Что ты имеешь в виду?

Голос Влада был спокойным и излучал благодущие. Не хотелось отвечать, но раз начала...

— Нали. Седьмого, — сказала и застыла.

«Тик-так, — откликнулись часы. И снова: — Тик-так».

— Я прогнал седьмого, Полина. Еще в хельзе.

— О...

Сердце забилось быстрее, в грудь закрался предательский холодок опасения. Нельзя прятаться от правды, но мне снова захотелось. Правда могла оказаться страшной, неправильной и фатальной.

— Еще что-то хочешь спросить?

Хочу ли я спросить? Шутишь? Конечно, не хочу! Я вообще не хочу, чтобы это происходило с нами. Желая, чтобы не было проклятия, жуткого прошлого, сомнений. Чтобы тебе не нужна была моя кровь, а я могла спокойно дышать без тебя.

Я покачала головой.

— Нет.

Влад улыбнулся, поцеловал меня в лоб и встал. Вот все и закончилось. Так быстро — я не успела даже осознать, принять, пропустить через себя. Что теперь будет с нами? Со мной?

— И что теперь? — осторожно спросила я.

Влад посмотрел в глаза, покачал головой. Слегка растрепавшаяся прическа удивительно ему шла, и мне захотелось прильнуть, прижаться и ни о чем не думать. Заснуть с ним, как раньше — в ореоле покоя и защищенности. Наверное, проклятие сильнее, если ему потакаешь.

— Ты все равно меня не слушаешь. — Он пожал плечами. — Слова не держишь. Восстанавливаться-то как планируешь?

— Я не буду пить ясновидцев! — нахмурилась я.

— Я так и думал.

Он оделся и вышел из комнаты, а я откинулась на подушки, вдохнула остывающий воздух с рассеивающимся ванильным шлейфом и закрыла глаза.

Что-то я совершенно запуталась...

И что теперь? Сделаем вид, что ничего не было?

Сначала мне, и правда, казалось, что ничего. Словно это было очередным видением, дымкой, туманом. Что я еще сплю у Вики и вот-вот проснусь. Нужно будет идти домой, объясняться с Владом, а его настоящая реакция на вчерашнее не будет такой положительной.

Пробуждения не произошло. Произошло столкновение с Глебом в коридоре. Он сомнительно взглянул на меня — как бы свысока и немного осуждающе.

— Что? — резко спросила я, поправляя волосы. Нужно было хотя бы в зеркало посмотреть. Хотя то, что я вышла из комнаты Влада спустя полчаса после того, как он сам ее покинул, очень красноречиво описывало ситуацию. Да у меня, наверное, на лбу написано все, и спрашивать не надо.

— Думал, он тебя приберет, — мрачно ответил Глеб.

— Ну, он меня не прибил.

— Да, я понял это по стонам из-за двери. Сначала хотел вмешаться, думал, он там тебя пытается...

— Знаешь, что, Измайлов, ты гад! — выдохнула я. — Я разве спрашиваю тебя, с кем ты спишь?

Глеб воровато оглянулся, взял меня за руку и поволок в свою комнату. Невероятное сходство, а еще отпираются! У них даже повадки одинаковые.

— Знаешь, что я слышал сегодня утром? — порывисто спросил он, прикрыв за мной дверь. — Вермунд у финальной точки, впустил восьмого и на пределе. А ты — просто финишная лента, Полина. Все это — изощренная игра, как ты не поймешь?

Я обижено нахмурилась, потупилась.

— Не верю.

— Ну, и дура!

— Хватит уже! — окончательно обиделась я. — Это моя жизнь, и мои решения.

Глеб выдохнул и отвернулся. Хотел что-то еще сказать, но передумал. Кивнул.

— Так что с тем охотником? Какого черта ты там устроила вчера?

Я пожала плечами, забралась на кровать и поджала ноги. Дотронулась до блестящего глянца гитарной деки.

Интересно, деревяшка, а звуки издает волшебные. Мне всегда было невероятно уютно сидеть в глубоком кресле Глеба и слушать, как он наигрывает свои замысловатые мелодии.

— Сама не знаю, что произошло. Нужно спросить у Филиппа, были ли у мамы такие таланты.

Глеб покачал головой.

— Точно не было. — Замялся, отвел взгляд. — Я читал о пророчицах атли...

— Тогда даже не знаю... Адреналиновый выброс? Я ж на грани смерти была, охотник хотел порвать мою жилу.

— Возможно. — Он присел рядом. — Или твой кен имеет тайные свойства.

— Знаешь, я не чувствую себя плохо. Я имею в виду, после вчерашнего. То есть ночью казалось, истощена была, а утром ощущала себя довольно бодро. Странно.

— Действительно странно. Что на это сказал Вермунд?

— Ничего. Мы особо не разговаривали.

— Я так и понял.

— Глеб!

— Молчу-молчу.

Подозрения Глеба отложились в сознании зудящим фоном. К нему примешивались мысли, зародившиеся в хельзе. Но если Орма я могла презирать и по-черному ненавидеть, то перед Владом в этом плане была полностью беззащитна. Мы же только что занимались любовью на его огромной кровати. Сколько раз мне снились эти сны? Сколько еще приснятся?

С другой стороны, я понимала, что верить ему нельзя. Его забота странным образом переплеталась с ложью, вызывая при этом противоречивые чувства. Я терялась в догадках, пугалась и была совершенно сбита с толку.

Надеялась на разговор, даже сочиняла речь, но разговор так и не состоялся. Влад куда-то уехал и вернулся, когда я уже спала. На следующий день вел себя, как обычно, ничем не выдавая намерений сблизиться, если они у него, конечно же были. За завтраком даже не

посмотрел на меня, после о чем-то долго разговаривал с Филиппом и Ларой, вызывая в душе неконтролируемые приступы обиды.

То был порыв, убеждала я себя. Он испугался, эмоции зашкалили. Мне-то что? Разве думала я об отношениях, хотела их? Перед тем, как в нас стреляла Юлиана, Влад просил подумать о нас, но после выхода из комы ни разу не напомнил о том обещании.

Его все еще волнуют нали. Восьмой тянет кен невероятно, и Владу нужно прогнать его. Последняя стенка рухнет, и я окажусь один на один с реальностью, хотя уже и так понимаю: он пойдет до конца.

В то, что убьет меня, я, конечно же, не верила, но другая девочка — пророчица — разве она заслужила? Нужно было спросить вчера, а не поддаваться малодушию, но я смолчала. Боялась ответа? Скорее всего.

А потом Влад строго-настрого приказал атли сидеть в доме и не высовываться. На меня посмотрел особенно пристально, как бы показывая, что второй раз своеволие мне не сойдет с рук. О работе я даже заикнуться постеснялась, подошла к Кириллу и робко озвучила просьбу.

Как же хорошо, что Кирилл Макаров больше не впускал нали! Он на поверку оказался очень мягким и уступчивым, а не тем букой, которого я встретила впервые.

Хотя все же клянчить больничный не выход. И что теперь, сидеть в доме до смерти? Ждать, что охотник нападет со спины где-нибудь в супермаркете. Понимаю, Влад заботится об атли, но должно же быть решение.

— Ты же сама отпустила охотника, — язвительно выдала Рита, когда я возмутилась о жизни в клетке. — Вот и терпи. И вообще, взяла моду защищать ясновидцев и охотников!

— Он не показался мне таким уж страшным, — смущенно ответила я.

— Он чуть не убил меня и твоего ненаглядного Глеба!

С этим не поспоришь. Но я вспомнила наш разговор на лавочке. Андрей не убил меня, хотя мог. К тому же я была слаба и вероятнее всего пошла бы искать ясновидца. Почему он не допускал такой возможности? Или допускал, но спустил мне это с рук? С чего бы? То, что я спасла ему жизнь, не повод смотреть сквозь пальцы на злодеяния. Вряд ли охотник поверил, что я не буду пить кен ясновидцев.

Вообще его действия, как и мои, в ту ночь трудно назвать логичными. Скорее всего, Андрей уже укрепился в решении охотиться на атли.

Нет, не может все быть так! Мы же все — люди. И хищные, и ясновидцы, и охотники. Разве можно друг на друга охотиться?

— Эй, ты слушаешь вообще? — Рита поводила рукой у меня перед лицом. Я, кажется, ушла в себя и пропустила часть разговора.

— А? Что?

— Я спрашиваю, что у тебя с Измайловым?

— Глупый вопрос. Мы друзья.

— Ага, а он об этом знает? А Влад? — Сестра покачала головой. — Нехорошо их стравливать, Полина.

— Стравливать? — удивилась я. — Когда я их стравливала?

Рита вздохнула. Взяла меня за руку, и потянула к дивану. Воровато оглянувшись и заговорщически зашептала:

— Я не знаю, о чем вы общаетесь с Измайловым, и какие у вас отношения, но на следующий день после той истории с охотником, когда ты вернулась утром, и вы с Владом...

ну, ты поняла. — Она нервно улыбнулась, а я нахмурилась.

Что, теперь весь дом знает? И говорят, небось. Как это Лара меня еще не отравила?

— И? — стараясь казаться безразличной, спросила я.

— Ну, в общем, Глеб даже в лице переменялся. Сначала мне показалось, он войдет. Мы ж за вами пошли. Вернее, он пошел тебя спасать, а я — ну так, на подмогу. Вдруг разнимать придется.

Я представила себе сцену: хрупкая Рита кидается в гущу драки Влада с Глебом, и не смогла сдержать улыбки. Вообще разговор получался каким-то нервным. Я взяла стакан, налила воды из графина, сделала глоток. Впрочем, от кома в горле это не помогло.

— Но это не самое страшное, — серьезно продолжила сестра. — Влад тоже спрашивал... ну, о вас.

Я даже поперхнулась и слегка перелила на себя воду.

— Ты не волнуйся! — перешла на шепот Рита. — Я сказала, что вы с Глебом просто друзья.

— Мы и есть просто друзья!

— Хорошо-хорошо, — примирительно закончила она. — Просто иногда кажется, сам Глеб думает иначе. Ты бы поговорила с ним.

Если Рита права, то мне нужно выяснить это с Глебом раз и навсегда. Я вспомнила ночь, проведенную в доме Ольги Измайловой. Но я ведь ясно дала ему понять, что это лишь слабость. Блажь, которая забудется наутро. Впрочем, такое не забывают.

Вдруг я почувствовала себя не очень хорошим человеком. Нет, ну почему так? Ведь я была тогда свободна, Глеб тоже. Разве не так поступают взрослые свободные люди, которые симпатизируют друг другу? Это ведь был просто секс без обязательств.

Кого я пытаюсь обмануть? Взрослые люди не спят с друзьями, чтобы утешить, и уж тем более, не делают потом вид, что ничего не произошло. Однозначно, нужно поговорить с ним. Но только не сейчас — сейчас нужно думать об охотнике.

Последующие несколько недель показались адом. Никто не смел высунуть нос за пределы дома, выходили лишь наиболее сильные, и то, не поодиночке. В основном, это были Влад, Филипп и Лара.

Мне Влад категорически запретил высовываться, хотя именно я тогда спасла нас от охотника. Было немного обидно, что со мной обращаются, как с ребенком.

Влад был приветлив, но ночи проводил отдельно, никоим образом не давая понять, что мы снова пара. Никаких намеков на отношения.

Неопределенность изводила, заставляла строить по ночам немыслимые теории, а потом рушить их с рассветом.

В итоге я пришла к выводу, что то был обычный порыв. Без последствий. А что, так бывает: люди выпускают пар и расходятся. Наверняка Владу тоже некомфортно знать, что он от меня зависим. Он весь такой самодостаточный, сильный. А я какая-то девчонка... Все, что нас связывает — магическая шалость давно почившей ведьмы. Мы даже не подходим друг другу.

И я смирилась.

Но смириться с вынужденным заточением не могла — это сводило с ума. Поэтому когда Влада и Лары не было, Филипп возился с бумагами в кабинете, а девчонки трещали на кухне, я выскользнула из дома.

Меня встретил солнечный, но холодный октябрьский день. Удивительно прозрачный,

свежий воздух бодрил и заряжал позитивом. Я быстро зашагала к остановке, а через пятнадцать минут уже ехала в город.

Нужный район был мне знаком — здесь жил одноклассник, который когда-то, еще классе в девятом, за мной настойчиво ухаживал. Зазывал домой, где его бабушка угощала пирожками с капустой и собственноручно приготовленными чебуреками. С одноклассником не сложилось, а чебуреки оставили в памяти приятный след. Как и сам район.

Быстро преодолевая лестничные пролеты, я старалась ни о чем не думать. Начну сомневаться — сбегу. Нельзя трусить и прятаться в последний момент.

Решительно нажала на кнопку звонка, застыла. Удары сердца гулко отдавались в ушах, волнение сгустилось, усилилось и давило на мозг свинцовыми рукавицами. Наконец, замок щелкнул, и дверь распахнулась.

— Полина? — Хозяин квартиры был явно удивлен.

— Привет, Андрей, — сдавленно поздоровалась я. — Можно войти?

Охотник отступил, и я шагнула в его уютную мышеловку.

Почему-то смутилась и забыла все слова, впрочем, как всегда. Но знала точно: определенность важнее. Балансировать между «да» и «нет» надоело безумно.

Андрей закрыл за мной дверь, и ощущение незащитности усилилось, но я напомнила себе, что могу жахнуть. Как это сделать, я в принципе, не представляла, но в прошлый раз получилось же.

— Как ты... себя чувствуешь?

Вопрос был нелепым, но я не могла его не задать.

— Уже лучше, — улыбнулся он.

Охотник прошлепал на кухню, оттуда обернулся и, как ни в чем ни бывало, спросил:

— Чай? Кофе?

— Чай, — ответила я после секунды раздумий.

Не будет же он меня травить, в самом-то деле. Чтобы меня убить, у него есть вполне определенные способности.

Я проследовала за ним и присела за застеленный скатертью стол. Осмотрелась. Определенно уютная и приятная обстановка. Ажурные занавески умиляли и никак не вязались с сущностью убийцы. Я невольно улыбнулась.

— Вижу, у тебя хорошее настроение, — миролюбиво сказал Андрей.

— Просто я не так представляла себе жилище охотника, — призналась я.

— Представляла подземелье с кандалами на стенах? — усмехнулся он.

— Да, нет. То есть не то чтобы...

— Я люблю уют.

Он совершенно не смахивал на опасного типа. Особенно сегодня. В растоптанных тапочках, спортивном костюме, у плиты — очень устрашающе.

— Пришла узнать, собираюсь ли я нападать на твое племя? — спросил он, доставая печенье из хлебницы и ставя на стол чашки из сервиза.

Я осторожно кивнула.

— Это моя природа, Полина. Убивать хищных. Атли — хищные.

Я потупила в белоснежную скатерть. Чайник на плите засвистел, и Андрей налил кипятка в заварник, поставил на стол сахарницу. Присел на соседний стул и серьезно спросил:

— Почему не дала своему вождю убить меня?

Я пожалала плечами.

— Я не росла с хищными. Воспитывалась вне атли. Наверное, поэтому. Считаю, что все мы — люди в первую очередь.

Он кивнул. Налил чаю и подвинул мне дымящуюся кружку.

— Хорошо, Полина. — Я подняла на него глаза, не веря собственным ушам. — Будем считать, я потерял след.

— Почему? — спросила сдавленно.

— Я тоже рос не среди ясновидцев. Вне клана. — Он вздохнул. — Понимаю, о чем ты говоришь.

Мы допили чай в полном молчании. Я поднялась. Должна была чувствовать облегчение, но на душе почему-то было тяжело. То ли усталость, то ли последствия адреналинового выброса — как тогда, когда уходила отсюда впервые.

Андрей открыл ящик трюмо, достал блокнот и написал что-то. Вырвал листок.

— Держи, — сказал небрежно и протянул мне. — Если вдруг вляпаешься в неприятности. А ты вляпаешься точно!

Каллиграфическим подчерком, вызывающим зависть бывшей троичницы, на листке был выведен номер телефона

— Спасибо.

Я не понимала, зачем он сделал это, но листок все же взяла. Никто же не заставляет меня звонить, верно?

Домой вернулась в мрачном настроении, хотя и с хорошими вестями. И в гостиной сразу же натолкнулась на Влада.

— Мне скоро придется ставить на тебя жучок! — выдохнул он и замолчал.

Я поежилась. Все же нали — не шутка, особенно когда он последний и тянет из тебя кен с бешеной силой.

— Не нужно злиться, — робко парировала я. — Давай ты совсем-совсем не будешь злиться. Я же жива. — А потом добавила почти шепотом: — Я была у охотника.

— Ты себе представить не можешь, каких усилий мне стоит сейчас сдержаться, — спокойно сказал он и отвернулся.

— Влад... — Подошла, положила руку ему на плечо. Никакой реакции. Естественно, он злится. Я бы злилась. Вечно творю, потом думаю. — Извини.

Молчание.

— Ну, прости меня! Я должна была выяснить, будет ли он нападать. Мы тут сидим, как... пленники.

— А кто в этом виноват? — резко спросил Влад и сбросил мою руку. — Ты вынуждаешь меня подумать о наказании для тебя.

— Я лишь хотела знать, будет ли он убивать.

— А если бы охотник начал с тебя? Ты об этом подумала?

На наши разборки постепенно слетались все атли. Да уж, сегодня я точно буду заклеена на людях. Верно говорят, молния в одно место дважды не бьет.

А жаль.

— Я могу за себя постоять, помнишь? — парировала я. — Он не стал бы нападать. Охотник разбирается в людях.

— Полина, для охотников не существует плохих или хороших людей, — произнес Влад таким тоном, будто он учитель, а я нерадивая ученица, которая никак не может выучить

урок. — Для них вообще не существует людей. Есть хищные и остальные. Первых они убивают, а вторые их совершенно не интересуют.

— Неправда. Андрей не такой.

— Андрей? — переспросил Глеб и хитро улыбнулся.

— Андрей?! — это уже Влад.

— Да, Андрей. Или ты думаешь, у охотников и имен тоже не бывает?

— Она чокнутая! — Лара закатила глаза. — Я всегда это говорила.

— Он не будет нападать, — упрямо сказала я и сложила руки на груди.

Не отступлю даже несмотря на нали!

— Полина подружилась с охотником, — улыбнулся Глеб, чем еще больше взбесил Влада.

Впрочем, возможно он этого и добивался. Мне сразу же вспомнился недавний разговор с Маргаритой, и в груди йокнуло. Нужно поговорить с ним обязательно. Если у Глеба Измайлова есть какие-то чувства или надежды, это необходимо пресечь.

— А с чего ты взяла, что ему можно верить? — внезапно спокойно спросил Влад. Наверное, ждал рациональных доводов. Вернее, что их не будет. Их и не было — у меня осталось слово охотника, не заверенное материально.

— Я так чувствую.

Не аргумент. Точно не для Влада, Лары и Филиппа. Да и Глеб косился саркастично, слегка приподняв темную бровь. Вообще-то мог и встать на мою сторону, друг называется!

— Хорошо, — сказал Влад, и показалось, все это снится мне. Слишком сюрреалистично. Влад поддерживает мои сумасшедшие начинания? — Пусть все решит совет.

А, понятно. Решил меня проучить. Кто ж проголосует, полагаясь лишь на слово охотника, который чуть не убил Глеба, Риту и меня?

— Собери всех, — велел Влад Оле, и та послушно удалилась.

Вскоре атли собрались в гостиной, и Влад обрисовал ситуацию. С его стороны я больше не чувствовала злости, скорее было любопытство из-за необычного поведения охотника. Глеб все время держал меня за руку, и сегодня это ужасно нервировало.

Когда речь зашла о сегодняшнем разговоре с Андреем, в гостиной воцарилась пугающая тишина.

— Где ты встретила его? — осторожно спросил Кирилл.

— Ходила к нему домой, — спокойно ответила я.

Лара тут же приложила ладонь ко лбу, всем видом показывая, как она относится к моей безрассудной выходке.

— Зачем? — ошеломленно спросила Маргарита. Она боялась Андрея. Я слабо читала ауры, но ее страх был виден за версту.

Впрочем, Рита всего боялась.

— В прошлый раз он не тронул меня. Никого из нас четверых, — сказала я твердо.

— Не тронул, потому что ты его чуть не убила. — Рита встала, заломила руки и прошла по комнате. — Уверена, меня бы он прикончил на месте.

— Что ж, можешь быть уверена, он не сделает этого. Андрей обещал.

Сама понимала, как наивно это звучит. Они не поверят, и мы снова будем сидеть взаперти. Ну, хотя бы бояться не буду, что охотник придет.

— Ты говорила с ним? — настороженно спросил Филипп. — Сегодня?

Я почувствовала себя инопланетянкой. Может, отчасти так и было.

— Да.

— Но он же охотник! Тот, что напал на Кирилла, помнишь? Он не будет рассматривать хищных, как хороших или плохих, для него мы все — добыча. С чего он вдруг пошел тебе навстречу?

— Он благороден, а я его спасла. Надоело прятаться! Разве мы слабаки? Разве не способны дать отпор. Даже я давала дважды. Лара, ты сильная защитница. — Я посмотрела на Ларису. — Разве ты должна прятаться в доме от молодого охотника? Я уже молчу о воинах атли, которые, как мыши, забились в угол. Я хочу жить. Дышать воздухом, гулять, у меня работа, в конце концов!

Я замолчала, удивленная собственной горячностью и невесть откуда взявшейся смелостью. В последнее время что-то действительно происходило со мной — еле уловимые эмоциональные изменения, ломка приоритетов. Взросление? Что ж, если я ошиблась, и охотник убьет кого-то из атли, виновата буду я.

— У нас нет гарантий, — с сомнением произнес Филипп.

— Я встречалась с ним четырежды — и выжила. Этого мало?

Лицо Влада не выражало эмоций. Никаких. Он смотрел на меня, и складывалось впечатление, что внимательно слушает и воспринимает слова. А это уже что-то. Я готовилась к резкому опровержению теории благородного охотника.

— Мы должны проголосовать, — сказал он, когда все замолчали. Я не могу принять такое решение один. — Странно посмотрел на меня. — Но независимо от исхода, те, кто хочет, может выходить из дома.

— Ты веришь охотнику? — удивленно спросила Лара.

Он улыбнулся.

— Нет. Но Полина права: мы — атли, и каждый из нас может справиться с молодым и слабым.

На счет слабого Влад, конечно же, погорячился. Не знаю, почему, но я видела в Андрее большой потенциал.

Странно, но многие голосовали за мое решение. Оля, Лина, Кирилл и Глеб. Лара, естественно, поддержала Влада, как и Рита. А вот Филипп колебался долго. Задумчиво молчал и смотрел в пол, а потом все же поднял руку в поддержку моей теории.

Я сидела на диване, удивленная, сжимала руку Глеба и не могла поверить, что заточение закончилось, и я могу вернуться к нормальной жизни.

— Значит, так тому и быть, — подытожил Влад и встал.

— Пойдем на гаражи? — радостно спросил Глеб. — Пацаны играют сегодня.

Я пожала плечами.

— Почему бы и нет.

— Отлично. Возьму гитару, и выезжаем.

Атли разбредались по дому, постепенно вливаясь в привычный быт, приправленный встревоженным и удивленным шепотом о сегодняшнем происшествии.

— Ты очень смелая, если пошла к охотнику, — сказала мне Каролина. — И безрассудная.

— Мне уже говорили.

— Если меня убьют, я буду возвращаться с того света и изводить тебя, — надменно произнесла Лара.

— Боюсь, я не доживу.

Защитница скорчила рожицу, но ее позвал Филипп, и она отошла.

— Поужинаешь сегодня со мной? — Мягкий голос у самого уха застиг врасплох, я вздрогнула и повернулась. Влад улыбался. — Оказывается, тебя можно напугать.

— Если так подкрадываться, то можно.

— Ты не ответила.

И снова игры. Я ведь уже настроилась, что у нас ничего не будет, и он опять. Ну, что за человек!

— Не могу. Обещала Глебу. — Помолчала немного, а затем добавила с надеждой: — Может, завтра?

Влад рассеянно кивнул и тихо произнес:

— Вы сблизились.

— С Глебом? — переспросила я и тут же вспомнила разговор с Ритой. — Мы друзья.

— Насколько близкие?

— Очень близкие, — честно ответила я и уточнила: — Настолько, насколько могут быть близкими просто друзья.

Влад улыбнулся, погладил меня по щеке и прошептал:

— Тогда до завтра.

И ушел.

А я осталась стоять, растерянная, наполненная сомнениями и страхами, а также предвкушением чего-то невероятного, волнующего и необходимого.

Ужин! Только мы вдвоем, как в одной из просмотренных мной мелодрам. Свечи, вино, прогулки при луне.

Да, все равно, как оно будет, просто пусть будет.

Вечер с Глебом прошел весело. Мы сидели у костра, пили вино, жарили сосиски и запекали картошку в углях. Я подпевала знакомому барду, Глеб отпускал неприличные шуточки, и мы хохотали.

Приехав домой за полночь, я быстро приняла душ и уснула без сновидений, а проснулась в районе обеда. Улыбнувшись прекрасному дню, встала и направилась в душ. День провела, тщательно готовясь к вечеру. Продумано было все: макияж, черное коктейльное платье, чулки, прическа, пурпурный лак.

Сегодня!

Влад ждал меня на улице. Смотрел вдаль на заходящее солнце, заставляя сердце биться быстрее в предвкушении. Увидев меня, улыбнулся, подал руку и... я пропала.

Чудесный вечер для принцессы. Ресторан, прогулка, легкое касание теплых губ к запястью. Эйфория, затмевающая недоверие — все это происходит со мной? Разговоры о будущем: полунамекками, короткими фразами, предположениями. Без недомолвок.

Домой не хотелось. Обнять бы весь город, раствориться в осеннем прохладном воздухе, дотронуться до неба.

Ловить его улыбку, почти совершенную, с едва заметным изъяном, превращающим его из бога в человека. Не верить своему счастью...

Дома же захлестнуло новое, неизведанное. Пережившая предательство страсть, прикосновения — нетерпеливые, жадные, сводящие с ума.

Мы лежали в полной тишине. Рука Влада рассеянно гладила по волосам, а я слушала, как бьется его сердце. Постепенно успокаивался пульс, мысли наполнялись реальностью.

Все это по-настоящему. Со мной.

— Почему мы не сделали этого раньше? — спросила я, набравшись смелости. — Я имею в виду, после того раза...

— У меня были сомнения. Теперь их нет.

— Сомнения?

Плохое предчувствие ядовитой змеей обвилось вокруг позвоночника, оттуда — к ребрам, сдавило грудь.

— Неважно. Я ошибался, — небрежно ответил Влад, поцеловал меня в губы и поднялся с постели. — Мучает жажда. Тебе что-нибудь принести?

Нет-нет, не уходи вот так! Бросив мимолетно важную фразу, оставляя меня на растерзание сомнениям. Во мне смешались эмоции. Любопытство на грани с испугом.

Что ты выберешь, Полина?

— Я не хочу пить. — Я тоже встала, внимательно следя за тем, как он одевается. Привычные, небрежные жесты... Почему мне кажется, мы на грани катастрофы? — В чем ты сомневался?

Влад пожал плечами. Слишком безразлично, чтобы я заметила: его это задевает. Что-то осталось там, в его голове. Что-то обо мне.

— Мне сказали, у тебя связь с Измайловым, — произнес он, как бы между прочим. Улыбнулся, словно выдал нелепость.

Нелепость, да...

Я окаменела.

Руки машинально потянулись к одежде, крепко стиснули тонкую ткань. Чувствуя, что заливаюсь краской, не в силах поднять взгляд, я медленно натянула белье, затем платье. Кожу жег подозрительный, пристальный взгляд, словно выковыривая правду, которую уже и так сложно было скрыть.

— Мне сообщили, что когда вы организовывали похороны Ольги, вы переспали. Это ведь... неправда?

Молчание порой говорит лучше всяких слов. Среди изорванного волнением дыхания, мучительных шорохов, отдающегося в ушах пульса проскальзывают фразы, которые боишься произнести вслух.

— Вот черт! — сказал Влад таким тоном, будто сокрушался о том, что опоздал на автобус.

Отвернулась к окну, сцепил руки в замок и завел за голову. Я смотрела на застывшую фигуру и буквально чувствовала, как гаснет надежда на продолжение, мифическое счастье, любовь.

Мое проклятие. Его проклятие.

Не наше...

— Не думала, что это имеет значение, — прошептала и почувствовала, как предательски дрожит голос. — Я была свободна, и он тоже.

Ответом мне была тишина — колючая, беспощадная. Минуты тянулись медленно, словно их специально оттягивал невидимый мучитель, чтобы поизгаляться подольше.

— Ты был с Ларой, вспомни. Мы не... То есть, у нас...

Молчание.

— Влад, скажи что-нибудь!

Мне не нужно было слышать — я знала, что он скажет.

— Уходи.

Воздух со свистом вырвался из легких, перед глазами поплыли белые круги.

Я послушно поднялась и пошла к двери. Странно, но оправдываться не хотелось. Очередная попытка провалилась, не нужно было верить. Мы не сможем, никогда не могли...

Неудобное платье. И туфли.

Нужно сказать Глебу, Влад теперь обозлится.

Я вышла и аккуратно закрыла за собой дверь. Пройдя несколько метров по коридору, открыла дверь своей комнаты и буквально ввалилась внутрь. Только здесь позволила себе заплакать. Думала, буду рыдать до утра, но слезы как-то быстро кончились, так и не успев начаться.

Взяв пульт с журнального столика, включила телевизор. Грациозная брюнетка танцевала фламенко, бросая полные огня взгляды в камеру. За окном медленно разливался рассвет.

Когда уже совсем посветлело, я поняла, что сижу, крепко стиснув подаренный Владом амулет.

Глава 29. А ты сможешь?

Глава 29. А ты сможешь?

Я проспала до вечера. Проснулась, когда уже стемнело. Свет фонарей на подъездной дороге вливался в окно рассеянным потоком, рисуя на стене замысловатые узоры тенями присобранных штор.

Вставать совершенно не хотелось, как, впрочем, и двигаться. Я лежала и смотрела в одну точку, думая о том, что произошло накануне. В груди нестерпимо ныло, словно там образовалась дыра. Наверное, так и было, как бы банально это не звучало.

Я нехотя поднялась, прошлась по комнате, поежилась от пронизывающего холода, идущего изнутри. Отодвинула занавески.

Пошел снег. Первый снег в этом году рано — в октябре. Спускался медленно, словно в одном из стеклянных шаров, которые нравились мне в детстве.

Совята на подоконнике смотрели осуждающе. Я прищурилась и показала одному язык.

На прикроватной тумбочке завибрировал телефон, наполняя пространство зудящими звуками, и я вздрогнула. Мир вокруг вмиг перестал быть безопасным. Неужели уверенность в завтрашнем дне держалась только на том, что меня защищает Влад? Нет, нужно определенно что-то делать: и с самооценкой, и с приоритетами. Как вариант — завязать с мужчинами и записаться на карате.

— Слушаю, — вяло произнесла я.

— Ты где? — спросил Глеб. — У нас тут сейшн намечается на гаражах. Приедешь или у тебя... другие планы?

— Приеду, — после секундного размышления ответила я.

Нужно рассказать, чтобы он был готов. Влад наверняка не упустит возможности уколоть Глеба, а мне бы не хотелось. Это только между нами, и незачем вмешивать в дела проклятия посторонних. Впрочем, Глеб Измайлов не посторонний.

От этого было еще больнее. Я могла бы спорить с Владом, бросаться колкостями, если бы та ночь для меня ничего не значила. Но она значила, вот в чем все дело. Я ни в коем случае не рассматривала нас с Глебом, как пару. Никогда. Но после той ночи мы стали ближе, и это факт. Именно тогда в нем случился тот слом, и он превратился из Глеба затворника в Глеба моего лучшего друга.

И я не прощу себе, если из-за меня Влад будет мстить ему.

Внизу было шумно — атли почти в полном составе собрались в гостиной. Кто-то шутил, кто-то смеялся. Кирилл разговаривал с Олей, усиленно жестикулируя. Стараясь не привлекать внимания, я тихо спустилась по лестнице и робко поздоровалась. Поймала взгляд Влада — безразличный и прямой. Он скользнул по мне и тут же переместился на Маргариту. Влад тепло улыбнулся сестре и продолжил диалог.

Все, как обычно. Ничего не изменилось.

Почему же мне так больно, будто только что дали под дых?

Стараясь сохранить невозмутимое выражение лица, направилась к двери, но меня остановил колючий голос:

— Уходишь?

Мне почудилось, или в простом слове проклюнулся глубокий подтекст. Обернулась.

Зеленые глаза смотрели так же бесстрастно и холодно.

— Да, — ответила. — Погуляю.

— Все же не стоит ходить одной по ночам, Полина.

— Я буду не одна. — Замолчала, а потом зачем-то добавила: — С Глебом.

Иногда хотелось вырвать собственный язык, потому что он жил, казалось, своей жизнью и никак не хотел подчиняться мозгу. Выйти на улицу и биться головой о стену. Ну зачем я провоцирую Влада?

На красивом лице не отразилось никаких эмоций. Он сухо кивнул и вновь отвернулся.

Выйдя за дверь, я сжала кулаки и отругала себя за глупость. Снег падал на темный влажный асфальт и тут же таял, превращаясь в противную жижу. Идти по ней было неприятно, ноги разъезжались, и я старалась ступать осторожнее. Глеб небось еще и на мотоцикле. Как домой возвращаться будем — ума не приложу!

Полупустая маршрутка окутала уютom, в наушниках заунывно пел Клаус Майне, а мне хотелось плакать. Едва сдерживая слезы, я смотрела в окно на мелькающие фонари, лесополосы и несущиеся навстречу автомобили.

Уехать бы далеко. Хоть бы путь до Липецка никогда не заканчивался! В дороге я как бы между прошлым, полным надежд, и будущим, маячившим на горизонте жестокой правдой.

Надоело!

Я подняла воротник и закрыла глаза, полностью погружаясь в чарующий перебор гитарных струн и приятный вокал. Осторожно стерла одинокую слезинку со щеки. Вспомнила прошедший день — прикосновения, поцелуи, ласки. Зачем он был?

На гаражах мозг взорвала музыка, громкие разговоры и хохот. Люди приехали оторваться, повеселиться от души. Сотня неформатно одетых людей, пиво, рев мотоциклов.

Что я здесь делаю?

Глеб, увидев меня, улыбнулся, помахал рукой. Я покачала головой, поманила его и отошла подальше от шума. Веселиться совершенно не хотелось, да и нужно было поговорить с другом. Оттягивать дальше, мало того, что не имело смысла, но и становилось опасным.

— Что-то случилось? — спросил он, подходя и отряхивая с темных волос снег. Никогда не носит шапку. Что за привычка?

— Влад знает, — мрачно поведала я.

Облокотилась о высокий ветвистый клен и подставила лицо падающим снежинкам. Они скатывались по щекам, как слезы, но облегчения не приносили.

— Знает что?

— О нас. О том, что... — Я замолчала.

Глеб встал рядом и глубоко вздохнул.

— Зачем рассказала? — спросил почти безразлично, но я ощущала — там, в глубине грудного голоса, слышался трепет, и мне это совершенно не понравилось.

— Я не рассказывала. Думала, ты. Или кто-то, кому ты сказал.

— Я на идиота похож? — Глеб оттолкнулся от шершавой опоры, отошел на несколько шагов, накрыл руками голову.

— Ты никому не говорил? Тогда как...

— Это неважно сейчас, — глухо ответил он, и я вздрогнула. На его всегда немного насмешливом саркастичном лице явно проступал страх. Не трусливый, лебезящий, заставляющий бежать, пригибаясь и оглядываясь на каждую тень. А чистый, пропитанный волнением и предчувствием беды. — Уезжай.

Ну вот, снова. Сколько раз мы будем возвращаться к этому? Их вражда — нечто необъяснимое, выросшее из ничего, но увеличивающееся с каждым годом. Только теперь я поняла, что имела в виду Маргарита. Мое общение с Глебом, как лакмусовая бумажка, проявляет весь негатив между ними. И как катализатор — потому что усиливает.

— Я знаю, ты не любишь Влада... — Я вздохнула, потерла пальцами виски. Как же хочется не думать! Не предполагать, не теряться в сомнениях. Расслабиться и прожить каждый день, а не существовать в нем. Замечать радостные мелочи — изменение времен года, закаты, рассветы. Уехать на неделю на море и греться на горячем песке, доверив лодыжки ласковым волнам. Убежать из этого ада. Очнуться. — Но он не станет убивать меня. Другую девушку — да, могу предположить... И это ужасно! Я даже не знаю, как помешать... что тут можно сделать.

— Не лезь в это. Просто... уезжай. У меня есть друг, у него домик в Испании...

— Глеб, какая к черту Испания?! — выкрикнула я и закрыла лицо руками. Опустилась на корточки, изо всех сил стараясь не разреветься. Казалось, небо давит на плечи свинцовой массой снеговых туч. И скоро раздавит меня. Бежать некуда, укрыться негде от щемящей, разрушающей душу ржавчины-тоски. Наверное, так всегда, когда держишь в руках то, о чем мечтал, а потом понимаешь, что оно не твое. — И так фигово. Не заставляй меня поверить. Я же не смогу тогда... не смогу...

Глеб присел рядом, обнял и прижал к себе. Я уткнулась носом в пропахший костром и сигаретным дымом рукав, стараясь удержаться в реальности, не дать разочарованию сожрать меня изнутри. Я сильная. Я выдержу!

— Поля, прошу, уезжай... — прошептал он сдавленно и поцеловал меня в макушку. Я подняла голову, окончательно убеждаясь в подозрениях. Он не отстранился, не смутился — смотрел в глаза пронзительно, резко. Я уже видела такой взгляд однажды и больше видеть не хотела. Высвободилась и встала, обнимая себя за плечи.

— Ты обещал мне!

— Обещал что? — непонимающе спросил он.

— Мы друзья, и та ночь...

Нет, нельзя так! Я не спросила Влада о нали, не выяснила на счет нас, теперь боюсь говорить с Глебом. Хватит бегать от проблем, они от этого меньше не станут. Подула на окоченевшие от холодного октябрьского ветра руки.

— У тебя есть чувства ко мне? — спросила осторожно.

— Спрашиваешь, влюбился ли я в тебя? — с иронией закончил Глеб вопрос. — А разве это имеет значение?

— А разве нет? — Я повернулась и посмотрела на него в упор — так, чтобы не было возможности юлить и изворачиваться.

— Нет, — твердо ответил он. — Сейчас я об этом вообще не думаю.

— Сейчас?

— Забей, Полевая! Думай о безопасности. Собственной, в первую очередь.

— Я никуда не поеду! — упрямо заявила я и для пущей убедительности сложила руки на груди.

Влад, конечно, мстительный, но он ни за что не станет проводить ритуал. Не потому что любовь ко мне или наши прошлые отношения станут помехой. Проклятие не позволит. Вестар сам признался, что думал об Уне, как о варианте, но не смог. Значит, и Влад не сможет.

Но, несмотря на браваду, кошмарный сон поубавил энтузиазма, явив мне Орма с занесенным ритуальным ножом, и никакие слезы и мольбы не трогали его холодное, алчное существо. Предводитель Запада торжествующе проводил острием по моим запястьям, и я замороженно наблюдала, как тонкие струйки крови бегут по коже, стекают вниз и впитываются в землю.

— Видишь, — говорит Орм, — твоя кровь — жизнь!

В том месте, куда выливалась жидкость из моих вен, земля вспухала и тут же вспарывалась тонкими побегам. Они тянулись к солнцу, росли на глазах, а затем на каждом из них распускался нежно-белый бутон.

— Жизнь, — шепчет уже другой голос, я поднимаю голову и встречаюсь с лучистым взглядом зеленых глаз.

От неожиданности отступаю и падаю, проваливаюсь в темноту и просыпаюсь.

Будильник прозвонил в следующую секунду. Я поймала себя на том, что правой рукой держу левое запястье. Облегченно выдохнула: сон.

Сон, но такой реальный. И боль — я до сих пор чувствовала ее кожей. А в воздухе словно витал тонкий аромат роз...

Но все же то был сон, а реальность маячила хмурым утром понедельника. Нужно было вставать и собираться на работу. Проблема с охотником вроде как решена, и мир снова готов принять меня в свои объятия. В груди все еще ныло, но уже меньше, а значит, пройдет. Ничто не болит вечно.

До «Скрепки» я добралась без приключений, вошла в знакомое, пахнущее кофе помещение и замерла в нерешительности. На моем месте весело щебетала по телефону пышногрудая рыжеволосая дама лет тридцати. В невообразимо глубоком декольте можно было утонуть взглядом, а в высоком начесе на затылке — запутаться. Увидев меня, рыжая сверкнула мутно-зелеными глазами и, буркнув что-то нечленораздельное в трубку, отключилась.

— Здравствуйте, — вежливо поприветствовала меня. — Чем могу помочь?

— Я здесь работаю, — пробормотала я и замолчала.

— Ты Полина? — Она широко улыбнулась, поднялась со стула и, фамильярно подбежав, кинулась пожимать мне руки. — Так чего ж ты молчишь? А я тебе уже и вещи собрала!

— Вещи?

— Вот же они. — Рыжая схватила небольшую картонную коробку и протянула мне. В ней сиротливо лежало наше с Глебом фото в рамке, принесенная из дома флешка и пара непонятно откуда взявшихся дискет.

— Я не понимаю...

— Полина, зайдите.

Голос шефа тут же заставил пышногрудую умолкнуть. Она одернула блузу и чинно проследовала к столу. Я же вошла в кабинет начальника и закрыла за собой дверь.

Разговор был коротким. «В ваших услугах больше не нуждаемся. Спасибо за сотрудничество». Я даже спорить не стала — молча выслушала и покинула кабинет.

Вышла из «Скрепки» и расплакалась. С неба сыпалась крупа: проникала за воротник и противно щипала за шею, покрывала землю белым ковролином — хрупким и ненастоящим.

Я не жалела о работе, просто она была частью неумолимо ускользающей человеческой жизни, расставаться с которой не хотелось. Но я не могла не признать: сотрудник из меня тот еще. Нужно идти дальше. Подумать, как жить. Не зависеть же от человека, который в

душе таит на тебя обиду, пусть даже надуманную. Пусть даже вызванную нали.

И плевать, что он главный! Не хочу унижаться. Вот совсем.

Не знаю, сколько бродила по городу. Очнулась, когда уже стемнело и быстро побежала на остановку, чтобы не проворонить последний автобус.

Домой приехала совершенно разбитая. Гостиная встретила тишиной и отсутствием атли. Ну, и хорошо — не хочу никого видеть. Упасть и уснуть. Ни о чем не думать. Завтра поговорю с Глебом, может, он чего посоветует. Хотя вряд ли, он же вообще непонятно, на что живет. Никогда не заикался о будущем, деньгах и прочей необходимой для жизни чепухе.

Дойдя до своей комнаты, остановилась, посмотрела на дверь Влада. Нужно выяснить это с ним раз и навсегда. Хватит уже бегать от проблем!

Затем передумала. Завтра. Сегодня слишком устала. Вымоталась.

Открыла дверь и застыла на пороге.

Влад стоял и смотрел в окно, сложив руки за спиной. Когда я вошла, развернулся, и я испугалась. Впервые с ним — по-настоящему. До стынувших вен и прочих фишек поглощающего страха, когда не можешь пошевелиться. Проваливаешься в него, как в огромный холодный сугроб.

— Прикрой дверь, — тихо сказал Влад, и я безропотно подчинилась.

Нас разделяло несколько метров комнаты, за моей спиной была дверь — верная дорога к бегству, но почему-то воздух пропитался обреченностью и ужасом.

— Подойди.

Слова хлесткие, как плеть. Я замотала головой, прижалась к дверному полотну, чувствуя, как подгибаются колени.

— Нет...

Влад вздохнул и отвел взгляд.

— Хорошо. Тогда я сам.

Я словно зависла в пространстве и времени. Оно превратилось в некое подобие параллакса — замедленное вблизи и ускоренное вдали от меня. Считая каждый шаг в мою сторону, я постепенно понимала, как ошибалась. Всегда. Начиная с момента нашей первой встречи и заканчивая сегодняшним днем.

Сегодняшний день действительно все закончит.

— Смотри на меня.

Полу-размытый голос скользит в сознание, вливается в мысли, меняя их, формирую новые. Лишает контроля. Тело где-то далеко, не подчиняется мне. И это хорошо. Ничто не имеет значения, кроме сладкого, ведущего голоса. Остальное — тлен, бессмыслица.

— Смотри на меня...

Сдаю последние позиции, постепенно расслабляясь. Мне не страшно. Чувства выключены. Атрофировались. Умерли.

А дальше — темнота...

...Пошевелиться было трудно. Можно даже сказать, невозможно. Мышцы будто превратились в кисель и полностью отказывались подчиняться, даже веки разлепить получилось с трудом.

В помещении было темно и пахло сыростью, а еще какими-то благовониями. Все, что я могла видеть — небольшой участок каменной стены, черной, шероховатой и гладко отполированной, на которой отплясывали ритуальные танцы странные тени. Или это не

стена?

Сознание возвращалось медленно, логические связи между мыслями никак не хотели восстанавливаться. Где я? Почему лежу?

С трудом повернула голову, пытаюсь рассмотреть обстановку. Завороженно остановила взгляд на полукруге свечей, пламя которых и рождало странные танцующие тени. Красные знаки на выбеленной стене.

Знаки стихий...

Человек в черном стоял поодаль, склонив голову, и капюшон бесформенного одеяния скрывал его лицо. Руки сложились в неизвестный магический пасс, сам он был неподвижен и, казалось, погружен в себя.

Нужно встать. Сейчас же. Соберись, Полина!

Почему же так трудно пошевелиться? Руки — так вообще живут отдельной жизнью, словно и не мои вовсе. Онемели и висят плетью, окунаясь во что-то вязкое, теплое...

Постепенно я осознавала, что происходит. Дернулась в сторону, но с места не сдвинулась — оказалась крепко привязанной к ритуальному камню.

Да-да, мы у очага! Моя болезненная слабость, круг из свечей, знаки на стенах могут значить только одно.

— Влад... — прошептала я и почувствовала, как сбилось дыхание. Горло жгло огнем, во рту ощущалась сухость, а сердце стучало, как сумасшедшее. Страх? Тахикардия? Сколько крови я потеряла.

Человек в черном поднял голову. На безучастном лице не отразилось ни одной эмоции — только решимость.

— Лежи спокойно, Полина.

Ага, сейчас! Впрочем, мои трепыхания мало что изменили. Немного сползла влево, но все так же осталась накрепко привязана к камню. Скользнула взглядом вниз и поняла, что в пол вбиты железные пруты, загнутые на концах, к которым и привязаны веревки.

Безысходность накрыла сразу же, а за ней пришла паника. Попыталась пошевелить пальцами рук — получилось. Тут же ощутила противную липкость на ладони. Сколько я уже тут лежу? Без сознания, с порезанными запястьями.

— Что же ты творишь? — прошептала, глотая горячие слезы, но ответа уже не ждала. Его и не было. Влад снова опустил голову и продолжил шептать свои заклинания.

Ну, вот и все. Тут я и умру. Не будет меня, проклятия, противоречивых мыслей и боли. Не будет обид. Страха.

Ничего не будет.

Постепенно на смену панике приходило спокойствие. Я так устала... Нужно просто закрыть глаза и уснуть.

Закрывать глаза...

— Вермунд, ты совсем слетел с катушек? Какого черта ты делаешь вообще?!

Голос Глеба доносился откуда-то издалека, сквозь плотный морок обволакивающего сна. Глаза открывать совершенно не хотелось, как, впрочем, двигаться и говорить. Но страх — не за себя, с собой я уже успела попрощаться и смириться — за Глеба заставил сделать над собой усилие.

Мир дернулся, завращался, и я зажмурилась, пытаюсь сфокусировать взгляд на примчавшемся спасти меня друге.

— Уходи. — Воздух со свистом вырвался из легких, бронхи жгло огнем. — Глеб,

прошу...

— Тебе лучше послушать ее, — спокойно сказал Влад.

— Я никогда никого не слушаю, — упрямо произнес Глеб. Я, наконец, рассмотрела его. Растрепанный, бледный, глаза лихорадочно блестят. Правый рукав закатан, в руках нож. — Я не могу войти, но могу тебя выманить. Своей кровью.

— Не можешь, — ответил Влад. — Круг защищает меня. Единственное, что ты можешь сделать...

— Я отрекаюсь! Отрицаю свою принадлежность к атли, клянусь великими духами воды, земли, воздуха и огня, не возвращаться в этот священный круг.

Воздух вокруг меня сгустился, потемнел. Лавина покатила с горы — не остановить.

И я в этой лавине. Теряю — кровь, доверие, любимого, друга.

— Нет... — прошептала пересохшими губами, но Глеб не услышал.

— Не защищать. Не драться за атли. Не молиться с ними. Отныне я сам по себе. Я не отвечаю за то, что будет после моего ухода. Не желаю больше таинства, которое дает мне эту принадлежность. Я отрекаюсь от атли...

Он тяжело дышал и смотрел прямо на Влада.

Секунда. Две.

А затем крепче зажал в руке нож и сделал шаг вперед. В круг.

Я закрыла глаза и провалилась.

Глава 30. Второй шанс

Глава 30. Второй шанс

Нет! Вытолкнуть себя из сновидения, бороться!

Я застонала, шевельнулась, выныривая из темноты, в которую так упорно затягивало. Уцепиться за что-то: звуки, запахи, образы — без разницы. Сфокусировала взгляд на Глебе, хотела окликнуть, затем передумала. Зачем лишать его преимущества — я больше не знала, чего ждать от Влада, тем более, сейчас.

Глеб сказал что-то, но я не разобрала слов. Разозлилась на себя — лежу здесь, как тряпка, когда мой друг там борется. Один против сумасшедшего — того, кого я считала близким.

Черта с два!

Звуки обрели некую закономерность, сложились в слова, слова — в предложения.

— Думай, Измайлов, — серьезно сказал Влад. — Можешь попробовать убить меня, но время работает против тебя. Используй нож по назначению.

— О чем ты? — насторожился Глеб. Остановился на полпути, насупился.

— Разрежь веревки, Глеб!

— Но я же... мне нельзя... — Он выглядел в тот момент, как маленький растерянный мальчик, которому есть что терять, и он не знает что делать. Полу-плачущий, ведомый. Стоящий на распутье воин, нарушивший один закон, но не готовый нарушить остальные. Влад оставался уверенным, в то время как Глеб сомневался все больше.

Нет, не верь ему! Не поворачивайся спиной!

Хотелось кричать, драться, но тело больше не подчинялось мне. Впрочем, я все равно была связана и не смогла бы помочь.

— Ты же сам сказал, что никого не слушаешь, — произнес Влад спокойно. — Как думаешь, почему именно ты здесь?

В ушах гулко стучал замедлившийся пульс — словно отсчитывал последние секунды. Слишком слабый — наверное, много крови вытекло...

Глеб колебался.

Тук-тук.

Тук... тук...

Еще секунда...

Посмотрел на меня отчаянно, почти обреченно. Бедный мой дружочек! Если б я послушала тебя... если бы... я...

Он метнулся ко мне. Решительный. Готовый бороться со всеми бедами мира, чтобы спасти, вырвать из теплых, уютных объятий смерти безрассудную дурочку. Жаль, что смерть нельзя победить... Жаль, иначе я, непременно боролась бы.

Только вот зачем?

Сквозь пелену тумана — молочно-белую, почти непроницаемую — прослеживались мелькающие образы. Синие глаза Глеба — совсем близко, и вот я уже не чувствую натяжения веревок, руки безжизненно свисают, я все еще ощущаю, как струится кровь... Или это только кажется?

— Там в сумке бинты, — расплывчатым эхом донесся откуда-то издалека голос

Влада. — Перевяжи крепко выше локтя. Это даст тебе минут пятнадцать-двадцать.

— Зачем?

— Действуй, Измайлов. И уходи. — Он сделал паузу, а затем добавил сдавленно: — Началось!

Остальное я помнила смутно. Движение. Я то проваливалась в серую ватную массу, то выныривала в наполненную головной болью и резкими звуками реальность. Кто-то вел машину, а я лежала на заднем сиденье у Глеба на руках, он гладил по голове и шептал:

— Только держись, Полевая, только живи!

— Зачем? — спросила я безразлично. Если бы могла перестать дышать, уже давно бы сделала это. Разве нужна жизнь, полностью пропитанная предательствами? Разве могу я идти, постоянно проваливаясь в ямы, выбираясь и снова падая? Существование, похожее на зыбучие пески — чем больше пытаешься выбраться, тем больше затягивает. И ты понимаешь, что бороться бесполезно... Так не лучше ли сдаться? — Я не хочу...

— Чушь! — выкрикнул Глеб, и на мне лицо упали теплые капли. И в этот раз я знала, что это не кровь. Это слезы — его слезы. Но ведь Глеб Измайлов никогда не плачет! — Думаешь, я сделал это напрасно?!

Он тряс меня, прижимал к груди, снова тряс, словно мог таким образом добавить жизни моему почти мертвому телу. Бедный, бедный мой дружочек... Разве можешь ты понять, что мне теперь это ни к чему? Все точки на местах, для многоточий места нет. Тетрадь закончилась, и пора уходить. Отпустить, не цепляться за мир, которому не нужна.

Теряясь в огнях мимо проезжающих машин, пространство расплывалось огромной кляксой. На лобовое стекло липли белые мухи снега и тут же стирались синхроннодвигающимися дворниками. Мысли плыли, сползали тающей снежной кашей с онемевшего сознания. Осталась лишь одна — въелась в душу кричаще-красными неоновыми буквами, и от того было еще больней.

Он сделал это.

Последняя стена сомнений рухнула, и внутрь хлынула сжигающая лава. Душа пузырилась, горела в агонии, уродовалась жестокой правдой.

Вспомнилась недавняя просьба Глеба, почти мольба: беги, Полина!

От себя не убежишь. Никогда. Очевидно же: я снова ошиблась. Наверное, проще никому не верить, подозревая в каждой произнесенной фразе скрытый смысл. Пропитаться цинизмом, как бисквит сиропом, плевать сарказмом, не доверять даже самым близким, постоянно ожидая подвоха.

Я так не умела, да и учиться не хотелось.

И если мир хищных таков, каким мне показал его Влад, то я не желала в нем жить. Все просто — нужно расхотеть жить. Ведь кроме Глеба, у меня, по сути, никого и нет.

Рита будет плакать...

Влад придумает что-нибудь, ведь судить его теперь проблематично. Победителей не судят.

Постепенно звуки отдалялись, а я расслаблялась, отдаваясь течению, закрыла глаза и уснула.

Вода в хельзе очень теплая. Песок — так вообще горячий, греет спину, и постепенно холод отчаяния уходит, сменяется спокойствием и смирением. Наконец, все закончилось.

Мертва.

Я в хельзе, на востоке, и больше никому не будет дела до кена пророчицы. Я отдала его,

и отныне свободна.

— Не весь, — возражает моим мыслям темноволосый мужчина средних лет и почесывает аккуратно подстриженную бородку. Теплые карие глаза прищурены и смотрят лукаво, а в уголках притаились хитрые морщинки. От него исходит невероятно сильная энергия, она окутывает, успокаивает, и мне хорошо. Рядом с ним не нужно бояться. Нет боли, обид и разочарований. И почему-то хочется петь. — Ты должна проснуться, Полина.

— Не хочу. Здесь хорошо.

Я сажусь и смотрю на небо.

Солнце медленно сползает к горизонту, пряча большой красный бок в спокойной глади широкого озера, по воде идет рябь от слабого теплого ветерка, он касается моего лица, и я жмурюсь от наслаждения, как довольная сытая кошка.

— Ты не мертва. И это все снится тебе, — говорит незнакомец и хмурится.

— Тогда я не хочу просыпаться.

На небосводе оживают звезды, медленно проявляясь на постепенно темнеющем полотне. От солнца остается размытый, едва различимый след на горизонте. Скоро и его слижут волны. Озеро уснет, а я буду сидеть и слушать тишину.

— Но ты должна. Нужно беречь тех, кого любишь.

Я поворачиваю голову. Мужчина смотрит вперед, в сторону горизонта. Больше не улыбается, но лицо сохраняет безмятежность и покой. То, чего мне так не хватало при жизни. То, что я обрела здесь.

— Беречь от чего?

Он смотрит на меня, улыбается, касается руки. И вдруг я понимаю: я дома. Рядом с ним не нужно прятать настоящее лицо, скрывать эмоции — напротив, можно выплеснуть их, очиститься. Открыться.

— Будет трудно, больно, иногда непереносимо. Но ты должна быть сильной. — Его ладонь с нежностью касается моей щеки, стирая слезы. Глаза лучатся заботой и лаской. — Нужно вернуться, Полина.

— Кто ты?

Он не отвечает, встает и входит в воду. Светлая рубашка отчетливо выделяется на фоне ночного неба, рукава кольшутся ветром. Мужчина идет, медленно погружаясь — и вот вода уже почти полностью покрыла его, когда рядом раздается знакомый голос:

— Ты не спрячешься тут.

Захлебываясь страхом, инстинктивно отползаю, оставляя на песке ярко-красные отпечатки.

Нет-нет, это мой сон! Убирайся!

Но Влад все еще здесь, подходит ближе, глаза горят безумием. Склоняется надо мной и резко кричит:

— Проснись!

Я открыла глаза. Яркий свет ослепил, пришлось зажмуриться, а затем долго привыкать. Зеленую палату клиники Кирилла я узнала сразу, попыталась встать, но тут же упала на подушку. Слабость была непреодолимая. Все тело, как вата — словно лишено костей и мышц и наполнено каким-то желе.

Рядом со мной сразу же оказалась молоденькая медсестричка, начала поправлять трубочки и капельницы и усиленно смотреть на приборы.

— Глеб, — позвала я, ища глазами друга.

— Тише, — ласково ответила девушка. — Я позову Кирилла Алексеевича.

Ее не было несколько минут. Все это время я просто смотрела в окно. Хмурый зимний день, больница...

Зачем меня спасли? Не лучше ли было остаться там, в хельзе или во сне, похожем на хельзу? Сидеть на песке, говорить с приятным мужчиной, купаться в теплой воде прозрачного озера.

— Полина? — Взгляд лекаря атли взволнованный, тревожный, сделал еще хуже. Жалость я не смогу перенести. Все, что угодно, кроме жалости.

— Позови Глеба, — упрямо прошептала я и отвернулась.

— Ты не можешь... — Он запнулся. — Не имеешь права произносить его имя.

Я закрыла глаза, понимая, что плачу. Тело предавало — с каждой секундой все больше отказываясь подчиняться. Голова горела огнем, запястья откликались ноющей болью — постоянным напоминанием о совершенном ритуале.

— Вытащи их, — прошипела, разозлившись. — Вытащи чертовы капельницы! Не хочу, не буду...

Забилась в истерике, Кирилл что-то кричал, затем появились люди...

Перед глазами поплыло — то ли от слабости, то ли от лекарства. Я пыталась бороться, злиться, но в итоге беспомощность одолело, и я сдалась.

Больница, капельницы, уколы... Зачем? Я любила его, а он чуть не убил меня. Сознательно. Так что осталось? Вспомнился добрый взгляд человека из сна. Интересно, он существует, или я придумала его, чтобы самосохраниться, не сойти с ума? Последнее удавалось с трудом. Очень хотелось увидеть Глеба, а его не было.

Глупые законы! Если умру, даже не попрощаюсь с ним.

Лучше мне не становилось, несмотря на лекарства и заботу Кирилла. Наверное, чтобы выздороветь, нужно желание, а его не было. Совершенно.

Рита постоянно плакала у моей кровати. Я любила сестру, но в такие моменты едва сдерживалась, чтобы не прогнать ее.

Влад чуть не убил меня.

Зачем тогда отпустил нас? Непременно, чтобы мучиться. Ни я, ни Глеб теперь не сможем оправиться никогда. Да, несомненно, отличная месть. Влад остался в выигрыше, а еще и суперспособности получил.

Как же я ошибалась!

За окном декорации не менялись — то же хмурое небо и снег. Все для Влада. Ну и пусть! Пусть забирает себе весь мир, раз он ему так нужен. Живет в нем, правит им, хоть съест его целиком.

— Полина, ты должна бороться, слышишь! — сказал Кирилл поздним вечером, присаживаясь на край больничной койки. — Должна помочь мне. Я знахарь, но не всемогущ.

— Не хочу, — ответила я сухо. — Ты не сможешь уговорить меня, так что уходи.

— Понимаю, сейчас тебе трудно, но ты жива. И жив еще кое-кто.

— Если ты имеешь в виду Влада, то...

— Я не о нем сейчас. — Теплая ладонь легла мне на живот, осторожно поглаживая. — Я о том, кто живет внутри тебя, Полина.

Я ошеломленно посмотрела на него, не веря собственным ушам. Нет, не может быть! Жизнь не шутит так жестоко. Лицо Кирилла более чем убедительно опровергло эту теорию.

— У тебя будет ребенок. Девочка.

Пристально посмотрела ему в глаза — нет, не придумывает. Значит, правда...

Впервые за эти дни я пошевелилась. Подняла перебинтованную до локтя руку и положила поверх широкой кисти Кирилла.

— Ребенок... — прошептала, и лекарь кивнул. — Откуда ты знаешь, что это девочка?

— Я же знахарь, — снисходительно улыбнулся Кирилл. — Моя работа — видеть.

Это чертова ирония судьбы! Или что — проделки проклятия?

Первое чувство, что проснулось во мне после ритуала — ненависть. Ненавидеть Влада было просто в свете последних событий. Единственное, чего я не понимала: почему он ждал так долго. Восьмой нали почти опустошил его, он был на грани. Но ждал. Чего?

Можно было предположить, что не хотел мне навредить, но известие о нашей с Глебом связи изменило его мировоззрение. Можно было, да. Если бы я не знала Влада. Он слишком расчетливый, чтобы вестись на поводу у собственных эмоций. Влад всегда умел их контролировать, так что же произошло сейчас?

И еще одно волновало. Я беременна, а он ни разу не зашел. Решил порвать все связи? Слишком по-детски. Сожалеет? Слишком на него не похоже. Тогда что?

Мне казалось, он первым делом зайдет и похвастает своей суперсилой, покажет, что значит разозлить его. Но нет.

Впрочем, я была рада, что Влад не посещает меня в больнице. Даже не знаю, как смотрела бы ему в глаза — слабая, поверженная, униженная его предательством. И навсегда связанная с ним.

Теперь уже не только проклятием.

Ребенок... Единственная вещь, которой я радовалась. Ради этого хотелось жить. Странно, в прошлый раз у меня не было таких эмоций. Повзрослела? Или...

Нет-нет, нельзя так думать! Не вспоминать Уну и ее безразличное лицо. Я не такая, и буду любить эту девочку независимо от того, что ее отец.

А вот эта тема точно нежелательна. Даже для мыслей.

Но забыть все равно не дали. Сестра постоянно напоминала о Владе — каждый раз, когда приходила.

— Это ужасно, — однажды сказала она и посмотрела с жалостью. Сразу же захотелось стукнуть ее по голове. Я безумно любила Риту, но когда так смотрят, возникает желание удавиться. — То, что Влад сделал...

— Но его, конечно же, не будут судить, потому что отныне он сильнее, чем все вы вместе взятые, — с сарказмом сказала я и отвернулась к окну. В такие моменты злость от бессилия буквально душила, и на глазах выступали слезы обиды.

Я немного оправилась и даже пару раз вставала с кровати, за что получала нагоняй от Кирилла. Беречь себя и малышку — таков был наказ. Но лежать быстро надоело, особенно когда в голове сотня планов. Ведь мой Глеб где-то там, один... А я лежу тут, как бревно, и не могу даже поговорить с ним. Телефон выключен, а где друг, что с ним, я не знала.

— Нет, что ты! — всплеснула руками Рита. — Я понятия не имею, где Влад. После того он не появлялся в доме. А судить его все равно бы не смогли.

— Наверное, поработает мир! С него станется, — я горько улыбнулась. — Конечно, не смогли бы. Макаров всегда прогибался.

Я думала, Рита разозлится, но она лишь покачала головой и взяла мою руку.

— Не поэтому. Просто ваша история... Закон всегда имеет лазейку.

— В смысле? — насторожилась я.

— Как ты знаешь, хищный не может причинить физический вред члену своего племени. — Сестра произнесла это так, будто цитировала определение из учебника. — Но в данном случае Первозданные оставили вам шанс... — Она запнулась.

— Шанс?

— Разрушить проклятие.

Ну, конечно! Пока один не убьет другого. Как удобно — Владу даже перед судом отвечать не придется. Даже если бы кто-то выступил с обвинениями.

Стало противно. Я оказалась всего лишь средством для достижения цели. План наверняка прорабатывался тщательно. Влад даже жизнь мне сохранил. Как благородно! Так бы взяла и поблагодарила пару раз чем-то тяжелым по голове.

Как ни странно, поправилась я быстро. После известия о беременности, во мне проснулась огромная тяга к жизни. Я даже готова была питаться, если станет хуже, лишь бы сохранить жизнь дочери. Постоянно ждала, когда проснусь истощенной, но с каждым днем мне было все лучше.

Через две недели вернулась домой. Переступила через порог, и дернулась от отвращения.

Его дом... Это как плевок в душу, но что делать? Работы я лишилась. Вика непременно приютит, но содержать нас двоих, а тем более троих, точно не сможет. А работу мне в положении не найти.

Рита постоянно хлопотала, бегала вокруг, как наседка. Я привыкла не обращать внимания. Нужно набраться сил и найти Глеба. Месяц прошел, а я даже не знаю, где он, что чувствует. Впрочем, я могла представить.

Глеб Измайлов переступил через собственную гордость в день присяги. Преклонил колени перед тем, кого ненавидел, чтобы только быть частью атли. И вот лишился всего. Из-за меня.

По ночам я подолгу сидела за компьютером Филиппа. Читала переведенные летописи, начиная с момента образования атли и заканчивая сегодняшним днем. Хотела найти что-то — зацепку, мелочь, которая даст надежду на возвращение Глеба и, наконец, нашла.

Постепенно жизнь в особняке входила в привычное русло. Я заставляла себя улыбаться и держать хорошую мину при плохой игре. Глеб гордился бы мной, жаль, его не было рядом.

Лара подозрительно косилась при каждой встрече. Возможно, не могла понять, как я избежала смерти. А может, просто расстроилась, что я вообще выжила. Если честно, мне было все равно.

Наконец, даже Рите надоело нянчиться со мной. Похоже, в их с Филиппом отношениях не все было гладко, и она в основном занималась тем, что наводила порядок в доме. Так она отвлекалась от проблем, забывала о них. Глупая. От проблем нельзя спрятаться. Я пыталась — не вышло.

Я помню день, когда сняли бинты. Как не смогла сдержать слез при виде уродливых лиловых шрамов на запястьях. Вечное напоминание — теперь оно навсегда со мной. Но самые глубокие шрамы — внутри. Хорошо, что их не видят окружающие.

Найти Глеба оказалось проще, чем я думала. Одна девушка из тусовки на гаражах дала адрес.

— Достоевского, дом тринадцать, квартира пятьдесят три.

Добралась я быстро, минут за двадцать. Остановилась у подъезда перевести дух. Сердце стучало, как сумасшедшее, в голове образовался кавардак из мыслей. Что я скажу ему? Все

банально и ситуацию не спасет.

Поднималась не на лифте, чтобы собраться с духом, и к третьему этажу заметно устала. Мучивший последние две недели токсикоз усилился, тошнота стала почти невыносимой, и я положила в рот мятную конфету. Помогало мало, но хотя бы отвлекало немного.

Заветная дверь, обитая черным дерматином, косилась недоверчиво и враждебно. Звонок расположили так высоко, что с моим ростом я еле до него дотянулась. С первой попытки дверь никто не открыл, и я повторила еще раз, затем еще. «Окажись дома, только окажись дома», — шептала, как заклинание, боясь, что слова так останутся невысказанными, а тревоги не найдут выхода.

— Никого нет! — послышался, наконец, голос из-за двери. Злой. Несчастный. Даже не видя Глеба, я могла сказать, насколько он подавлен.

— Глеб, это я, — произнесла я и прислонилась лбом к разделяющему нас дверному полотну. Выставила ладони, словно могла таким образом разрушить границу, проникнуть в квартиру и дотронуться до него — такого близкого и далекого одновременно. — Пожалуйста, открой...

Ответом мне была тишина. Обреченная. Устрашающая.

А потом замок щелкнул, и я увидела его.

Трехдневная щетина покрывала обычно гладко выбритое лицо, брюки были смяты, волосы взъерошены, но больше всего поражали глаза. Мутные, пустые и безжизненные.

— Глеб...

— Что ты здесь делаешь? — безразлично спросил он. — Тебе нельзя здесь находиться.

— Плевать я хотела на всякие там «нельзя»! — сказала я и решительно протиснулась мимо него в помещение.

Такого беспорядка я в жизни еще не видела. Квартира завалена мусором: пачки от чипсов, бумажки, пивные бутылки. Бутылки с чем-то покрепче. Из мебели в комнате — только диван, а на нем — гора пакетов и грязные тарелки.

— Глеб, — выдохнула я. — Зачем ты это делаешь?!

Он так долго боролся с собой и сдался. Впрочем, я его понимала: если бы не беременность, сама не знаю, что было бы со мной сейчас.

— Это не самая страшная из бед, — пожав плечами, сказал Глеб, но бутылки все же собрал в пакет. Туда же отправились одноразовые тарелки с присохшим кетчупом и остальной мусор с дивана. — Учитывая обстоятельства...

— Какие к чертям обстоятельства?! — вспыхнула я. — Я жива и здорова. Ты спас мне жизнь, и заливаешь это алкоголем?

— Я больше не атли, Полина. Тебе нельзя быть здесь. Лучше уходи, пока никто из племени не пронюхал, где ты провела время.

— Плевать! Ты, в самом деле, думаешь, я оставлю тебя?

Он думал. Решил, что я брошу его, потому что действуют дурацкие законы хищных.

Медленно, словно это причиняло невероятную боль, Глеб опустился на низенький диванчик. Спрятал голову между коленями и накрыл руками. Готова была поспорить, что он плачет.

Подошла к нему и села рядом, затем погладила по голове. Но когда он поднял на меня глаза, они были сухими.

— Я все исправлю, слышишь! — пообещала я.

— Ни я, ни мои дети, ни их дети никогда не станем атли, — сказал он тихо. —

Никогда...

— Потомки великого Арендрейта — братья Ирмен и Джан тоже отреклись во времена великой войны с охотниками. Но Ирмен вернулся в племя — Первозданные восстановили его связи с родными.

— Первозданных никто никогда не видел, Полина.

— Ошибаешься. Андрей видел.

— Зачем охотнику помогать тебе? — с сарказмом спросил Глеб, сбросил мою руку и встал. Я буквально видела, как прогнулся под непосильной ношей воин атли. Он все еще был для меня атли, чтобы там ни случилось.

— Обещаю... — начала я, но он перебил. Резко приблизился, присел на корточки и обхватил мое лицо ладонями.

— Не смей ничего делать, слышишь! Если кто-то из племени узнает, что мы виделись, тебя будут судить. Таков закон.

— Я найду Первозданных, — упрямо сказала я.

Глеб закрыл глаза. Когда открыл их, я снова увидела своего лучшего друга. Он постучал кулаком мне по лбу и пробурчал:

— Ты чуть не умерла, а мозгов не прибавилось.

— К сожалению, это не прибавляет мозгов.

Глеб снова присел на диван и взял мою руку. Впервые с того злосчастного дня мне было хорошо. Жизнь налаживалась — нельзя просто оборвать все из-за несчастной любви. У меня была семья, друг и кое-что во мне. Вернее, кое-кто, и он очень хотел родиться.

— Он все спланировал заранее, — хмуро сказал Глеб.

— Что?

— Влад. Он позвонил мне. Сказал: приезжай и смотри, но совсем не для этого меня звал.

— А для чего? — стараясь выглядеть равнодушной, спросила я. Резко стало душно. Кислорода решительно не хватало, и я ослабила узел шерстяного шарфа.

— Он знал, что я отрекусь. Ведь только так я мог войти, забрать тебя. Даже бинты были...

— Хватит! — выдохнула я.

— Ты не живешь у атли?

— С чего ты взял?

— Думал, не сможешь... — Глеб замялся. — Видеть его.

— Влад исчез, — спокойно сказала я. — С того дня его никто не видел. Надеюсь, он больше не появится никогда.

— Очень в этом сомневаюсь.

Мы немного посидели молча, держась за руки, как раньше. Хотелось остаться у него, но я понимала, что сделаю только хуже. Но не поделиться новостью я не смогла.

— Я беременна.

— Чего? — Глеб аж подпрыгнул на месте. Уставился на меня, как на восьмое чудо света.

— У меня будет ребенок, — произнесла я громче. — Девочка.

— Ты понимаешь, что он вернется за ней? Заберет ее у тебя.

Это было, как будто меня ударили по голове. Думать, что в прошлом произошло нечто ужасное — одно, но бояться будущего — совсем другое. Влад и правда мог вернуться и

забрать дочь, для этого у него было все: деньги, связи, а главное — сила. А еще злость на меня и Глеба. Об этой злости я буду помнить вечно, ведь она оставила метки на моем теле.

Успокаивало одно: малышка будет атли, а уходить из племени я не собиралась. Не дождется!

— Скажи ему, что ребенок от меня, — предложил Глеб. — Влад уже знает, что у нас был секс, и поверит в эту ложь.

Это прозвучало так безэмоционально, что я даже усомнилась, что говорю с Глебом. Но потом поняла: даже сейчас, находясь в безвыходной ситуации, он пытается защитить меня.

— Спасибо, — сказала я и сжала его руку, — но я не буду этого делать.

Он вздохнул.

— Тебе пора возвращаться, — сказал тихо. — И не вздумай говорить, что виделась со мной. Не приходи больше, я не хочу тебя видеть.

Я кивнула и, поддавшись порыву, обняла его.

— Люблю тебя, Глеб Измайлов. Просто, чтоб ты знал.

Вернувшись домой, я первым делом бросилась обыскивать тумбочку. Обнаружила, что у меня гора ненужной косметики, бижутерии и куча бесполезных визиток. Отправив все это в мусорное ведро, нашла, наконец, то, что искала — сложенный вчетверо листок из блокнота с заветным номером телефона.

Вот уж не думала, что когда-нибудь позвоню охотнику. Впрочем, слово «никогда» пора было давно вычеркнуть из лексикона. Совершенно бесполезное и неинформативное слово.

Длинные гудки сменились на лаконичное «Слушаю».

— Андрей, привет. Это Полина, — сказала я и замолчала.

Тишина в трубке несколько секунд казалась убийственной.

Вдруг он не помнит меня? Вдруг с нашей последней встречи изменил свое мнение?

Но Андрей просто спросил:

— Полина? Пророчица атли?

— Да, это я.

— Что-то случилось?

Конечно, он понимал, что я звоню не просто так, узнать, как дела. Это было бы верхом наглости, учитывая то, кем был Андрей.

— Не телефонный разговор. Мы можем встретиться? Я помню, где ты живешь.

— Я в командировке. Перезвоню, как только буду в Липецке, идет?

Не знала, что у охотников бывают командировки. Впрочем, у Андрея наверняка была какая-то работа, ведь за уничтожение хищных не платят денег.

— Идет, — согласилась я.

Представила, как охотник приходит ко мне в гости, и атли прячутся по комнатам, закрываясь на все засовы. Странно, но эта дерзкая мысль принесла удовлетворение. Я поймала себя на том, что улыбаюсь.

Что ж, один шаг сделан. Приятно было думать, что я не стою на месте. Нужно было хотя бы изображать деятельность, чтобы избегать мыслей об остальных проблемах. Хотя я понимала: рано или поздно придется подумать и о них.

Я беременна. И Глеб прав: Влад вернется. Что я буду делать тогда? Это же и его ребенок тоже, вряд ли он даст об этом забыть. Какая странная, мистическая, темная ниточка соединяет нас. Замешанное на крови и смерти влечение. Разве нормальная обстановка для маленького невинного существа?

Лежа ночью в кровати, глядя в окно на невероятно ясное для января небо, усыпанное звездами, я думала, что ничего в жизни так не хотела, как рождения этой малышки. Так хотела, что готова была встретиться с собственными страхами, посмотреть им в лицо и сказать: я больше не боюсь.

Странно, что именно в такие моменты болезненно ныли шрамы на запястьях, не давая забыть о том, насколько я слаба.

Глава 31. Ты — мой враг

Глава 31. Ты — мой враг

Андрей позвонил через две недели. На радостях я даже подпрыгнула на месте и выронила телефон. Дурацкая привычка — ронять телефоны. Когда-нибудь он разобьется точно.

— Андрей! — радостно выкрикнула в трубку, чем, несомненно, удивила охотника.

— Ты первая хищная, кто так бурно реагирует на меня. И позитивно.

Я буквально представила его улыбающимся за чашкой чая в милой кухоньке с занавесочками. Ну какой тут может быть негатив?

— Действительно рада тебя слышать.

— Тогда приезжай. Я как раз приготовил плов, заодно и покормлю.

Странные у нас выходили отношения. Пообщались так, будто знали друг друга вечность, а на самом деле враги. И веяло от Андрея чем-то чистым, добрым, несмотря на то, что он убивал хищных.

Хотя некоторые из нас очень даже заслуживают смерти.

Я тряхнула головой, отгоняя мрачные мысли. Если единственный мужчина, который мне нравился, оказался чудовищем, не значит, что остальные такие же. Да и вообще они мне не нужны! Для счастливой жизни у меня есть атли и дочь. А еще Глеб, которого непременно нужно выручать.

Трясущимися руками я положила телефон обратно на тумбочку. Не могла привести в порядок мысли. Как начать разговор? Как преподнести Андрею суть проблемы? Как добиться согласия помочь? Я не настолько хорошо знала охотника, чтобы найти ниточки, за которые можно дернуть, да и не умела никогда дергать за ниточки.

Нужно взять себя в руки! Просто скажу, как есть, и позволю решать ему.

Я взглянула в зеркало — жалкое зрелище. Не помню, когда в последний раз наносила макияж, а голову мыла неделю назад. Позорище! Волосы спутанным пучком торчат на затылке, под глазами круги, щеки ввалились. Я, конечно, старалась соблюдать режим и спать по восемь часов, но когда каждую ночь снятся кошмары, особо не выспишься.

— Что же ты с собой делаешь? — нахмурилась отражению и отправилась в ванную исправлять то, что можно было исправить, с помощью душа, фена и тонального крема.

Одеваясь, подумала, почему с отреченными закон племени запрещал видеться, а с охотниками нет? Хотя какой идиот из хищных будет намеренно встречаться с охотником?

В коридоре наткнулась на Риту, и она, похоже, направлялась ко мне.

— Уходишь? — насторожилась сестра, подозрительно меня осматривая.

— Прогуляюсь, — ответила я. — Съезжу в город.

— Понимаю, тебе все еще трудно, но... — Рита отвела взгляд и начала внимательно разглядывать кованые бра на стене.

— Что? — насторожилась я.

— Поскольку Влад ушел... В общем, нам нужно выбрать нового вождя.

В принципе, к подобному разговору я была готова. Каждый день ждала его возвращения в дом атли, даже думала паковать вещи и переехать к Вике. Но сейчас была немного ошарашена.

— Разве закон позволяет избирать нового вождя, когда жив существующий?

— Брат не вернется, — вздохнула Рита. — Это уже точно.

В душе смешались облегчение и тревога. Странно и слишком хорошо для меня. Слишком, чтобы в это поверить.

— Откуда знаешь?

— Кирилл видел его. Вчера в городе. Влад не вернется в атли.

Ушел? Серьезно? Отрекся и бросил племя, которым так дорожил? Сверхсила открыла новые горизонты?

Я мысленно себя отругала. Какое мне дело вообще? Ушел и ладно. Так даже проще — не придется видеть его, переживать все снова, уходить из дома. Интересно, дом Влад оставит атли или нам придется съезжать?

— Нас не так много, но мы все еще можем выбрать, — с надеждой сказала Рита.

— Да уж, невелик выбор. — Я горько улыбнулась. — Учитывая, что у Кирилла нет таких амбиций. Скажи лучше, что это просто формальность.

— Возможно, это и формальность, но мы должны закрепить все решением совета. Сегодня вечером. И твой голос...

— У Филиппа он есть, — безразлично перебила я. — Мне пора.

— Что-то важное? — Рита усердно расправила темно-синюю плиссированную юбку, делая вид, что задала обычный будничные вопрос.

— Хотела проведать Вику.

— Полина, давай начистоту. Я знаю, у тебя с Измаловым были отношения, но он отреченный. Вам просто нельзя, пойми!

— Я не дура, — насупилась я. — Знаю. И что ты имеешь в виду, говоря «отношения»?

— Ой, да ладно! Все знают, что вы были любовниками. Из-за этого Влад и сделал... то что сделал.

В горле застрял противный, горький ком обиды. В глазах на секунду потемнело, кулаки сами собой сжались.

Она что же, винит меня? Невероятно. Моя собственная сестра считала, что недавние ужасные события произошли по моей вине. Несколько секунд я стояла молча, размышляя, как бы порезче ответить. К сожалению, на ум приходили сплошные банальности — пошлые и пафосные.

Посмотрела на Риту с укором и покачала головой.

— Не были мы любовниками.

А потом подумала, что Рита не сама дошла до неутешительных выводов. Наверняка Влад говорил с сестрой, и я в этой истории выглядела не лучшим образом. Но прогнать обиду не получилось — она ворвалась в меня диким вихрем разочарования и ярости.

Развернувшись, я быстро пошла прочь. Забыть, не думать! Пора встать на ноги, и встреча с охотником — первый шаг.

По дороге до Липецка я злилась на Влада. Вся моя жизнь была пропитана им, тягой к нему, болезненным терзанием между «простить» и «уничтожить». Вру, «уничтожить» не было. Но теперь, когда я поняла, насколько мало значит человеческая жизнь и насколько дорога моя собственная, все виделось в совершенно ином свете.

Я понимала, что не стану сильнее. Не смогу ударить так, чтобы он понял: мне было реально больно. Чтобы осознал: так делать нельзя. Резать людям вены, чтобы удовлетворить собственные амбиции. Привязывать доверяющих тебе женщин к ритуальному камню и

использовать их кровь.

К черту проклятие! Я любила его. Поверила, что тот день, исполосованный полу-снегом полу-дождем за стеклом его пустынной, холодной квартиры, был во благо. А почему? А потому что так сказал он. Оля не в счет — ей Влад тоже мог навешать лапши.

Единственный вопрос, словно игла, засел в мозгу: почему он ждал? И зачем заставил меня думать, что он любит меня...

Глупая Полина. Влад Вермунд никого не любит. Он бросил племя, ушел. Туда ему и дорога!

У двери Андрея я немного притормозила. Положила палец на кнопку звонка и застыла. Внезапно нахлынули воспоминания: страх за Глеба, волнение, решимость. Они там — те, кого я люблю. Мой лучший друг. Моя сестра. И он. Человек без лица — потому что истинное лицо он никогда не показывал.

Следом пришел вопрос. Малодушный. Почему я? И ответ — отчетливый, простой и до обиды правильный.

Я позволила. Верила, не замечала очевидного. И невольно разрешила себя использовать...

— Полина? — Андрей махал ладонью перед моим лицом, стараясь вернуть в реальность. Я очнулась, вынырнула из прошлого и оказалась в настоящем — болезненном и неправильном. — Ты в порядке?

— Нет. — Слабо улыбнулась. — Впустишь?

В небольшой кухне ничего не изменилось. Странные ощущения — мне хотелось перемен, но тут словно жил кусочек прошлого, до событий, почти убивших меня. И я была рада, что хоть где-то он сохранился, ведь в моей жизни места для прошлого больше не было. Я его выжгла. Стерла воспоминания.

Андрей готовил вкусно. Радость, а не мужчина. Даже удивительно, почему еще не женат. Хотя, с его сущностью это и не мудрено — сложно будет объяснить супруге ночные вылазки и дрожащих при встрече с ее благоверным хищных.

— Так тебя можно поздравить? — улыбаясь, спросил он.

— Поздравить?

Вот уж чего точно делать не стоит, так это поздравлять меня. Теперь даже летом придется носить длинные рукава, пряча под ними отпечатки собственной глупости.

— Ну, с ребенком.

— А, это... — Я отвела взгляд и опустила взгляд на скатерть. И как ему удастся сохранять ее чистой и белоснежной? Чудеса! И занавески.

Белый. Думай о белом, Полина, а не о забрызганном кровью ритуальном камне атли.

— Рассказывай. Что стряслось?

— Мне нужно знать, где найти Первозданных, — выпалила я и замолчала. Одновременно испытала облегчение и тревогу — прятаться негде, остается уповать на удачу. Ну, и на сочувствие охотника.

Андрей молчал минуты две. Думал о чем-то напряженно, пока я рассматривала его из-под полуопущенных ресниц. Похоже, отнесся к моей просьбе серьезно, а это уже что-то. Не посмеялся и не прогнал.

Посмотрел хмуро и прямо спросил:

— Что ты натворила?

— Не я. Глеб.

— Какой Глеб?

— Ну, тот, темноволосый, — объяснила я и, увидев недоумение на лице Андрея, добавила: — Которого ты привязал к стулу.

— Ага. — На лице охотника мелькнула тень узнавания. — Так что же сделал Глеб?

— Отрекся от племени.

Охотник со свистом выдохнул. Даже я испугалась немного. Встал, прошелся к плите, нанес на губку чистящее средство и начал усердно тереть варочную поверхность.

— Полина, не уверен, что правильно понял. Твой друг отрекся от племени. Даже не буду спрашивать о причинах. А ты, по-видимому, хочешь вернуть его обратно, не так ли?

— Так, — честно ответила я.

— А что думает об этом вождь атли? Насколько я знаю, ваши законы...

— К черту вождя! — слишком горячо перебила я. — У Глеба была причина. Веская.

— Смею предположить, у всех, кто принимает такое решение, есть на то веская причина, — поучающее произнес Андрей.

— Меня хотели убить, — выдохнула я, и отвернула рукава блузы. Горло полыхнуло огнем — не думала, что будет так сложно сказать это вслух, признаться.

Охотник ополоснул руки, снова присел. Провел подушечкой большого пальца по еще розовой, бугристой поверхности шрамов, и я поспешно спрятала запястье в рукав. Отвернувшись. В глаза Андрею смотреть не могла — боялась увидеть там жалость.

— Изгнание Девяти, — прошептал он. — Ну, надо же...

— Ты знаешь о ритуале? — удивилась я.

— Слышал. Альрик... Один из Первозданных говорил о нем однажды. — Охотник глубоко вздохнул. — Кто это сделал?

— Влад, — глухим шепотом ответила я. В глазах стояли слезы, готовые вот-вот пролиться.

Ненавижу плакать! Странно, но рядом с Андреем смущения почти не было. Наверное, потому что он не часть моей жизни. Встретились, разбежались — делов-то.

Почему же первым делом я пришла к нему — незнакомцу с убийственной силой? Пришла с разорванными запястьями и истерзанной душой просить за единственного, кто вступился за меня перед смертью.

— Мне жаль, Полина, — сказал Андрей. Без унижительной жалости. Честно. — Он.. завершил ритуал?

— У меня не было возможности понаблюдать. Возникли кое-какие трудности — я умирала, — саркастично ответила я. — Но думаю, да. Иначе вернулся бы в племя.

— Да уж... — Андрей ошеломленно покачал головой. — Невероятно.

— Ты будто восхищаешься.

— Извини, — виновато потупился охотник. — Просто давно никто не делал такого. Не прогонял нали, имею в виду.

— И не убивал при этом пророчиц, — зло добавила я.

— Я же извинился!

— Проехали. Так ты поможешь с Первозданными?

— Я не думаю, что кто-то из Первозданных пойдет тебе навстречу, Полина, — серьезно сказал Андрей. — Глеб сам принял решение. Я не могу просить за него, я не могу даже общаться с тобой сейчас.

— Потому что убиваешь таких, как я?

— Вот именно. Понимаешь, Первозданные сами были охотниками когда-то. Они не будут слушать тебя. В них больше политики, чем магии, но в нашем мире каждый из них имеет вес. А еще они знают кучу древних заклинаний и умеют ими пользоваться.

— Выходит, они слушают только охотников? — догадалась я.

— Они давно не выходят в мир и все узнают через нас.

— Охотники правят миром, — пробормотала я и спрятала лицо в ладонях.

Просить Андрея заступаться за Глеба перед Первозданными я бы не посмела. Да и подозрительно это. Обязательно бросит на него тень: очень странно для охотника помогать «зверушкам». Неправильно.

— Я ничего не обещаю, но если выйдет поговорить с Альриком наедине... — Андрей нахмурился, а затем осторожно вытер несдержанную слезинку с моей щеки.

— Спасибо.

Поддавшись резко нахлынувшему порыву радости, я привстала и обняла его. Уф! Не зря ходят слухи, что любой контакт с охотниками болезненно воспринимается хищным. Во времена великой войны, когда охотники объединились против нас, много женщин погибло от изнасилования охотниками. Они оставили после себя сотни искаженных ужасом застывших восковой маской мертвых лиц.

Я поморщилась и тут же отпрянула, а Андрей виновато улыбнулся.

— Извини.

— Ты ни при чем. Я же сама.

— Я не могу обещать быстрой помощи. Да и помощи вообще, — серьезно произнес он. — Но твой рассказ у меня здесь. — Он прислонил указательный палец ко лбу.

— Это больше, чем я ждала.

Странно, что предают именно те, кому доверяешь, а враги протягивают руку помощи. Но, наверное, так и должно быть — в мире всегда действует закон равновесия. А значит, есть для чего жить.

Воровато оглядываясь, я села в полупустую маршрутку и без проблем доехала до улицы Достоевского. Нырнула в знакомый подъезд, поднялась на третий этаж.

В груди заныло. Вблизи от Глеба больше всего угнетала необходимость расставания, но дикая уверенность в успехе не позволяла раскиснуть.

Я нажала на кнопку звонка. Шаги за дверью. Щелчок. Заспанное лицо и растрепанные волосы.

— Глеб!

Я просто не выдержала. Сдалась. Нельзя соблюдать дурацкие законы, когда сам живешь по своим собственным. Плевать на суд! Когда просто хочется обнять, не до условностей.

Сначала Глеб пытался отстраниться, но я вцепилась мертвой хваткой — не отдерешь. Потому он просто втащил меня внутрь и захлопнул дверь.

Время остановилось, застыло в небольшой, но просторной прихожей. Нас окутала тишина, я только слышала мягкий звук поглаживаний — его ладонь скользила по моим волосам. Бережно, словно боясь сломать, он успокаивал меня, жалел.

Нет. Неправда. Глеб никогда меня не жалел. За это я его и любила.

— Я была у охотника, — прошептала я, наконец.

Он отодвинулся, но объятия не разжал. Покачал головой.

— Сумасшедшая!

— Есть шанс, что он сможет убедить Первозданных помочь.

— Первозданные никогда на это не пойдут. Какое им дело до обычного хищного? — Он вздохнул. — Ты сумасбродка, Полевая. И я готов тебя прибить. Ты беременна, забыла? Нужно думать не только о себе. Не приходи больше. Мне безумно приятно, но... не приходи.

Я помолчала немного, а затем кивнула.

Вечером атли единогласно признали вождем Филиппа. Нет, присягу мы не приносили, Кирилл сказал, для этого нужно время. Все же Филипп не был вождем по крови, его кен не хранил отпечаток кена прошлых вождей.

Как странно, что все придают так много значения крови. Впрочем, мне тоже пора начать.

Но я все еще не понимала, как можно бросить племя, уйти. По доброй воле. Ради каких-то там мифических свершений. Даже я не могу уйти. Хотелось сначала, до боли в груди — бросить этот дом, принадлежащий ненавистному человеку, убежать, спрятаться и забыть. Но атли уже настолько выросли в меня, что я не представляла ни дня без племени. Наверное, связь кена так влиет... Ведь, по сути, из родных у меня в атли только сестра, и та не на моей стороне.

— Все наладится, — ласково сказал Кирилл и погладил по плечу, и я вынырнула из невеселых размышлений. — Пройдет время.

— Надеюсь, он никогда не вернется! — с чувством сказала я, развернулась и пошла к себе.

Захлопнув дверь, разрыдалась, как маленькая. И только там, в одиночестве поняла, как хочется, чтобы кто-то просто погладил по голове, успокоил. Как Глеб сегодня.

Никого не было. Одна. Самое страшное — остаться одной среди толпы.

В принципе, ко всему привыкаешь. Всегда удивлялась способности людей адаптироваться, но на этот раз испытала эту способность на себе.

Через несколько месяцев все стало проще. Спокойнее. Привычное русло, привычные проблемы — токсикоз, тщетные поиски работы, редкие визиты к Глебу. Тайные, так как законы хищных никто не отменял. Я радовалась, что друг не скатился в пьянки, и с того раза, как я была у него впервые, выглядел намного лучше и опрятнее. В глазах, конечно, была все та же тоска. От нее не убежать. Лишиться семьи не шутка.

В принципе, если бы не Глеб, я, наверное, умерла бы с голоду. Брать деньги у Риты просто не смогла — было тошно. Впрочем, у Глеба тоже брала с неохотой и божилась, что отдам, на что он сварливо ворчал: «Это для племянницы». И покупал всякие пинетки, распашонки, которые я боялась нести в дом. Подозрительно, да и ни к чему. Я надеялась, к тому времени, когда родится ребенок, Глеб снова будет частью атли. Почему-то была уверена в этом.

Странная вещь, ведь от Андрея за четыре месяца не было ни одной весточки.

Я смирилась. А потом оно вернулось. Ночью. Во сне.

Я иду босиком по траве — высокой, почти до колен. Она щекочет кожу. Вокруг — куда ни глянь — поле. Раскинулось, расцвело незабудками, наполнило меня волшебным трепетом.

Спешу. Шаг плавно переходит в бег, я раскидываю руки, закрываю глаза и представляю себя птицей. Вольной. Счастливой. Смеюсь громко, открыто, совершенно не боясь, что меня осудят.

Вижу его — он улыбается. И понимаю, что все отдам за эту улыбку. За голос, прикосновение, ласку.

Останавливаюсь в шаге от него, тяжело дышу. Он протягивает руку, и я смело шагаю навстречу...

Я проснулась, тяжело дыша. Сердце бешено стучало в груди, легкие болезненно сжались.

Проклятие. Снова. Как же долго оно не преследовало меня — я думала, развеялось после ухода Влада из атли. Реальность тут же смыла прелесть сна черной дымкой сожаления. Жаль, что нельзя снять его, и придется мучиться так всю жизнь.

Обида на собственную слабость заставила встать и подойти к окну. По отливу неспешно накрапывал дождь. Мой защитник. Я повернула ручку окна, впуская внутрь прохладный майский ветер — влажный от дождя и пахнувший приближающимся летом. Сердечный ритм постепенно успокаивался, становился ровнее и четче. Я дома. В безопасности.

Положила ладонь на живот и не удержалась от улыбки. Осторожно погладила, шепча ласковые успокаивающие слова. Нужно взять себя в руки и перестать нервничать — все это влияет на ребенка. Прошлое — в прошлом. Я понимала: если начну анализировать, сойду с ума. Нужно дать себе время встать на ноги. Теперь я должна думать не только о себе.

Последний раз громко выдохнула и хотела закрыть окно...

А потом услышала шорох. Слева у комода шевельнулась неприметная тень.

Четверть секунды мне понадобилось, чтобы понять, что это охотник.

Еще полсекунды, чтобы подумать о своих перспективах.

Четверть секунды на то, чтобы решить, стоит ли кричать. Если закричу, сбегутся атли, и, возможно, умрут вместе со мной. Но есть шанс, что они спасут меня. Буду медлить — умру на месте.

Слишком долго размышляла. Охотник молниеносно приблизился и закрыл мне рот ладонью, одновременно прижимая к себе, чтобы не смогла вырваться.

От него веяло опасностью. Сильный, несомненно. Сильнее Андрея. Я плохо читала ауры, но инстинкты хищной не оставляли сомнений.

Внезапно вспомнив о новоявленной силе, выставила вперед ладони в надежде, что смогу отбросить его. Не сработало.

Наверное, на все это понадобилось еще полсекунды.

А потом он сказал:

— Пожалуйста, Полина, не нужно кричать. Ты всех разбудишь.

И разжал объятия.

Меня словно шандарахнули по голове. Единственное, что я могла сделать, просто стоять и пытаться переварить это.

А потом расхохоталась.

Не помню, когда в последний раз смеялась, да и смехом это назвать было сложно. Дикая, неконтролируемая злость смешалась с удивлением и злорадством, пропиталась иронией и вырвалась на свободу.

Охотник не шевелился. Стоял чуть поодаль, скрестив руки на груди, а мне хотелось закричать: «Разве можно так шутить?». Правда, от шутки в этой ситуации было мало.

— Так это то, чего ты хотел? — спросила, едва сдерживая рвущуюся изнутри истерику. — Стать охотником?

Превратиться во врага собственному племени — это ж какое извращенное сознание! И главное, зачем?

Меня трясло. Буквально выворачивало наизнанку безумной злобой, горечью и желчью,

что скопилась за эти несколько месяцев.

— Прекрати истерить, — спокойно сказал Влад.

— Зачем пришел? Инстинкты привели?

Он улыбнулся. Невероятно, насколько внешность бывает обманчивой! И не только внешность. Говорят, мимика выдает человека и его тайные помыслы. Наверное, я ужасный психолог, раз так ошиблась.

— Сарказм — признак психического здоровья.

Уклончивые ответы, высокомерие, самоуверенность — я точно не скучала.

— С чего это ты так волнуешься о моем здоровье? — зло выдохнула я. — Разве тебе не все равно?

— Ты играешь в шахматы? — спросил Влад, подходя к окну и делая вид, что пристально рассматривает мою плюшевую коллекцию.

— Что? — опешила я.

Странные повороты в разговорах и раньше были его фишкой, но теперь я и вовсе потеряла нить. Может, ритуал что-то делает с мозгами? Если да, то так ему и надо!

— В шахматы, спрашиваю, играешь?

— Нет. Не умею. Причем тут...

— Цель игры — защитить короля. Он самая слабая фигура на доске, и на него ведут охоту. Игрок должен защитить своего и взять короля противника. Для этого у него есть другие фигуры — он может их разменивать, подставлять под бой. — Влад вернул мягкую игрушку на место и присел на край подоконника. — Игрок должен уметь просчитывать ходы противника, а для этого нужна холодная голова. Если запрыгнет на доску, рискует быть убитым.

— И кто в этой игре я? — сдавленно спросила я.

Влад смотрел пристально, даже можно сказать, пронизывающе. Стало не по себе. Зачем он говорит мне все это? Зачем вообще пришел? Разве не получил от меня то, что хотел — кен и суперсилу? Теперь может убивать хищных — уверена, охотник из него получится прекрасный.

Но он пришел. Зачем?

— Важно, кто в этой игре я, Полина.

Я пожалала плечами.

— Мне-то что? Я с тобой играть не собираюсь.

— Как знать... Может, именно от моего хода зависит твоя жизнь.

— Зависела, да. — Я кивнула. — Но ты променял ее на сущность охотника. Теперь все.

— Правильно, — удовлетворенно кивнул Влад. — Никому не доверяй. — Оттолкнулся от подоконника, подошел близко. Сердце поднялось к горлу и забило быстро — пустилось галопом, норовя вырваться наружу. Глаза охотника лихорадочно блестели, и от этого становилось жутко. Если бы не знала Влада прежде, подумала бы, что он для этого рожден — убивать хищных. — Но если доверяешь — доверяй до конца.

— Предлагаешь довериться тебе?

Он вздохнул.

— Поздно уже. Мне пора.

— Зачем приходил? Полюбоваться?

— Ты больше мне нравишься, когда не язвишь.

— Замечательно! Значит, буду изучать эту непростую науку.

— Я рад, что ты не сломалась, — произнес он с неожиданным надрывом.

Жалеет меня? Только дай мне повод! Если бы я могла контролировать свой кен, если бы могла... Ударила бы так, что он бы вылетел в окно. Ненавижу!

Но вслух почему-то сказала:

— Если бы я была на твоём месте и у меня была бы совесть, я бы просила Альрика вернуть Глеба в атли.

Влад удивленно приподнял бровь. Как же несправедливо: я задыхаюсь от ярости, а он спокоен. Пришел в наш дом, в мою комнату. Говорит со мной после всего...

Перед глазами бегали противные багровые мошки. Я держалась из последних сил, казалось, еще секунда — выйду из себя, и тогда точно умру. Кидаться с кулаками на охотника — не очень разумно. Особенно если этот охотник совсем недавно хладнокровно резал тебе вены. Особенно если ты беременна.

Мысль о будущей дочери отрезвила, привела в чувство.

— А ты, оказывается, осведомлена о том, что происходит в мире охотников больше, чем подобает хищной, — сказал Влад вкрадчиво. Такой тон никогда не предвещал ничего хорошего, но так как хорошего между нами и так не осталось, я махнула на это рукой. — Макаров никогда не следит за своими людьми.

— Единственного достойного последователя для себя ты отправил в изгнание.

— Глеб сам отрекся.

— Но ты позвал его за этим, не так ли? Хотел посмотреть, как он оторвет самый важный кусок своей жизни и бросит в грязь? — зло спросила я, и голос дрогнул.

Я почти плакала. Почти сорвалась. Позволю себе сейчас быть слабой — снова проиграю ему. Кулаки невольно сжались, ногти больно впились в ладони. Физическая боль немного заглушила моральную.

— Мне жаль, что Глеб больше не атли, — абсолютно серьезно сказал Влад. — Но иначе ты была бы мертва.

— Будто тебе не все равно...

Я отвернулась, сцепила зубы. Только не разреветься! Странно, но получилось. Горло горело огнем, но глаза остались сухими.

— Ты удивишься, — услышала я совсем близко, у самого уха. Вздрогнула, но повернуться не рискнула.

Разве возможно, чтобы проклятие действовало даже после того, как Влад утратил сущность атли? Сущность хищного.

Это же бред! А значит... значит...

Мне кажется, или я до крови исцарапала ладони? Шею обдало легким сквозняком. Я повернула голову — комната была пуста. Из открытого окна на меня смотрела теплая майская ночь — влажная, почти летняя.

Скоро июнь. Мой всплеск. Я стану сильнее, непременно. Взрослее.

Но почему мне кажется, что внутри я все та же семнадцатилетняя девчонка, которая встретила его впервые?

Внезапная мысль оказалась нереально логичной. И как я не понимала этого раньше, не замечала? Ведь все очень просто на самом деле. Все было просто с первого дня.

Покачала головой. Рука сама потянулась к защитному амулету на шее. Я с силой потянула вниз, разорвав цепочку, и зашвырнула его в угол.

Глава 32. Много вопросов

До утра мне так и не удалось уснуть. Я сидела на кровати и смотрела, как медленно разгорается на небе восход, и постепенно комната светлеет, становится прозрачней, а вещи в ней — отчетливей.

Как бы ни хотелось признавать и как бы ни зарекалась от этого в прошлом, я постоянно думала о Владе. О новом даре и о том, зачем это могло вообще ему понадобиться. О странном разговоре, полу-надрывном, полу-отчаянном голосе. И как у него получается так играть?

Решила остановиться на причинах, потому что остальное могло завести в такие дебри, что не выберешься никогда.

Влад достаточно силен, да. Но атли способно поставить от него защиту, как и другое племя. Он еще молод, уничтожил немногих, если вообще уничтожил.

Черт, да кому такое в голову придет вообще — издеваться над собой годами, кормить нали кеном, провести безумный ритуал, чтобы получить такую ношу — бремя убивать себе подобных? Знал ли Влад о том, кем станет? Ведь в летописях нет упоминаний об охотниках — там лишь о суперсиле. Мог ли он ошибиться, и что теперь собирается делать?

А если знал, то какие выгоды получил, кроме смертоносных щупалец в жиле. Ответ родился под утро. Неожиданный и наиболее вероятный. То, что нужно было мне самой — Первозданные. Доступ к древним знаниям, тайным наукам, вековой магии охотников.

Возможно.

Рука сама потянулась к телефону. Правильно ли я поступаю? Слишком несуразно и опасно, но что делать? Я и так слишком долго ждала. Скоро родится ребенок, будет много новых забот, и мне просто нужен кто-то, кому я могу доверять. Безоговорочно. Полностью.

Мне нужен Глеб.

Не сомневаясь ни секунды, набрала номер Андрея.

— Полина? — Кажется, он был удивлен.

Я громко выдохнула. Напряжение никак не хотело отпускать, и если честно, я совершенно запуталась и не знала, что делать.

— Привет.

— Рад тебя слышать. Как дела?

Он что, издевается? Я вообще-то уже несколько месяцев жду от него весточки, а он — как дела!

— Ты не объявлялся долго, и вот я... В общем, звоню узнать на счет Первозданных. — Я запнулась. Было жутко неловко, но я переступила через себя. Мне просто нужен Глеб, чтобы логично мыслить и хоть что-то понимать. Я не могу бегать к нему украдкой — рискую быть пойманной. К тому же, Рита уже подозревает, а значит, знает и Филипп.

— Разве Глеб еще не дома? — удивленно спросил Андрей.

— А должен?

Сердце пропустило один удар, второй, третий... Мир сузился, обхватил кольцом, сдавливая и мешая дышать. Сосредоточился на единственно важном и существенном — словах охотника. Если Андрей удивлен, значит, что-то знает. Что-то о Глебе и атли. О его

возвращении домой.

— Я говорил с Альриком два месяца назад. Он удивился, что я просил за твоего друга, но меньше, чем я ожидал. Сказал, один охотник уже просил за него — незадолго до меня, вот я и подумал...

Дышать стало нечем, перед глазами поплыло. Мысли спутались, превратились в клубок из недоразумений и нелогичностей. И я окончательно перестала что-либо понимать.

— Полина?

— Я здесь.

Голос был не моим — глухой и хриплый. Руки отчего-то затряслись, кожа лица онемела. Малышка больно толкнулась, и я положила ладонь на живот.

Нужно взять себя в руки, перестать бояться и, наконец, начать думать логически. Дойти до истины, потому что сомнения способны уничтожить.

— Я думал, Влад говорил с Альриком, — подтвердил мои мысли Андрей.

— Больше никому, — невольно согласилась я. — Извини, что потревожила...

— Уверена, что в порядке?

— Нет. Но все равно спасибо. За все.

— Береги себя, пророчица атли.

Глупо все это. Глупо и нелогично.

Я встала и подошла к окну. Память — плохой советчик. Постоянно подбрасывает ненужные воспоминания, заставляет сомневаться, терять нить. Вот и сейчас, как осколком стекла по сердцу прошелся последний вечер, который мы провели вместе. Вечер, плавно переходящий в ночь, что все так круто изменила.

Что если бы я тогда солгала? Если бы похоронила навсегда под ворохом новых воспоминание о ночи у камина в доме Ольги? Изменилось бы решение Влада, или же он просто искал повод? Тогда зачем было это все — ужин, прогулка, ласки? Неужели можно так нагло врать? Ломать, не задумываясь о последствиях?

Голова наполнилась шумом от ненужных эмоций. Открыть сознание для них означало сойти с ума. Но как иначе я пойму, что нужно Владу? А должна ли вообще понимать?

Зачем он просил за Глеба? Сначала заставил его отречься, а потом... Совершенно нелогичный поступок для того, кто хотел мести. Или же так Влад пытался показать свое превосходство: мол, смотри, только благодаря мне ты снова атли.

Плевать! Пусть даже так, лишь бы Глеб вернулся. Мне все равно.

Оставались еще вопросы, и главный из них — зачем Влад приходил ко мне. Обычно использованные вещи просто выбрасывают. А я ведь именно так себя и чувствовала — использованной. Ждала чего угодно: насмешек, безразличия, холодной отстраненности, даже жалости. Но не интереса. В голове холодной рептилией шевельнулся страх, и вспомнилась его фраза.

«А вдруг именно от моего хода зависит твоя жизнь».

Что он имел в виду? Неужели ему снова от меня что-то нужно?

Чешуйчатый ужас сполз змеей по позвоночнику, отдаваясь противной дрожью на коже. Нужно узнать. Нужно непременно во всем разобраться, прежде чем...

Прежде чем что, Полина? Неужели есть еще границы, которые Влад сможет перейти с тобой? И есть ли способ этого избежать теперь, когда он охотник? Тот, кто может убить тебя в секунду.

Но он не убил. Приходил сюда ночью, смотрел на меня в темноте, а затем исчез так,

словно его тут и не было вовсе. Говорил о шахматах... Бред!

Глаза слипались от бессонной ночи, а желудок требовательно урчал. Нет, сначала поем, а затем выплюсь. Раз организм требует, нужно давать ему пищу. Во мне ведь растет жизнь.

Я улыбнулась. Снова погладила округлившийся живот. Представила, как возьму на руки малышку, как посмотрю в ее глазки, а детская ручонка сожмет мой палец.

Признаться, я ничего в жизни так не хотела и не ждала, как рождения дочери. Странно, ведь могла возненавидеть ее, и это было бы логично. Но ненависти не было. Вопреки здравому смыслу, во мне росло, ширилось, развивалось какое-то новое чувство. Расширяло грудь, мешало дышать, сдавливало внутренности и растекалось теплом по венам. Наверное, именно это называли материнским инстинктом.

Он менял меня. Делал мягче и жестче одновременно. Добрее и строже. Слабее и сильнее. Разбирал на молекулы и строил по кирпичикам — новую меня. Неизведанную, таинственную. Взрослую Полину.

Внизу было тихо. Немудрено, ведь только шесть утра. Но поесть никогда не рано — этим я не брезговала, даже когда невыносимо страдала. Большой бутерброд с ветчиной и сыром иногда поднимал настроение получше всяких комедий и шоколада.

Дверь кабинета была приоткрыта, и во мне проснулось странное чувство — полуностальгия, полу-сожаление. Вспомнила, как частенько по вечерам Влад засиживался здесь, а я, шмыгнув из кухни, на несколько секунд задерживалась, чтобы поглазеть на него в щель двери. И вдруг поняла, что тот Влад внезапно умер и никак не связан с чудовищем, приходившим ко мне ночью. Два разных человека. Совершенно. Наверное, так мой мозг абстрагировался от правды. Что ж, немудрено. Позже, наверное, осознание все же придет, но не сейчас. Сейчас невыносимой была одна лишь мысль, что...

— Полина!

Резкий голос, разорвавший уютную тишину, заставил вздрогнуть. Я подняла глаза — из проема на меня смотрел Филипп и хмурился. Наверное, я, как дура, застыла тут, погрузившись в воспоминания. Представляю выражение своего лица — жуть!

— Привет, — нервно улыбнулась я.

— Зайди, — бросил он и отвернулся, проследовав обратно в кабинет. — Нужно поговорить.

Почему-то подумалось, что этот разговор не принесет ничего хорошего, но послушно поплелась за ним и прикрыла дверь.

Филипп расположился в большом кресле за столом, сложил руки под подбородком и впился в меня взглядом. А я почему-то подумала, что он смотрится здесь нелепо и неуместно, словно дублер, заменяющий основного актера. Временная замена, бледное подобие вождя. Но уж лучше так, чем если бы Влад щеголял перед всеми своей суперсилой. Наверное, преобразование в охотника — большой подарок судьбы для меня.

Я остановилась в нескольких шагах от стола и невинно посмотрела на новоявленного вождя атли.

Мы толком не общались с Филиппом с ночи ритуала, и меня это устраивало. Он не трогал меня, и я могла спокойно навещать Глеба в его квартире. Но что-то мне подсказывало, что идиллия закончилась.

— Я знаю, что ты общаешься с отреченным, — сказал Филипп с едва скрываемой яростью.

Так, спокойно. Рано или поздно это должно было случиться. Нужно просто косить под

дуру, и он отстанет.

— Ты обвиняешь меня в том, что я нарушаю закон племени? — спокойно осведомилась я.

— Если бы обвинял, ты бы сейчас стояла не здесь, а перед советом! Но мы говорим наедине. И я очень хочу помочь тебе.

— Помочь? — Я невинно хлопнула ресницами. Черт, я и правда вхожу в роль. Признаться, мне даже нравилось.

Филипп вздохнул. Встал, приблизился и обошел меня сзади. Его ладони легли мне на плечи.

— Полина, — мягко сказал он, — я слишком долго знаю тебя и слишком хорошо к тебе отношусь, чтобы позволить совершать глупости. Я в курсе, что ты общаешься с Глебом, ищешь возможность вернуть его в племя. Поверь, Глеб был мне другом. Мало того, он сильный воин, и если бы был хоть малейший шанс вернуть его, я бы сделал все. Но его нет.

Я повернулась и гневно посмотрела ему в глаза.

— Не мне говорить жрецу атли, — я намеренно выделила именно слово «жрецу», чтобы дать понять: Филипп все еще остается жрецом, как бы ему ни хотелось взобраться выше, — что были случаи возвращения хищных в племя. Первозданные...

Руки Филиппа впились мне в плечо, и я поморщилась.

— Быть может, ты хочешь обсудить это на совете? Это и твои визиты к отреченному?

Я повернулась и с вызовом взглянула на него. Да, я испытывала страх перед вождем атли — дикий, неконтролируемый, стихийный. Но Филипп к нему не имел никакого отношения.

— Я не против. Притащишь меня на совет в кандалах?

Указала на свою руку, и он, потупившись, разжал хватку. Впрочем, морального давления не ослабил. Его ладони теперь уже без нажима легли мне на плечи.

— Пойми ты, дурочка, я добра желаю! Тот, кто общается с отреченными, сам рискует разделить их судьбу. — Он замолчал. Как-то надрывно вздохнул, погладил меня по щеке и произнес низким голосом: — Подумай о себе, о ребенке, наконец.

Я слишком поздно поняла, куда он клонит. Ей богу, я не хотела этого понимать! Мерзкое, скользкое осознание вползло в меня с хриплым шепотом:

— Полина...

Его лицо оказалось близко — еще миг, и дыхание обожгло щеку, спускаясь ниже. Я отпрянула. Рванулась в сторону, отбежала на несколько шагов и ошеломленно уставилась на Филиппа.

— Ты совсем из ума выжил?!

— Только не говори, что не хочешь этого! Я вождь, а ты пророчица. Это наше проклятие.

— Филипп, ты заигрался в вождя? Не надоело еще изображать из себя правителя? А как же Рита? Ты не забыл, что спишь с моей сестрой?

— Да брось, я мужчина, и могу позволить себе нескольких жен.

— Когда ты начинаешь играть во Влада, становишься похожим на комика, — зло сказала я.

— Влада здесь нет, — язвительно ответил Филипп. — Он больше не один из нас. И если он сунется к атли...

— И что ты сделаешь? — Я чуть не расхохоталась от этого заявления. Каждый смельчак

выступать с такими заявлениями в защищенном доме. Интересно, как он поведет себя, если Влад заявится убивать атли? — Кстати, кто-нибудь собирался просветить меня в том, что Влад превратился в охотника? Или, как всегда, подумали, что мне мало в жизни сюрпризов?

— Не драматизируй, — стушевался Филипп и опустил глаза.

— Действительно, с чего бы? Разве ритуал изгнания Девяти что-то забрал у меня, кроме крови и кена?

Он резко поднял голову, глаза опасно блеснули, и я невольно вздрогнула.

— Я убью его, — твердо произнес Филипп. — За то, что он сделал с тобой. Клянусь.

— Ты — чокнутый, Филипп Макаров. Влад сильный охотник. Он приходил ко мне ночью — защита Лары не сдержала его. Хочешь убить его? Попробуй. Но уверена, ты проиграешь. — Я вздохнула. — Он всегда идет по головам.

Развернулась и пошла к двери. Продолжать нелепый разговор не хотелось, к тому же, он бередили старые раны, которые я и так потревожила сегодня.

Больно. Невыносимо. Хотелось забиться в угол и плакать, а не сохранять бесстрастное лицо.

У самой двери остановилась, посмотрела на Филиппа.

— Если хочешь, можешь судить меня на совете, но я не оставлю попыток вернуть Глеба.

— Ты не понимаешь, его не примет никто!

— Я приму, а это уже немало. Не так много у тебя людей, чтобы швыряться пророчицей, — сказала я с вызовом. — Или думаешь, деторожденная сможет меня заменить?

— Нет, не думаю. — Он сделал два шага по направлению ко мне, но потом остановился, словно боясь спугнуть. — Разве мы больше не друзья, Полина?

Я тяжело вздохнула. Закрыла глаза.

— Не знаю. Но вот на счет Глеба уверена полностью. Он и тебя считал другом, а друзья нарушают законы и приходят на выручку. Так он сделал для меня. Так я делаю для него. Если тебя хоть немного заботит его судьба, докажи это. Помоги хотя бы тем, что не будешь мешать мне помочь!

Филипп почти сдался. Казалось, каждое сомнение четко отражалось на худощавом смуглом лице нового вождя. Я почти выиграла. Почти...

— Когда мы познакомились, Глеб боролся с тобой рука об руку, чтобы ты смог возглавить нас, — добила я. — Он никогда не претендовал на пост вождя. Если вернется, на нем все равно еще долго будет клеймо отреченного. Никто не позволит ему управлять племенем. Ты все еще будешь вождем. Мало того, великодушные заставит всех еще больше тебя уважать. Меня, например, заставит.

Он отвернулся и слегка кивнул.

— Для остальных я ничего не знаю. Только прошу, будь осторожна и не приближайся к Владу. Ты должна мне пообещать...

— Что я не пойду к охотнику, который чуть не убил меня? Да без проблем.

Битва была выиграна, но главная ли? Я все еще не знала, почему Альрик не вернул Глеба — ведь обещал. Андрей не стал бы врать. Почему Первозданный передумал? Есть ли возможность его переубедить?

Я солгала Филиппу. Мне нужны ответы, и нужны прямо сейчас. Есть лишь одно место, где я могу добыть их. Это место — ад, и я готова была спуститься туда.

Ветер завывал в ушах, трепал волосы, аккуратно собранные в пучок. Город, казалось,

был настроен агрессивно и смотрел на меня исподлобья. Ненавистный район напоминал государство темного лорда, а уходящие в облака многоэтажки — величественные башни, в которых томятся рыцари и воины светлой стороны.

Я тряхнула головой. Вот что делает самовнушение. Обычный район, обычные дома, ухоженные клумбы и мощенные плиткой подходы к подъездам.

Нет, вру. Не обычный. Элитный. Со всеми вытекающими.

Ключ от подъезда я стянула у Риты. Нагло отцепила от брелока и сунула в карман, а потом воровато оглянулась, убеждаясь, что сестра не смотрит. На задворках сознания постоянно маячила мысль, что я поступаю неправильно, но в моей жизни мало правильного — только Глеб и ребенок. И мне нужны оба.

Подъезд, как всегда, встретил чистотой и опрятностью. Свежевыкрашенные стены, отполированные и вскрытые лаком перила, чистый просторный лифт с множеством кнопок и белоснежной плиткой на полу. Ничего не изменилось. И в то же время стало другим.

Наверное, потому что поменялась я сама.

Слова, доводы, убеждения, вопросы — все это не имело никакого значения. Я раньше часто составляла планы, и все они проваливались с треском. В этот раз решила призвать на помощь собственную злость и импровизацию. Представила, что сказал бы Глеб, глядя на меня сейчас. Идиотка. Без башни. Сумасбродка.

Я решительно нажала на кнопку звонка.

Ожидание растеклось по плечам горячим воском, плавя, заставляя прогнуться перед растущим в геометрической прогрессии страхом. Колени предательски дрогнули.

Где-то внизу громко хлопнула дверь. Лифт проснулся, еле слышно загудел и пополз на вызов.

В следующую секунду щелкнул дверной замок. Я вздрогнула.

— Я заметил тебя за два квартала, — спокойно произнес Влад. — Ты так долго настраивалась или сомневалась, стоит ли приходить?

— Заметил? — пересохшим от волнения голосом переспросила я.

Нет-нет, не стоило приходить. Беги, Полина!

— Я охотник, забыла? Могу чувствовать тебя. И не только...

Зачем он это сказал?

Зеленые глаза смотрели пристально, едко. Захотелось забиться в норку, как маленькая мышка, убежать от кота. От смерти. От страха, которым так и веяло от квартиры Влада. Внутри — беспросветная мгла, погибель. А сам Влад — страж на границе ада...

Ну вот, снова. Кажется, я перечитала сказок. Эти новые веяния, что ребенок все слышит в утробе матери, до добра не доведут.

Влад молчал. Ждал, когда я заговорю? А может, и вовсе не желал меня видеть? Что ж, придется потерпеть — я пришла за ответами, без них не уйду.

Вскинула подбородок и бросила в его сторону самый испепеляющий взгляд, на который только была способна.

— Впустишь?

Влад слегка улыбнулся и отошел в сторону.

Я ненавидела эту квартиру. Каждый угол, каждая выпуклость на богато декорированных стенах вызвали легкую смесь отвращения и безумия. В голове тут же возникли траурные образы прошлого, закружили в сознании вороньем, сбивая с ног, путая мысли. Реальность здесь была особенно злой, жестокой, неумолимой. Прошлое — я так долго от него бежала. И

наконец, вернулась. Не сильнее, нет. Старше. И несчастнее.

— Ты просил за Глеба? — Я развернулась и посмотрела Владу в глаза. Не время для обидок, да и не нужны они ему. Я останусь с этим одна — со своей злостью, и с разочарованием, и с ненавистью. Отныне у нас разные пути. Возможно, однажды я стану сильной, и мы повстречаемся вновь. Я улыбнусь, открою ладони, и испепелю его на месте.

Возможно, этого никогда не произойдет.

Но здесь и сейчас — не время и не место.

— Разве ты не этого хотела? — Влад прошел мимо — в гостиную. Подошел к журнальному столику, захлопнул ноутбук и сложил в стопочку странные древние бумаги. Похоже, из папируса, но я плохо в этом разбираюсь. Наверное, какие-то дела охотников.

— Почему он не вернулся?

— Потому что я еще не заплатил. — Он глянул исподлобья. — Первозданные ничего не дают бесплатно.

— Не заплатил? — переспросила я. — И какова цена?

Влад улыбнулся.

— Ты всегда была умной девочкой. Даже слишком. Думал, догадаешься. — Я пристально смотрела на него и молчала, и он продолжил: — Когда последний нали покидает жилу, высвобождается огромная сила. Но она недоступна, пока не будет излито достаточно кена.

— Кена пророчицы, — спокойно сказала я.

Внутри бушевал ураган. Падали стены, рушились дамбы, обрывались нервы. Внешне я старалась оставаться спокойной. На него не смотрела — просто не могла. Зацепилась взглядом за покачивающуюся занавеску — наверное, дверь в лоджию открыта, а там — окно. Спокойное покачивание, слегка замедленное, завораживающее...

— Ты не должна здесь быть, Полина, — тихо произнес Влад. — Не должна через это проходить. Я знаю, что сделал, и готов к последствиям.

Я подняла на него глаза — на удивление сухие. На правом виске пульсировала венка — я ощущала, как она бьется — раненая птица, не способная летать. Не способная ни жить, ни умереть. Но я не птица, хоть и ранена.

— Должна, — сказала твердо. — Зачем ты просил за Глеба?

— Он — сильнейший воин атли. Неужели, думаешь, я позволил бы ему сгнить в изгнании?

— При чем тут атли? — раздраженно выдохнула я. — Что они тебе теперь? Ты — охотник.

Влад раздраженно вздохнул, словно я говорила чушь, а ему приходилось выслушивать. С каждой секундой я понимала его все меньше. Впрочем, я никогда его не понимала.

— Ты очень ошибаешься, если думаешь, что я к этому шел. Хотел этого.

— То есть ты не знал, что будет? Что станешь... убийцей?

Он покачал головой. Отвернулся, подошел к окну. Как всегда, прямая спина — ни намек на слабость. Сильный, несомненно. Жестокий. И странный.

Впервые любопытство во мне победило злость. Я была участницей этого ужасного действия, даже двух. И должна знать. Меня разорвет, если не узнаю правду!

— Нет. Но это ничего не меняет.

— Какова цена? — спросила я. Он повернулся в недоумении, и я добавила: — За возвращение Глеба.

— Всем нужен кен — это как разменная монета, Полина.

— Твой кен? Кен охотника?

— Ты удивлена?

Удивлена ли я? Я вообще мало знала о Первозданных, так с чего мне удивляться? Значит, все же я была права. Влад не подозревал о сущности охотника, но быстро сориентировался и нашел положительные моменты. Знания Первозданных, наверное, бесценны, а сила — почти безгранична.

Банально. Что мне с этого? Зачем ему понадобились знания, Влад мне, конечно же, не скажет.

— Ты слишком доверчивая, Полина.

Зачем он это сказал? Издевается?

Вскинулась — нет, на лице издевки нет. Только жалость... Ненавижу!

— Больше нет, — зло произнесла я и отвернулась. Внезапно перестало хватать воздуха и захотелось уйти, но я еще не выяснила всего. Не задала главный вопрос. Сложный — самый сложный из вопросов. Нужно быстрее с этим покончить и вернуться в искалеченную, но только мою жизнь.

— Когда мы познакомились, ты знал, что я пророчица? Знал, что тебе понадобится мой кен?

В тишине отчетливо слышалось, как разбиваются последние иллюзии. Я сама разбивала их — надоело быть маленькой девочкой. Прятаться за миражами из собственного нежелания знать правду. Игра в замки... и я вышла из укрытия.

— Нет, Полина. Не знал. — Он снова отвернулся, и я выдохнула. Слишком громко. Наверняка, он услышал.

Плевать! Уйду, сбегу. Постучусь к Глебу и буду реветь на маленьком диване в его безалаберно обставленной квартире. Усну там же, и нет дела до Филиппа и его угроз. Останусь навсегда на Достоевского. — Но ты не совсем ошиблась. Мы встретились не случайно — я нашел тебя.

— Зачем?

Голос прозвучал сипло, и на последнем слоге сорвался на писк. В воздухе грозным предупреждением витала полураскрытая тайна, электризуя его, пропитывая напряжением. Нервы были настолько натянуты, что, казалось, сейчас зазвенят.

— Я был младшим сыном у родителей. Мой брат, Дмитрий — на десять лет старше, и именно он готовился стать вождем. Ему было тринадцать, когда появился охотник. Древний. Брат умер быстро, а атли оказались на крючке. Валентин — мой дед — не стал ждать, когда охотник вернется. Вождь сам пошел к нему. Он и еще пять воинов атли. Мишель — так звали древнего — поселился неподалеку от нашего старого дома, в небольшой деревушке вблизи очага. Они ворвались к нему ночью, замедлили, запечатали жилу, и Валентин принялся проводить ритуал кроту. Охотник ушел в последнюю секунду — они это могут, даже несмотря на печать. Он покинул тело, вселившись в проходящего мимо соседа. Когда мне исполнилось шесть, дед взял с меня клятву, что я найду его и закончу начатое.

— Разве твой дед не боялся, что охотник вернется? — спросила я, не понимая, как реагировать на эту экскурсию в прошлое.

— Нет. Он же запечатал его. Это древнее заклинание можно произнести всего раз, и снять его может лишь хищный.

— То есть древний не мог убивать? — Влад покачал головой. — Все равно не пойму,

причем тут я.

— Когда хищный умирает, он не всегда попадает в хельзу, Полина. — Влад оттолкнулся от подоконника, развернулся. Сделал несколько шагов по направлению ко мне, и остановился на том расстоянии, которое я еще могла считать безопасным. Я уже знала, что не уйду, пока он не расскажет все. — Некоторые хищные перерождаются. Так было со мной. — Он слегка прищурился, сделал паузу. — И с тобой.

— Я все еще не понимаю...

— Охотники живут долго. А Мишель был древним. Давно, несколько веков назад, он встретил девушку — хищную. Ее в младенчестве подкинули к дверям дома, где проживал клан ясновидцев, и одна сердобольная женщина воспитала ее, как дочь. Девочка выросла благодарной, и не тронула никого из клана. А потом появился Мишель. И заболел ею. Вопреки здравому смыслу, разности энергетик, инстинкту убивать таких, как она.

— Влюбился? — вырвалось у меня. Влад улыбнулся.

— Девушку звали Кастелла.

Я зажала рот ладонью. Дышать стало совсем нечем, голова закружилась, воронья стая сожалений и обид закружилась снова, и смоляной лужицей растеклось понимание...

Я уже забыла лицо Максима, но серые глаза помнила отчетливо.

— Тот охотник, которого я убила... — прошептала я. — Ты приказал убить его. Говорил, он опасен.

— Он и был опасен. Любое заклятие можно снять. Даже печать.

— Он... Мишель знал, что я — Кастелла?

— Нет, он чисто случайно устроился в небольшую фирмочку по продаже канцтоваров! — съязвил Влад. — Конечно, он знал. Я ждал, когда он придет за тобой.

— Поэтому нашел меня и держал рядом, — подытожила я. — Тогда, когда мы... Нашел меня, не зная, что я — атли, верно? Но зачем тогда оттолкнул? Буквально выбросил из жизни? Ведь охотника так и не выманил.

— Слишком много вопросов на сегодня, Полина. Боюсь, у меня нет больше ответов для тебя.

Я кивнула. И так узнала больше, чем надеялась. А правда оказалась вовсе не сладкой. Не уверена, что хотела ее знать. Не уверена, что понимала, в каком мире живу, кем на самом деле являюсь. Думать об этом совершенно не хотелось. Во всяком случае, сейчас.

— Когда вернется Глеб?

— У меня дела с Альриком. Как только закончим, придет время платить по счетам.

— Хорошо. — Я повернулась к выходу.

— Полина! — Меня остановил требовательный голос. — В племя мы с Глебом вернемся вместе, и я хочу, чтобы ты подумала о том, что будешь делать дальше.

— То есть как, вместе? — Я обернулась и постаралась проследить на красивом лице следы насмешки. Не нашла. Влад был абсолютно серьезен, и это напугало. Песочный замок будущей идиллии, склеенной из остатков здравого смысла и приятных воспоминаний, рухнул под натиском бури.

— Ты же сама спросила о плате. Когда я отдам кен охотника, верну себе сущность. Первозданные умеют многое.

— Зачем? — шепотом спросила я, чувствуя, как глаза наполняются так усердно сдерживаемыми слезами. Шрамы на запястьях болезненно заныли, напоминая: он — враг, и сейчас я на вражеской территории. — Зачем тогда ты...

— Так было нужно, — последовал безапелляционный ответ. — Если захочешь, я расскажу тебе... потом. — Влад на миг отвел взгляд, и лицо окрасилось непонятной мне эмоцией. Страх? Сожаление? Безысходность? А затем он снова стал собой — бесстрастным и невозмутимым. — Скорее всего, расскажу. Но сейчас проблема не в этом, не так ли? Ты больше не сможешь мне подчиняться.

Я молчала. Он знал ответ, знал меня, и прекрасно умел оценить ситуацию.

И я умела. Стало противно. От неизбежности. От невыплеснутых, распирающих изнутри обид, почти превратившихся в дикую ненависть.

Влад всегда на шаг впереди, и понимает это.

— Ты можешь уйти, — сказал тихо, почти ласково. — Жить отдельно, не отрекаясь, участвовать в таинствах племени, общаясь с атли. Но понимаешь, что не сумеешь сама позаботиться о ребенке. Девочка останется в доме.

— Замолчи!

— Не потому, что я не отдам или буду шантажировать тебя, — не обращая внимания на мою злость, продолжил Влад. — Просто из тебя никудышняя защитница, Поля.

Его слова — правильные, рациональные — резали изнутри. Мозгом я понимала, что Влад прав, но все мое естество противилось этой правде, искажало ее. Напряженные нервы противно звенели, перед глазами почти плыло.

— Я не смогу жить с тобой, — честно сказала я. — Сойду с ума.

— Дом атли — все еще твой дом, и если пересилишь себя, сможешь остаться. Ты уже не маленькая девочка. Понимаешь многое, и в состоянии решать. — Он помолчал немного, а потом добавил: — Я мало кому оставляю такое право в племени.

Теплый майский воздух наполнился грозой. Небо заволокли тучи, рассекаемые редкими всполохами молний и раскатистым звуком грома.

Я вышла из подъезда и закрыла глаза. Наполненный живительной влагой ветерок приятно щекотал кожу. Я распустила волосы, провела по ним ладонью и тряхнула головой, будто освобождаясь от огромного груза эмоций и переживаний.

Жизнь — дерьмо, теперь я знала точно. Во всяком случае, моя. И выход из тоннеля никогда не приводит в рай. Будущность оказалась еще более страшной и несчастной, чем прошлое — его хотя бы можно похоронить. То, то ждет впереди — испытание, и я не была уверена, что пройду его.

— Что мне делать? — спросила у неба, и оно ответило еще одним раскатом грома. Небо злилось вместе со мной, а значит, я была не одна.

Но что мне небо, если здесь, на земле, жизнь медленно, но неоспоримо, превращалась в ад?

Уйти? Оставить дочь в доме атли и каждый день плакать от боли быть разлученной с собственным ребенком? Видеть ее по графику, приходить, когда хозяина не будет дома, жадно впитывая каждую секунду общения с близким человечком? Или остаться и провалиться в бездну отчаяния? Жить в одном доме с мужчиной, который дважды причинил ни с чем не сравнимую боль, признать его главенство и засунуть свою гордость... Глубоко засунуть, в общем.

Именно так мне представлялось будущее. Кулаки снова сжались. Бессилие бесило больше всего.

Выбор? Ха! Ни разу это не выбор. Этими словами Влад требовал от меня признати собственную беспомощность и слабость. Не дождется! Я буду бороться. Найду выход.

Потому что выход есть всегда.

Глава 33. Возвращение и выбор

Глава 33. Возвращение и выбор

До улицы Достоевского я доехала меньше, чем за десять минут. Еще когда находилась в маршрутке, город накрыло ливневой волной, и я с удовольствием смотрела, как бегут по тротуарам люди, прикрываясь от дождя кто чем может: в ход пошли газеты, пакеты, даже портфели степенных, одетых в строгие костюмы мужчин. Некоторые из прохожих — наверное, самые расторопные или те, кто с утра заглянул на сайт «Гисметео» — раскрыли разноцветные зонты, чем вызвали зависть у вмиг промокших насквозь и не таких предприимчивых сородичей.

Я же радовалась — хоть что-то в этом мире существует исключительно для меня. Ну, в этот момент точно.

Двери маршрутки открылись, и я шагнула в дождь. Одежда мгновенно промокла и прилипла к телу, по волосам побежали теплые ласковые струи, подобно мягким локонам обрамили лицо, капли повисли на ресницах. Жила завибрировала, наполняясь кеном — защитник делился со мной, обволакивал, успокаивал нервы.

Не все потеряно. Никогда нельзя сдаваться!

Я нырнула в подъезд, предварительно отряхнувшись под крыльцом. Почувствовала, что озябла, и мысленно отругала себя за беспечность. Но потом махнула рукой. Выпью у Глеба горячего чаю, согреюсь. Мне просто нужно было это — ощутить единение с защитником, понять, что я никуда не уйду. Даже если придется пожертвовать спокойствием и частью себя самой. Это и мое племя тоже, и я не позволю Владу лишить меня его. Он и так слишком много у меня забрал.

— Совсем сдурела! — Глеб встретил ворчанием, как всегда. Я лишь улыбнулась и прошмыгнула в квартиру. Разулась на пороге, нырнула в ванную, стянула мокрую одежду и встала под горячий душ.

Я привыкла к квартире и ощущала себя тут, как дома. Завернувшись в серый махровый халат, почувствовала себя лучше.

— Есть хочу, — заявила безапелляционно, прошлепала на кухню и открыла холодильник. Да уж, выбор невелик: заплесневелый сыр, колбаса сомнительной свежести и яблоки.

Ну, хоть что-то. Я вымыла два под краном и одно протянула Глебу. Он хмурился у окна, смотрел исподлобья, но яблоко взял.

— Не нужно ко мне ходить, — проворчал мой друг. — Рано или поздно Макаров прознает о том, что ты видишься с отреченным.

— Филипп знает, — безразлично сказала я, села на стул и поджала под себя ноги. Да уж, с выпирающим животом это не так-то просто оказалось.

— Как... знает? — Глеб присел рядом и положил яблоко на стол. Глаз с меня не сводил — смотрел встревоженно и даже испуганно.

— Пытался шантажировать меня, но я его послала. — Я жадно вгрызлась в румяный красный бок фрукта и глубоко вздохнула. — Филипп не самая большая наша проблема. Я была у Влада.

— Ты... — Глеб со свистом выдохнул. Встал. Прошелся по кухне. Его лицо сначала

побелело, а потом пошло багровыми пятнами. Я даже испугалась. Синие глаза сверкнули смесью гнева и страха. — Больная вообще?!

— Влад — охотник, — спокойно произнесла я. — Ритуал сделал его таким. Он приходил ко мне ночью, а потом я звонила Андрею. Он сказал, Влад просил за тебя Первозданных.

— Фига се!

Мой друг снова опустился на стул, втупившись взглядом в истертую столешницу. Провел руками по волосам, но они снова беспорядочно рассыпались в стороны, а одна прядь-хулиганка упала ему на лоб.

— Я была у него только что. Мы говорили... — Я замялась и сглотнула жгучий ком. — Говорили обо всем.

— На кой черт ему это понадобилось? — с чувством спросил Глеб. — Суперсила — это сущность охотника? Так они иногда слабее наших бывают? Ты ж вон прищучила двоих.

При упоминании о Мишеле на глаза навернулись слезы. Гормональное. Всю беременность постоянно хочется реветь. Или все же это связано с недавними событиями?

— Думаю, Владу нужны были знания Первозданных, ведь только охотники могут с ними встречаться.

— И для этого он чуть тебя не угробил? Ради знакомства с древними охотниками? Да он просто обаяшка!

— После того, как решит проблемы с Альриком, Влад вернется в атли вместе с тобой. Ты же знаешь, судить его не будут — он был в своем праве... разрушить проклятие.

Глеб все понял — ему не нужно было ничего объяснять. Взял меня за руку и очень серьезно спросил:

— Уйдешь?

Я покачала головой.

— Как я могу? Скоро родится ребенок. И как бы я не ненавидела Влада, он прав — защитница из меня ужасная. Дочери лучше оставаться в племени, а я не смогу ее оставить... — Я всхлипнула, ругая себя за то, что снова развела. — Я слишком много потеряла.

Глеб сжал мою руку.

— Это хорошо, что он вернется. — Недобро улыбнулся. — Моя кровь дает мне право...

— На что? — испуганно выдохнула я, хотя уже знала ответ.

— Я вызову его. Вызову, одолею. И убью.

— А если нет? Ты об этом подумал? — выкрикнула я. — Если у тебя не выйдет?

— Это личное, — твердо ответил Глеб. — И должно закончиться, наконец.

Я не смогла отговорить его, как ни старалась.

Поединок — это даже звучало страшно, а уж если представить. Они всегда заканчивались смертью. Мало кто признавал собственную слабость, а не признать означало умереть.

Если Глеб проиграет... Нет, даже думать об этом было страшно.

Всю ночь я не могла сомкнуть глаз. Сидела в кресле у окна и слушала, как он размеренно дышит во сне.

Я осталась на ночь — забила на правила и законы. Все равно одежда вымокла, да и дома меня не особо-то ждали. Почему-то я была уверена, что Филипп не станет наказывать меня. Об утреннем инциденте заставила себя забыть, хотя где-то в глубине души зародилась обида

за Риту. Она любила Филиппа. А он ее нет.

Хотя... Мои понятия о браке и любви сильно отличались от понятий остальных хищных. Как смешно, наверное, выглядели для Влада мои притязания на моногамию.

И зачем я об этом думаю?

Серая тоска, как туманом, заволокла воздух. Дышать стало тяжело, и я вышла на балкон. Умытый ливнем город спал. Изредка по дороге проезжали машины, а в некоторых окнах дома напротив горел свет.

Стало до ужаса обидно, что все это произошло со мной. Не могла влюбиться в кого-то не настолько безумного? Например, в Матвея. Ведь живут же хищные с людьми, заводят семьи, детей. Так нет же, угораздило! А теперь я вынуждена буду жить с этим до конца своих дней.

Хотя что от меня зависело? Проклятие ведь... Неутешительно. И неизбежно.

На меня Владу, по сути, плевать. Если я уйду, меня заменит Каролина. Атли не лишатся пророчицы. Но оставить дочь... Эта фраза царапнула в груди, причиняя реальную — не придуманную боль. Нет, не смогу. Лишиться второго ребенка из-за него — это уже даже не ирония судьбы, не рок. Чистой воды издевательство. Но как существовать в атли, ежесекундно вспоминая, что Влад сделал? Даже сейчас, находясь далеко, изменив сущность, он влиял на мою жизнь. И как это изменить, я не знала. Может, позволить Глебу попробовать? Малодушная мысль наполнила надеждой, но я не дала ей разрастись. Пока Влад сильнее, Глеб не победит. А значит, умрет.

Из квартиры я выскользнула с рассветом. Натянула все еще влажную одежду, погладила спящего друга по волосам и отправилась прочь.

Неделю не могла прийти в себя. Ходила по дому, как сомнамбула, пугала народ. Все никак не получалось свести воедино все, что узнала. Да и сомневалась, стоит ли.

Пока однажды меня не остановил Кирилл.

Лекарь атли всегда отличался особой тактичностью. В чужие дела не лез, советами не напрягал. А еще именно он вытащил меня, когда я одной ногой была в хельзе. Ну, или в другой жизни, если верить Владу. И именно благодаря Кириллу, через три месяца у меня должна родиться дочь.

— Ты ужасно выглядишь, Полина, — сказал он честно.

— Я ужасно себя чувствую, — призналась я. Посмотрела на него пытливо. — Ты знал, что Влад вернется в племя?

Кирилл вздохнул. Нехорошо так, с паузой. Отвечать после этого, в принципе, не надо было.

— И почему мне никто ничего не говорит? — с досадой спросила я.

— Я знал, как ты отреагируешь. Но, послушай, он вернет Глеба. Возможно, ты...

— Невозможно! — отрезала я. — Ты действительно думаешь, я должна все забыть? Выкинуть из головы, сделать вид, что ничего не было?

— Я ничего не думаю, — вздохнул он. — Просто хочу, чтобы ты осталась. Ты и Глеб.

— Я не смогу уйти, и ты знаешь это. Моя дочь будет атли. — Я всплеснула руками, не в силах больше сдерживать эмоции. — Черт, да что с вами со всеми? Разве мы — едины, если все шепчутся за спинами друг у друга? Если даже у Влада после всего хватило смелости поставить меня перед фактом, когда ты молчал? Разве так поступают родные люди?

— Извини. — Кирилл понурил голову и выглядел пристыженно. — Я боялся говорить с тобой. Ты ведь еле выкарабкалась, Полина. Мне пришлось буквально вытаскивать тебя с того

света.

— Но ты не можешь скрывать правду вечно, — уже спокойнее сказала я. — И будет лучше, если я подготовлюсь. Еще одного удара в спину я точно не переживу.

Последующие несколько недель я перебирала варианты. Что толку страдать и злиться, если все равно придется примириться с действительностью? Пришла к выводу, что ребенка оставить не смогу — лучше умереть. Жизнь в доме атли после возвращения Влада виделась фарсом и невыносимой пыткой. Думаю, он тоже понимал это. Именно поэтому предупредил. Лучше нам не видеться вообще. Ну, или свести встречи к минимуму, ведь совсем не видеться не получится. Он отец будущего ребенка.

Отец...

Как же все так нечестно? Почему? Разве этого я хотела? Разве об этом мечтала? В итоге все, что у меня есть — поломанная психика и изуродованное тело.

Но будущее уже не казалось таким безрадостным. Ради дочери, я смогу через себя переступить. Идти на компромиссы я всегда умела.

Готов ли Влад на них идти?

Единственно верная мысль пришла неожиданно, за завтраком. Аппетит пропал напрочь, и я рассеянно ковыряла салат, раздумывая о возможном выходе. Статус пострадавшей стороны давал мне преимущество — я могла требовать.

То, что Владу плевать на меня, я понимала четко. Значит, дело не в ревности. А так как у Глеба есть своя квартира, мы вполне можем жить там вдвоем... втроем. Глеб не откажет, я была уверена. Он сможет защитить меня и малышку, а я смогу сбежать подальше от этого дома и связанных с ним воспоминаний.

Только вот в отношении Глеба это совсем-совсем нечестно...

Совесьть копошилась в груди, побуждала думать в первую очередь о нем. Глеб — мой лучший друг. Он достаточно настрадался за это время. Наверное, будет рад вернуться в дом, к атли. А еще наш замятый давно разговор не давал покоя.

Он отрекся из-за меня. И не слишком-то отрицал, что влюблен.

Тяжелый выбор. Снова.

Хотя, возможно, он сам не захочет здесь жить. После всего, что произошло, он и Влад в одном доме — не лучшая идея. Того и гляди действительно хватит ума вызвать Влада на поединок. Нет, все же мое решение казалось лучшим со всех сторон. С минимальными потерями для всех.

Я озвучила его Глебу на следующий день. Он долго думал, ходил о комнате, пару раз вздыхал, а в итоге кивнул.

— Все же будет лучше, если я его вызову, — хмуро сказал друг, но я решительно замотала головой.

— Нет. Дай мне оправиться. Не хочу переживать еще и за тебя.

Он согласился. Возможно, сделал вид, а может, и правда решил меня не расстраивать. Я надеялась, что все же второе. Не смогу без него — пропаду.

А в августе — раньше положенного срока на два месяца у меня начались схватки. Я не успела испугаться, как уже была в клинике, а вокруг суетились люди. Затем все ушли, остался лишь лекарь атли.

Кирилл все время был рядом. Если бы не он, я бы просто сошла с ума от боли. Она накатывала волнами, накрывала с головой, отсекая остальные мысли, как острым лезвием. Время потеряло значение — я уже не следила за ним.

Кирилл хмурился, поглядывал на часы и частенько косился на дверь. Затем снова развлекал меня историями из их с Филиппом детства, рассказывал о старом доме атли, который сгорел, о родителях, которых убил охотник в Австрии.

А потом мне делали уколы в вену, но я помнила смутно — почти лишилась сил. После них усилились схватки, боль стала невыносимой, и я впервые подумала: что-то не так.

Кирилл куда-то позвонил, а потом подошел ко мне и сказал ласково:

— Ты слаба. Нужно делать кесарево.

Я почувствовала злость и обиду. Слово «слабая» уже казалось ругательством. Черт, и Глеба нет рядом. Он мне очень-очень нужен сейчас.

Я молча кивнула, Кирилл улыбнулся и стер слезинку с моей щеки.

— Я все время буду рядом с тобой, слышишь! Все будет хорошо.

Я обняла его. Порывисто. Крепко.

Неважно, как появится моя дочь — я уже ее люблю. Так люблю, как не любила никого и никогда. А это значит, я справлюсь! Что бы ни случилось.

В операционной симпатичный анестезиолог шутил, готовя меня к уколу, и выпрашивал телефончик. Удачная попытка расслабить женщину, правда, место для знакомства выбрано странное. Но я улыбнулась и немного расслабилась.

Вокруг суетились женщины в медицинских халатах и латекстных перчатках, а потом появился Кирилл. Преобразившись из знакомого мне мужчины в серьезного хирурга, вызывал доверие и успокаивал страхи.

Подошел ко мне, взял за руку.

— Готова?

Я кивнула и сжала его ладонь.

— Пусть она родится здоровенькой.

Он улыбнулся и кивнул анестезиологу. Мне пожелали видеть хорошие сны и велели считать от десяти до одного. На счет девять я провалилась в теплую и уютную темноту.

Мягкий теплый песок согревает ступни, волны щекочат пальцы ног, принося к берегу мелкие разноцветные камешки. Лазурная, почти прозрачная гладь успокаивает.

Я сижу, поджав колени к подбородку, и смотрю вдаль. Впервые за последние месяцы по-настоящему счастливая, в месте, откуда не хочется уходить.

— Красиво, — говорит незнакомый мужчина, которого я повстречала тут в прошлый раз. Во сне после ритуала.

Улыбаюсь.

— Это ведь не хельза?

Он качает головой.

— Это место, где ты хочешь быть.

— Кто ты? Мой ангел-хранитель?

— Я больше. Я — это ты.

Белые перины облаков размеренно плывут по небу, словно разнежившиеся от жары барышни. Воздух прозрачный и чистый, разбавленный лишь всплесками волн и пением птиц.

— Я не знаю, кто я, — спокойно говорю и ложусь на спину. Мне хорошо.

— В твой дом идет беда, — серьезно произносит мужчина. — И она ближе, чем ты думаешь. Побереги себя, Полина.

— Не хочу, — беспечно отзываюсь я, закрываю глаза и... просыпаюсь.

Я открыла глаза и тут же зажмурилась от яркого света. Голова кружилась, а во рту был неприятный металлический привкус и сухость. Немного поморгав, привыкла к освещению, облизала потрескавшиеся губы.

В поле зрения возникло заботливое лицо Кирилла. Он уже успел переодеться в светлую футболку и просторные льняные брюки цвета хаки.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил, всматриваясь мне в лицо, пощупал пульс и удовлетворенно кивнул.

— Хорошо, — прохрипела я. — Где она?

Кирилл метнулся к кровати, аккуратно взял розовый сверток и протянул мне.

Маленький комочек — смуглое, сморщенное личико темные глаза и курчавые иссиня-черные волосы. Малышка смотрела на меня и хмурилась, а я тихо рыдала в кровати, не в силах отвести от нее глаз.

Подумать только, сколько я прошла! Сколько мы прошли. Сколько пережили опасностей, страхов, отчаяния. Черт, это стоило того, чтобы вот так лежать и прижимать к себе маленький комочек, в котором для меня сосредоточился весь мир.

Как я могла сомневаться? Плевать на всех! Никуда ее не отпущу, ни на секунду не отведу взгляда и, если понадобится, буду сутками сидеть и смотреть на нее. Потому что она — мое все.

И она навеки, до самой смерти связывает меня с Владом...

От этой мысли стало беспокойно. Я понимала, что могу разорвать все узы — уйти из племени, уехать, забыть его, но в такой не похожей ни на одного из нас девочке смешана наша кровь. А от этого никуда не деться.

Переживу. Она у меня есть, и это главное.

— Ты уже придумала имя? — спросил Кирилл, присаживаясь рядом.

— Да. Есть один человек, благодаря которому она появилась на свет — назову девочку в его честь. — Я посмотрела на лекаря атли. — Как тебе имя Кира?

Он покраснел и отвел взгляд.

— Я — атли, и должен помогать тебе, Полина, — произнес смущенно.

— Пусть так. Я не росла среди хищных и привыкла ценить добро.

Через неделю я вернулась домой. Переступить порог ставшего вмиг негостеприимным помещения оказалось труднее, чем я думала. Атли встречали нас в гостиной: плачущая от умиления Рита, улыбающийся Филипп, хмурая Лара и хлопчущие и суetyящиеся вокруг меня Оля с Линой.

Заметно не хватало Глеба — именно в тот день остро, до помешательства. Возникло желание вернуться в Липецк — сесть в такси и рвануть на Достоевского, но я подавила его. Понимала, что верить Владу нельзя, но интуиция подсказывала: Глеб вернется. Скоро — нужно подождать. День, два, неделю... Неважно. Я ждала так долго, что эти крохи ничего не изменят.

Сославшись на усталость, с помощью Кирилла поднялась наверх. Он уложил спящую Киру в кровать с балдахинном, которую, наверное, купила Рита за то время, пока мы были в больнице. Посоветовал выспаться, так как неизвестно, когда еще мне это удастся, и вышел.

Я осмотрелась.

Комната преобразилась, превратившись из моей в нашу — наполнилась ощущением младенчества, а также всякими его атрибутами — рюшами, плюшевыми мишками и погремушками. Игрушки были везде — на кровати, на полу, в кресле. Даже совытам на

подоконнике пришлось потесниться и уступить место мишке Тедди с заплаткой на лбу.

Жесть какая! Половину уберу сразу же, как приду в себя.

Если не съеду.

Накатило дикое желание плакать. Я не успела подумать, как уже рыдала в подушку, как можно тише, закусив кулак, чтобы не разбудить дочь. Хотелось кричать от безысходности, крушить все вокруг, бить посуду.

Его дом...

Как я не осознавала этого раньше? Жила здесь, словно ничего не произошло, избегая лишь одной двери — там, где оставила последние крохи собственной наивности.

А сейчас словно кто-то открыл ее, и весь дом пропитался фальшью, ложью и предательством, отчего воздух сделался затхлым, тяжелым и поглощаться легкими решительно не хотел.

Кира проснулась и потребовала кушать. Вытерев слезы и приказав себе не раскисать, я достала из сумки термобутылочку и взяла малышку на руки. Молоко у меня сразу пропало, да и не было его почти. Кирилл сказал, из-за стресса, а я чувствовала собственную ущербность, невозможность дать малышке элементарного природного питания. И поняла, насколько изломана внутри, истерзана недоверием ко всему, мрачными мыслями, призраками прошлого.

И сказала себе: я все изменю. Стану сильной — такой, что никто больше не посмеет сделать больно. Буду дышать всем назло, жить ради дочери. Я справлюсь. И больше никогда не буду плакать.

На следующий день собрала вещи. Их было все так же немного, как и в день, когда я переехала сюда — наполненная страхами побольше, чем сегодня. Сейчас я хотя бы знаю, чего ждать. Опыт — всегда оружие, а мой опыт — вообще танк.

Поняла: как только Влад вернется, я съеду. Буду напирать, выдержу тяжелый взгляд, выиграю словесную битву. У меня в атли есть союзники, один из них — сильный воин.

Ночами подолгу смотрела, как спит черноволосое существо. Как маленький носик раздувается, как смешно подрагивают в треморе ручки, морщится лобик. В такие моменты грудь распирало от странного, непонятного чувства — смеси единства, принадлежности и любви. Словно я вся обросла невидимой, но твердой скорлупой — не пробьешь. А внутри притаилось мягкое, уязвимое существо, зародыш новой меня.

Каким человеком станет этот зародыш — неизвестно. Но ясно было одно: старую себя я похоронила у жертвенного камня, излила кровью и кеном и открестилась.

Хватит!

Со временем я привыкла: к бессонным ночам, к кормлению по расписанию, к радости выходного дня увидеть зеркало, когда меня сменяла Рита — на полчаса, не больше. Больше я не могла себе позволить не видеть дочь. Настолько выросла в нее, вжилась, втиснулась, что буквально ощущала нас единым целым — неразлучным и неделимым. Иногда старалась дышать в унисон с Кирой, представляя, как стук наших сердец сливается в один ритмичный звук.

Привыкла к дому, от которого после возвращения воротило. К испытывающим взглядам защитницы, словно она затаила злобу на меня за малышку. К странному поведению Филиппа, который всячески набивался ко мне в друзья, старательно ухаживал и напрашивался помочь. К их ссорам с Ритой, которые нехотя ассоциировались с нелицеприятной сценой в кабинете атли.

А потом я плюнула на них — пусть сами разбираются. У меня впереди проблемы посерьезнее, о них нужно думать. Впрочем, спустя месяц, эти проблемы нагнали меня сами.

Кирилл осторожно постучал и, когда я впустила его, осведомился, как себя чувствую. После заверений, что все в порядке, посмотрел серьезно:

— Завтра.

Мне не нужны были объяснения. Сердце забило быстрее, в голове зашумело. Я покосилась на стоящую в углу сумку — я не распаковывала ее, пользуясь минимумом одежды. Сидела, как на пороховой бочке, ожидая дня, когда придется уйти.

И вот рвануло.

— Хорошо.

— Не передумала?

Я замотала головой.

— Нет.

— Я поддержу тебя на совете. — Кирилл сжал мою руку, и я благодарно улыбнулась.

— Спасибо. Надеюсь, созывать совет не придется.

Эту ночь я не спала вовсе — сидела у колыбели и смотрела в одну точку. Превратилась в пучок напряженных нервов, казалось, взорвусь от любого звука или прикосновения.

Вторую половину ночи Кира спала спокойно, и я качала ее, пересекая пространство комнаты и напевая мотивы давно забытых колыбельных. Прижимая к себе дочь, терялась в страхах и догадках, строя всевозможные варианты исхода завтрашнего дня.

И ни один из них не оказался верным.

Они вернулись вдвоем — Влад и Глеб. Вошли в дом атли, молчаливые, заметно потрепанные, испачканные. Сразу видно: дрались. Я даже удивилась, хотя, по сути, должна была предположить, что они могут попытаться поубивать друг друга. Во всяком случае, Глеб. Хорошо, что не думала об этом — извелась бы вся.

У Глеба была свезена щека и безнадежно испорчена куртка. Влад коснулся рассеченной губы и поморщился. Я даже позлорадствовала при виде запекшейся крови на его лице.

Но не могла не признать, что обрадовалась.

Он все же вернул Глеба в племя — аура друга была чистой, цельной, и не скажешь, что отрекался. Хотя защитника он, скорее всего не сохранил, но снова был с нами — а это уже немало.

Филипп, понурившись, стоял у окна. Нелегко, наверное, отдавать то, что уже посчитал навеки твоим, но в тот момент мне было плевать. Совсем другие мысли метались в голове, сменяя друг друга.

Влад посмотрел на меня пронзительно, и тут же захотелось спрятаться. Дыхание сбилось, щеки полыхнули, но взгляд я не отвела — выдержала. Глеб поравнялся со мной, но в глаза не посмотрел. Буркнул только:

— Нужно поговорить.

— Глеб! — окликнул его Влад. Друг замер, и на лице застыла маска — полу-страх, полу-отчаяние.

Отчего-то стало жутко. И в тот момент я поняла: ничего не будет хорошо. Вспомнился приятный незнакомец из сна, и его слова — непонятные и пугающие.

Там не было страшно. Но Влад вернулся, а с ним возвратился и ужас.

— Помню. Ни слова, — процедил Глеб и взял меня за руку. Крепко сжал — я чуть не вскрикнула — и потащил в свою комнату.

В голове пронеслась мысль, что Рита где-то там, внизу с моей дочерью. Вместе со всеми атли. Рядом с Владом.

От этой мысли по коже пополз озноб. Глеб втоптал меня внутрь и захлопнул дверь с такой силой, что я даже испугалась. Рванула было к выходу, но он преградил путь.

— Мне нужно забрать оттуда дочь! — резко сказала я.

— Ничего с ней не случится. Там все наши, расслабься.

— Что происходит? — настороженно спросила я, не сводя испуганного взгляда с друга.

— Сядь, Полевая.

— Не хочу я садиться...

— Сядь!

— Влад заразил тебя высокомерием и сволочизмом? — огрызнулась я, но все же присела в кресло. Глеб опустился рядом, у моих ног, понурил голову. Вздохнул.

Я напряглась.

— Что случилось?

Голос выдавал волнение и страх. Как я ненавидела это ощущение! Казалось, не избавлюсь от него никогда. Мы неразлучные близнецы — срослись навеки, он впитался в кровь, как вирус. Паразитирует на мне, медленно убивая.

— Куда собралась? — Он кивнул на упакованную сумку в углу.

Ответы вопросом на вопрос — не фишка Глеба. Он взволнован. Нет, не так — напуган.

— Мы же договорились. Сегодня же поговорю с Владом, буду настаивать, требовать, если понадобится...

— Нет.

— Глеб, да что происходит? — раздраженно спросила, а потом догадалась: — Влад что-то сказал тебе?

Он кивнул.

— Что?

— Есть тайны, которые нельзя открывать. — Посмотрел серьезно и немного оценивающе. Так обычно смотрят на человека, которого видят впервые. — Я поклялся глубинным кеном перед Первозданным. Это сильная клятва, Полина.

— Ты всегда говоришь, что у меня мозгов нет, но сейчас... Верить Владу? Seriously? После того, как он...

— Он показал мне! — почти выкрикнул Глеб, и у меня по коже поползли противные мурашки. Затылок обдало жаром и возникло ощущение неотвратимости. Беды. — У него есть способность. Такое нельзя придумать, сочинить. И знаешь... — Друг отвел взгляд. — Я уже сам начинаю верить в ваше чертово проклятие.

— Что он показал? — хрипло спросила я, не узнавая собственный голос.

Он повернулся ко мне. Бледный, осунувшийся, напуганный мальчик. Последний раз я видела его таким у очага, когда с зажатым в руке ножом он пришел выручать меня. Один на один со свихнувшимся убийцей, с которым мы вынуждены жить в одном доме.

Или нет?

Сейчас в глазах Глеба не было решимости. Ни капли.

Он взял меня за руку и выдохнул:

— Мы все умрем.

Глава 34. Друг моего врага

Глава 34. Друг моего врага

Обида расцвела ярко-красным, страх расплылся серым и мутным. Плохое сочетание, жуткое.

Я стояла в коридоре, куда меня довольно грубо выставили.

— Нужно подумать, — буркнул друг и захлопнул дверь перед моим носом.

Невероятно! У меня даже слов не нашлось, чтобы возразить. И снова земля ушла из-под ног и оказалась зыбучими песками. Ничего не изменилось: информации — ноль, одни сплошные тайны, размытые угрозы, от которых немеют конечности.

Влад вернулся, уйти я не могу, а Глеб совершенно перестал быть похожим на моего Глеба.

И что теперь делать?

Вниз я спустилась не сразу. Несколько минут решалась, еще минуту сомневалась, а потом выдохнула и нырнула в привычную для атли атмосферу.

Для меня все было иначе. Словно впервые я пришла в этот дом и впервые поняла, кто его хозяин. И снова оказалась на распутье.

Теперь все было по-другому. Я была другой. И уже не готова была вестись на рассказы полунамеками. Даже из уст Глеба.

Внизу было тихо и пусто. Только Лара стояла у окна, обнимая себя за плечи, и казалась безмерно несчастной. Красивая и загадочная, как всегда.

Обернувшись на шорох моих шагов, защитница резко выдохнула. Не знаю, кого она ждала увидеть, что творилось у нее внутри, какие мысли блуждали в черноволосой голове. По лицу было видно, что они отнюдь не радужные.

— Где Рита? — поинтересовалась я, ожидая услышать холодный и лаконичный ответ. После рождения Лара защитница возненавидела меня окончательно. Словно я хотела этого, словно планировала. Словно легко было знать, что я навсегда связана с человеком, который чуть не убил меня.

Что ж, еще один повод убраться отсюда подальше.

В племени атли у всех друг с другом натянутые отношения, единства не получилось, ну и ладно.

— На улице. Гуляет с ребенком, — ответила Лара, и ее голос дрогнул. Она посмотрела как-то по-особому тоскливо и спросила: — Как думаешь, зачем это было ему нужно?

Я пожала плечами, стараясь сохранить невозмутимый вид.

— Ты его лучше знаешь, вот и спроси.

— Иногда только кажется, что знаешь кого-то, — произнесла защитница и отвернулась.

Я вздохнула и вышла на улицу. Небо заволкло низкими тучами, воздух пропитался влагой и прохладой. Пахло осенью — жгли листья, с соседнего двора потянуло шашлычным ароматом, где-то шумели и веселились дети.

Вокруг меня бурлила жизнь, так почему казалось, что смерть ближе, чем когда-либо?

Но сдаваться течению больше не хотелось, и я решительно шагнула вперед.

Риту и Влада нашла на заднем дворе, в беседке. Он уже переоделся, умылся и совершенно не походил на человека, у которого только что была потасовка. Сестра

покачивала коляску, положив голову ему на плечо, и выглядела абсолютно счастливой.

В груди кольнуло обидой, как тогда в хельзе, после разговора с Уной, но я зачихнула собственный эгоизм поглубже. Не до него сейчас — у меня есть обиды посерьезнее и вопросы поинтереснее.

Влад заметил меня первым. Встретился со мной взглядом и замолчал. Рита подняла голову, а потом сжалась, словно я застала ее за чем-то постыдным и аморальным.

Могла ли я ее осуждать? Мы всегда оправдываем тех, кого любим. Осуждать очень хотелось. Надоело быть добренькой и всех прощать. Внутри ныла, нарывая, давняя рана, а снаружи приходилось сохранять невозмутимое лицо. Надоело!

Пора расставить новые приоритеты и относиться ко всему проще. И циничнее. Таков мой мир.

— Марго, подожди меня в доме, хорошо? — Влад ласково прогладил ее по голове, и Рита прильнула щекой к его ладони. Идиллия прям. И что я здесь делаю? К сожалению, уйти я пока не могла, и это бесило больше всего.

Что нашло на Глеба? Приворожили его, что ли? Мог ли Первозданный его заколдовать или загипнотизировать? Разумная мысль и очень подходит под поведение друга. Он бы ни за что просто так не выставил меня из комнаты. Пусть не сказал бы всего, но прогнать бы не стал.

А сейчас он стал похож на... Влада.

Но зачем это Владу? Вряд ли только ради того, чтобы я осталась в доме. Кира все равно атли, неважно, где будет жить. Во внезапно пробудившиеся отцовские чувства верилось с трудом, но других причин я не видела.

Рита осторожно вырулила коляской, шмыгнула мимо меня и скрылась за поворотом. Воздух тут же сгустился, стал липким и осел на горле противным комком. Влад смотрел прямо на меня, не отрываясь, и оттого было жутко. Нет, страха я не ощущала — это какое-то другое чувство. Противное ощущение безысходности.

— Присядешь?

— Не горю желанием, — резко ответила я. — Что ты наговорил Глебу?

Влад вздохнул и отвел взгляд. Меня обдало холодом, словно откуда-то потянуло сквозняком. Я лучше закуталась в шерстяную кофту. Странно, ведь сентябрь в этом году особенно теплый, по-летнему. Но в тот момент я странно озябла изнутри.

— Глеб не может говорить с тобой об этом, — уклончиво ответил Влад и встал.

— Но ты можешь.

— Поверь, лучше тебе не знать.

— Это мне решать! — почти выкрикнула я, и он дернулся. Резко поднял голову и окатил ледяным взглядом, тут же рождая плохие ассоциации.

Нет, я не отступлю. Рано или поздно у каждого человека наступает момент, когда он перестает бояться. От дикого ужаса срывает крышу, адреналин впрыскивается в кровь, и ты уже не контролируешь себя.

— К сожалению, ты здесь ничего не решаешь, Полина, — бесстрастно сказал Влад и направился к выходу из беседки. Снова игнорирует. Ну, уж нет. Не в этот раз.

— Ненавижу тебя! — выдохнула я, сжимая кулаки.

— Переживу.

— Я не верю в кару богов. Боги обманывали хищных веками, обещая суперсилу за девять нали, — не унималась я. — И что в итоге? Я готова рискнуть и нарушить клятву глубинным

кеном. Лучше это, чем жить с тобой в одном доме.

Я тяжело дышала, глядя ему прямо в глаза.

Черт, я действительно сказала это! И действительно готова уйти. Уже почти на выходе, полусвободна. Я смогу. Если понадобится, спрячу дочь там, где он никогда не найдет. И сама сбегу. Лишь бы не чувствовать этой пустоты, обиды. Лишь бы не видеть его лицо, не вспоминать...

Влад опустил глаза, глубоко вздохнул и вернулся. Близко подходить не стал, словно боялся спугнуть. Но даже так было неуютно, словно он внедрялся в мои мысли, мог прочесть все страхи и сомнения.

— Что ты знаешь о себе, Полина? — тихо — слишком тихо — спросил он. От невинного, на первый взгляд вопроса, бросило в дрожь.

— В каком смысле? — осторожно спросила я.

Он сбивает с толку. Снова. Тайны, заговоры, недомолвки, страшные планы — в этом весь Влад. И я буду душой, если снова поведусь.

Но Влад смотрел прямо и резко. Где-то в глубине сознания мелькнула мысль, что мне не понравится то, что я сейчас услышу. Отступать было поздно — он заговорил:

— Тебе не нужно питаться, ты быстро восстанавливаешься, даже полностью истощенная поправляешься и встаешь без помощи ясновидцев. — Влад сделал паузу, обходя меня сзади. По спине пробежали мурашки — от копчика до затылка, дыхание замерло на выдохе. — Из твоих ладоней льется смертельный, сжигающий кен. Ни у кого из атли, включая твою мать, не было таких способностей. И не будет.

— Что ты хочешь этим сказать? — голос стал хриплым, слова растворялись в воздухе, окрашивая его тревогой. Влад говорил обо мне, но интонация была такой, словно мы были врагами, и виновна в этом я. И снова вернулось это зудящее чувство, а внутренний голос нашептывал на ухо: «Ты здесь лишняя, Полина...».

— Таких, как ты, называют сольвейгами, что в переводе значит «луч солнца». Проще — хищные со светом. Сольвейги рождаются редко. Появляются сами по себе в каком-нибудь племени, являются частью общины, но никогда, — его дыхание опалило затылок, — никогда не приносят ничего хорошего соплеменникам. Эти случаи всегда оканчиваются бедой.

Я замерла, не в силах поверить в то, что он говорит. Боясь повернуться, посмотреть ему в глаза и найти там...

Что?

Он же врет! Влад всегда врет. Нельзя ему верить — ни за что и никогда.

— Ложь, — прошептала я, но вышло неубедительно.

— Ты же хорошо изучила летописи Филиппа, не так ли? Неужели не встречала упоминания о светлых?

Вспомнилась древняя легенда о хищном, который, разозлившись, сжег свою деревню. Я читала ее в первый день, когда только переехала к Филиппу, спасаясь от охотника. Слова об огне в его руках представились тогда метафорой, но теперь, в свете последних событий не казались такими безосновательными. Упоминания — редкие, туманные — о хищных со странными способностями всплывали в памяти. И всякий раз их племя подвергалось каким-то испытаниям, а сами хищные исчезали, и никто больше о них не слышал.

Но это все легенды. Неправда. Я не могу быть одной из них!

Подняла руку к лицу и обнаружила, что плачу.

— Я никогда не причиню вреда этим людям, — прошептала, качая головой. —

Никогда...

— Ты этого не знаешь, — ласково произнес Влад. Так близко. Снова близко. Душно... Совершенно нечем дышать. — Ты не можешь контролировать себя.

Слова рвались изнутри — пугающие вопросы, внезапные предположения. Ломали ребра, разрывали внутренности. Я умру, если не спрошу. Если не узнаю. Вспомнился разговор с Глебом, страх в его глазах, странный, оценивающий взгляд.

— Ты хотел убить меня из-за этого? Хотел и... не смог? Из-за проклятия?

Я уже не боялась правды. Она виделась мне сюрреалистичной, искаженной, как отражения в комнате кривых зеркал. Но Влад не врал — на этот раз нет. Интуиция убеждала: слова о сольвейгах — не ложь.

— Я никогда не хотел твоей смерти, Полина.

Мягкий тембр, вкрадчивый голос. И совершенно искренние интонации.

Почему ты боишься посмотреть ему в глаза? Что ты опасаясь там увидишь?

— Тогда зачем?

— Потому что сам не знаю, как это контролировать.

Я с шумом выдохнула. Наконец, картинка сложилась, и я увидела неутешительную правду. В ней я — именно я, а не он — была монстром, способным причинить вред тем, кого люблю. Возможно, мы оба были монстрами.

Возможно, мы...

— Мой кен. Ты выплеснул его тогда, верно? — Повернулась к нему. Влад не отвечал — просто смотрел. Отвечать было необязательно, я и так знала ответ. — Чтобы я не навредила атли? Но я никогда бы... никогда...

Резкий крик разорвал тишину. С крыши сорвалась стая голубей и рванула в небо, и это почему-то показалось мне плохим знаком. Очень плохим. Возникло ощущение, что я опоздала на поезд, и он увез от меня что-то, что никогда не вернется.

Словно в замедленной съемке я обернулась на крик, затем вновь посмотрела на Влада — теперь уже вопросительно. Секунду он медлил. А потом побежал. Я ничего не понимала, но панике поддавалась тут же. В ушах шумело, расстояние до дома казалось огромным, почти непреодолимым. Шаги вязли в траве, один раз я споткнулась и чуть не упала.

До крыльца оставалось несколько метров, и я прибавила скорость. По инерции натолкнулась на Влада, который резко остановился и замер. Он тут же отвел руку назад, с силой заводя меня за спину.

Странный жест, непривычный. Я даже оторопела. А потом встала на цыпочки, осторожно выглянула из-за его плеча и застыла.

На подъездной дорожке у парковки, рядом с блестяще-красным «Фордом» Риты стоял мужчина.

Огненно-рыжие волосы отсвечивали медью и золотом, рыхлую кожу лица покрывала сеточка красных сосудов. Ясно-голубые глаза смотрели прямо, а рот искривился в саркастичной улыбке.

Рядом, у его ног лежал Филипп. Лежал неподвижно, словно...

Я закрыла рот ладонью. Дернулась, но Влад удержал меня, крепко прижимая к себе.

— Даже думать не смей! — прошептал в самое ухо.

На крыльце в странной позе застыла Лара. Скрестила руки перед собой в витиеватом жесте. Какой-то оборонный пасс — она знала их много. Карие глаза защитницы сверкали яростью и страхом. За ее спиной Глеб — собранный, готовый драться. Наши глаза

встретились на миг, а через секунду он снова смотрел на охотника.

Древний не шевелился, медлил. Оценивал ситуацию? Соизмерял силы?

Бред! Если верить легендам, он мог убить нас всех сразу. Тогда чего он ждал?

Охотник тряхнул рыжей шевелюрой, а потом повернул голову и посмотрел в нашу сторону. Нет, не на нас — на меня.

— Привет, Кастелла. — Склонил голову в приветственном жесте. — Помнишь Мишеля? Я пришел вернуть должок.

Дальше все произошло слишком быстро. Кирилл появился откуда-то справа, из кустов. Прыгнул на охотника сверху, сбивая на землю. Краем глаза я заметила, как Глеб обхватил Лару за талию и поволок в дом. Земля тут же ушла у меня из-под ног, вокруг все завертелось калейдоскопом. Через полминуты меня аккуратно опустили на пол в гостиной, и я встретила глазами с Владом. Тут же выпустила из цепких пальцев ткань его рубашки, отошла на шаг.

События никак не хотели замирать и давать мне возможность хоть что-то понять. Плохое предчувствие прошлось сквозняком по лодыжкам.

— Что происходит? — спросила я, ни к кому толком не обращаясь.

— Иди наверх, — велел Влад Глебу. — Забери Риту и ребенка. В ящике моего комода возьми браунинг. — Он вытащил из кармана ключи и с легкостью бросил их Глебу. — Если будет нужно, стреляй. Запритесь в кабинете. Лара, поставь защиту.

— Там Кирилл. — Я подняла глаза, осознавая, наконец, что происходит. — Нужно помочь ему! Нужно...

— Нужно идти, куда я сказал, — мягко, но настойчиво перебил Влад и подтолкнул меня к Глебу. Помедлил секунду и добавил серьезно: — Оставайся с Кирой.

Эти слова отрезвили, и я тут же бросилась наверх. До своей комнаты добралась за несколько секунд, распахнула дверь, ворвалась внутрь. Выдохнула с облегчением, когда увидела, что сестра укладывает спящую Киру.

Заметив меня, она нахмурилась. Заслонила спиной кровать, сделала умоляющее лицо.

— Полина, пожалуйста, не горячись, подумай...

— Охотник, — сказала я резко, отодвинула ее и осторожно взяла дочь на руки. — На улице. Перед домом. Древний.

Сестра закрыла рот ладонью и моментально побледнела. Схватила памперсы, бутылочки, побросала в сумку. Глеб распахнул дверь, кивнул:

— Готовы?

— Мне страшно, — прижимая руки к груди, прошептала Рита.

— Знаю, — сказала я совершенно искренне. — Мне тоже.

Гостиная была пуста — вымершая пустыня, место страха. Даже в доме нет спасения, если пришел древний. Я знала это. Каждый знал.

Когда приходит беда, все остальное отступает на второй план — недомолвки, обиды, невысказанные слова. Даже сегодняшний разговор с Владом больше не казался таким важным. Все, что было дорого, находилось у меня в руках, и я не знала, смогу ли уберечь дочь, если охотник проникнет за эти двери.

Но помимо страха за ребенка, внутри поднялось, взбунтовалось, восстало иное чувство — страх за тех, с кем была соединена навеки. И впервые с того дня, когда в ночном лесу клялась глубинным кеном, я ощутила единство. Принадлежность. Любовь к ним — людям, с которыми по сути меня ничего не связывало. Но я знала: на самом деле мы — одно целое. И

часть меня понимала, что сегодня от этого целого останется лишь часть.

Дар раскрылся цветком, показывая мне — не видения — будущность. Темную пелену страха и отчаяния.

Нет-нет, я — пророчица, и могу все изменить!

Жила завибрировала, сознание заволокло туманом. Ладони приятно заньли, чувствуя приток кена. Кира тут же проснулась и заплакала. Сразу вспомнились слова Влада: «Ты не можешь это контролировать», и я испугалась — впервые действительно испугалась, что смогу навредить ей. Собственной дочери.

— Где Оля и Лина? — спросила я, стараясь успокоиться и взять себя в руки.

— И Филипп, — Голос Риты дрогнул. — Нужно найти Филиппа!

Мы с Глебом переглянулись, а затем он взял Риту за руку и уверенно сказал:

— Я найду их. Идите в кабинет. Быстро!

Мы побежали. Мыслей не было, предположений тоже. Только решимость.

Спрятаться. Переждать. Спасти дочь.

Дверь кабинета захлопнулась, и Лара начала водить перед ней руками.

Разве может обычная, пусть даже сильная защитница, уберечь нас от древнего? Нет. А все, кто остался там, за этой дверью, скорее всего мертвы. Впрочем, у Глеба был пистолет, а это давало ему шанс.

Я не могу его лишиться. Не сейчас. Не после всего, через что мы прошли. Дверь открылась, и я вздохнула с облегчением — вошел Глеб, а сразу за ним — жмущаяся от страха Лина.

— Оля? — деловито поинтересовалась Лара.

Друг покачал головой.

— Охотник уже в доме.

От этих слов внутри похолодело и тут же покрылось инеем. Чувства словно отключились, а в районе пупка натянулась пружина. Я ощущала нестерпимый зуд, томление, которое сдерживала с трудом. Опасалась думать об этом, но мысли, словно дым, просачивались сквозь щели сознания.

Мой кен пробуждался.

Ладони горели огнем, и я, уложив Киру на диван, подошла к окну, пряча руки, словно кто-то мог увидеть, понять. Лара подозрительно зыркнула, и тут же отвернулась — продолжила ставить защиту.

— Ты как? — Рука Глеба легла на плечо, и я глубоко вздохнула.

— Боюсь начинать соображать.

— И не нужно.

— Все, кто не здесь... мертвы? — спросила я, и повеяло могильным холодом, словно духи убитых охотником атли прорвались внутрь.

— Нет! — выкрикнула Рита резко, словно только что пробудилась от шока. — Нет! Филипп там и Влад. Они живы, живы...

Лара метнулась к ней, усадила на диван рядом с Кирой, которая на удивление притихла и смотрела на нас огромными карими глазенками. Защитница буквально вжала Риту в диван, схватив длинными цепкими пальцами, словно та могла встать и сбежать из кабинета спасти любимого и брата.

— Ну, конечно, они живы, — сказала безапелляционно. С укором посмотрела на нас с Глебом.

Что это я, в самом деле, развожу панику? Нельзя думать о плохом, даже если понимаешь, что это плохое уже случилось. Даже если все они...

Ладони полыхнули сильнее, и я сжала кулаки.

— Обещай не делать глупостей, — попросил Глеб и заглянул мне в глаза.

— Не буду, — ответила я. А потом насторожилась. Зачем он говорит мне это? Почему смотрит так странно, слишком решительно? Нахмурилась и добавила: — Ты мне не позволишь.

Он покачал головой.

— Не могу.

— Что... почему? — почти выкрикнула я. Схватила его за рукав, а в голове возникло навязчивое желание привязать его к батарее. Потому что в синих глазах горел азарт и решимость. Потому что он вернулся попроситься.

— Я — атли, и ты не представляешь себе, как рад. — Глеб замолчал и отвел взгляд. Затем взял мою руку, вложил в нее пистолет. — Стреляй, как только увидишь охотника. Не медли, если он войдет, поняла?

Я кивнула, уже плача.

— Прошу, не ходи... — попросила, понимая, что это бесполезно.

— Я должен. — Глеб порывисто обнял меня и прислонился лбом к моему лбу. Помолчал немного. — Он там один. Воины атли своих не бросают.

Я со свистом выдохнула, кивнула. Смотреть на него не могла — почему-то казалось, если посмотрю, больше никогда не увижу.

Нет, Глеб не умрет сегодня!

А затем он вышел. Хлопнула дверь, и я до боли закусил губу, чтобы не расплакаться. Ощутила себя беспомощной, не способной повлиять ни на что в своей жизни. Она, словно страшная лавина, сбивала с ног, несла куда-то, и сопротивляться было бесполезно. На этот раз она несла меня в пропасть — на камни. И вместе со мной барахтались люди, которых я любила. И моя дочь — человек, которого я обязана была оберегать и драться за нее до смерти.

И где эти чертовы способности, о которых говорил Влад?! Почему бы им не проявиться сейчас? Почему бы мне не ударить охотника, а не прятаться от него в почти незащищенном помещении?

— Чертовы охотники! — со злостью произнесла Лара и встала. Лица всхлипнула в углу, открыла было рот, но тут же передумала и уткнулась взглядом в пол.

— Не все охотники одинаковы, — возразила я, подходя и садясь на диван рядом с Киной. Дочка обхватила мой палец ручонкой и улыбнулась. Так мило. Хорошо, что она не понимает ничего. Я чувствовала себя мышкой, загнанной в угол. Ожидание убивало.

— Ах да, как же я могла забыть о твоей лояльности к убийцам? — язвительно парировала Лара и сверкнула глазами. — Но тебя никто не считает адекватной, так что...

— Что это значит? — возмутилась я.

Девушки молчали, словно боялись вставить слово. Впрочем, я не удивилась бы, если бы они согласились с защитницей. Рита скорее всего так и считала. Злость на сестру, вспыхнувшая сегодня днем, утонула в раздражении к Ларе. Странно, что я раньше этого не чувствовала — она ведь никогда не скрывала неприязни.

— Ты чокнутая, — пожала плечами Лара. — Что это еще может значить?

— У тебя тоже есть недостатки, — поморщилась я, — но я не озвучиваю их.

— Очень любопытно послушать, какие. — Она улыбнулась. — Здравый смысл?

— Как ты меня достала! — выдохнула я и отвернулась.

Перед глазами зарябило, аляповатыми кляксами возникли красные и лиловые пятна. Тело словно жило отдельно от меня, своей собственной, не поддающейся контролю жизнью.

Лара просто взбесила. Неадекватная? Серьезно? Я еле сдерживалась, чтобы не наброситься на нее. Никогда еще не ощущала такой ярости — ослепляющей, чистой энергии, готовой вырваться наружу.

— Девочки, не ссорьтесь, — тихо попросила Лина и снова всхлипнула.

— Ты меня тоже порядком достала, — не обращая внимания на мою деторожденную, прошипела Лара. — Но нам придется потерпеть друг друга. Влад сказал охранять вас, и в отличие от тебя, я слушаю вождя. Недаром атли — племя, но ты, похоже, думаешь, что это балаган.

Упоминание о Владе и послушании снесли мне крышу напрочь, но тут прогремел выстрел. Где-то в доме, совсем недалеко.

Дальше я плохо соображала. Полностью отдавшись панике, вскочила. Мы с Ларой переглянулись, совершенно забыв о том, как только что ругались. Защитница уже не скрывала испуга — смотрела на меня умоляюще, словно я могла что-то сделать. Я не могла.

Или все же...

— Все быстро на выход! Я запер его, но стена не продержится долго, — услышала уверенный голос Влада и выдохнула с облегчением. Что бы там между нами ни произошло, сейчас я была рада, что он жив. Черт, я была счастлива, что могу разделить с кем-то свой страх, переложить его на чужие плечи.

Словно в трансе, стараясь не шуметь, мы вышли из дома. Мир мелькал в глазах старым диафильмом, меняя декорации. Соображала я плохо. Прижимая к груди притихшего ребенка, молилась богам, в которых, по сути, не верила. Сохранить жизнь Кире — больше я ни о чем не просила.

На улице уже стемнело. На небе сгустились серо-сизые облака, воздух был чистым и удивительно свежим. Холодный ветер пробирал до костей, моросил небольшой дождь, и я прижимала к себе Киру, которая уже начинала хныкать.

Рита вскрикнула, зажала рот ладонью. Лара тут же обняла ее, потащила к машине Влада, а я еще несколько секунд смотрела на братьев Макаровых, лежащих на подъездной дорожке. Так близко друг от друга и так далеко...

В груди защемило, и я сглотнула, не в силах сбросить наваждение. Еще сегодня утром я улыбалась Кириллу перед завтраком, перекинулась парой слов с Филиппом. И вот они мертвы. Лежат без движения на холодной земле.

— Нужно ехать. Охотник в доме, — тихо сказал Влад.

От его присутствия стало немного спокойнее — привычная реакция. Впрочем, сейчас мне только на пользу. Нельзя паниковать.

Я кивнула и быстрым шагом пошла к машине.

Лара обнимала Риту на заднем сиденье, а сестра плакала, закрыв лицо руками. С другой стороны Лина гладила ее по спине и что-то ласково шептала. Я вспомнила слова Филиппа, когда мы только начали общаться: жизнь хищного опасна. Никогда не знаешь, где встретишь смерть.

Многие атли встретили ее сегодня в собственном доме. Нам удалось уйти, но надолго ли?

— Садись. — Влад открыл переднюю дверь машины.

Свет фонарей на дорожке отразился на изогнутом металле пистолета. Я подняла глаза.

— Глеб...

Внутри польхнуло плохое предчувствие, сдавливая, разрывая, сжигая внутренности.

Влад молчал. Взгляда не отвел, смотрел прямо и безапелляционно. Каменный.

Непробиваемый.

Я всхлипнула. Отошла на шаг.

Глаза тут же заполнили слезы — реальность расплылась и померкла. Я боялась думать, анализировать, но мысли, как назло, все лезли и лезли. Удушающие, злые.

Я открыла заднюю дверь, осторожно передала Киру недоумевающей Лине. Повернулась к Владу.

— Где он?

Почти уже не понимала, что делаю. Что-то вело меня — дикое, необузданное — диктуя сценарий, по которому я должна играть.

— Сядь в машину, Полина, — очень настойчиво, даже жестко сказал Влад.

— Где Глеб? Он в доме?

— Даже не думай!

Я и не думала — побежала. Ветер свистел в ушах, кеды скользили по мокрой плитке. Вот они — ступеньки, затем дверь... Я ворвалась в гостиную, осмотрелась. Подняла глаза вверх и застыла — на лестничной площадке в неестественной позе, свесив черноволосую голову на ступеньки, лежал Глеб...

Чьи-то руки выдернули из оцепенения, потянули к двери.

— Охотник в доме, дурочка! Идем.

— Нет!

В мозг хлынула лава, в ушах зашумело, мир завертелся, краски слились. Из груди рычанием выплеснулась боль. Я развернулась, выставила руки вперед, и ударила. Не сдерживая злость, испуг и отчаяние. Разрываемая на куски сожалением и виной.

Я отпустила Глеба на смерть. Не пошла с ним.

В глазах прояснилось, я развернулась и побежала наверх. Не глядя на то, что натворила, не раздумывая.

Упала на колени рядом с другом, схватилась руками за ворот футболки, до треска ткани, но он не пошевелился.

— Вставай! Ну, пожалуйста... Глебушка, родной, поднимайся! — И уже тише, выбившись из сил: — Не бросай меня одну. Слышишь, Измайлов! Вставай!

Лицо друга осталось неподвижным — восковая маска, безжизненная, бледная. А его уже нет... его... нет...

Совсем.

От рыданий болели ребра, живот, голова — все. В мозгу — кровавая каша из воспоминаний, страха, жестоких слов.

«Эти случаи всегда оканчивались бедой...»

И вывод: это из-за меня. Все, начиная с событий того времени, когда я посвятилась. И заканчивая сегодняшним днем.

— Отлично. Ты играешь по сценарию. — Я подняла глаза. Охотник скалился, сложив руки на груди. Вздернутый подбородок, презрительный взгляд. — Как тебе такая плата, Каstellа?

— Подавись! — прошипела я и встала.

Больше не сдерживалась — открыла ладони, позволила обжигающей лаве выплеснуться, достигнуть цели. Охотника отбросило назад, он ударился о перила, перегнулся и грузно полетел вниз.

Не теряя ни секунды, я побежала туда, полная гнева и желания крушить. Дикого, совершенного. Чистая ярость.

Я — огромный спрут, а мои руки щупальца.

Не дожидаясь, пока он поднимется, ударила снова. И опять.

Кожа на руках охотника, пузырилась обугливалась. Он пытался укрыться, рычал и ругался на непонятном языке, а я все била и била до тех пор, пока кен не перестал изливаться из ладоней.

Затем упала на колени, заплакала, не прикрываясь и не прячась — уставшая, обессиленная и готовая умереть.

Охотник поднимется — они исцеляются быстро. Он встанет и закончит все — и боль, и надежды, и отчаяние. Резким движением порвет мою жилу, и я погружусь в темноту — спасительную, теплую. И быть может, забуду. Окажусь в том загадочном месте, напоминающем хельзу. Увижу странного, но приятного мужчину, и он залечит мои раны. Я знаю, только он может...

— Вставай! — резкий голос вырвал из отчаяния, меня грубо подняли на ноги. — Не смей сдаваться!

Я знала этот голос. Ненавидела его и любила — всегда. Даже сейчас. Эта едкая смесь всколыхнулась осадком, заставила повернуть голову.

Бог мой, он едва стоит! Левая бровь рассечена, и из нее струится кровь, заливая глаз, стекая на белую ткань рубашки. Нет, она уже не белая — разорванная, обугленная в районе груди. Исковерканная плоть, почти смертельная рана.

И это сделала я...

— Прости... — прошептала я и отступила на шаг. — Ты прав, это все моя вина.

Сильные руки схватили за плечи, грубо встряхнули.

— Хватит себя жалеть!

Влад рванул меня в сторону, прижал к себе и выставил перед нами руку в неизвестном мне пассе — указательный и средний палец скрещены, а большой отведен в сторону.

Охотник поднялся, тряхнул головой. В глазах — удивление и азарт. Наверное, убить такого хищного, как я, для него будет честью.

Влад произнес несколько слов, как мне показалось, на латыни, и древний попятился, замотал головой. Казалось, тому, что сделал Влад, он удивился еще больше.

— Идем. — Вождь атли потянул меня к выходу. Охотник не шевелился — просто смотрел на меня, а я — на него.

— Рихар, — прошипел он. — Меня зовут Рихар. Чтобы знала, кто убьет тебя.

— Всем абсолютно плевать на то, как тебя зовут, — раздраженно произнес Влад, распахивая дверь и выталкивая меня на улицу.

— Я все равно приду за тобой, Кастелла, — прокричал охотник нам вслед.

Я еле стояла на ногах, но заставила себя идти. Сил почти не осталось, глаза слипались. Исподлобья взглянула на Влада — он решительно смотрел вперед и шел. Почти тащил меня за собой, придерживая и вытирая другой рукой кровь с лица.

Человек, который никогда не сдастся. И я поймала себя на мысли, что восхищаюсь им.

Сейчас, когда почти все потеряно, он продолжает идти.

А я не хочу. Больше ничего не хочу. Так устала...

Словно почувствовав мое настроение, Влад резко остановился, развернул меня к себе. Положил руки на плечи и очень мягко сказал:

— Не смей сдаваться, пророчица! У тебя есть дочь. — Погладил меня по щеке, стирая слезы, смешивая их с собственной кровью, и добавил уже тише: — У нас есть дочь...

Слова о Кире отрезвили, вернули в реальность. Я кивнула, заставила себя собраться. Ноги почти не слушались, но я шла. Десяток метров до машины показались непреодолимыми, я почти повисла на Владе, шаркая ногами по мокрой плитке.

Наконец, ощутила под ладонями холод металла. Облокотилась на багажник, пытаюсь отдышаться, не упасть.

— Скорей, Полина!

За рулем уже сидела Лара, готовая тут же нажать на газ. Влад сел рядом с ней, я упала на заднее сиденье, рядом с Ритой. Сестра уже не плакала — просто смотрела вперед немигающим взглядом, всем видом напоминая статую.

— Что произошло? — испуганно спросила Лара, видимо, увидев увечья Влада.

— Все потом, — ответил он. — Трогай.

Я протянула руку, нащупала ручонку Киры и отключилась.

Глава 35. Мы живы

Я открыла глаза и не сразу поняла, где мы находимся. Машина была припаркована у высокого здания, но фонари ярко светили в окна и слепили глаза. Рита дремала на плече у Каролины, а та крепко прижимала к себе мою дочь. На щеках у деторожденной высохли дорожки из слез. Она смотрела вперед, в одну точку, как недавно Рита.

— Дай мне ее, — попросила я, протягивая руки к Кире. Горло тут же взорвалось режущей болью, голос был не моим и сиплым. Сорвала, наверное, когда кричала в доме.

Думать о произошедшем совсем не хотелось, хотелось забыть: и охотника, и многие события из моей жизни в атли. Казалось, как только я переехала к ним, со мной начали происходить ужасные, не поддающиеся объяснению вещи: смерти, убийства, кровавые ритуалы, параллельные миры, наводненные воинами.

Воспоминания тут же красочно описали, что произошло в доме, но чувств не было. Ни боли, ни страха, ни отчаяния. Даже образ Глеба, лежащего без движения, воспринимался спокойно.

Скорее всего, последствия шока. Внутреннее онемение, и когда оно пройдет...

Лина осторожно передала мне спящую Киру, и я прижала к себе маленький комочек. Тепло шевельнулось внутри, как и всякий раз, когда я прикасалась к ребенку. Глубокое, необъяснимое чувство.

Нет, не все плохо! У меня есть дочь, я люблю ее, и мы живы.

— Где мы? — спросила я, чтобы отвлечься.

Водительское сиденье пустовало, но Влад был в машине — на светлых волосах четко различалась запекшаяся кровь.

— Лара возьмет медикаменты, и поедет, — хрипло сказал он. — Переждем эту ночь, а потом рванем из страны.

Только сейчас я узнала пейзаж — это клиника, где работал Кирилл. Наверное, я плохо соображала и ориентировалась в пространстве. Нужно отдохнуть, выспаться. Желательно без страха быть убитой.

— Где переждем?

— В моей квартире, там уже поставлена защита, Лара лишь усилит ее. Мне нужно отдохнуть, набраться сил. — Он помолчал немного, затем добавил: — Залечить раны.

Это не прозвучало, как упрек, хотя я ждала упреков. Ждала чего-то типа «а я предупреждал», но Влад вел себя так, будто я ни в чем не виновата. И, как ни странно, это лишь усиливало чувство вины.

А еще я подумала о том, что мы все истощены, напуганы и легкая добыча для разъяренного древнего охотника. Глупо думать, что мы продержимся ночь. Но также я понимала, что Влад не сможет ехать в таком состоянии.

Если бы Кирилл был с нами... Но его нет. Защита Лары — вот все, на что мы можем рассчитывать.

— Лина, можешь выйти? — попросила я. Нужно было озвучить внезапно возникшую безумную идею, а взглядов а-ля Лара я просто не выдержу.

Лина нахмурилась, посидела еще несколько секунд, а затем открыла дверь. Легкий

хлопок, и мы уже вдвоем в машине. Спящая Рита и Кира не в счет. Я покосилась на сестру, она даже не пошевелилась. Веки плотно сомкнуты, руки аккуратно сложены на коленях.

— Охотники умеют ставить защиту? Прятаться? — спросила я быстро, воровато поглядывая в окна. Нужно было успеть поговорить с Владом до прихода Лары. Один на один я еще выдержу, одна против всех — сдамся.

— Что ты задумала? — настороженно спросил он, повернулся.

У меня невольно защемило сердце от вида запекшейся крови на лице, спутанных волос, огромной раны на груди, на которую я даже смотреть боялась.

— Не надо... — выдохнула я и отвела взгляд. — Не шевелись. Просто ответь, охотник может спрятать хищного? Замаскировать? Кому знать, как не тебе...

— Ну, допустим.

— Ты понимаешь, что он придет! Рихар... — Я выдавила из себя имя древнего, будто выплюнула гнилую еду. Возникло непреодолимое желание немедленно почистить зубы, кожа покрылась мурашками и противным липким потом. Ненавистный образ стоял перед глазами, скалился. — Нам не продержаться ночь.

Влад молчал. Слушал внимательно и, по-моему, уже понимал, к чему я веду. Я не могла видеть его глаз, выражения лица, но эмоции ощущала явно — неприятие, недоверие, отрицание. И надежду.

— Нельзя допустить, чтобы Кира... — Я запнулась. Страх вернулся, накатил волной, когда представила охотника и младенца в одной комнате. Древнему плевать на возраст. Для него имеет значение лишь ее принадлежность к нашему виду.

— Продолжай.

Нет, даже ледяной тон не остановит меня. Возможно, я действительно с приветом, но моя идея не казалась такой уже безрассудной.

— Андрей хорошо относится ко мне. Если попрошу, он спрячет Киру. На время. И если до завтра древний не придет, мы заберем ее и уедем, куда скажешь. Ты восстановишься, и я. И даже Лара. Мы...

— Хорошо.

Я не ждала быстрого согласия. Признаться, я вообще не ждала согласия, поэтому опешила и замолчала. Влад тоже молчал. Смотрел перед собой, а может, провалился в беспмятство. Мне было страшно, и до безумия захотелось обнять Глеба. Сознание все еще отказывалось принимать тот факт, что он мертв.

Я одна, совершенно одна... Напуганная, растерянная. Но не готовая сдаться.

Лара лихо отворила дверцу, следом за ней — Лина, как по команде. Защитница передела ей пакет с медикаментами, повернулась к Владу, взяла его за руку.

— Только держись, — прошептала ласково и поцеловала его ладонь.

Этот жест не понравился мне. Совсем. И не оттого, что ощущения были смутными, а оттого, что я поняла: проклятие сильнее меня, охотника, смерти и предательства. И если раньше я могла спрятаться от него в выстроенном мной мирке, то теперь прятаться было негде — стены пали. И я почти пала, но все еще ревную его.

— К тебе? — спросила защитница, легко нажимая на педаль газа.

— Заедем кое-куда, — уклончиво ответил Влад и назвал адрес. Хорошо, что Рита спала, иначе точно подняла бы бучу. Не хватало еще паники, а сегодня меня уже достаточно обзывали чокнутой.

То, что Влад так легко согласился, обескуражило и насторожило. Но я не стала

заморачиваться причинами — не до того было. Согласился, и хорошо.

Достала из сумки мобильный, набрала заученный наизусть номер и замерла, слушая длинные гудки.

— Привет, Полина, — бодро поздоровался охотник.

— Ты дома? Есть дело.

— Дома. Приезжай.

Я отключила телефон и поняла, что, по сути, теперь могу доверять только ему. Глеба нет, а в балансировании над пропастью очень важно иметь человека, на которого можно опереться. И из всех моих знакомых я выбрала его — охотника. Мужчину, который по непонятным причинам испытывал ко мне симпатию. Впрочем, она была взаимной.

Лара затормозила у знакомой хрущевки, и я выскочила в ночь. Почти бегом поднялась по лестнице, вспоминая, все ли есть в сумке. Разрываемая противоречивыми чувствами и мыслями, казалось, неспособная оторвать от себя ребенка, но понимая, что иначе никак.

Андрей открыл почти сразу и почти сразу сник.

— Что случилось? — спросил встревоженно, осматривая меня со всех сторон.

— Охотник, — коротко ответила я. — Древний. Нет времени. Нужна помощь.

Рубленные фразы по существу помогали сосредоточиться. Я протянула Андрею сумку и умоляюще посмотрела в глаза.

— Спрячь Киру.

Он вздохнул, отвел взгляд. Показалось, у меня даже сердце перестало биться — я застыла в ожидании вердикта, мысленно скрестив пальцы и умоляя небеса, чтобы он согласился.

— Я совсем не умею с детьми... — пробормотал он, но сумку взял. — К тому же, ей будет плохо со мной, Поля.

— Все лучше, чем со мной. Заберу ее завтра.

Я впервые была в его спальне. Как и кухня, комната была уютной — мягкий ковер на полу, двуспальная кровать, накрытая простеньким плюшевым пледом, на тумбочке роман Кинга с закладкой посередине. Небольшой шкаф из светлого дерева в углу и красивая зеленая штора с ламбрекеном на окне.

Я осторожно положила сверток на кровать, прижалась губами к теплему лбу ребенка, понимая, что если сейчас не уйду, разревусь прям тут.

Нельзя раскисать! Нужно продержаться ночь. Завтра мы уедем, и все будет хорошо.

Дала Андрею четкие инструкции, как кормить ребенка, показала, где лежат памперсы и сменные ползунки. На Киру старалась не смотреть. Она проснулась и заворочалась, поэтому я поспешила выйти в коридор, чтобы не передумать. Недовольное кряхтение младенца давило на психику почище всяких приемов, нужно было идти. К тому же непонятно, сколько продержится Влад. Мы все должны отдохнуть и набраться сил.

В коридоре Андрей поймал мою ладонь, заглянул в глаза.

— От древнего не спрячешься на улицах, Полина.

— Знаю.

— У меня хватит сил, чтобы напустить морок на двоих. — Он вздохнул, и мне показалось, чайные глаза посмотрели умоляюще. — Останься.

Неожиданное тепло разлилось в груди, сдавило горло спазмом. Вспомнился Глеб, его забота — немного грубоватая, но надежная. И последние слова.

Я замотала головой и вырвала руку.

— Не могу.

Зашнуровала кеды и, наплевав на все запреты, крепко обняла охотника.

— Если не вернусь...

Он кивнул.

— Я позабочусь о ней.

Время тянулось невыносимо медленно, хотелось бежать, двигаться, действовать. А еще казалось, что мы едем в ловушку. За закрытой дверью, пусть даже под защитой, мы как на ладони перед разъяренным убийцей.

Лара выринула на главную улицу, нажала на газ. Никто не говорил ни слова. Рита спала, Лина сидела натянутая, как струна, и смотрела перед собой. Влад не шевелился. Может, уснул, а может, провалился в беспамятство.

Я повернулась и посмотрела на мелькающий за окном город, живущий обычной, человеческой, почти неопасной жизнью. Я больше не чувствовала себя частью этого мира. Мой мир был жестоким, циничным, первобытным. В нем выживали сильнейшие. Такие, как древний, который пришел убить нас всех. Впрочем, я сама могла справиться с этим на ура. Мои руки и кен значительно облегчили охотнику задачу.

Квартира Влада уже не казалась такой пугающей. Воспоминания померкли, съежились и засохли. На них наслоились другие — свежие, черные, непроглядные. А еще отчаяние и усталость. Очень хотелось упасть где-нибудь в углу и уснуть. Забыть на время, провалиться в беспамятство. Казалось, болит каждая мышца, каждая косточка, каждый нерв.

Лара усилила защиту и колдовала над раной Влада в спальне, Рита лежала на диване и смотрела в потолок. Сломленная, разбитая потерями и страхом. Лина оставалась с ней, все время держала за руку. Мне было душно, невыносимо душно в четырех стенах. Они словно съезжались, а потолок нависал надо мной, словно норовил раздавить.

Я вышла на балкон. Глотнула свежего воздуха, словно вынырнула из воды — жадно, требовательно. На небе сверкали яркие звезды, панорама захватывала красотой и величием. Чистое, без единого облачка, небо отсвечивало тонким полукругом луны. Ветер стих, тучи рассеялись, и свежий сентябрьский воздух охлаждал лицо. Невыносимо хотелось курить.

— Дай мне сил пройти через это, — прошептала я, глядя ввысь, непонятно, к кому обращаясь. — Дай сил вынести...

Христианский бог не слышал меня, как не слышали древние боги, создавшие Первых. Но где-то вдали, у линии горизонта сверкнула молния. Осветила небо яркой, стремительной вспышкой, как бы говоря: «Я с тобой!».

Защитник атли, мой личный. Неотъемлемая часть моей жизни.

Я забралась в плетеное кресло с ногами и закрыла глаза. Нужно отдохнуть хоть полчаса, расслабиться. Жаль, что Кирилла нет с нами — он бы сварил успокоительный отвар, и я бы сразу уснула. Что ж, придется так.

Мысли тут же унеслись вдаль, в квартиру Андрея. Только бы у него получилось... Я заставила себя успокоиться. Он сказал бы мне, возникни хоть одно сомнение. Он сможет уберечь Киру! Все равно доверить ребенка больше некому.

Я провалилась в суетливый, беспокойный сон. Мне снилась хельза, Вестар, говорящий с Уной. Серьезное лицо владыки было тревожным.

— У вампиров нет зубов, — говорил он, и Уна кивала, соглашаясь.

От этих слов у меня почему-то все заледенело внутри, и сердце забило сильно-сильно, как у котенка. Прошиб холодный мерзкий пот, и я проснулась.

Странный сон, бессмысленный. Меньше надо ужастиков смотреть — их у меня и в жизни хватает. Если выживу, переключусь на слезливые мелодрамы про ванильную любовь.

Я села на кровати, пытаюсь вспомнить, как здесь очутилась.

— Ты уснула на балконе. Так и до воспаления легких недалеко, — услышала со стороны окна тихий голос. — Нельзя быть такой беспечной.

Да уж, сейчас только о беспечности говорить. Беспечной я была тогда, когда совершала непонятный и опасный ритуал, результат которого сейчас и настиг атли. И это еще раз доказывает, что никогда нельзя слушать Влада Вермунда.

— Который час?

Эта комната сильно напоминала прошлое, но оно уже не казалось таким страшным. На фоне сотворенного Рихаром деяния Влада померкли и мало стали похожи на злодейства.

Наверное, я черствую. Какой-то части меня было уже безразлично, что будет с остальными атли. Она — эта часть — устала и хотела отдохнуть. Просто уснуть.

Или умереть.

— Час ночи, — ответил Влад и повернулся. В темноте не различить лица, но я была уверена: он тоже устал. — Завтра утром мы едем в Москву, оттуда улетим в Лондон. Нужно просто переждать.

Я кивнула, откинулась на подушки.

— Не думала, что скажу это, но рада, что ты жив.

— Это обнадеживает.

— И ничего не значит, — безразлично сказала я. — Ты был прав там, во дворе. У нас есть дочь, и нужно сохранить ей жизнь. Но между нами ничего не поменялось. Ты должен был сказать мне сразу. Все — о сольвейгах и своих опасениях. Но ты решил поступить по-своему. Как всегда.

Он пожал плечами и снова отвернулся.

— Ты знаешь, какой я. Знала, когда осталась в доме. Это было твое решение, Полина.

— Я осталась не из-за тебя!

— Очень просто соврать себе. Проще, чем признать: ты хотела остаться. После ритуала ты много раз могла уйти. Но ты осталась. Потому что не можешь без атли.

— Ты — не все племя! — резко сказала я.

— Я вождь племени, это одно и то же. — Он подошел, присел рядом. Невольно захотелось его пожалеть. Раны видно не было, скорее всего, Лара обработала ее и перевязала, и ее скрывала ткань легкого джемпера. Но лицо... Тонкие правильные черты изувечены, раскрашены темным. О цветах судить не бралась, слишком было темно. Наверное, вся радуга — от фиолетового до багрового. — Возможно, именно сейчас нужно перестать себя обманывать.

— И в чем же я себя обманываю? — тихо спросила я. Когда он близко, я плохо соображаю.

Он улыбнулся.

Совершенно не изменился. Даже сейчас уверен во всем, что делает. И, убеждена, ни капельки не раскаивается.

— Отдохни, Полина. Завтра трудный день.

И вышел.

Завтра не наступило. Оно переползло за черту смерти — ту, которая разделяла атли и охотника. Древний пришел в три. Я почувствовала его в подъезде — то ли мой особенный

кен активизировался, то ли Рихар сам хотел, чтобы я знала.

Я не спала. Сидела на подлокотнике кресла и гладила Риту по голове. Наверное, мне просто нужно было что-то делать. Методично. Безотрывно. Впасть в транс, забыть, не думать. Не думать не получалось, особенно в запертой квартире в ожидании смерти. Вдали от собственного ребенка.

Влад обсуждал что-то с Ларой в другой комнате, Лина хлопотала на кухне. Наверное, ей тоже нужно было чем-то заняться, чтобы не сойти с ума.

Я замерла и, наверное, побледнела, так как Рита подняла на меня глаза и замотала головой.

— Мы умрем, — прошептала сквозь слезы. — Мы все умрем.

Хотелось ее успокоить, но я не нашла слов. Понимала, что защита Лары не выдержит долго. И точно не выдержит до утра.

И вдруг пришло решение. Нет, даже не решение — временный выход. Если я смогу выманить охотника, если заставлю его выйти на улицу, остальные атли успеют уйти. Влад уже немного оправился, они заберут Киру и уедут. Мне просто нужно задержать древнего.

— Жди здесь, — сказала я сестре. — Ровно пять минут, а потом иди к Владу, поняла?

— Что ты задумала?

— Делай, как сказала!

Встала и быстро подошла к двери. Пока никто не увидел, пока атли не поняли, что я задумала. Жила приятно заныла и я улыбнулась. Еще поборемся.

Два замка щелкнули, и дверь открылась.

— Спрятались, как крысы? — улыбаясь, спросил Рихар. Бледно-голубые глаза ярко выделялись на покрытом красными ожогами лице. Рыжие волосы свалились и торчали во все стороны неопрятными космами. Одежду он не сменил, она воняла гарью и паленым мясом.

Я поняла, что больше не боюсь его. Слово все его величие, харизма древнего остались в доме атли, а сюда он пришел изувеченным и почти бессильным.

— Неважно выглядишь, — спокойно сказала я.

В глазах древнего мелькнула ярость.

— Выходи и будешь выглядеть не лучше!

— Это будет интересно: только ты и я. Но не здесь. На улице.

— Боишься за своих братьев? — Он хищно прищурился. — Правильно делаешь. Каstellла. Ты умрешь. Вы все умрете. Но вначале трусишка-сестричка.

Я покачала головой.

— Ты не войдешь.

— Не войду, — согласился он. Склонил голову набок и улыбнулся. — Ты слишком мало знаешь о древних, не так ли? Она выйдет.

В следующую секунду мозг вспыхнул болью, уши заполнил противный звон, колени подкосились, и я рухнула на пол в коридоре. Рядом со мной гулко упала большая пепельница из оникса. Едва удерживаясь в сознании, испачкав руку в чем-то теплом и липком, я подняла глаза на охотника.

Рита стояла рядом с ним, за пределами защитного заклинания Лары.

Нет-нет, только не снова. Не хочу больше в этот ад!

— Дерись, — прошипела я, моргая, изо всех сил стараясь не отключиться. Кричать не могла, даже шепот отдавался в голове яркой, пульсирующей болью. — Ты — чистокровная, тебе подчиняется огонь, так действуй.

— Не могу, он влияет на меня! — В голосе Риты ощущались страх и слезы.

Охотник влиял на нее, но оставил в сознании, чтобы она понимала, что происходит. Чокнутый убийца! Ненавижу!

Я встала на четвереньки, выставила вперед ладонь, и охотника отбросило от первого удара. Пошатываясь, поднялась на ноги, переступила барьер и оказалась на гладкой черно-белой плитке босиком.

Здесь и сейчас все решится. Раз и навсегда. Я и древний.

И это правильно.

Моя жила, мой кен словно говорили: так должно быть.

Я ударила еще раз. Такой решимости не ощущала еще никогда. Тетива спружинила, и арбалет выстрелил, выпустив меня на волю. Освободив меня.

— Видишь, Рита, — сказала спокойно. — Всего лишь охотник. Даже я могу сделать ему больно, а я не чистокровна.

Сестра посмотрела удивленно, а потом повернулась к древнему. Подняла руку, и в ней зацвел огонь. Сначала это было небольшое пламя, но через несколько секунд оно превратилась во внушительных размеров огненный шар.

И внезапно я подумала: мы сможем. Мы убьем древнего. А потом Рита пальнула в него.

Древний выставил вперед ладонь, блокируя удар Риты. Огненный шар остановился у его груди, крутясь, словно мячик. Он улыбнулся, и, сделав жест рукой, с легкостью потушил оружие Риты.

Две секунды я стояла в ступоре. Двух секунд ему хватило, чтоб оправиться от удивления.

— Неплохо, — сказал Рихар, жеманно отряхиваясь. — Но не идеально.

И убил мою сестру.

Позади послышались шаги. Я не оглянулась, просто стояла и смотрела на мертвое тело Риты на двухцветной плитке. Открывая и закрывая рот, как рыба на воздухе, не в состоянии ни вдохнуть, ни выдохнуть. Краем глаза заметила, как Влад опустил перед ней на колени, пытаюсь растормошить. Как я тогда Глеба.

Я не слышала ни слова, но зачем-то сказала:

— Уходи.

Он поднял глаза.

— Уходи, он убьет тебя. — И закричала, уже не сдерживаясь: — Уходи в квартиру, слышишь!

Страху все равно, где его источник, потому что его источник внутри нас. И он не отпустит до тех пор, пока мы не отпустим его сами.

Я перевела взгляд на охотника. Влад отпрыгнул, уворачиваясь от смертоносного оружия древнего, и тем самым отрезал себе путь к спасению.

Бежать было некуда, и Рихар посмотрел на него.

Я закрыла глаза.

Мои руки — щупальца, а я — огромный спрут...

Раскрылась. Из жилы к ладоням потек вязкий кен, обжигая вены, убивая страх и нерешительность. Голова закружилась, по коже пробежала приятная дрожь предвкушения. Вот она — сила сольвейга. Вот она — моя суть. Убийца.

Что ж, сейчас это мне пригодится.

И ударила.

Кен выходил не только из ладоней — он бил фонтаном прямо из жилы, ослепляя, причиняя физическую боль. Я была рада боли. Как освобождению. Удар опустошил меня, отбросил назад, и я больно ударилась затылком о стену. Сквозь пелену перед глазами я увидела, как Влад прикрыл глаза рукой.

На древнего не смотрела — не могла. Понимала, что ударить больше не смогу. Голова кружилась и болела, в глаза попала кровь — скорее всего, последствия удара Риты, колени дрожали. Я отползла в угол, спрятала лицо в ладонях и ждала ответного удара. Смерти. Почти хотела ее.

От прикосновения к плечу дернулась, как от удара плетью, и тут же утонула в теплых, надежных объятиях.

— Все хорошо, — прошептал Влад мне на ухо, прижимая к себе и покачивая на руках, как ребенка. — Все кончилось...

— Древний... Рихар, — всхлипнула я, пытаясь освободиться.

— Мертв, — ответил Влад. — Ты убила его.

— Ты не можешь знать! Нужно проверить. И если он жив, бежать далеко, пока он не очнулся, пока... — Слова застряли в горле, я только и могла смотреть на то место, где только что стоял охотник.

— Видишь, — ласково сказал Влад, — только прах.

Тела не было. На его месте большой кучкой рассыпался белесо-серый пепел. И правда, прах. Охотник мертв, рассыпался. И это сделала я.

На пороге квартиры вопреки воспитанию истинной леди, не стесняясь выражений, выругалась Лара.

Я рассмеялась. Громко. Закрывая рот ладонью, чтобы не услышали соседи, чтобы не выбежали посмотреть, что происходит в их спокойном, уютном мире, который теперь был для меня навсегда потерян.

А потом расплакалась. С силой сжимая ткань джемпера Влада, уткнулась носом ему в грудь и ревела, как сумасшедшая.

Живот болел — то ли от рыданий, то ли от выплеска кена. Я стремительно слабела, глаза закрывались сами, головная боль отступала, постепенно отдавая меня темноте.

Влад продолжал убаюкивать меня, пока я не провалилась в беспамятство...

...Потери закаляют, но только те, что не способны сломать.

Когда я открыла глаза, за окном занимался рассвет. Я лежала на своей кровати в доме атли, Влад сидел рядом и встревоженно смотрел на меня.

— Как мы сюда попали? — Попыталась приподняться на локтях, и тут же поморщилась.

Голова ужасно кружилась, болело все тело, внутренности, каждая косточка. Живот ныл невыносимо.

— Мы вернулись позавчера. Утром, после того, как ты убила охотника. — Он поднес к моим губам чашку с жидкостью с противным запахом. — Выпей.

— Что это? — подозрительно поинтересовалась я.

— Карое. Ты истощена.

Я послушно сделала глоток. Фу, какая гадость! По описаниям в летописях Филиппа этот напиток был намного приятнее на вкус.

— То, что произошло в подъезде, вызвало огромный ажиотаж у соседей, и мне пришлось уладить это, — продолжал тем временем Влад. — К тому же Марго... Нужно было похоронить ее. Всех атли.

— Постой, позавчера? Я была в отключке больше суток?

— Ты потратила почти весь кен, Полина. Чуть не умерла. — Он погладил меня по щеке. — А все потому, что снова поступила по-своему, не сказав ни слова. Нам нужно что-то с этим делать. Кни голуб. нет

— С этим ничего не поделаешь, — тихо ответила я. — Мой кен... я сама опасна для атли. То, что я делала в тот день... — Посмотрела на него с горечью. — Я чуть не убила тебя.

— Чуть-чуть не считается, — пошутил он, но как-то невесело. Скорее, чтобы приободрить. Как странно, совсем недавно мне хотелось его придушить, а теперь я снова рада, что он жив. — К тому же, ты выплеснула почти все, что было. Пока снова восстановишься, возможно, мы найдем способ это контролировать.

— Кира! — вскинулась я и хотела уже вскочить на ноги, но Влад уложил меня обратно.

— Не кричи. — Повернулся и указал на кровать. — Разбудишь.

— Ты забрал ее... — облегченно выдохнула я и обмякла.

— В тот же день. Ни о чем не переживай. Отсыпайся, набирайся сил. Я буду здесь или Лина. Все будет хорошо.

— Нет, — я покачала головой. — Не будет. Все мертвы...

— Не все. Нельзя сдаваться. — Влад сжал мою ладонь. — Никогда.

В глазах — только решимость. Ни тоски, ни боли, ни сожаления. Только чертова уверенность.

Как у него это получается? Неужели ему ни капельки не больно? Неужели никогда не хочется опустить руки, на все забить?

— Влад, атли больше нет! — почти выкрикнула я, словно могла таким образом убедить его, заставить понять. — Они мертвы. Филипп, Кирилл, Глеб, Рита... Милая Оля... Что же делать, если не сдать? Куда идти? Зачем?

Он посмотрел на меня пристально и сказал:

— Причина всегда одна. Мы живы.

За окном занимался рассвет. Чистое небо постепенно окрашивалось светло-голубым, солнце сквозило сквозь занавески, проникало в комнату. Я лежала и смотрела, как мир постепенно наполняется светом. Ничего не изменилось. Небо не упало на землю, не обрушило на наши головы камни, из воздуха не исчез кислород.

После заката всегда приходит рассвет, и так до скончания веков. Жизни плевать на смерть, а тем, кто умер, все равно, что происходит с нами. И так будет всегда.

Я закрыла глаза.

Слезы пропитали всю футболку, а она все ревет. Наверное, не стоило так пугать ее — чем меньше знает, тем лучше. Все равно ничем не поможет.

Но, черт возьми, как же хотелось выговориться! Сбросить с себя этот груз, разложить на молекулы, услышать простое «у тебя получится». Она всегда говорит мне это, а к хорошему быстро привыкаешь.

Приподнял ее подбородок — совсем не изменилась. Такая же рева.

— Ну, хватит, Даша.

— Хорошо, извини... Я просто так рада, что ты приехал! Что жив.

Глядя ей в лицо, я ощутил гордость. Красивая. С каждым годом становится все больше похожей на мать. Удивлен, как она еще не выскочила замуж и не нарожала детишек. Не верится, что у нее нет поклонников среди бренди.

— Замечательно выглядишь, Дашка!

Она улыбнулась и потащила меня наверх — совсем, как в детстве. Тогда после школы мы долго засиживались у скади, играли в шахматы, и Даша хмурилась, когда проигрывала. Она всегда проигрывала, когда я не поддавался.

Хорошие были времена. Хотя мрачно все лишь у нас, в Липецке. У скади все так же светло, как и раньше. Место жительства сменили, а уют остался.

Я дал Алишеру знак оставаться в гостиной. Азиат слегка кивнул и присел на краешек дивана.

— Стремный он, — заметила Даша, открывая дверь в свою спальню.

Даже здесь она не меняется — огромное светлое пространство с минимумом мебели. Простор для мыслей и идей, никакой захламленности — все, как я люблю.

— Зато сильный. Атли нужны сильные воины. — Упав на кровать, я лукаво прищурился: — Ты живешь здесь одна?

— Я встречаюсь с Ричардом Гремом, но у него отдельная комната, — смутилась Даша и присела рядом.

— Моралистка, — рассмеялся я.

— Развратник! — парировала она и тоже улыбнулась.

Ее присутствие, свет, который она излучала, тепло... Я даже не думал, что можно так соскучиться по человеку. Век бы оставался здесь, в туманном Лондоне, вдали от проблем.

Хотя нет, я не такой.

— Где твой братец? Снова в разъездах?

— Ты же знаешь Эрика! — Даша закатила глаза. — Весь в поисках. Сейчас где-то в Украине, а может, уже и нет. Милая Элен все глаза выплакала, а ему как с гуся вода.

— Странно, что ты все еще пытаешься его женить.

— Я не верю в бредни про кан. Рано или поздно он поймет, что придется жить здесь. — Она нахмурилась и сменила тему: — Я боюсь за тебя.

Ну вот, началось! Хотя, признаться, забота подкупает. Непривычно, но приятно.словно в другой мир попал. И не верится, что когда-то мой мир был таким же. Как же общение с драугром влияет на жизнь...

— Все равно уже ничего не изменить, — я пожал плечами и закрыл глаза.

Нет, все же здесь хорошо. Остаться что ли на пару дней? Нужно продумать дальнейшие действия, колдун наверняка уже в городе. Готов к феерическому появлению. Ну и пусть, козырь все равно у меня.

От этой мысли по телу разлилось злорадное удовольствие.

— Когда я думаю, чем и ради чего ты рискуешь... — Даша замолчала.

— Будто у меня осталось что-то еще. Древний забрал все, забыла? — Я поморщился, вспомнил, как все закончилось.

Что ж, меня сложно удивить, но она смогла. Действительно не ожидал. Сильна, ничего не скажешь. Будь все по-другому, я вполне нашел бы применение этой мощи. Жаль, что все так, как есть, и придется этого лишиться.

Но у этих способностей есть и другая сторона. А еще ее характер... Я становлюсь слабым рядом с ней, это невозможно не признать. Наверное, будет сложнее, чем предполагалось, но разве Вермунды отступают? Я слишком долго к этому шел, слишком много поставил на кон.

Улыбнулся. Нужно верить в себя. Только так можно хоть чего-то достичь.

Поверишь ты — поверит весь мир.

К тому же, у меня нет выбора. Назад дороги нет. Личное нужно оставить и следовать плану.

В глазах Даши горела тревога. Глупенькая. Словно меня можно сломать.

— Ну, перестань, — проворчал я и протянул к ней руку. Она тут же оказалась рядом, теплая, любящая. Словно не из моего мира. Впрочем, так и есть. — Ты должна верить в меня, слышишь.

— Я верю, — прошептала она. Помолчала немного и добавила: — Мне жаль ее. Полину.

Я погладил ее по голове. Тяжело с женщинами о таком говорить. Они всегда сочувствуют, особенно такие, как Дашка.

— Нам всем приходится чем-то жертвовать. Иногда это сложно понять и принять, но ты, как никто, должна знать. Когда-нибудь ты будешь править скади.

— Ты прав. Племя важнее личных интересов. Но чисто по-женски, мне ее жаль.

Я ничего не ответил. Возможно, она права, и я действительно чудовище. Странно, что это воспринимается просто, без истерик и угрызений совести, которые непременно должны были возникнуть у того, кто совершил подобное. У меня их не было. Только уверенность: я все делаю правильно. Так зачем сомневаться?

Нужно просто все взвесить и принять то решение, которое принесет меньше потерь. Я и так рисковал многим, почти подставился. Еще один неверный шаг — и уже не смогу ничего решать. Этого просто нельзя допустить.

Здесь, в Лондоне, рядом с Дашей, в уютной атмосфере я действительно кажусь монстром. Но в Липецке, на руинах — все совершенно иначе. И я готов к последствиям. В конце концов, самое сложное — пересилить себя, побороть собственные слабости.

Да и поздно думать и сожалеть. Ставки давно сделаны. Игра началась.

Больше книг на сайте - Knigolub.net